

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

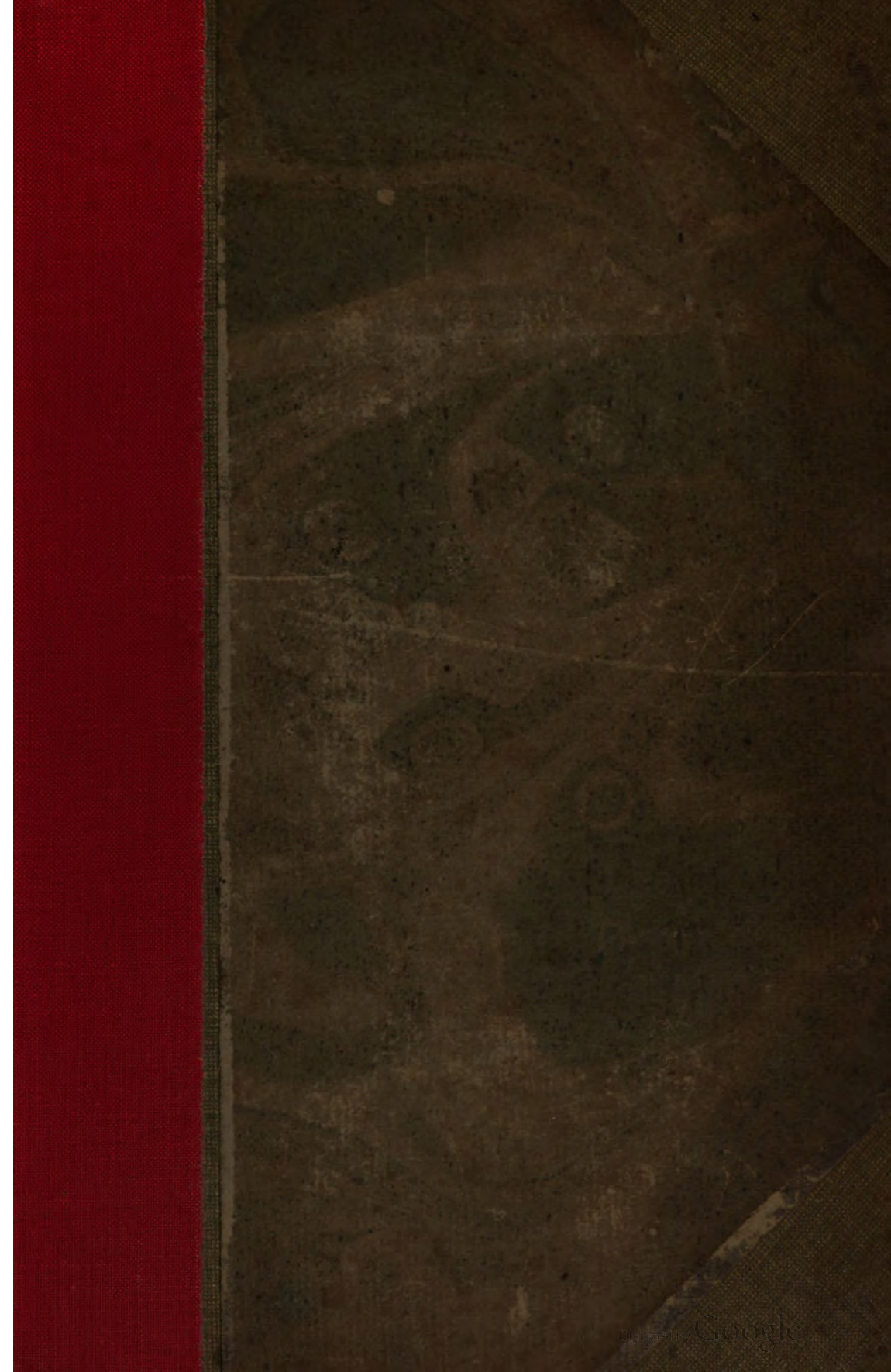
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

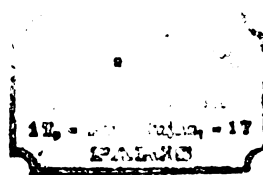

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Voskresenskiĭ, V.A.
В. ВОСКРЕСЕНСКИЙ.

РУССКАЯ

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ.

СБОРНИКЪ

СКАЗОКЪ, БЫЛИНЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ И БЫТОВЫХЪ
ПѢСЕНЪ, ОБРЯДОВЪ, ПОСЛОВИЦЪ, ЗАГАДОКЪ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

(Подъ редакціей В. Яковлева).

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ Н. П. КАРБАСНИКОВА.
1902.

PG-3110

V6

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Предлагая въ *Сборникъ* пособіе при изученіи народной словесности, мы считали необходимымъ остановиться на такомъ *количествѣ* произведеній, которое дало бы хотя нѣкоторое представленіе о замѣчательномъ богатствѣ и разнообразіи формъ народнаго творчества, о чуткости поэзіи къ историческимъ и бытовымъ явленіямъ жизни, о ея глубокомъ и серьезномъ значеніи въ быту нашего народа. Для теоретическаго изученія формъ народной поэзіи достаточно, разумѣется, взять одну-двѣ былины, двѣ-три сказки и пѣсни, и на этомъ матеріалѣ показать отличіе народной поэзіи отъ художественной и однѣхъ поэтическихъ формъ отъ другихъ; но для знакомства съ народомъ, — его вѣрованіями и убѣжденіями, историческими судьбами и идеальными стремленіями, — насколько все это выразилось въ поэзіи, — такого количества болѣе чѣмъ недостаточно: заключенія, основанныя на незначительномъ числѣ фактовъ, въ лучшемъ случаѣ, должны отличаться односторонностью и случайностью.

При *выборѣ* произведеній обращалось одинаковое вниманіе и на *содержаніе*, и на *форму*, т. е. на языкъ и художественность изложенія. Въ народномъ произведеніи форма съ содержаніемъ расходится несравненно рѣже, чѣмъ въ художественномъ: сказка или былина, замѣчательная по языку и изложенію, обыкновенно бываетъ многозначительна и по содержанію; въ тѣхъ же немногихъ случаяхъ, когда содержаніе не отвѣчало формѣ, преимущество отдавалось этой послѣдней; недостатки же со стороны содержанія восполнялись вариантами изъ другихъ пѣсень.

Расположеніе матеріала, за исключеніемъ развѣ пѣсень, не представляетъ существенныхъ отступленій отъ общепринятаго дѣленія народной поэзіи на роды и виды: намъ принадлежитъ только детальная группировка матеріала и многочисленныя рубрики, которымъ мы придаемъ исключительно школьное значеніе. Въ одномъ и томъ же произведеніи обыкновенно выражаются различныя стороны народнаго духа, разнообразныя черты нравовъ и быта, слѣды исторіи, элементы національныя и общечеловѣческіе, свои и извнѣприведшіе; но, разумѣется, чаще всего въ одномъ произведеніи яснѣе обнаруживаются или легче поддаются изученію одни элементы, въ другихъ — другіе. Предложенныя нами рубрики

указываютъ только, на какую сторону слѣдуетъ обратить вниманіе въ данной группѣ, какія свойства народной фантазіи и какія особенности народнаго ума и чувства обнаружались въ ней съ особенной яркостью; но это указаніе, конечно, не устраняетъ необходимости изученія и другихъ сторонъ, если нельзя считать ихъ уже извѣстными *).

Ниже указанъ матеріалъ, которымъ мы пользовались при составленіи *Сборника*.

Примѣчанія, за исключеніемъ немногихъ, и описаніе обрядовъ заимствованы изъ тѣхъ же сборниковъ.

Передѣлки и исправленія поэтическаго матеріала безусловно не допускались. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ встрѣтятся пропуски, отмѣченные точками. Опускались или повторенія, съ оговоркою въ примѣчаніи, или отдѣльныя слова и выраженія, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ умѣстныя въ книгѣ, предназначенной для школы и семьи. Пропуски во всякомъ случаѣ настолько маловажны, что не нарушаютъ ни полноты содержанія, ни характера формы дѣлаго.

Въ ореографическомъ отношеніи заимствованія сдѣланы съ *буквальною* точностію изъ сборниковъ *Афанасьева*, *Гильфердинга*, *Рыбникова*, *Киртеевскаго* и *Кириши Данилова* (въ послѣднемъ — за исключеніемъ прописныхъ буквъ и — иногда — знаковъ препинанія); въ заимствованіяхъ изъ остальныхъ допускались незначительныя ореографическія отступленія въ направленіи общепринятаго правописанія.

При составленіи *Сборника* мы пользовались слѣдующимъ матеріаломъ:

Сокращенія:

Арист.	<i>Аристовъ, Н.</i> Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсень. Воронежъ. 1875.
Ао. Ск.	<i>Афанасьевъ, А. II.</i> Народныя русскія сказки. 4 книги. Изданіе второе, вновь пересмотрѣнное, К. Солдатенкова. М. 1873. — <i>Его-же.</i> Народныя русскія легенды. Изданіе Н. Щепкина и К. Солдатенкова. М. 1859.
Бул.	<i>Буслаевъ, Ѳ.</i> Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861.
Варенц.	<i>Вареницовъ, В.</i> Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860.
Варенц., Сб. п.	<i>Вареницовъ, В.</i> Сборникъ пѣсень Самарскаго края. Изд. Н. А. Серно-Соловьевича. Спб. 1862.
Г.	<i>Гильфердингъ, А. О.</i> Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Г. лѣтомъ 1871 г. Съ двумя портретами онежскихъ рапсо-довъ и напѣвами былинь. Спб. 1873 (стр. LVI+1336).
Даль.	<i>Даль, Владиміръ.</i> О повѣрьяхъ, суевѣріяхъ и предразсудкахъ русскаго народа. Изд. второе, безъ перемѣнъ (Изд. М. О. Вольфа). Спб. 1880.

*) Во второмъ изданіи нѣкоторыя рубрики измѣнены.

Сокращенія:

- Д. *Даль, В.* Пословицы русскаго народа. Сборникъ пословицъ, поговорокъ, речений, присловій, частоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и пр. Изд. Имп. О. Н. и Др. Р. при Моск. Унивѣрситетѣ. М. 1862 (Стр. XL+1095+6).
- Кириша. *Древнія російскія стихотворенія*, собранныя *Киришею Даниловымъ*. Изд. третье Комиссiи печатанiя Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, состоящей при Москов. Гл. Архивѣ М. И. Д., по 2-му полному изданiю, съ по-
тами. М. 1878. (Стр. XXV+296).
- Кириѣвск. *Пѣсни*, собранныя П. В. *Кириѣвскимъ*, изданы Обществомъ Любителей Россiйской Словесности (подъ редакцiей и съ дополненiемъ П. Безсонова). 10 выпусковъ. М. 1860—1874.

(Выпуск. 1—7: *Былины и пѣсни до XVII в. включи-
тельно*; выпускъ 8: *Государь царь Петръ Алексѣевичъ*;
выпускъ 9: *Восемнадцатый вѣкъ въ русскіхъ историче-
скихъ пѣсняхъ*; выпускъ 10: *Нашъ вѣкъ въ р. истор.
пѣсняхъ*).

Миллеръ, О. Христоматiя къ Опыту историческаго обозрѣнiя русской словесности. Изд. 2-е, дополненное. Ч. 1. В. 1. Отъ древнѣйшихъ временъ до татарщины. Спб. 1866.

П. Сб. *Пермскій Сборникъ*. Повременное изданіе. Кн. I. М. 1859.
Кн. II. М. 1860

(Весьма обстоятельное описаніе свадебнаго обряда
гор. Чердыни).

Рыбн. *Пѣсни*, собранныя П. Н. *Рыбниковымъ*. Народныя былины, старины, побывальщины (и пѣсни IV ч.). IV части. М. 1861—1867.

Сад. Заг. *Садовниковъ, Д.* Загадки русскаго народа. Сборникъ зага-
докъ, вопросовъ, притчъ и задачъ. Спб. 1875.

Сахаровъ. Сказан. *Сахаровъ, И.* Сказанія русскаго народа. 2 т. Спб. 1841.
(т. 1-й)—1841 (т. 2-й).

(Т. 1 й Р. народн. литература.—Очеркъ семейной р.
жизни.—Русскія народныя пѣсни.—Памятники древн. р.
литер. (Былины; Сл. о полку Игор. и др.); Т. 2-й: Старые
словари р. яз. —Р. народныя свадьбы.—Р. народ. годов-
щина.—Путешествiя р. людей).

Сн. *Снегиревъ, И.* Русскія народныя пословицы и притчи; из-
данныя И. С-мъ, съ предисловіемъ и дополненiями. М. 1884.

Сн. Р. пр. пр. *Снегиревъ, И.* Русскіе простонародные праздники и суевѣр-
ные обряды. IV выпуска. М. 1837—1839.

(В. 1-й: Общій обзоръ. Введеніе. В. 2-й: Святки.
Авсень. Масляница. В. 3-й: Красная горка. Семпкъ и
мн. др. В. 4-й: Русалія. Купало. Ярило и мн. др. Свадьбы).

Терещ. Б. Р. II. *Терещенко, А.* Бытъ русскаго народа. VI частей. Спб. 1848.

(Ч. 1 я: Народность. Жилища. Домоводство и др. Ч. 2-я.
Свадьбы. Ч. 3-я: Времячисленіе. Крещеніе. Похороны
и др. Ч. 4-я: Игры. Хороводы. Ч. 5—7: Простонарод-
ные обряды).

- Учитель. *Учитель.* Журналъ для наставниковъ, родителей и пр., издаваемый І. Паульсономъ и Н. Весселемъ. Т. III. Спб. 1863.
- Худяковъ, И. А.* Великорусскія загадки. М. 1861 (Вошли въ Сб. Садовникова).
- III. *Шейнъ, П. В.* Русскія народныя пѣсни. Изд. Имп. О. И. и Др. Р. при М. Университетѣ. 1860.
- Якушк. *Якушкинъ, П.* Русскія пѣсни. Спб 1860.

Кромѣ названныхъ, служили для сравненія *Р. сказки* И. А. Худякова, *любочныя изданія сказокъ*, *Пѣсенникъ полный р.*, содержащій въ себѣ 500 пѣсень, М. 1878, изъ котораго взяты двѣ общеизвѣстныя пѣсни.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Первое изданіе „Русской народной поэзіи“ В. А. Воскресенскаго вышло въ свѣтъ въ 1881 году во время полного господства *миѳологической* теоріи. Сообразно съ этой теоріей и разбитъ составителемъ на рубрики хрестоматическій матеріалъ. Въ настоящее же время—какъ извѣстно—утвердилось въ наукѣ *историко-сравнительное* направленіе, во многихъ отношеніяхъ расшатавшее ученіе Гримма,—поэтому въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ (см. сказки, быliny) рубрики пришлось видоизмѣнить. Кромѣ того, представилась возможность добавить примѣчанія, почерпнутыя изъ новѣйшихъ научныхъ трудовъ, которыми составитель „Русской народной поэзіи“ не могъ въ свое время воспользоваться. Что же касается до состава хрестоматическаго матеріала, то слѣдуетъ сказать, что въ общемъ онъ сохраняетъ прежній характеръ, несмотря на нѣкоторыя сокращенія и добавленія.

В. Я.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. СКАЗКИ.

A. Сказки—въ собственномъ смыслѣ.

Стр.

Лисичка-естричка и волкъ	2—3
Старая хѣбъ-соль забывается	3—4
Лиса и журавль	4—5
Мужикъ, гедвѣдъ и лиса	5—6
Лиса-плача	6—7
Лихо однолазое	7—8
Морской царь и Василиса Пре- мудрая	8—13
Звѣриное молоко	13—19
Сивко-бурка	19—20
Королевичъ и его дядька	20—24
Баба-Яга	24—25
Лутонька	25—26
Бошей	27—34
Разсказъ о вѣдьмѣ	34—35
Коровья смерть	35
Сестрица Алѣнушка, братецъ Иванушка	35—37
Объ ужакѣ	37—39
Правда и Кривда	39—41
Горе	41—44
Горшечникъ	44—45
Морозко	45—46
Три царства: мѣдное, серебря- ное и золотое	46—49
Иванушко-дурачокъ	49—51
Золотая рыбка	51—53
Знахарь	53—54
Дока на доку	54—55

B. Сказки-пофывальщины.

Изъ сказки: Исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ- Муромцѣ и Соловѣ-разбой- никѣ	56—58
Алѣша-Поповичъ	55—60

B. Сказки книжнаго проис- хожденія.

a) Историческія.

Сказаніе объ Александрѣ Ма- кедонскомъ	61
Изъ сказки: Про Мамая-без- божнаго	61—65

б) Бытовыя (сатирическія).

Списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ былъ судъ у Леша съ Ершомъ	65—68
---	-------

в) Религіозныя (легенды).

Объ отцѣ Николаѣ	68—69
Аника-воинъ	61—70

II. ПѢСНИ ЭПИЧЕСКІЯ.

1. Былины.

Оника-воинъ	84—85
Самсонъ богатырь	85—88
Святогоръ	88—91
Вольга	91—95
Микула Селяниновичъ и Вольга Святославичъ	95—99
Садко богатый гость	99—106
Вислій Буслаевъ	106—119
Чурила Пленковичъ	119—123
Дюкъ Степановичъ	123—130
Соловей Будиміровичъ	130—135
Илья Муромецъ	135—156
Добрыня Никитичъ	157—168
Алѣша Поповичъ	168—171
Отчего перевелись богатыри на Святой Руси	171—173

2. Историческія пѣсни.

Калинъ-царь	173—174
Щелканъ Дудентьевичъ	174—176
Михайлъ Казариновъ	176—177
Царь Вахметъ и Авдотья Ря- заночка	177—178
Взятіе Казани	178
Грозный царь Иванъ Василье- вичъ	178—182
Покореніе Сибири	182—184
Смерть Грознаго царя Ивана Васильевича	184
Семейная жизнь Петра I-го	184—187

3. Духовные стихи.

Иерусалимская бесѣда	187—189
Голубиная книга	189—196
О Георгіѣ Храбромъ	196—202

III. ПѢСНИ ЛИРИЧЕСКІЯ.

I. Дѣтскія	203—210
II. Пѣсни про любовь	210—217
III. Свадебныя пѣсни	217—229
IV. Пѣсни про семейную жизнь	229—234
V. Причитанія по покой- нику	234—236
VI. Пѣсни, сопровождаю- щія игры, развлеченія, бесѣды	236—256

VII. Пѣсни, обусловленныя различ-
ными особенностями быта.

а) Солдатскія, б) Казацкія, в) Бурлацкія, г) Разбойничьи, д) Раскольничьи	256—261
---	---------

IV. ОБРЯДЫ И ПѢСНИ, ИХЪ
СОПРОВОЖДАЮЩІЯ.

1. Жертвоприношеніе.

а) Опахиваніе. б) Жертвопри- ношеніе водяному	262—264
--	---------

2. Заклинанія и окликанія.

А) Встрѣча и проводы солнца. Б) Встрѣча и проводы вес- ны. В) Купальница. Г) Окли- каніе Георгія. Д) Обѣтны (жертвенный) пирогъ пр: посѣвъ. Е) Заклинаніе жнивь. Ж) Коляда и Овсень. З) Мѣ- сляница. И) Заклинаніе мѣ- роза	264—279
---	---------

V. ЗАГОВОРЫ 280—2

VI. ПОСЛОВИЦЫ 283—285

1) Мнѣнческія	283
2) Историческія	284
3) Бытовыя	283—292

VII. ЗАГАДКИ 293—303

Главнѣйшія погрѣшности.

Стран.	Стр. сверху:	Напечатано:	Читаетъ:
29	18	прицѣпилъ къ золотому кольцу,	прицѣпилъ коня къ золотому кольцу,
136	10	поле.	паль.

І. СКАЗКИ.

„Фантастическій эпосъ сказокъ собранъ, а также и изслѣдованъ, далеко не вполне. Происхожденіе и сущность сказки еще остаются вопросомъ. Она не была остаткомъ древнѣйшей арійской мифологіи, — какъ думали братья Гриммы, Максъ Миллеръ и др. и наши изслѣдователи мифологической школы, — потому что однородное встрѣчается и внѣ арійскаго племени. Она не была также остаткомъ дикаго состоянія челоуѣчества, какъ утверждала теорія Лэнга. Преобладаетъ мнѣніе, что источникъ сказки есть древне-арійское, въ частности индійское, и этическое творчество, произведенія котораго распространялись разселеніемъ племенъ или устной передачей или также путемъ письменныхъ памятниковъ, какъ и въ болѣе позднюю пору наблюдается необычайное распространеніе такъ называемыхъ переходныхъ сказаній. Вообще сказки отличаются замѣчательнымъ сходствомъ у разныхъ народовъ не только по основнымъ темамъ, но и по частнымъ подробностямъ; и новѣйшіе изслѣдователи сказокъ, отмѣчая удивительный фактъ чрезвычайнаго распространенія этого фантастическаго эпоса, отказываются видѣть въ нихъ отраженіе народнаго характера. Это конечно не исключаетъ факта, что національность налагаетъ свои краски на самое изложеніе: сказка вступала въ извѣстное взаимодействіе съ эпосомъ мифическимъ и героическимъ; сказочныя существа размножали, такъ называемую, низшую мифологію; наконецъ, даже въ высокоразвитыхъ литературахъ сказка могла вновь пріобрѣтать свою роль: напоминаніе о забытой поэзіи народа освѣжало фантазію и пробуждало интересъ къ самымъ народнымъ массамъ. Востокъ, издавна создавшій богатые собранія сказочнаго матеріала (индійскія, арабскія, тюркомонгольскія и т. д.), считался въ особенности очагомъ сказочнаго творчества, и дѣйствительно здѣсь съ особенною силой проявлялась эта *Lust zum Fabuliren*, что какъ будто подтверждается и новѣйшими сборниками: тамъ, гдѣ европейскіе пересказы, въ томъ числѣ наши, бываютъ отрывочны, какъ будто торопливы, восточные пересказы идутъ спокойно, обстоятельно, отчетливо указывая всѣ подробности. Причина этого различія между

прочимъ, вѣроятно, въ томъ, что восточная сказка, записываемая теперь, еще сохраняется въ первоначальномъ настроеніи народной фантазіи какъ серьезное поэтическое дѣло, когда въ нашей жизни она уже доживаетъ свой вѣкъ только въ кругу старыхъ сказочницъ (какъ знаменитая Арина Родионовна и подобныя)“.

(А. Н. Липинъ. Исторія русской литературы. Т. III. стр. 158—159).

Сказки №№ 1—5 принадлежатъ къ животному эпосу; въ сказкахъ №№ 6—16 преобладаетъ фантастическій характеръ; въ №№ 17—19 нравоучительный; въ №№ 20—25 бытовой.

А. Сказки—въ собственномъ смыслѣ.

1. Лисичка-сестричка и волкъ.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говорить бабѣ: „ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой“. Наловилъ рыби и везетъ домой цѣлой возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ какъ мертвая. „Вотъ будетъ подарокъ женѣ“, сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать потихоньку изъ воза все по рыбкѣ да по рыбкѣ, все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу, и сама ушла. „Ну, старуха, говорить дѣдъ, какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу“. — Гдѣ? „Тамъ на возу—и рыба, и воротникъ“. Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: „ахъ ты, старой хрѣнъ! такой-сякой! ты

еще вздумалъ обманывать!“ Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего. А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучу, сѣла и ѣсть себѣ. На встрѣчу ей идетъ волкъ: „здравствуй, кумушка!“ — Здравствуй, куманекъ! „Дай мнѣ рыбки!“ — Налови самъ, да и ѣшь. „Я не умѣю“. — Эка, вить я-же наловила; ты, куманекъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ пролубъ — рыба сама на хвостъ нацѣпляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь. Волкъ пошелъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ пролубъ: дѣло-то было зимою. Ужъ онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ, хвостъ его и приморозило; попробовалъ было приподняться: не тутъ-то было. „Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!“ думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго: „волкъ, волкъ! бейте его! бейте его!“ Прибѣжали и начали коло-

титъ волка—это коромысло, кто ведро, чѣмъ кто попалъ. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. „Хорошо же, думаетъ, ужъ я тебѣ отплачу, кумушка!“

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стануть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжать. А волкъ ей на встрѣчу: „такъ-то учишь ты? меня всего исколотили!“—Эхъ, куманекъ, говоритъ лисичка-сестричка, у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ, меня больнѣй твоего прибили; я на силу плетусь. „И то правда, говоритъ волкъ: гдѣ тебѣ, кумушка, ужъ идти; садись на меня, я тебя доведу“. Лисичка сѣла ему на спину, онъ ее и понесъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ, да потихоньку и говоритъ: „битый небитаго везетъ, битый небитаго везетъ!“—Что ты, кумушка, говоришь? „Я, куманекъ, говорю: битый битаго везетъ“.—Такъ, кумушка, такъ!—Давай, куманекъ! построимъ себѣ хатки. „Давай, кумушка!“—Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную. Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ—лубяную, а волку—ледяную, и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и растаяла.—А, кумушка! говоритъ волкъ, ты меня опять обманула, надо тебя за это съѣсть. „Пойдемъ, куманекъ, еще поконаемся, кому-то кого достанется ѣсть“. Вотъ лисичка-сестричка привела его въ лѣсъ

къ глубокой ямѣ и говорить: „прыгай! если ты перепрыгнешь черезъ яму—тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь—мнѣ тебя ѣсть“. Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. „Ну, говоритъ лисичка, сиди же тутъ!“—и сама ушла.

(Аѳ. Ск. I, 1—3).

(Записана въ Бобровск. у. Воронежск. губ.).

2. Старая хлѣбъ-соль забывается.

Попался было бирюкъ въ капканъ, да кое-какъ вырвался и сталъ пробираться въ глухую сторону. Завидѣли его охотники и стали слѣдить. Пришлось бирюку бѣжать черезъ дорогу, а на ту пору шелъ по дорогѣ съ поля мужикъ съ мѣшокъ и цѣпомъ. Бирюкъ къ нему: „сдѣлай милость, мужичокъ, схорони меня въ мѣшокъ! за мной охотники гонятся“. Мужикъ согласился, запряталъ его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плеча. Идетъ дальше, а на встрѣчу ему охотники. „Не видалъ ли, мужичокъ, бирюка?“ спрашиваютъ они.—Нѣтъ, не видалъ! отвѣчаетъ мужикъ. Охотники поскакали впередъ и скрылись изъ виду. „Что, ушли мои злодѣи?“ спросилъ бирюкъ.—Ушли. „Ну, теперь выпусти меня на волю“. Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ его на вольный свѣтъ. Бирюкъ сказалъ: „а что, мужикъ, я тебя съѣмъ!“—Ахъ, бирюкъ, бирюкъ! я тебя изъ какой неволи выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь! „Старая хлѣбъ-соль забывается“, отвѣчалъ бирюкъ. Мужикъ видитъ, что дѣло-то плохо, и говоритъ:

„ну коли такъ, пойдѣмъ дальше, и если первой, кто съ нами встрѣтится, скажетъ по твоему, что старая хлѣбъ-соль забывается, тогда дѣлать нечего—сѣвѣшъ меня!“ Пошли они дальше. Повстрѣчалась имъ старая кобыла. Мужикъ къ ней съ вопросомъ: „сдѣлай милость, кобылушка - матушка! разсуди насъ. Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ хочетъ меня сѣвѣть!“ и разсказалъ ей все, что было. Кобыла подумала-подумала и сказала: я жила у хозяина двѣнадцать лѣтъ, принесла ему двѣнадцать жеребятъ, изъ всѣхъ силъ на него работала, а какъ стала стара и пришло мнѣ не въ моготу работать — онъ взялъ да и стащилъ меня подъ яръ; ужъ я лѣзла-лѣзла, насилиу вылѣзла, и теперь вотъ плетусь, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!“ — Видишь, моя правда! молвилъ бирюкъ. Мужикъ опечалился и сталъ просить бирюка, чтобъ подождать до другой встрѣчи. Бирюкъ согласился и на это. Повстрѣчалась имъ старая собака. Мужикъ къ ней съ тѣмъ-же вопросомъ. Собака подумала-подумала и сказала: „служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его дождь и скотину, а какъ состарѣлась и перестала брехать ¹⁾ — онъ прогналъ меня со двора, и вотъ плетусь я, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!“ — Ну, видишь, моя правда! Мужикъ еще пуще опечалился и упрямилъ бирюка обождать до

третьей встрѣчи, а тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли хлѣба-соли моею не помнишь. Въ третій разъ повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ повторилъ ей свой вопросъ. Лиса стала спорить: „да какъ это можно, чтобы бирюкъ, эдакая большая туша, могъ помѣститься въ эдакомъ маломъ мѣшкѣ?“ И бирюкъ и мужикъ побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не вѣрила, и сказала: „а ну-ка, мужичокъ, покажь, какъ ты сажалъ его въ мѣшокъ-то!“ Мужикъ разставилъ мѣшокъ, а бирюкъ всунулъ туда голову. Лиса закричала: „да развѣ ты одну голову пряталъ въ мѣшокъ?“ Бирюкъ влѣзъ совсѣмъ. „Ну-ка, мужичокъ, продолжала лиса, поважи, какъ ты его завязывалъ?“ Мужикъ завязалъ. Ну-ка, мужичокъ, какъ ты въ полѣ хлѣбъ-то молотилъ?“ Мужикъ началъ молотить цѣпомъ по мѣшку. „Ну-ка, мужичокъ, какъ ты отворачивалъ?“ Мужикъ сталъ отворачивать, да за дѣлъ лису по головѣ и убилъ ее до смерти, приговаривая: „старая хлѣбъ-соль забывается!“

(Ае. Ск. I, 43—45).

(Записана въ Черноярскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи).

3. Лиса и Журавль.

Лиса съ журавлѣмъ подружилась, даже покумились съ нимъ у кого-то на родинахъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его къ себѣ въ гости: „приходи, куманекъ! приходи, дорогой! ужъ я какъ тебя угощу!“ Идетъ журавль на званой пиръ,

¹⁾ Лаять.

а лиса наварили манной каши и размазала по тарелкѣ. Подала и подбиваетъ: „покушай, мой голубчикъ-куманѣкъ! сама страпала“. Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучаль-стучаль, ничего не попадаетъ! а лисица въ это время лижетъ себѣ да лижетъ кашу, такъ всю сама и скушала. Каша съѣдена; лисица и говоритъ: „не безсудъ, любезный кумъ! больше подбивать нечѣмъ“. — Спасибо, кума, и на этомъ! Приходи ко мнѣ въ гости. На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наклалъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: „кушай, кумушка, право больше нечѣмъ подбивать“. Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина, и такъ зайдетъ, и этакъ, и лизнетъ его, и понюхаетъ-то, все ничего не достаетъ! не лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ клюетъ себѣ да клюетъ, пока все поѣлъ. „Ну, не безсудъ, кума! больше угощать нечѣмъ“. Взяла лису досада, думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла какъ несолоно хлебала. Какъ аукнулось, такъ и откликнулось! Съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлемъ — врозь.

(Ае. Ск. I, 51—52). Записана въ Тверской губ.).

4. Мужикъ, медвѣдь и лиса.

Пахалъ мужикъ ниву; пришелъ къ нему медвѣдь и говоритъ ему: „мужикъ, я тебя сломаю!“ — Нѣтъ, не замай (не трогай); я вотъ сѣю рѣпу, себѣ возьму хоть корешки,

а тебѣ отдамъ вершки. „Быть такъ, сказалъ медвѣдь, а коли обманешь — такъ въ лѣсъ по дрова ко мнѣ хоть не ѣзди!“ Сказалъ и ушелъ въ дуброву. Пришло время: мужикъ рѣпу копаетъ, а медвѣдь изъ дубровы вылѣзаетъ. „Ну, мужикъ, давай дѣлать!“ — „Ладно, медвѣдюшка! давай я привезу тебѣ вершки — и отвѣзъ ему возъ ботвы. Медвѣдь остался доволенъ честнымъ раздѣломъ. Вотъ мужикъ наклалъ свою рѣпу на возъ и повѣзъ въ городъ продавать; а на встрѣчу ему медвѣдь: „мужикъ, куда ты ѣдешь?“ — А вотъ, медвѣдюшка, ѣду въ городъ корешки продавать. Дай-ка попробовать, каковъ корешокъ!“ Мужикъ далъ ему рѣпу. Медвѣдь какъ съѣлъ — „а-а! заревѣлъ, ты меня обманулъ, мужикъ! корешки твои сладеньки. Теперь не ѣзжай ко мнѣ по дрова, а то задеру!“ Мужикъ воротился изъ города и боится ѣхать въ лѣсъ; пожогъ и подочей, и лавочей, и кадочки, наконецъ дѣлать нечего — надо въ лѣсъ ѣхать. Въѣзжаетъ потихонечку; откуда ни возьмись бѣжитъ лисица. „Что ты, мужичокъ, спрашиваетъ она, такъ тихо бредешь?“ — „Боюсь медвѣдй, сердитъ на меня, общалъ задрать.“ „Небось медвѣдя, руби дрова, а я стану порсѣать¹⁾; коли спросить медвѣдь: что такое? скажи: ловятъ волковъ и медвѣдей“. Мужикъ принялся рубить; глядь — анъ медвѣдь бѣжитъ и мужику кричитъ: „Эй, старикъ! что это за крикъ?“ Мужикъ говоритъ: „волковъ ловятъ

¹⁾ Охотничій терминъ.

да медвѣдей“. — Охъ, мужичокъ! положи меня въ сани, закидай дровами да увяжи веревкой; авось подумаютъ, что колода лежитъ. Мужикъ положилъ его въ сани, увязалъ веревкою, и давай обухомъ гвоздить его въ голову, пока медвѣдь совсѣмъ окачурился ¹⁾). Прибѣжала лиса и говоритъ: „гдѣ медвѣдь?“ — А вотъ околѣлъ! „Ну-чтожъ, мужичокъ, теперь нужно меня угостить“. — Изволь, лисынька! поѣдемъ ко мнѣ, я тебя угощу. Мужикъ ѣдетъ, а лиса вперёдъ бѣжитъ; сталъ мужикъ подбѣзжать къ дому, свиснулъ своимъ собакамъ и притравилъ лисицу. Лиса пустилась къ лѣсу и юркъ въ нору; спряталась въ норѣ и спрашиваетъ: „охъ вы, мои глазоньки, что вы смотрѣли, когда я бѣжала? — Охъ, лисынька, мы смотрѣли, чтобъ ты не спотыкнулась. „А вы, ушки, что дѣлали?“ — А мы все слушали, далеко ли псы гонять. „А ты, хвостъ, что дѣлалъ?“ — Я-то, сказалъ хвостъ, все мотался подъ ногами, чтобъ ты запуталась да упала, да къ собакамъ въ зубы попала. „А-а, каналья! такъ пусть-же тебя собаки ѣдятъ“. И высунувъ изъ норы свой хвостъ, лиса закричала: „ѣшьте, собаки, лисій хвостъ!“ Собаки за хвостъ потащили и лисицу закашпили ²⁾). Такъ часто бываетъ: отъ хвоста и голова пропадаетъ.

(Ае. Ск. I, 37—38).

(Записана въ Тульской губ.).

5. Лиса-плачя.

Жилъ-былъ старикъ со старухою, была у нихъ дочка. Разъ ѣла она бобы и уронила одинъ наземь. Бобъ росъ-росъ и выросъ до неба. Старикъ полѣзъ на небо; влѣзъ туда, ходилъ-ходилъ, любовался-любовался, и говоритъ себѣ: „дай принесу сюда старуху; то-то она обрадуется!“ Слѣзъ наземь, посадилъ старуху въ мѣшокъ, взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ опять на-верхъ; лѣзъ, лѣзъ, усталъ да и выронилъ мѣшокъ. Спустился поскорѣе, открылъ мѣшокъ, — лежитъ старуха, зубы оцерила, глаза вытарасила. Онъ и говоритъ: „что ты, старуха, смѣешься? что зубы-то оскалила?“ да какъ увидѣлъ, что она мертвая, такъ и залился слезами. Жили они одни-одинѣхоньки, среди пустыря: некому и поплакать-то по старухѣ. Вотъ взялъ мѣшокъ съ тремя парами бѣленькихъ курочекъ и пошелъ искать плачеи ¹⁾). Видитъ — идетъ медвѣдь, онъ и говоритъ: „поплачь-ко, медвѣдь, по моей старухѣ! я дамъ тебѣ двѣ бѣленькихъ курочки“. Медвѣдь заревѣлъ: „ахъ ты, моя родимая бабушка! какъ тебя жалко“. Нѣтъ, говоритъ старикъ, ты не умѣешь плакать. И пошелъ дальше. Шелъ-шелъ и повстрѣчалъ волка; заставилъ его причитать, и волкъ не умѣетъ. Пошелъ еще и повстрѣчалъ лису, заставилъ ее причитать за пару бѣленькихъ курочекъ. Она и запѣла: „туру-туру, бабушка! убилъ тебя дѣдушка“. Му-

¹⁾ Плачя — женщина, оплакивающая, по обычаю, покойника съ разными причитаньями.

¹⁾ Издохъ. ²⁾ Задавилъ.

жику понравилась пѣсня, онъ за-
ставилъ лису пѣть въ другой, третій
и четвертой разъ: хватъ, а четвер-
той пары курочекъ и не достаесть.
Старикъ говорить: „лиса, лиса! а
четвертую пару дома забылъ; пой-
демъ ко мнѣ“. Лиса пошла за нимъ
слѣдомъ. Вотъ пришли домой; ста-
рикъ взялъ мѣшокъ, положилъ туда
пару собакъ, а сверху заложилъ ли-
санькиными шестью курочками, и
отдалъ ей. Лиса взяла и побѣжала;
немного погодя, остановилась около
няи и говорить: „сяду на пенёкъ,
съѣмъ бѣлую курочку“. Съѣла и
побѣжала впередъ; потомъ еще на
пенёкъ съѣла и другую курочку съѣла,
затѣмъ третью, четвертую, пятую и
шестую. А въ седьмой разъ открыла
мѣшокъ, собаки на нее и выскочили.
Лиса ну бѣжать, бѣжала, бѣжала,
и спряталась подъ колоду, спрята-
лась и начала спрашивать: ушки,
ушки! что вы дѣлали? — Мы слу-
шали да слушали, чтобъ собаки ли-
саньку не скушали. Глазки, глазки!
что вы дѣлали? — Мы смотрѣли да
смотрѣли, чтобъ собаки лисаньку не
съѣли. Ножки, ножки! что вы дѣ-
лали? — Мы бѣжали да бѣжали,
чтобъ собаки лисаньку не поймали.
А ты, хвостикъ, что дѣлалъ? — Я
по пнямъ, по кустамъ, по колодамъ
зацѣплялъ, чтобъ собаки лисаньку
поймали да разорвали. А, ты та-
кой! такъ вотъ-же, нате, собаки!
ѣшьте мой хвостъ! — и высунула
хвостъ, а собаки схватили за хвостъ,
и самое лисицу вытащили и разор-
вали.

(Аб. Ск. I, 35—38.)

(Записана въ Кольск. у.).

6. Лихо одноглазое.

Жилъ одинъ кузнецъ. „Что, гово-
рить, я горя никакого не видалъ.
Говорять: лихо на свѣтѣ есть; пойду,
пойщу себѣ лихо“. Взялъ и пошелъ,
выпилъ хорошенъко и пошелъ искать
лихо. На встрѣчу ему портной.
„Здравствуй!“ — Здравствуй. „Куда
идешь?“ — Что, братъ, всё говорятъ:
лихо на свѣтѣ есть; я никакого
лиха не видалъ, иду искать. „Пой-
демъ вмѣстѣ. И я хорошо живу и
не видалъ лиха; пойдемъ, поищемъ“.
Вотъ они шли, шли; зашли въ лѣсъ,
въ густой, темный, нашли малень-
кую дорожку, пошли по ней — по
узенькой дорожкѣ. Шли, шли по
этой дорожкѣ, видать: изба стоитъ
большая. Ночь; некуда идти. „Семь,
говорять, зайдемъ въ эту избу“.
Вошли: никого тамъ нѣту, пусто,
нехорошо. Съѣли себѣ и сидятъ. Вотъ
и идетъ высокая женщина, худо-
шавая, кривая, одноокая. „А! гово-
рить, у меня гости. Здравствуйте“.
— Здравствуй, бабушка! мы пришли
ночевать къ тебѣ. „Ну, хорошо; бу-
детъ что поужинать мнѣ!“ Они пере-
пугались. Вотъ она пошла, берема
дровъ большое принесла; принесла
берема дровъ, поклада въ печку,
затопила. Подошла къ нимъ, взяла
одного, портнаго, и зарѣзала, поса-
дила въ печку и убрала. Кузнецъ
сидитъ и думаетъ: что дѣлать, какъ
быть? Она взяла поужинала. Кузнецъ
смотреть въ печку и говорить:
„Бабушка, я кузнецъ“. — Что умѣ-
ешь дѣлать - ковать? „Да я все
умѣю“. — Скуй мнѣ глазъ. „Хорошо,

говорить; да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься, я бы тебя вковалъ глазъ". Она пошла, принесла двѣ веревки, одну потоньше, а другую толще. Вотъ онъ связалъ ее одною, которая была потоньше. „Ну-ка, бабушка, повернися!" Она повернулась и разорвала веревку. „Ну, говоритъ, нѣтъ, бабушка! эта не годится". Взялъ онъ толстую веревку да этою веревкою скрутилъ ее хорошенько: „повернись-ка, бабушка!" Вотъ она повернулась—не порвала. Вотъ онъ взялъ шило, разжогъ его, наставилъ на глазъ-то ей, на здоровый, взялъ топоръ да обухомъ какъ ударить по шилу. Она какъ повернется и разорвала веревку, да и съѣла на порогѣ. „А, злодѣй, теперича не уйдешь отъ меня!" Онъ видитъ, что опять лихо ему; сидитъ, думаетъ: что дѣлать? Потомъ пришли съ поля овцы; она загнала овецъ въ свою избу ночевать. Вотъ кузнецъ ночевалъ ночь. Поутру стала она овецъ выпускать. Онъ взялъ шубу да вывернулъ шерстью вверхъ, да въ рукава-то надѣлъ и подлѣзъ къ ней какъ овечка. Она все по одной выпускала; какъ хватить за спину, такъ и выкинетъ ее. И онъ подползъ; она и егохватила за спину и выкинула. Выкинула его, онъ всталъ и говорить: „прощай, Лихо! натерпѣлся я отъ тебя лиха; теперь ничего не сдѣлаешь". Она говоритъ: „постой, еще натерпишься, ты не ушелъ!"

И пошелъ опять кузнецъ въ лѣсъ по узенькой тропинкѣ. Смотритъ: въ деревѣ топорикъ съ золотой ручкой;

захотѣлъ себя взять. Вотъ онъ взялся за этотъ топорикъ, рука и пристала къ нему. Что дѣлать? никакъ не оторвешь. Оглянулся назадъ: идетъ къ нему Лихо и кричить: „вотъ ты, злодѣй, и не ушелъ!" Кузнецъ вынулъ ножичекъ, въ карманѣ у него былъ, и давай эту руку пилить; отрѣзалъ ее и ушелъ. Пришелъ въ свою деревню и началъ показывать руку, что теперь видѣлъ Лихо. „Вотъ говоритъ, посмотрите—каково оно: я, говоритъ, безъ руки, а товарища моего со всѣмъ съѣла". Тутъ и сказкѣ конецъ.

(Ав. Ск. III, 100—101).

(Записана въ Воронежск. г., въ Нижнедѣвцк. у.).

7. Морской Царь и Василиса Премудрая.

За тридцать земель въ тридцатомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею; дѣтей у нихъ не было. Поѣхалъ царь по чужимъ землямъ, по дальнимъ сторонамъ, долгое время домой не бывалъ; на ту пору родила ему царица сына Ивана-царевича, а царь про то и не вѣдаетъ. Сталъ онъ держать путь въ свое государство, сталъ подъѣзжать къ своей землѣ, а день-то былъ жаркой-жаркой, солнце такъ и пекло! и напала на него жажда великая; что ни дать, только бы воды испить! Осмотрѣлся кругомъ и видитъ невдалекѣ большое озеро; подъѣхалъ къ озеру, слѣзъ съ коня, прилежъ на брюхо и давай глотать студѣющую воду. Пьетъ и не чувствуетъ жажды: а Царь Морской ухватилъ

его за бороду. „Пусти!“ просить царь. „Не пущу, не смѣй пить безъ моего вѣдома!“ — Какой хочешь, возьми окупъ—только отпусти! „Давай то, чего дома не знаешь“. Царь подумалъ-подумалъ, чего онъ дома не знаетъ? кажись, все знаетъ, все ему вѣдомо, и согласился. Попробовалъ — бороду никто не держитъ, всталъ съ земли, сѣлъ на коня и поѣхалъ восвояси.

Вотъ приѣзжаетъ домой, царица встрѣчаетъ его съ царевичемъ такая радостная; а онъ какъ узналъ про свое милое дѣтище, такъ и залился горькими слезами. Разказалъ царицѣ, какъ и что съ нимъ было, поплакали вмѣстѣ, да вѣдь дѣлать-то нечего, слезами дѣла не поправишь. Стали они жить по старому; а царевичъ растетъ себѣ да растетъ, словно тѣсто на опарѣ—не по днямъ, а по часамъ, и выросъ большой. „Сколько ни держать при себѣ, думаетъ царь, а отдавать надобно: дѣло не минучее!“ Взялъ Ивана-царевича за руку, привелъ прямо къ озеру: „поищи здѣсь, говорить, мой перстень; я ненарокомъ вчера обронилъ“. Оставилъ одного царевича, а самъ повернулъ домой. Сталъ царевичъ искать перстень, идетъ по берегу, и попадаетъ ему на встрѣчу старушка. „Куда идешь, Иванъ-царевичъ?“ — Огвяжись, не докучай, старая вѣдьма! и безъ тебя досадно. „Ну, оставайся съ Богомъ!“ и пошла старушка въ сторону. А Иванъ-царевичъ пораздумался: „за что обрѣгалъ старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! авось что и доброе скажетъ“. И

сталъ ворочать старушку: воротись, бабушка, да прости мое слово глупое! Вѣдь я съ досады вымолвилъ: заставилъ меня отецъ перстня искать, хожу-высматриваю, а перстня нѣтъ какъ нѣтъ!“ — Не за перстнемъ ты здѣсь; отдалъ тебя отецъ Морскому Царю: выйдетъ Морской Царь и возьметъ тебя съ собою въ подводное царство. Горько заплакалъ царевичъ. „Не тужи, Иванъ-царевичъ! будетъ и на твоей улицѣ праздникъ; только слушайся меня старухи. Спрячься вонъ за тотъ кустъ смородины и прижмись тихохонько. Прилетятъ сюда двѣнадцать голубицъ — все красныхъ дѣвицъ, а вслѣдъ за ними и тринадцатая; станутъ въ озерѣ купаться; а ты тѣмъ временемъ унеси у послѣдней сорочку и до тѣхъ поръ не отдавай, пока не подаритъ она тебѣ своего колечка. Если не сумѣешь этого сдѣлать, ты погибь на вѣки: у Морского Царя кругомъ всего дворца стоитъ частоколъ высокій на цѣлыя на десять верстъ, и на каждой спицѣ по головѣ воткнуто; только одна порожня, не угоди на нее попасть!“ Иванъ-царевичъ поблагодарилъ старушку, спрятался за смородиновый кустъ, и ждетъ поры-времени.

Вдругъ прилетаютъ двѣнадцать голубицъ: ударились о сыру землю и обернулись красными дѣвицами, всѣ до единой красоты несказанный: ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать! Поскидали влатья и пустились въ озеро: играютъ, плещутся, смѣются, пѣснями поютъ. Вслѣдъ за ними прилетѣла и тринадцатая голубица; ударилась о сыру

землю, обернулась красной дѣвицей, сбросила съ бѣлаго тѣла сорочку и пошла купаться: и была она всѣхъ пригожѣе, всѣхъ красивѣе! Долго Иванъ-царевичъ не могъ отвести очей своихъ, долго на нее заглядывался; да припомнилъ, что говорила ему старуха, подерался тихонько и унесъ сорочку. Вышла изъ воды красная дѣвица,хватила—нѣтъ сорочки, унесъ кто-то; бросились всѣ искать, искали-искали—не видать нигдѣ. „Не ищите, милныя сестрицы! полетайте домой; я сама виновата—не досмотрѣла, сама и отвѣчать буду“. Сестрицы, красныя дѣвицы, ударились о сырую землю, сдѣлались голубками, взмахнули крыльями и полетѣли прочь. Осталась одна дѣвица, осмотрѣла кругомъ и промолвила: „кто бы ни былъ таковъ, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старой человѣкъ—будешь мнѣ родной бабушка, коли среднихлѣтъ—будешь братецъ любимой, коли ровня мнѣ—будешь милой другъ!“ Только сказала послѣднее слово, показался Иванъ-царевичъ. Подала она ему золотое колечко и говоритъ: „ахъ, Иванъ-царевичъ! что давно не приходилъ? Морской Царь на тебя гнѣвается. Вотъ дорога, что ведетъ въ подводное царство; ступай по ней смѣло! Тамъ и меня найдешь; вѣдь я дочь Морского Царя, Василиса Премудрая.

Обернулась Василиса Премудрая голубую и улетѣла отъ царевича. А Иванъ-царевичъ отправился въ подводное царство; видитъ: и тамъ свѣтъ такой-же, какъ у насъ; и тамъ поля и луга, и рощи зеленныя, и

солнышко грѣеть. Приходить онъ къ Морскому Царю. Закричалъ на него Морской Царь: „что такъ долго не бывалъ? за вину твою вотъ тебѣ служба: есть у меня пустошь на тридцать вѣрстъ и въ длину и въ поперѣкъ—одни рвы, буераки да каменье острое! Чтобъ къ завтраму было тамъ какъ ладонь гладко, и была бы рожь посѣяна и выросла-бъ къ раннему утру такъ высока, чтобы въ ней галка могла схорониться. Если того не сдѣлаешь—голова твоя съ плечъ долой!“ Идетъ Иванъ-царевичъ отъ Морского Царя, самъ слезами обливается. Увидала его въ окно изъ своего терема высокая Василиса Премудрая и спрашиваетъ: „здравствуй, Иванъ-царевичъ! что слезами обливаешься?“—Какъ-же мнѣ не плакать? отвѣчаетъ царевичъ; заставилъ меня Царь Морской за одну ночь сравнять рвы, буераки и каменье острое, и засѣять рожью, чтобъ къ утру она выросла и могла въ ней галка спрятаться. „Это не бѣда, бѣда впереди будетъ! Ложись съ Богомъ спать; утро вечера мудренѣе, все будетъ готово!“ Легъ спать Иванъ-царевичъ, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громкимъ голосомъ: „гей вы, слуги мои вѣрные! ровняйте-ка рвы глубокие, снесите каменье острое, засѣвайте рожью колосистою, чтобъ къ утру поспѣло!“ Проснулся на зарѣ Иванъ-царевичъ, глянулъ—все готово; нѣтъ ни рвовъ, ни буераковъ, стоитъ поле какъ ладонь гладкое и красуется на немъ рожь—столь высока, что галка схоронится. Пошелъ къ Морскому Царю съ до-

кладомъ. „Спасибо тебѣ, говоритъ Морской Царь, что сумѣлъ службу сослужить. Вотъ тебѣ другая работа: есть у меня триста скирдовъ, въ каждомъ скирду по триста копенъ— все пшеница бѣлая; обмоли миѣ къ завтраму всю пшеницу чисто-начисто до единого зѣрушка, а скирдовъ не ломай и сноповъ не разбивай. Если не сдѣлаешь—голова твоя съ плечъ долой!“—Слушаю, ваше величество! сказалъ Иванъ-царевичъ; опять идетъ по двору, да слезами обливается. „О чемъ горько плачешь?“ спрашиваетъ его Василиса Премудрая.—Какъ-же миѣ не плакать? Приказалъ миѣ Царь Морской за одну ночь всѣ скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдовъ не ломать и сноповъ не разбивать“. Это не бѣда, бѣда впереди будетъ! Ложись спать съ Богомъ; утро вечера мудренѣе“. Царевичъ легъ спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: „гей вы, муравьи ползучіе! сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть—всѣ ползите сюда и повыберите зерно изъ батюшкиныхъ скирдовъ чисто-начисто“. Поутру зоветъ Морской Царь Ивана-царевича: „сослужилъ-ли службу?“—Сослужилъ, ваше величество! „Пойдемъ, посмотримъ“. Пришли на гумно—всѣ скирды стоять нетронуты, пришли въ житницы—всѣ закрома полнехоньки зерномъ. „Спасибо тебѣ, братъ! сказалъ Морской Царь; сдѣлай миѣ еще церковь изъ чистаго воску, чтобъ къ разсвѣту была готова: это будетъ твоя послѣдняя служба“. Опять

идетъ Иванъ-царевичъ по двору и слезами умывается. „О чемъ горько плачешь?“ спрашиваетъ его изъ высокаго терема Василиса Премудрая.—Какъ миѣ не плакать доброму молодцу? Приказалъ Морской Царь за одну ночь сдѣлать церковь изъ чистаго воску. „Ну, это еще не бѣда, бѣда впереди будетъ. Ложись-ка спать; утро вечера мудренѣе“. Царевичъ улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: „гей вы, пчелы работающія! сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть—всѣ летите сюда и слѣпите изъ чистаго воску церковь божію, чтобъ къ утру была готова“. Поутру всталъ Иванъ-царевичъ, взглянулъ—стоитъ церковь изъ чистаго воску, и пошелъ къ Морскому Царю съ докладомъ. „Спасибо тебѣ, Иванъ-царевичъ! Какихъ слугъ у меня ни было, никто не сумѣлъ такъ угодить, какъ ты. Будь-же за то моимъ наслѣдникомъ, всего царства оберегателемъ; выбирай себѣ любую изъ тринадцати дочерей моихъ въ жены“. Иванъ-царевичъ выбралъ Василису Премудрую; тотчасъ ихъ обвѣнчали и на радости пировали цѣлыхъ три дня.

Ни много, ни мало прошло времени, стосковался Иванъ-царевичъ по своимъ родителямъ, захотѣлось ему на святую Русь. „Что такъ грустенъ, Иванъ-царевичъ?“—Ахъ, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотѣлось на святую Русь. „Вотъ это бѣда пришла! Если уйдемъ мы, будемъ за нами погоня великая; Царь Морской разгнѣвается и предастъ насъ

смерти. Надо ухитриться!“ Плюнула Василиса Премудрая въ трехъ углахъ, заперла двери въ своемъ теремѣ, и побѣжала съ Иваномъ-царевичемъ на святую Русь. На другой день ранехонько приходятъ посланные отъ Морскаго Царя — молодыхъ поднимать, во дворецъ къ царю звать. Стучатся въ двери: „проснитесь, пробудитесь! васъ батюшка зоветъ“. — Еще рано, мы не выспались; приходите послѣ! отвѣчаетъ одна слюнка. Вотъ посланные ушли, обождали часъ, другой, и опять стучатся: „не пора-время спать, пора-время вставать!“ — Погодите немного; встанемъ, одѣнемся! отвѣчаетъ вторая слюнка. Въ третій разъ приходятъ посланные: „Царь де Морской гнѣвается, зачѣмъ такъ долго они прохлаждаются“. — Сейчасъ будемъ! отвѣчаетъ третья слюнка. Подождали-подождали посланные и давай опять стучаться; нѣтъ отклика, нѣтъ отзыва! выломали двери, а въ теремѣ пусто. Долгожили царю, что молодые убѣжали; озлобился онъ и послалъ за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая съ Иваномъ-царевичемъ уже далеко-далеко! скачутъ на борзыхъ коняхъ безъ остановки, безъ роздыху. „Ну-ка, Иванъ-царевичъ, припади къ сырой землѣ да послушай, нѣтъ ли погони отъ Морскаго Царя?“ Иванъ-царевичъ соскочилъ съ коня, припалъ ухомъ къ сырой землѣ, и говоритъ: „слышу я людскую молвь и конской топъ!“ — Это за нами гонять! сказала Василиса Премудрая, и тотчасъ обратила коней зеленымъ лугомъ,

Ивана-царевича старымъ пастухомъ, а сама сдѣлалась смирной овечкою. Наѣзжаетъ погоня: „эй, старичокъ! не видалъ ли ты — не проскакалъ ли здѣсь доброй молодецъ съ красной дѣвицей?“ — Нѣтъ, люди добрые, не видалъ, отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ; сорокъ лѣтъ какъ пасу на этомъ мѣстѣ — ни одна птица мимо не пролетывала, ни одинъ звѣрь мимо не прорыскивалъ! Воротилась погоня назадъ: „ваше царское величество! никого въ пути не наѣхали, видѣли только: пастухъ овечку пасетъ“. — Что-жъ не хватили? вѣдь это они были! закричалъ Морской Царь, и послалъ новую погоню. А Иванъ-царевичъ съ Василисою Премудрою давнымъ-давно скачутъ на борзыхъ коняхъ. „Ну, Иванъ-царевичъ, припади къ сырой землѣ да послушай, нѣтъ ли погони отъ Морскаго Царя?“ Иванъ-царевичъ слѣзъ съ коня, припалъ ухомъ къ сырой землѣ, и говоритъ: „слышу я людскую молвь и конской топъ“. — Это за нами гонять! сказала Василиса Премудрая; сама сдѣлалась церковю, Ивана-царевича обратила старенькимъ попомъ, а лошадей деревьями. Наѣзжаетъ погоня: „эй, батюшка! не видалъ ли ты — не проходилъ ли здѣсь пастухъ съ овечкою?“ — Нѣтъ, люди добрые, не видалъ; сорокъ лѣтъ тружусь въ этой церкви — ни одна птица мимо не пролетывала, ни одинъ звѣрь мимо не прорыскивалъ! Повернула погоня назадъ: ваше царское величество! нигдѣ не нашли пастуха съ овечкою; только въ пути и видѣли, что церковь да попа-старика.“ —

Что-жъ вы церковь не разломали, пона не захватили? вѣдь это они самые были! закричалъ Морской Царь, и самъ поскакалъ въ догонъ за Иваномъ-царевичемъ и Василисою Премудрою. А они далеко уѣхали. Опять говорить Василиса Премудрая: „Иванъ-царевичъ! припади къ сырой землѣ—не слышать ли погони?“ Слѣзъ царевичъ съ коня, припалъ ухомъ къ сырой землѣ, и говорить: „слышу я людскую молвь и конской топъ пуще прежняго!“— Это самъ царь скачетъ. Оборотила Василиса Премудрая коней озерожъ, Ивана-царевича селезнемъ, а сама сдѣлалась уткой. Прискакалъ Царь Морской къ озеру, тотчасъ догадался, кто таковы утка и селезень; ударился о сыру землю и обернулся орломъ. Хочетъ орелъ убить ихъ до смерти; да не тутъ-то было: что ни разлетится сверху... вотъ-вотъ ударить селезня, а селезень въ воду нырнетъ; вотъ-вотъ ударить утку, а утка въ воду нырнетъ! Бился-бился, такъ ничего и не смогъ сдѣлать. Поскакалъ Царь Морской въ свое подводное царство, а Василиса Премудрая съ Иваномъ-царевичемъ выжидали доброе время и поѣхали на свитую Русь.

Долго ли, коротко ли, пріѣхали они въ тридцатое царство. „Подожди меня въ этомъ лѣсочкѣ, говоритъ царевичъ Василисѣ Премудрой; я пойду, доложусь напередъ отцу, матери“.—Ты меня забудешь, Иванъ-царевичъ! „Нѣтъ, не забуду“.— Нѣтъ, Иванъ-царевичъ, не говори, позабудешь! Вспомни обо мнѣ хоть тогда, какъ ста-

нутъ два голубка въ окна биться! Пришелъ Иванъ-царевичъ во дворецъ; увидали его родители, бросились ему на шею и стали цѣловать-миловать его; на радостяхъ позабылъ Иванъ-царевичъ про Василису Премудрую. Живетъ день и другой съ отцомъ, съ матерью, а на третій задумалъ свататься на какой-то королевнѣ. Василиса Премудрая пошла въ городъ и нанялась къ просвири въ работницы. Стали просвиры готовить; она взяла два кусочка тѣста, слѣпила пару голубковъ и посадила въ печь. „Разгадай, хозяйшка, что будетъ изъ этихъ голубковъ?“ — А что будетъ? съѣдимъ ихъ—вотъ и все! „Нѣтъ, не угадала!“ Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно — и въ ту-жъ минуту голуби вострепенулись, полетѣли прямо во дворецъ и начали биться въ окна; сколько прислуга царская ни старалась, ничѣмъ не могла отогнать ихъ прочь. Тутъ только Иванъ-царевичъ вспомнилъ про Василису Премудрую, послалъ гонцовъ во всѣ концы разспрашивать да розыскивать, и нашелъ ее у просвири; взялъ за руки бѣлыя, цѣловалъ въ уста сахарныя, привелъ къ отцу, къ матери, и стали всѣ вмѣстѣ жить да поживать, да добра наживать.

(Ае. Ск. II, 335—343).

(Записан. въ Тверск. г.).

8. Звѣриное молоко.

Жилъ-былъ царь, у него были сынъ да дочь. Въ союзѣднемъ государствѣ случилась бѣда немалая—

вымерь весь народъ; просить Иванъ-царевичъ отца: „батьюшка! благослови меня въ то государство на житье ѣхать“. Отецъ не согласенъ. „Коли такъ, я и самъ пойду!“ Пошелъ Иванъ-царевичъ, а сестра не захотѣла отъ него отстать и сама пошла. Шли они нѣсколько времени. Стоить въ чистомъ полѣ избушка на куриныхъ ножкахъ и повертывается; Иванъ-царевичъ сказалъ: „избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила“. Избушка остановилась, они взойшли въ нее, а тамъ лежитъ баба-яга: въ одномъ углу ноги, въ другомъ голова, губы на прилобѣ, носъ въ потолокъ уткнула. „Здравствуй, Иванъ-царевичъ! что, дѣла пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь?“ — Гдѣ дѣла пытаю, а гдѣ и отъ дѣла лытаю; въ такомъ-то царствѣ народъ вымеръ, иду туда на житье. Она ему говоритъ: „самъ бы туда шелъ, а сестру напрасно взять; она тебѣ много вреда сдѣлаетъ“. Напоила ихъ, накормила и спать положила. На другой день братъ съ сестрой собираются въ дорогу; баба-яга даетъ Ивану-царевичу собаку да синій клубочекъ: „куда клубочекъ покатится, туда и иди!“ Клубочекъ подкатился къ другой избушкѣ на куриныхъ ножкахъ. „Избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила“. Избушка остановилась, царевичъ съ царевною взойшли въ нее: лежитъ баба-яга и спрашиваетъ: „что, Иванъ-царевичъ, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?“ Онъ ей сказалъ, куда и зачѣмъ идетъ. „Самъ бы туда шелъ, а

сестру напрасно взять; она тебѣ много вреда сдѣлаетъ“. Напоила ихъ, накормила и спать положила. Наутро подарила Ивану-царевичу собаку и полотенце: будетъ у тебя на пути большая рѣка — перейти нельзя: ты возьми это полотенце да махни однимъ концомъ — тотчасъ явится мостъ; а когда перейдешь на ту сторону, махни другимъ концомъ — и мостъ пропадетъ. Да смотри: махай укрادкою, чтобъ сестра не видѣла“. Пошелъ Иванъ-царевичъ съ сестрою въ путь-дорогу: куда клубокъ катится, туда и идутъ. Подошли къ широкой-широкой рѣкѣ. Сестра говоритъ: „братецъ! садимъ тутъ отдохнуть“. Сѣла и не видала, какъ царевичъ махнулъ полотенцемъ — тотчасъ мостъ явился. „Пойдемъ, сестрица! Богъ далъ мостъ, чтобъ перейти намъ на ту сторону“. Перешли за рѣку: царевичъ укрادкою махнулъ другимъ концомъ полотенца — мостъ пропалъ, какъ не бывало! Приходятъ они въ то самое царство, гдѣ народъ вымеръ: никого нѣтъ, вездѣ пусто! Пообжились немножко; вздумалось брату пойти на охоту, и пошелъ онъ со своими собаками бродить по лѣсамъ, по болотамъ.

Въ это время прилетаетъ къ рѣкѣ Змѣй Горынычъ; ударился о сыру землю и сдѣлался такимъ молодцомъ да красавцемъ, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать. Зоветъ къ себѣ царевну: „ты, говоритъ, меня измучила, тоской изсушила; я безъ тебя жить не могу!“ Полюбился Змѣй Горынычъ царевнѣ, кричитъ ему: „лети

сюда черезъ рѣку! — Не могу перелетѣть. „А я что-же сдѣлаю?“ — У твоего брата есть полотенце, возьми его, принеси къ рѣкѣ и махни однимъ концомъ. „Онъ мнѣ не дастъ!“ — Ну, обмани его; скажи, будто вынуть хочешь. Приходитъ царевна во дворецъ; на ту пору и братъ ея возвратился съ охоты. Много всякой дичи принесть, и отдастъ сестрѣ, чтобъ завтра къ обѣду приготовила. Она спрашиваетъ: „братецъ! нѣтъ ли у васъ чего вынуть изъ чорнаго бѣлья?“ — Сходи, сестрица, въ мою комнату; тамъ найдешь — сказалъ Иванъ-царевичъ, и совсѣмъ забылъ о полотенцѣ, что баба-яга подарила да не велѣла царевнѣ показывать. Царевна взяла полотенце; на другой день братъ на охоту, она къ рѣкѣ, махнула однимъ концомъ полотенца — и въ ту-жъ минуту мостъ явился. Змѣй перешелъ по мосту. Стали они цѣловаться, миловаться; потомъ пошли во дворецъ. „Какъ-бы намъ, говорить змѣй, твоего брата извести?“ — Придумай самъ, а я не вѣдаю, отвѣчаетъ царевна. „Вотъ что: притворись больною и пожелай волчьяго молока; онъ пойдетъ молока добывать — авось голову свернетъ!“ Воротился братъ, сестра лежитъ на постели, жалуется на болѣзнь свою, и говоритъ: „братецъ! во снѣ я видѣла, будто отъ волчьяго молока поздоровѣю; нельзя ли гдѣ добыть? а то смерть моя приходитъ“. Иванъ-царевичъ пошелъ въ лѣсъ — кормить волчиха волчонковъ, хотѣлъ ее застрѣлить; она говоритъ ему человѣческимъ голосомъ: „Иванъ-

царевичъ! не стрѣлай, не губи меня, не дѣлай моихъ дѣтей сиротами; лучше скажи: что тебѣ надобно?“ — Мнѣ нужно твоего молока. „Изволь, надой; еще дамъ въ придачу волченка; онъ тебѣ станетъ вѣрою-правдою служить“. Царевичъ надойлъ молока, взялъ волченка, идетъ домой. Змѣй увидалъ, сказываетъ царевнѣ: „твой братъ идетъ, волченка несетъ; скажи ему, что тебѣ медвѣжьяго молока хочется“. Сказала и оборотилась вѣнникомъ. Царевичъ вошелъ въ комнату; за нимъ слѣдомъ собаки вѣжались, услышали нечистой духъ и давай теревить вѣнникъ — только прутья летать! „Что это такое, братецъ! закричала царевна; уймите вашу охоту, а то завтра и подмести нечѣмъ будетъ!“ Иванъ-царевичъ унялъ свою охоту и отдалъ ей волчье молоко. Поутру спрашиваетъ братъ сестру: „каково тебѣ, сестрица?“ — Немножко полегчило; если-бъ ты, братецъ, принесть еще медвѣжьяго молока — я бы совсѣмъ выздоровѣла. Пошелъ царевичъ въ лѣсъ, видитъ: медвѣдиha дѣтей кормить, прицѣлился, хотѣлъ ее застрѣлить; взмолилась она человѣческимъ голосомъ? „не стрѣлай меня, Иванъ-царевичъ! не дѣлай моихъ дѣтей сиротами; скажи: что тебѣ надобно?“ — Мнѣ нужно твоего молока. „Изволь; еще дамъ въ придачу медвѣжонка“. Царевичъ надойлъ молока, взялъ медвѣжонка, идетъ назадъ. Змѣй увидалъ, говоритъ царевнѣ: „твой братъ идетъ, медвѣжонка несетъ; пожелай еще львинаго молока“. Вымолвилъ и обо-

воротился помеломъ; она сунула его подъ печку. Вдругъ приближала охота Ивана-царевича, почуяла нечистой духъ, бросилась подъ печку и давай тормошить помело. „Уймите, братецъ, вашу охоту; а то завтра нечѣмъ будетъ печки замести“. Царевичъ прикрикнулъ на своихъ собакъ; онѣ улеглись подъ столъ, а сами такъ и рычатъ. Наутро опять царевичъ спрашиваетъ: „каково тебѣ, сестрица?“ — Нѣтъ, не помогаетъ, братецъ! а снилось мнѣ нынѣшнюю ночь: если-бъ ты добылъ молока отъ лвыцы — я бы вылѣчилась. Пошелъ царевичъ въ густой, густой лѣсъ, долго ходилъ — наконецъ увидѣлъ: кормить лвыца малыхъ лвенковъ, хотѣлъ ее застрѣлить; говорить она человѣческимъ голосомъ: „не стрѣлай меня, Иванъ-царевичъ! не дѣлай моихъ дѣтушекъ сиротами; лучше скажи: что тебѣ надобно? — Мнѣ нужно твоего молока. Изволь, еще одного лвенка въ придачу дамъ“. Царевичъ надоилъ молока, взял лвенка, идетъ домой! Змѣй Горынычъ увидалъ, говоритъ царевичъ: „твой братъ идетъ, лвенка несесть!“ и сталъ выдумывать, какъ бы его уморить. Думалъ-думалъ, наконецъ выдумалъ послать его въ тридцатое государство; въ томъ царствѣ есть мельница за двѣнадцатью дверями желѣзными, разъ въ годъ открывается — и то на короткое время; не успѣешь оглянуться, какъ двери захлопнутся. „Пусть-ка попробуетъ, достанетъ изъ той мельницы мучной пыли!“ Вымолвилъ эти рѣчи и оборотился ухватомъ; царевна винула его подъ печку. Иванъ-царе-

вичъ вошелъ въ комнату, поздоровался и отдалъ сестрѣ лвыное молоко; опять собаки почуяли змѣиной духъ, бросились подъ печку и начали ухватъ грызть. „Ахъ, братецъ! уймите вашу охоту; еще разобьютъ что-нибудь!“ Иванъ-царевичъ закричалъ на собакъ; онѣ улеглись подъ столъ, а сами все на ухватъ смотрятъ да злобно рычатъ. Къ утру расхворалась царевна пуще прежняго, охаетъ стонетъ. „Что съ тобой, сестрица? спрашиваетъ братъ, али нѣтъ отъ молока пользы?“ — Никакой, братецъ! и стала его посылать на мельницу. Иванъ-царевичъ насушилъ сухарей, взялъ съ собой и собакъ и звѣрей своихъ, и пошелъ на мельницу. Долго прождалъ онъ, пока время настало и растворились двѣнадцать желѣзныхъ дверей; царевичъ взошелъ внутрь, наскоро намелъ мучной пыли и только что успѣлъ выйти, какъ вдругъ двери за нимъ захлопнулись, и осталась охота его на мельницѣ взаперти. Иванъ-царевичъ заплакалъ: „видно, смерть моя близка!“ Воротился домой; змѣй увидалъ, что онъ одинъ, безъ охоты, идетъ: „ну, говоритъ, теперь его не боюсь!“ выскочилъ къ нему на встрѣчу, разинулъ пасть и крикнулъ: „долго я до тебя добирался, царевичъ! ужъ и ждать надоѣло; а вотъ таки добрался-же — сейчасъ тебя съѣмъ!“ — Погоди меня ѣсть, лучше вели въ баню сходить да напередъ вымыться. Змѣй согласился и велѣлъ ему самому и воды натаскать, и дровъ нарубить, и баню истопить. Иванъ-царевичъ началъ дрова рубить, воду

таскать. Прилетаетъ воронъ и каркаетъ: „каръ-каръ, Иванъ-царевичъ! руби дрова, да не скоро; твоя охота четверо дверей прогнала“. Онъ что нарубить, то въ воду покидастъ. А время идетъ да идетъ; нечего дѣлать—надо баню топить. Воронъ опять каркаетъ: „какъ-каръ, Иванъ-царевичъ! топи баню, да не скоро; твоя охота восемь дверей прогнала“. Истопилъ баню, началъ мыться, а на ушѣ одно держитъ: „если-бъ моя охота да ко времени подоспѣла!“ Вотъ прибѣгаетъ собака; онъ говоритъ: „ну, двоишь смерть не страшна!“ За той собакой и всѣ прибѣжали. Змѣй Горныничъ долго поджидалъ Ивана-царевича, не вытерпѣлъ и пошелъ самъ въ баню. Выскочила на него вся охота и разорвала на мелкіе кусочки. Иванъ-царевичъ собралъ тѣ кусочки въ одно мѣсто, сжегъ ихъ огнемъ, а пепелъ развѣялъ по чистому полу. Идетъ со своею охотою во дворецъ; хочетъ сестрѣ голову отрубить; она пала передъ нимъ на колѣни, начала плакать, упрашивать. Царевичъ не сталъ ее казнить, а вывелъ на дорогу, посадилъ ее на каменный столбъ, возлѣ положилъ вязанку сѣна да два чана поставилъ: одинъ съ водою, другой—порожній. И говоритъ: „если ты эту воду выпьешь, это сѣно съѣшь, да наплачешь полонъ чанъ слезъ, тогда Богъ тебя проститъ и я прощу“.

Оставилъ Иванъ-царевичъ сестру на каменномъ столбѣ и пошелъ съ своею охотою за тридевять земель; шелъ-шелъ, приходитъ въ большой,

знатный городъ; видитъ—половина народа веселится да пѣсни поетъ, а другая горючими слезами заливается. Попросился ночевать къ одной старушкѣ, и спрашиваетъ: „скажи, бабушка, отчего у васъ половина народа веселится, пѣсни поетъ, а другая на взрыдъ плачетъ?“ Отвѣчаетъ ему старуха: „о-охъ, батюшка! поселился на нашемъ озерѣ двѣнадцатиглавою змѣй, каждую ночь прилетаетъ да людей поѣдаетъ; для того у насъ очередь положена—съ какого конца въ какой день на съѣденіе давать. Вотъ тѣ, которые отбыли свою очередь, веселятся, а которые—нѣтъ, тѣ рѣкой разливаются“. — А теперь за кѣмъ очередь? „Да теперь вынאלъ жеребій на царскую дочь; только одна и есть у отца, и ту отдавать приходится. Царь объявилъ, что если выищется кто да убьетъ этого змѣя, такъ онъ пожалуетъ его половиною царства и отдастъ за него царевну замужъ; да гдѣ нынче богатыри то? за наши грѣхи всѣ перевелись!“ Иванъ-царевичъ тотчасъ собралъ свою охоту и пошелъ къ озеру, а тамъ ужъ стоитъ прекрасная царевна и горько плачетъ. „Не бойся, царевна; я твоя оборона!“ Вдругъ озеро взволновалось, всколыхалось, появился двѣнадцатиглавою змѣй. „А, Иванъ-царевичъ, русской богатырь! ты сюда зачѣмъ пришелъ? Дратъся, али мириться хочешь?“ — Почто мириться? русской богатырь не за тѣмъ ходитъ, отвѣчалъ царевичъ, и напустилъ на змѣя всю свою охоту: двухъ собакъ, волка, медвѣдя и льва. Звѣри въ нигъ

его на клочки разорвали. Иванъ-царевичъ вырѣзалъ языки изъ всѣхъ двѣнадцати змѣйныхъ головъ, положилъ себѣ въ карманъ, охоту гулять распустилъ, а самъ легъ на колѣни къ царевнѣ и вѣрнѣе заснулъ. Рано утромъ пріѣхалъ водовозъ съ бочкою, смотритъ — змѣй убитъ, а царевна жива и у ней на колѣняхъ спитъ доброй молодецъ. Водовозъ подбѣжалъ, выхватилъ мечъ и снесъ Ивану-царевичу голову, а съ царевны вымучилъ клятву, что она признаетъ его своимъ избавителемъ. Потомъ собралъ онъ змѣйныя головы и повезъ ихъ къ царю; а того и не зналъ, что головы-то безъ языковъ были. Ни много, ни мало прошло времени, прибѣгаетъ на то мѣсто охота Ивана-царевича; царевичъ безъ головы лежитъ. Левъ прикрылъ его травой, а самъ возлѣ сѣлъ. Нелетѣли вороны съ воронятами мертвечины поклевать; левъ изловчился, поймалъ вороненка и хочетъ его на двое разорвать. Старой воронъ кричитъ: „не губи моего дѣтенка; онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ! Коли нужно что, приказывай — все исполню“. — Мнѣ нужно мертвой и живой воды, отвѣчаетъ левъ; принеси, тогда и вороненка отдамъ. Воронъ полетѣлъ, и солнце еще не сѣло — какъ воротился и принесъ два пузырька мертвой и живой воды. Левъ разорвалъ вороненка, sprыснулъ мертвой водой — куски срослися, sprыснулъ, живой водой — вороненокъ ожилъ и полетѣлъ вслѣдъ за старымъ ворономъ. Тогда левъ sprыснулъ мертвою и живою водой Ивана-царевича;

онъ всталъ и говоритъ: „какъ я долго спалъ!“ — Вѣкъ бы тебѣ спать, кабы не я! отвѣчалъ ему левъ и рассказалъ, какъ нашолъ его убитымъ и какъ воротилъ къ жизни.

Приходитъ Иванъ-царевичъ въ городъ; въ городѣ всѣ веселятся, обнимаются, цѣлуются, пѣсни поютъ. Спрашиваетъ онъ старуху: „скажи, бабушка, отчего у васъ такое веселье?“ — Да вишь какой случай вышелъ: водовозъ повоевалъ змѣя и спасъ царевну; царъ выдаетъ теперь за него свою дочь замужъ. „А можно мнѣ посмотрѣть на свадьбу?“ — Коли умѣешь на чемъ играть, такъ иди; тамъ теперь всѣхъ музыкантовъ принаютъ. „Я умѣю на гусляхъ играть“. — Ступай! царевна до смерти любитъ слушать, когда ей на гусляхъ играютъ. Иванъ-царевичъ купилъ себѣ гусли и пошелъ во дворецъ. Зантралъ — всѣ слушаютъ, удивляются: откуда такой славной музыкантъ проявился? Царевна наливаетъ рюмку вина и подноситъ ему изъ своихъ рукъ; глянула и припомнила своего избавителя: слезы изъ глазъ такъ и посыпались! „О чемъ плачешь?“ спрашиваетъ ее царъ. Она говоритъ: „вспомнила про своего избавителя“. Тутъ Иванъ-царевичъ объявилъ себя царю, рассказалъ все, какъ было, а въ доказательство вынулъ изъ кармана змѣйныя языки. Водовоза схватили подъ руки, повели и разстрѣляли, а Иванъ-царевичъ женился на прекрасной царевнѣ. На радостяхъ вспомнилъ онъ про свою сестру, поѣхалъ къ каменному столбу — она сѣно сѣла, воду выпила,

половъ чанъ слезъ наплакала. Иванъ-царевичъ простилъ ее и взялъ къ себѣ; стали всѣ вѣстѣ жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

(Ав. Ск. II, 209—218).

(Записан. въ Курск. г.)

8. Сивно-бурно.

Мы говоримъ, что мы умны, а старики спорятъ: нѣтъ, мы умнѣе васъ были; а сказка рассказываетъ, что когда еще наши дѣды не учились и пращуръ не родился, а въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ такой старичекъ, который трехъ своихъ сыновъ научилъ грамотѣ и всему книжному. „Ну, дѣтки! говорилъ онъ имъ; умру я—приходите ко мнѣ на могилу читать“.—Хорошо, хорошо, батюшка! отвѣчаютъ дѣти.

Старшіе два брата какіе были молодцы; и рослы, и дородны! а меньшей Ванюша, какъ недоросточекъ, какъ зашипанной утеночекъ, гораздо поплоче. Старикъ отецъ умеръ. Въ ту пору отъ царя пришло извѣстіе, что дочь его, Елена—царевна Прекрасная, приказала себѣ выстроить храмъ о двѣнадцать столбовъ, о двѣнадцать вѣнцовъ; сидеть она въ этомъ храмѣ на высокомъ тронѣ и будетъ ждать жениха, удалого молодца, который бы на конѣ-летунѣ, съ одного взмаха, поцѣловалъ ее въ губки. Всполошился весь молодой народъ, облизывается, почесывается и раздумываетъ: кому такая честь выпадесть?—„Братья! говорилъ Ванюша, отецъ

умеръ; кто изъ насъ пойдетъ на могилу читать!“ — А кого охота брать, тотъ пускай и идетъ! отвѣчали братья; Ваня пошелъ. А старшіе знай себѣ коней обвѣзываютъ, кудри завиваютъ, фабряся, бодрятся, родинные . . . Пришла другая ночь. „Братья! я прочиталъ, говорилъ Ваня; ваша очередь, который пойдетъ?—А кто охочъ, тотъ и читай; а намъ дѣла дѣлать не мѣшай. Сами заломили шапки, гикнули, ахнули, полетѣли, понеслись, загуляли въ чистомъ полѣ! Ванюша опять читалъ; на третью ночь тоже. А братья выѣздили коней, расчесали усы, собираются нынче-завтра пытать свое удалство передъ очами Елены Прекрасной. „Братъ ли меньшого? думаютъ; нѣтъ, куда съ нимъ! онъ и насъ осрамить и людей насмѣшить; поѣдемъ одни“. Поѣхали; а Ванюшѣ очень хотѣлось поглядѣть на Елену—царевну Прекрасную; заплакалъ онъ, больно заплакалъ, и пошелъ на могилу къ отцу. Услышалъ его отецъ въ домовинѣ (въ гробѣ), вышелъ къ нему, отряхнулъ съ чела сыру землю и говорить: „не тужи, Ваня, я твоему горю пособлю“. Тотчасъ старикъ вытянулся, выпрямился, свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ голосомъ, соловейскимъ посвистомъ; откуда ни взялся — конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей—изъ ушей пламя пышетъ; порхонулъ и сталъ передъ старикомъ, какъ вкопаной, и спрашиваетъ; „что велишь?“ Влѣзъ Ваня коню въ одно ушко, вылѣзъ въ другое, и сдѣлался такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни пе-

ромъ написать! Сѣлъ на коня, подбоченился и полетѣлъ что твой соколъ прямо къ палатамъ Елены царицны.

Размахнулся, подскочилъ—двухъ вѣнцовъ не досталъ; завился опять, разлетѣлся, скокнулъ—одного вѣнца не досталъ; еще закружился, еще завертѣлся, какъ огонь проскочилъ мимо глазъ, мѣтко нацѣпилъ и прямо въ губки чмокнулъ Елену Прекрасную! „Кто? кто? лови! лови!“—его и слѣдъ простылъ! Прискакалъ на отцову могилу, коня пустил въ чистое поле; а самъ въ землю да поклонъ, да просить совѣта родительскаго; старикъ и посовѣтовалъ. Дошой пришелъ Иванъ, какъ нигдѣ не бывалъ; братья рассказываютъ, гдѣ были, что видѣли; а онъ какъ въпервой слышитъ.

На другой день опять сборъ; и бояръ, и дворянъ у княжихъ палатъ глазомъ не окинешь! Поѣхали старшіе братья; пошелъ и меньшой братъ пѣшечкомъ, скромно, смиренно, словно не онъ цѣловалъ царицу, и сѣлъ въ дальній уголокъ. Елена царица спрашиваетъ жениха, Елена-царица хочетъ его всему свѣту показать, хочетъ ему полъ-царства отдать, а женихъ не является! Его ищутъ между боярами, межъ генералами, всѣхъ перебрали—нѣту. А Ваня глядитъ, ухмыляется, улыбается, и ждетъ, что сама невѣста къ нему прійдетъ. „То, говорить, я полюбилъ ей молодцомъ, теперь она полюби меня въ кафтанъ простомъ“. Встала сама, повела яснымъ окомъ, освѣтила всѣхъ; увидѣла и узнала своего жениха, посадила его

съ собой, и скоро съ нимъ обвѣнчалась; а онъ-то, Боже мой! какой сталъ умный да смѣлой, а какой красавецъ!... Сядетъ бывало на коня-летуна, сдвинетъ шапочку, подбоченится—король, настоящій король! взглядишься—и не подумаешь, что былъ когда-то Ванюша.

(Ае. Ск. II, 73—75).

(Записана въ Курской губ.).

9. Королевичъ и его дядя.

Жилъ-былъ король, у него былъ сынъ-подростокъ. Королевичъ былъ всѣмъ хорошъ—и лицомъ, и нравомъ, да отецъ-то его не больно: все его корысть мучила, какъ-бы лишній барышъ взять, да побольше оброку сорвать. Увидѣлъ онъ разъ старика съ соболями, съ куницами, съ бобрами, съ лисицами. „Стой, старикъ! откудава ты?“—Родомъ изъ такой-то деревни, батюшка! а нынѣ служу у мужика-лѣшаго. „Какъ вы звѣрей ловите?“—Да лѣшій-мужикъ наставитъ лѣсы¹⁾, звѣрь глупъ—и попадетъ. „Ну, слушай, старикъ! я тебя виномъ напою, и денегъ дамъ; укажи мнѣ, гдѣ лѣсы ставите.“ Старикъ соблазнился и указалъ. Король тотчасъ-же велѣлъ лѣшаго-мужика поймать и въ желѣзной столбъ заковать, а въ его заповѣдныхъ лѣсахъ свои лѣсы подѣлалъ. Вотъ сидитъ мужикъ-лѣшій въ желѣзномъ столбѣ да въ окошечкѣ поглядываетъ, а тотъ столбъ въ саду стоялъ. Вошелъ королевичъ съ бабками, съ мамками, съ вѣр-

¹⁾ Сѣтъ, ловушки.

ными служанками погулять по саду; идетъ мимо столба, а мужикъ-лѣшій кричитьъ ему; „королевское дитя! выпусти меня; я тебѣ самъ пригожусь“. — Да какъ-же я тебя выпущу? „А пойди къ своей матери и скажи ей: матушка моя любезная! поищи у меня... въ головкѣ. Да головку-та положи къ ней на колѣни; она станетъ у тебя въ головѣ искать, а ты улочи минуту, вытащи ключъ у ней изъ кармана, да меня и выпусти“. Королевичъ такъ и сдѣлалъ; вытащилъ ключъ изъ кармана у матери, прибѣжалъ въ садъ, сдѣлалъ себѣ стрѣлку, положилъ на тугой лукъ и пустилъ ее далеко-далеко, а самъ кричитъ, чтобъ мамки и няньки ловили стрѣлу. Мамки и няньки разбѣжались; въ это время королевичъ отперъ желѣзной столбъ и высвободилъ мужика-лѣшаго.

Помелъ мужикъ-лѣшій рвать королевскія лѣсы! Видитъ король, что звѣри больше не попадаютъ, осерчалъ и напустился на свою жену: зачѣмъ ключъ давала, мужика-лѣшаго выпускала? И созвалъ онъ бояръ, генераловъ и думныхъ людей, какъ они присудятъ: голову ли ей на плахѣ снять, али въ ссылку сослать? Плохо пришлось королевичу — жаль родную мать, и признался онъ отцу, что это его вина: вотъ такъ-то и такъ-то все дѣло было. Взоревался король, что ему съ сыномъ дѣлать? — Казнить нельзя; присудили: отпустить его на всѣ на четыре стороны, на всѣ вѣтры полуденные, на всѣ выюги зимнія, на всѣ вихри осенніе; дали ему котомку и одного дядьку.

Вышелъ королевичъ съ дядькою въ чистое поле; шли они близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, и увидали колодезь. Говоритъ королевичъ дядькѣ: „ступай за водою!“ — Нейду! отвѣчаетъ дядька. Пошли дальше, шли-шли, опять колодезь. „Ступай, принеси воды! ниѣ пить хочется“, проситъ дядьку королевской сынъ въ другой разъ. — Нейду! говоритъ дядька. Вотъ еще шли-шли, попадаетъ третій колодезь; дядька опять нейдетъ, и помелъ за водою самъ королевичъ. Спустился въ колодезь, а дядька захлопнулъ его крышкою и говоритъ: „не выпущу! будь ты слугою, а я — королевичемъ“. Нечего дѣлать, королевичъ согласился и далъ ему въ томъ росписку своей кровью; потомъ помѣнялись они платьями и отправились дальше.

Вотъ пришли они въ иное государство; идутъ къ царю во дворецъ — дядька впереди, а королевичъ позади. Сталъ дядька жить у того царя въ гостяхъ, и ѣсть и пьетъ съ нимъ за единымъ столомъ. Говоритъ онъ ему: „ваше царское величество! возьмите моего слугу хоть на кухню“. Взяли королевича на кухню, заставляютъ его дрова носить, кострюли чистить. Немного прошло времени — выучился королевичъ готовить кушанье лучше царскихъ поваровъ. Узналъ про то государь, полюбилъ его и сталъ дарить золотомъ. Поварамъ показалось обидно, и стали они искать случая, какъ-бы извести его. Вотъ одинъ разъ сдѣлалъ королевичъ пирогъ и поставилъ въ печку, а повара до-

были яду, взяли да и посыпали на пирогъ. Съѣлъ царь обѣдать; подають пирогъ, царь только было за ножъ взялся, какъ бѣжить главной поваръ: „ваше величество! не извольте кушать“. И насаказалъ на королевича много всякой напраслины. Царь не пожалѣлъ своей любимой собаки, отрѣзалъ кусокъ пирога и бросилъ наземь; собака съѣла да тутъ-же издохла. Призвалъ государь королевича, закричалъ на него грознымъ голосомъ: „какъ ты смѣлъ съ отравой пирогъ изготовить? сейчасъ велю тебя казнить лютою казнію!“ — Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, ваше величество! отвѣчаетъ королевичъ; видно, поварамъ въ обиду стало, что вы меня жалуете; нарочно меня подъ отвѣтъ подвели. Царь его помиловалъ, велѣлъ конюхомъ быть.

Повѣлъ королевичъ коней на водопой, а на встрѣчу ему мужикъ-лѣшій: „здорово, королевской сынъ! пойдѣмъ ко мнѣ въ гости“. — Боюсь, кони разбѣгутся. „Ничего, пойдѣмъ!“ Изба тутъ-же очутилась. У лѣшаго-мужика три дочери; спрашиваетъ онъ старшую: „а что ты присудишь королевскому сыну за то, что меня изъ желѣзнаго столба выпустилъ?“ Дочь говорить: „дамъ ему скатерть-самобранку“. Вышелъ королевичъ отъ лѣшаго-мужика съ подаркомъ, смотреть — кони всѣ на лицо; развернулъ скатерть — чего хочешь, того просишь: и питье, и ѣда! На другой день гонить онъ царскихъ коней на водопой, а мужикъ-лѣшій опять на встрѣчу: „пойдѣмъ ко мнѣ въ гости!“ Привелъ, и спра-

шиваетъ среднюю дочь: „а ты что королевскому сыну присудишь?“ — Я ему подарю зеркальцо: что захочешь, все въ зеркальцѣ увидишь! На третій день опять попадается королевичу мужикъ-лѣшій, ведетъ къ себѣ въ гости и спрашиваетъ меньшую дочь: „а ты что королевскому сыну присудишь?“ — Я ему подарю дудочку — только къ губамъ приложи, сейчасъ явятся и музыканты, и пѣ-сельники. Весело стало жить королевскому сыну: ѣсть-пить хорошо, все, знаетъ, все вѣдаетъ, музыка цѣлый день гремитъ. Чего лучше? А кони-то, кони-то! чудо да и только: и сыты, и статны, и на ногу рѣзвы. Началъ царь хвалиться своей любимой дочери, что послалъ ему Господь славнаго конюха. А прекрасная царевна и сама давнымъ-давно конюха запримѣтила; да какъ и не замѣтитъ красной дѣвицы добра молодца. Любопытно стало царевнѣ: отчего у новаго конюха лошади и рѣзвѣе, и статнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ? „Дай, думаетъ, пойду въ его горницу, посмотрю: какъ онъ бѣдняжка поживаетъ?“ А ужъ извѣстно: чего баба захочетъ, то и сдѣлаетъ. Улучила время, когда королевичъ на водопой коней погналъ, пришла въ его горницу, и какъ глянула въ зеркальцо — тотчасъ все смекнула, и унесла съ собой и скатерть-самобранку, и зеркальцо, и дудочку.

Въ это время случилась у царя бѣда: наступилъ на его царство семглавный Идолище, просить себѣ царевну въ замужество; „а если не выдадутъ, такъ и силой возьму!“

сказалъ онъ и разставилъ свое войско—тѣмъ-тѣмъшю. Плохо пришлось царю; дѣлаетъ онъ кличъ по всему своему царству, сзываетъ князей и богатырей: кто изъ нихъ побѣдитъ Идолища семиглаваго, тому обѣщаетъ дать половину царства и въ добавокъ дочь въ замужество. Вотъ собрались князья и богатыри, поѣхали сражаться противъ Идолища; отправился и дядька съ царскимъ войскомъ. И нашъ конюхъ сѣлъ на кобылу сиву и нотащился вслѣдъ за другими. Ъдетъ, а на встрѣчу ему мужикъ-лѣшій: „куда ты, королевской сынъ?“—Воевать. „Да на князѣ далеко не уѣдешь! а еще конюхъ! Пойдемъ ко мнѣ въ гости“. Привелъ въ свою избу, налилъ ему стаканъ водки. Королевичъ выпилъ. „Много-ль въ себѣ силы чувствуешь?“ спрашиваетъ мужикъ-лѣшій. —Да еслибъ была палица въ пятьдесятъ пудовъ, я-бъ ее вверху подбросилъ да свою голову подставилъ, а удара и не почувялъ бы! Далъ ему другой стаканъ выпить: „а теперь много ли силы?“—Да еслибъ была палица во сто пудовъ, я-бъ ее выше облаковъ подбросилъ. Налилъ ему третій стаканъ: „а теперь какова твоя сила?“—Да если бы утвердить столбъ отъ земли до неба, я бы всю вселенную повернулъ! Мужикъ-лѣшій нацѣдилъ водки изъ другого крану и подалъ королевичу; королевичъ выпилъ—и поубавилось у него силы кабы на седьмую часть. Послѣ вывелъ его мужикъ-лѣшій на крыльцо, свистнулъ молодецкимъ посвистомъ: отколь ни взялся—вороной конь бѣжитъ, зем-

ля дрожить, изъ ноздрей пламя, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ-подъ копытъ искры сыплются. Прибѣжалъ къ крыльцу и палъ на колѣни. „Вотъ тебѣ конь!“ Далъ ему еще палицу-буявицу да плетъ шелковую. Выѣхалъ королевичъ на своемъ ворономъ конѣ супротивъ рати непріятельской; смотреть, а дядька его на березу взлѣзъ, сидитъ да отъ страху трясется. Королевичъ стегнулъ его плеткою разъ-другой и полетѣлъ на вражье воинство; много народу мечемъ прирубилъ, еще больше коней притопталъ, самому Идолищу семь головъ снесъ. А царевна все это видѣла; не утерпѣла, чтобъ не посмотрѣть въ зеркальцо, кому она достанется. Тотчасъ выѣхала на встрѣчу, спрашиваетъ королевича: „чѣмъ себя поблагодарить велишь?“—Почѣлуй меня, красна дѣвица! Царевна не устыдилась, прижала его къ ретиву сердцу и громко-громко поцѣловала, такъ что все войско услышало.

Королевичъ ударилъ коня—и былъ таковъ! вернулся домой и сидитъ въ своей горенкѣ, словно и на сраженіи не былъ; а дядька всѣмъ хвастаетъ, всѣмъ рассказываетъ: „это я былъ, я Идолище побѣдилъ!“ Царь встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ, сговорилъ за него свою дочь и задалъ великой пиръ. Только царевна не будь глупа—возьми да и скажись, что у ней головушка болитъ, ретивое щемитъ. Какъ быть, что дѣлать нареченному зятю? „Батюшка! говоритъ онъ царю, дай мнѣ корабль, я поѣду за лѣкарствами для своей невѣсты; да прикажи и

конюху со мной ѣхать: я вить больно къ нему привыкъ!" Царь послушался, далъ ему корабль и конюха. Вотъ они и поѣхали, близко-ли, далеко-ль отплыли — дядька приказалъ сшить куль, посадить въ него конюха и пустить въ воду. Царевна глянула въ зеркальцо, видитъ — бѣда! сѣла въ коляску и поскорѣй къ морю; а на берегу ужь мужикъ-лѣшій сидитъ да неводъ вяжетъ. „Мужичокъ! помоги моему горю; злой дядька королевича утопилъ“. — Изволь, красна дѣвица! вотъ и неводъ готовъ! приложи-ка сама къ нему бѣлыя ручки. Вотъ царевна запустила неводъ въ глубокое море, вытащила королевича и повезла съ собою; а дома все дочиста отцу рассказала. „Сейчасъ веселымъ пиркомъ да и за свадебку; у царя ни медъ варить, ни вино курить — всего вдвоёмъ! А дядька накупилъ разныхъ снадобій и воротился назадъ; входитъ во дворецъ, а тутъ его и схватили. Взмолился онъ, да поздно; духомъ ¹⁾ его на воротахъ разстрѣляли. Свадьба королевича была веселая; всѣ кабаки и трактиры на цѣлую недѣлю были открыты для простого народа безденежно. И я тамъ былъ, медъ-вино пилъ; по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

(Ае. Ск. I, 233—239).

(Записана въ Воронежск. г.)

10. Баба-Яга.

Жили-были мужъ съ женой и прижили дочку; жена-то и помри. Мужикъ женился на другой, и отъ

¹⁾ Гыстро, скоро.

этой прижилъ дочь. Вотъ жена и не влюбилась падчерицу; нѣтъ житья сиротѣ. Думаль, думаль нашъ мужикъ, и повезъ свою дочь въ лѣсъ. Ёдетъ лѣсомъ — глядитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ. Вотъ и говоритъ мужикъ: „избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Избушка и поворотилась. Идетъ мужикъ въ избушку, а въ ней баба-яга: впереди голова, въ одномъ углу нога, въ другомъ другая. „Русскимъ духомъ пахнетъ!“ говоритъ яга. Мужикъ кланяется: „баба-яга, костяная нога! я тебѣ дочку привезъ въ услуженье“. — Ну, хорошо! служи, служи мнѣ, говоритъ яга дѣвушкѣ; я тебя за это награжу. Отецъ простился и поѣхалъ домой. А баба-яга задала дѣвушкѣ пряжи съ коробъ, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вотъ дѣвушка хлопочетъ у печи, а сама горько плачетъ. Выбѣжали мышки и говорятъ ей: „дѣвица, дѣвица! что ты плачешь? дай кашки, мы тебѣ добренько скажемъ“. Она дала имъ кашки. — А вотъ, говорятъ, ты на всякое веретенцо по ниточкѣ напряди. Пришла баба-яга: „ну что, говоритъ, все ли ты припасла?“ А у дѣвушки все готово. „Ну, теперь поди-вымой меля въ банѣ“. Похвалила яга дѣвушку и надавала ей разной сряды ¹⁾. Опять яга ушла, и еще труднѣе задала задачу. Дѣвушка опять плачетъ. Выбѣгаютъ мышки: „что ты, говорятъ, дѣвица красная, плачешь! дай каш-

¹⁾ Сряда — нарядное платье.

ки; мы тебѣ добренько скажемъ“. Она дала имъ кашки, а онѣ опять научили ее, что и какъ сдѣлать. Баба-яга опять приходчи ее похвалила и еще больше дала сряды... А мачеха посылаетъ мужа провѣдать, жива ли его дочь? Поѣхалъ мужикъ; пріѣзжаетъ и видитъ, что дочь богатая-пребогатая стала. Яги не было дома; онъ и взялъ ее съ собой. Подѣзжаютъ они къ своей деревнѣ, а дома собачка такъ и рвется: „хамъ, хамъ, хамъ! барыню везутъ, барыню везутъ!“ Мачеха выбѣжала да скалкой собачку: „врешь, говоритъ, скажи: въ коробѣ косточки гремятъ!“ А собачка все свое. Пріѣхали. Мачеха такъ и гонитъ мужа—и ея дочь туда-же отвезти. Отвезъ мужикъ.

Вотъ баба-яга задала ей работы, а сама ушла. Дѣвка такъ и рвется съ досады и плачетъ. Выбѣгаютъ мышки: „дѣвица, дѣвица! о чемъ ты, говорятъ, плачешь?“ А она не дала имъ говорить, то тоѣ скалкой, то другую; съ ними и провозилась, а дѣла-то не приѣдала. Яга пришла, разсердилась. Въ другой разъ опять тоже; яга изломала ее, да косточки въ коробъ и склала. Вотъ мать посылаетъ мужа за дочерью. Пріѣхалъ отецъ, и повезъ одиѣ косточки. Подѣзжаетъ къ деревнѣ, а собачка опять лаетъ на крылечѣ: „хамъ, хамъ, хамъ! въ коробѣ косточки везутъ!“ Мачеха бѣжитъ со скалкой: „врешь, говоритъ, скажи: барыню везутъ!“ А собачка все свое: „хамъ, хамъ, хамъ! въ коробѣ косточки гремятъ!“ Пріѣхалъ мужъ; тутъ-то жена звыв-

ли! Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла.

(Ав. Ск I, 172—174).

(Записана въ Переяславльзальскомъ).

11. Лутонька.

Въ нѣкоторой деревнѣ жилъ старикъ со старухой; дѣтей у нихъ не было. Однажды старикъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами; это было зимою. Старикъ нарубилъ дровъ, сколько нужно было, да срубилъ еще лутоньку. Пріѣхалъ домой, дрова на дворѣ оставилъ, а лутоньку въ избу принесъ и положилъ въ подпечекъ. На третій день что-то въ подпечекѣ зашумѣло, а потомъ кричитъ: „тата! мама! выньте меня“. Старикъ со старухой испугались; да слышать и въ другой разъ тотъ-же голосъ: „тата! мама! выньте меня“; старикъ поглядѣлъ въ подпечекъ, и увидѣлъ тамъ небольшого мальчика. Вынулъ его оттуда, показалъ старухѣ, и назвали его Лутонькою, стали его и кормить и поить. Пришло лѣто, сталъ мальчикъ промышлять рыбною ловлею, и тѣмъ промысломъ кормилъ старика со старухою. Старуха бывало пріѣдетъ къ нему на ловлю и кричитъ его: „Лутонь, Лутонь, Лутонька! приглянь, приглянь ко сережку, а я тебѣ дамъ пирожка съ начинкою“. Лутоня какъ слышитъ голосъ матери—и подѣзжаетъ къ берегу; отъ матери беретъ кусокъ пирога, а ей даетъ рыбу. Однажды подглядѣла это яга-баба, пришла къ тому мѣсту и начала его манить къ себѣ какими-

же словами, какъ мать кликала; Лутонюшка услышалъ толстый голосъ ягой-бабы и сказалъ ей въ отвѣтъ: „нѣтъ, не матушкинъ голосъ, очень толстъ! поди языкъ поточи“. Съ тѣмъ ягая-баба и отправилась. Послѣ того приходитъ туда-же старуха, его мать названная, и начала манить: „Лутонь, Лутонь, Лутонюшка! приглянь, приглянь ко бережку, а я тебѣ дамъ пирожка съ начинкою“. Лутонька услышалъ материнъ голосъ, подбѣжалъ къ берегу, взялъ у нея пирогъ, а ей рыбу отдалъ. Старуха ушла, а ягая-баба выточила свой языкъ на точилѣ, и немного погодя прибѣжала на берегъ и стала манить Лутонюшку. Лутонька не узналъ ея голоса, подумалъ, что мать его зоветъ, подбѣжалъ къ берегу; ягая-баба схватила его и утащила въ свою избу. У ягой-бабы было три дочери. Она приказала большей дочери истопить избу жарко-жарко, Лутоньку ожарить, а сама ушла въ поле гулять. Большая дочь истопила избу, привела Лутоньку и велѣла ему садиться на лопату. Лутонька былъ не плохъ, началъ отговариваться, что не знаетъ — не вѣдаетъ, какъ сѣсть на лопату: „покажи, просить, какъ надо садиться!“ Дочка ягой-бабы сѣла на лопату, а Лутонька взялъ лопату за черенъ ¹⁾ и сунулъ ее въ печь, а самъ залѣзъ на подволоку ²⁾. Приходитъ ягая-баба и спрашиваетъ Лутоньку; дочери вынули изъ печи свою сестру и подали ма-

тери; она ее и скушала. Вышла на дворъ и говоритъ: „покатаюсь, поваляюсь на Лутонькиныхъ косточкахъ!“ а Лутонька сидитъ на подволокахъ да себѣ говоритъ: „покатайся, поваляйся на дочернихъ косточкахъ!“ Ягая-баба увидѣла Лутоньку и закричала: „какъ ни встану, а достану тебя, Лутонька!“ Достала Лутоньку и отдала дочерямъ, приказала его ожарить, а сама опять ушла. Дочери истопили избу; середняя хотѣла посадить Лутоньку на лопату, но онъ обманулъ ее и сунулъ самоѣ въ печь. Тоже сдѣлалъ онъ и съ младшею. Ягая-баба пришла домой, стала звать дочерей: нѣтъ никого. Вынула сама жареное и сѣла, потомъ вышла на дворъ и говоритъ: „покатаюсь, поваляюсь на Лутонькиныхъ косточкахъ!“ А Лутонька съ подволоки отвѣчаетъ: покатайся, поваляйся, дура, на дочернихъ косточкахъ!“ Ягая-баба увидѣла его, осердилась и хотѣла достать. Лутонька закричалъ жалобнымъ голосомъ: „ахъ вы, гуси! ахъ вы, лебеди! прилетите ко мнѣ, вырвите по перушку“. Гуси-лебеди прилетѣли, вырвали у себя по перушку, сдѣлали два крылушка и дали Лутонюшкѣ; Лутонька взялъ и улетѣлъ отъ ягой-бабы къ отцу, къ матери, и сталъ вѣстѣ съ ними жить-поживать, да рыбку изъ воды таскать.

(Ае. Ск. I, 204—206).

(Записана въ Саратовской губ.).

¹⁾ Рукоятка.

²⁾ Подволока—чердакъ, вышка.

12. Кошеч.

Бывало-живало—въ нѣкоторомъ государствѣ былъ-жилъ царь и царица; у нихъ родился сынъ Иванъ-царевичъ. Няньки его качаютъ, никакъ укачать не могутъ; зовутъ отца: „царь-великой государь! поди, самъ качай своего сына“. Царь началъ качать: „спи, сыночекъ! спи, возлюбленной! вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру“. Царевичъ уснулъ и проспалъ трое сутокъ; пробудился—пуще прежняго расплакался. Няньки качаютъ; никакъ укачать не могутъ; зовутъ отца: „царь-великой государь! поди, качай своего сына“. Царь качаетъ, самъ приговариваетъ: „спи, сыночекъ! спи, возлюбленной! вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру“. Царевичъ уснулъ, и опять проспалъ трое сутокъ; пробудился, еще пуще расплакался. Няньки качаютъ, никакъ укачать не могутъ: „поди, великой государь! качай своего сына“. Царь качаетъ, самъ приговариваетъ: спи, сыночекъ! спи, возлюбленной! вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру“. Царевичъ уснулъ, и опять проспалъ трое сутокъ. Пробудился и говоритъ: „давай, батюшка, свое благословеніе; я поѣду жениться“.—Что ты ди-

тятко! куда поѣдешь? ты всего девятисуточный! „Дашь благословеніе—поѣду, и не дашь—поѣду!“—Ну, позвай! Господь съ тобой! Иванъ-царевичъ срядился и пошелъ коня доставать; отошелъ немало отъ дому и (в)стрѣтилъ стараго человѣка. „Куда, молодецъ, пошелъ? волей; али неволей?“—Я съ тобою и говорить не хочу! отвѣчалъ царевичъ, отошелъ немного и одумался: „что же я старику ничего не сказалъ? стары люди на умъ наводятъ“. Тотчасъ настигъ старика: „постой, дѣдушка! про что ты меня спрашивалъ?“—Спрашивалъ: куда идешь, молодецъ? волей, али неволей? „Иду я сколько волею, а вдвое неволею. Былъ я въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбѣхъ, сулилъ за меня высватать Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру.“—Хорошъ молодецъ, учливо говоришь! Только нѣшему тебѣ не дойдти—Ненаглядная Красота далеко живетъ. „Сколь далеко?“—Въ золотомъ царствѣ, по концѣ свѣту бѣлаго, гдѣ солнышко восходитъ. „Какъ-же быть-то мнѣ? Нѣтъ мнѣ молодцу по плечу коня неѣзжалаго, ни плѣточки шелковой-недержалой“.—Какъ нѣтъ! у твоего батюшки есть тридцать лошадей—всѣ какъ одна; поди домой, прикажи конюхамъ напоить ихъ у синя моря: которая лошадь напередъ выдвинется, забредетъ въ воду по самую шею, и какъ станетъ мять—на синемъ морѣ начнутъ волны подыматься, изъ берега въ берегъ колыхаться, ту и бери! „Спасибо на

добромъ словѣ, дѣдушка!“ Какъ старикъ научилъ, такъ царевичъ и сдѣлалъ; выбралъ себѣ богатырскаго коня, ночь переночевалъ, поутру рано всталъ, растворилъ ворота и собирается ѣхать. Проговорилъ ему конь человѣческимъ языкомъ: „Иванъ-царевичъ! припади къ землѣ; я тя (тебя) трижды пихну“. Разъ пихнулъ, и другой пихнулъ, а въ третій не сталъ: „ежели въ третій пихнуть, васъ съ тобою земля не снесетъ!“ Иванъ-царевичъ выхватилъ коня съ цѣпей, осѣдлалъ, сѣлъ верхомъ — только и видѣлъ царя своего сына! Ыдетъ далекииъ-далеко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ что городъ, изба что теремъ. Пріѣхалъ на дворъ — прямо ко крыльцу, привязалъ коня къ мѣдному кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. „Ночуй, доброй молодецъ! говоритъ ему старуха; куды тѣ Господь несетъ?“ — Ахъ ты, старая ...! неучливо спрашиваешь. Прежде напой-накорми, ... втѣпоръ и вѣстей спрашивай. Она его напоила-накормила, ... и стала вѣстей выспрашивать. „Былъ я, бабушка, въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру“. Хорошъ молодецъ! учливо говоришь. Я седьмой десятокъ доживаю, а про эту красоту слыхомъ не слыжала. Впереди по дорогѣ живеть моя большая сестра, можетъ — она знаетъ; поѣзжай-ка завтра въ ней, а теперь усни: утро вечера

мудренѣе! ¹⁾ Иванъ-царевичъ ночь переночевалъ, поутру всталъ фаненько, умылся бѣленько, вывелъ коня, осѣдлалъ, въ стремено ногу клалъ — только его и видѣла бабушка! Ыдетъ онъ далекииъ-далеко, высокииъ-высоко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ что городъ, изба что теремъ. Пріѣхалъ ко крыльцу, привязалъ коня къ серебряному кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. Говорить старуха: „фу-фу! доселева было русской коски видомъ не видать, слыхомъ не слышать, а нонѣ русская коска сама на дворъ пріѣхала. Откуль, Иванъ-царевичъ, взялся?“ — „Что ты, старая ..., расфукалась, неучливо спрашиваешь? Ты бы прежде накормила-напоила, ... тожно бы вѣстей спрашивала. Она его за столъ посадила, накормила-напоила, ... и спрашиваетъ: „Куды тѣ Богъ понесетъ?“ — Былъ я, бабушка, въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру. „Хорошъ молодецъ! учливо говоришь. Я восьмой десятокъ доживаю, а про эту

¹⁾ *Вариантъ:* Входитъ Иванъ-царевичъ въ избу, а тамъ лежитъ баба-яга, костяная нога, изъ угла въ уголъ, носъ въ потолокъ. «Здравствуй, красавица!» — Здравствуй, Иванъ-царевичъ! куда путь держишь? Ыду сватать за себя царевну Ненаглядную Красоту. — Куда тебѣ! ее ни одинъ богатырь доступить не можетъ, а ты еще малъ, въ лѣта не вошелъ». «Эхъ ты, старая ...! не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать; сидючи на одномъ мѣстѣ, ты вся зацѣпла, заплѣсневѣла; тебѣ, проклятую, и смерть бѣгаетъ!» Плюнулъ царевичъ и поѣхалъ дальше..

красоту еще не слыхивала. Впереди по дорогѣ живеть моя большая сестра, можетъ — она знаетъ; есть у ней на то отвѣтчики: первые отвѣтчики — звѣрь лѣсной, другіе отвѣтчики — птица воздушная, третьи отвѣтчики — рыба и гадъ водяной; что ни есть на бѣломъ свѣтѣ — все ей покоряется. Поѣзжай-ка завтра къ ней; а теперь усни: утро вечера мудренѣе!“ Извѣтъ-царевичъ ночь переночевалъ, всталъ раненько, умылся бѣленько, сѣлъ на коня — и былъ таковъ! Ыдетъ далекиѣ-далеко, высокиѣ-высоко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ, что городъ, изба что теремъ. Приѣхалъ ко крыльцу, прицѣпилъ къ золотому кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. Закричала на него старуха: „ахъ, ты, такой-сякой! желѣзнаго кольца недостойнъ, а къ золотому коня привязалъ“. — Хорошо, бабушка! не бранись: коня можно отвязать, за иное кольцо привязать. „Что, доброй молодецъ, задала тебѣ страху! а ты не страшись, да на лавочку садись, а я стану спрашивать: изъ какихъ ты родовъ, изъ какихъ городовъ?“ — Эхъ, бабушка! ты бы прежде накормила-напоила, вѣѣпоръ вѣстей поспросила; видишь — человѣкъ съ дороги, весь день не ѣлъ. Въ тотъ часъ старуха столъ поставила, принесла хлѣба-соли, налила водки стаканъ, и принялась угощать Ивана-царевича. Онъ наѣлся-напился, на постелю повалился; старуха не спрашиваетъ, онъ самъ ей рассказываетъ: „былъ я въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ

зыбкѣ. сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру. Сдѣлай милость, бабушка! скажи: гдѣ живеть Ненаглядная Красота и какъ до нея дойдти?“ — Я и сама, царевичъ, не вѣдаю: вотъ ужъ девятой десятокъ доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Ну, да усни съ Богомъ; заутро соберу моихъ отвѣтчиковъ — можетъ, изъ нихъ кто знаетъ. На другой день встала старуха раненько, умылась бѣленько, вышла съ Иваномъ-царевичемъ на крылечко, и скричала богатырскимъ голосомъ, сосвистала молодецкимъ посвистомъ. Крикнула по морю: „рыбы и гадъ водяной! идите сюда“. Тотчасъ синее море всколыхалось, собирается рыба и большая и малая, собирается всякой гадъ, къ берегу идетъ — воду укрываетъ. Спрашиваетъ старуха: гдѣ живеть Ненаглядная Красота, трехъ мамокъ дочка, трехъ бабокъ внучка, девяти братьевъ сестра? Отвѣчаютъ всѣ рыбы и гады въ одинъ голосъ: „видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!“ Крикнула старуха по землѣ: „собирайся, звѣрь лѣсной!“ Звѣрь бѣжитъ, землю укрываетъ, въ одинъ голосъ отвѣчаетъ: „видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!“ Крикнула старуха по поднебесью: „собирайся, птица воздушная!“ Птица летитъ, денной свѣтъ укрываетъ, въ одинъ голосъ отвѣчаетъ: „видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!“ — Больше некого спрашивать! говоритъ старуха, взяла Ивана-царевича за руку и повела въ избу; только вошли туда, налетѣла Моголь-

птица, пала на землю—въ окнахъ свѣту не стало. „Ахъ ты, птица Моголь! гдѣ была-гдѣ летала, отчего запоздала?“ — Ненаглядную Красоту къ обѣднѣ сряжала. „Того мнѣ и надоть! сослужи мнѣ службу вѣроу-правдою: снеси туда Ивана-царевича“. — Рада бы—сослужила, много пропитанья надоть! „Сколько много?“ — Три сороковки говядины да щ(ч)анѣ воды. Иванъ-царевичъ налилъ щанѣ воды, накупилъ быковъ, набилъ и наклалъ три сороковки говядины, усталилъ тѣ бочки на птицу, побѣжалъ въ кузницу и сковалъ себѣ копье длинное, желѣзное. Воротился и сталъ со старухой прощаться: „прощай, говорить, бабушка! корми моего добраго коня сыто—я тебѣ за все отплачу“. Сѣлъ на Моголь-птицу—въ ту-жъ минуту она поднялась и полетѣла. Летитъ, а сама безперечь оглядывается: какъ оглянется, Иванъ-царевичъ тотчасъ подаетъ ей на копѣ кусъ говядины. Вотъ летѣла-летѣла не мало времени, царевичъ двѣ бочки скормилъ, за третью принялся, и говорить: „ой, птица-Моголь! пади на сыру землю, мало пропитанья стало“. — Что ты, Иванъ-царевичъ! здѣсь лѣса дремучіе, грязи вязучія—намъ съ тобой по конецъ вѣка не выбратся. Иванъ-царевичъ всю говядину скормилъ и бочки спихалъ, а Моголь-птица летитъ-оборачивается. Что дѣлать! думаетъ царевичъ, вырѣзалъ изъ своихъ ногъ икры и далъ птицѣ; она проглотила, вылетѣла на луга зеленые, травы шелковныя, цвѣты лазоревые, и пала наземь. Иванъ-царевичъ всталъ,

идетъ по лугу—разминается, на обѣ ноги прихрамываетъ. „Что ты, царевичъ! али хромаешь?“ — Хромаю, Моголь-птица! давеча изъ ногъ своихъ икры вырѣзалъ и тебѣ скормилъ. Моголь-птица выхаркнула икры, приложила къ ногамъ Ивана-царевича, дунула-илюнула, и икры приросли—и пошелъ царевичъ и крѣпко и бодро. Пришелъ въ большой городъ и присталъ отдохнуть къ бабушкѣ-задворенкѣ. Говоритъ ему бабушка - задворенка: „спи, Иванъ-царевичъ! завтра, какъ ударятъ въ колоколъ, я тебя разбуджу“. Легъ царевичъ и тотчасъ уснулъ; день спитъ, ночь спитъ... зазвонили къ заутренѣ, прибѣжала бабушка-задворенка, стала его будить, что ни попадетъ въ руки—тѣмъ и бьетъ; нѣтъ, не могла сбудить. Отошла заутреня, зазвонили къ обѣднѣ, Ненаглядная Красота въ церковь поѣхала; прибѣжала бабушка-задворенка, принялась опять за царевича, бьетъ его чѣмъ ни попадя, насили-насилиу разбудила. Вскочилъ Иванъ-царевичъ скорехонько, умылся бѣлехонько, снарядился и пошелъ къ обѣднѣ. Пришелъ въ церковь, образами помолился, на всѣ стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ въ особину; стоятъ они рядомъ да Богу молятся. На отходѣ обѣдни она первая подъ крестъ, онъ второй за ней. Вышелъ на рундукъ, глянулъ на сине море—идутъ корабли; наѣхало шесть богатырей свататься. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну насмѣхаться: „ахъ ты, деревенская зобенка! по тебѣ-ль такая красавица? не стоишь ты ей

мизиннаго пальчика!“ Разъ говорятъ, и въ другой говорятъ, а въ третій сказали—ему бѣдно ¹⁾ стало: рукой махнулъ—улица, другой махнулъ—чисто, гладко кругомъ! Самъ ушелъ къ бабушкѣ-задворенкѣ. „Что, Иванъ-царевичъ, видѣлъ Ненаглядную Красоту?“—Видѣлъ, по вѣкъ не забуду. „Ну, ложись спать; завтра она опять къ обѣднѣ пойдетъ; какъ ударить колоколъ, я тебя разбужу“. Легъ царевичъ; день спитъ, ночь спитъ.. зазвонили къ заутренѣ, приближала бабушка задворенка, стала будить царевича, что ни попадетъ подъ руки—тѣмъ и бьетъ его; нѣтъ, не могла разбудить. Зазвонили къ обѣднѣ, она опять его бьетъ и будитъ. Вскочилъ Иванъ-царевичъ скорехонько, умылся бѣлехонько, снарядился и въ церковь. Пришелъ, образаъ помолился, на всѣ четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу; она на него глянула—покраснѣла. Стоять они радышномъ да Богу молятся; на исходѣ обѣдни она первая подъ крестъ, онъ второй за ней. Вышелъ царевичъ на рундукъ, поглядѣлъ на сине море—плывутъ корабли, наѣхало двѣнадцать богатырей: стали тѣ богатыри Ненаглядную Красоту сватать, Ивана-царевича на смѣхъ подымать: „ахъ ты, деревенская зобенка! по тебѣ-ль такая красавица? ты же стоишь ея мизиннаго пальчика!“ Отъ тѣхъ рѣчей ему бѣдно показалось; махнулъ рукой—стала улица, махнулъ другой—чисто и гладко кругомъ! Самъ къ бабушкѣ-

задворенкѣ ушелъ. „Видѣлъ-ли Ненаглядную Красоту?“ спрашиваетъ бабушка-задворенка. „Видѣлъ, по вѣкъ не забуду“.—Ну, спи; заутро я тебя опять разбужу. Иванъ-царевичъ день спитъ и ночь спитъ; ударили въ колоколъ къ заутренѣ, приближала бабушка-задворенка будить его; чѣмъ ни попадя бьетъ его, не жалѣючи, а разбудить никакъ не можетъ. Ударили въ колоколъ къ обѣднѣ, она все съ царевичемъ возится. Насилу добудилась его! Иванъ-царевичъ вскочилъ скорехонько, умылся бѣлехонько, снарядился и въ церковь. Пришелъ, образаъ помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу; она съ нимъ поздоровалась, поставила его по правую руку, а сама стала по лѣвую. Стоять они да Богу молятся; на исходѣ обѣдни онъ первый подъ крестъ, она вторая за нимъ. Вышелъ царевичъ на рундукъ, поглядѣлъ на сине море—плывутъ корабли, наѣхало двадцать четыре богатыря Ненаглядную Красоту сватать. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну надъ нимъ насмѣхаться: „ахъ ты, деревенская зобенка! по тебѣ-ль такая красавица? ты же стоишь ея мизиннаго пальчика!“ Стали къ нему со всѣхъ сторонъ подступать да невѣсту отбивать; Иванъ-царевичъ не стерпѣлъ: махнулъ рукой—улица, махнулъ другой—гладко и чисто кругомъ, всѣхъ до единого перебилъ. Ненаглядная Красота взяла его за руку, повела въ свои терема, сажала за столы дубовые, за скатерти бранныя, уго-

¹⁾ Обидно прикормно.

шала его—подчивала, своимъ же-
нихомъ называла. Вскорѣ потомъ
собрались въ путь-дорогу и поѣхали
въ государство Ивана - царевича.
Ѣхали-Ѣхали, и остановились въ
чистомъ полѣ отдыхать. Ненагляд-
ная Красота спать легла, а Иванъ-
царевичъ ея сонъ сторожить. Вотъ
она выспалась, пробудилась; гово-
рить ей царевичъ: „Ненаглядная
Красота! похрани моего тѣла бѣ-
лаго, я спать лягу“.—А долго-ль
спать будешь? „Девятеро сутокъ,
съ боку на бокъ не поворочусь, ста-
нешь будить меня—не разбудишь,
а время прійдетъ — самъ прос-
нусь“. — Долго, Иванъ-царевичъ!
мнѣ скучно будетъ „Скучно-нескучно,
а дѣлать нечего!“ Легъ спать, и
проспалъ какъ разъ девять сутокъ.
Въ то время пріѣхалъ Кощей Без-
смертной и увезъ Ненаглядную Кра-
соту въ свое государство.

Пробудился отъ сна Иванъ-царе-
вичъ, смотреть — нѣту Ненаглядной
Красоты; заплакалъ и пошелъ ни
путемъ-ни дорогою. Долго-ли, ко-
ротко ли — приходитъ въ государ-
ство Кощея Безсмертнаго и просится
на постой къ одной старухѣ. „Что,
Иванъ-царевичъ, печаленъ ходишь?“
—Такъ и такъ, бабушка! былъ со
всѣмъ, сталъ ни съ чѣмъ. „Худо
твое дѣло, Иванъ-царевичъ! тебѣ
Кощея не потребить (истребить)“.
Я хоть посмотрю на мою невѣсту!
„Ну ложись—спи до утра; завтра
Кощей на войну уѣдетъ“. Легъ
Иванъ-царевичъ, а сонъ и на умъ
не идетъ; поутру Кощей со двора,
а царевичъ во дворъ—сталъ у во-
ротъ и стучится. Ненаглядная Кра-

сота отворила, глянула и заплакала;
пришли они въ горницу, сѣли за
столъ и начали разговаривать. На-
учаеъ ее Иванъ-царевичъ: „спроси
у Кощея Безсмертнаго, гдѣ его
смерть?—Хорошо, спрошу. Только
успѣлъ онъ со двора уйти, а Ко-
щей во дворъ: „а! говорить, русской
кос(т)кой пахнетъ; знать, у тебя
Иванъ-царевичъ былъ“.—Что ты,
Кощей Безсмертной! гдѣ мнѣ Иванъ-
царевича видать? остался онъ въ
лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вя-
зучихъ, по сихъ поръ звѣри сѣли!
Стали они ужинать; за ужиномъ Не-
наглядная Красота спрашиваетъ:
„скажи мнѣ, Кощей Безсмертной:
гдѣ твоя смерть?“—На что тебѣ,
глупая баба? Моя смерть въ вѣнникъ
завязана. Рано утрою уѣзжаетъ
Кощей на войну. Иванъ царевичъ
пришелъ къ Ненаглядной Красотѣ,
взялъ тотъ вѣнникъ и чистымъ золо-
томъ ярко вызолотилъ. Только ус-
пѣлъ царевичъ уйти, а Кощей во
дворъ: „а! говорить, русской кос-
кой пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-
царевичъ былъ“.—Что ты, Кощей
Безсмертной! самъ по Руси леталъ,
русскаго духу нахватався—отъ тебя
русскимъ духомъ и пахнетъ. А мнѣ
гдѣ видать Ивана-царевича? остался
онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ гря-
зяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри
сѣли! Пришло время ужинать; Не-
наглядная Красота сама сѣла на
стулъ, а его посадила на лавку; онъ
взглянулъ подъ порогъ — лежитъ вѣ-
нникъ позолоченной. „Это что?“ —
Ахъ, Кощей Безсмертной! самъ ви-
дишь, какъ я тебя почитаю: коли
ты мнѣ дорогъ, такъ и смерть твоя

дорога". Глухая баба! то я попутилъ, моя смерть вонъ въ дубовомъ тину задѣлана". На другой день Кощей уѣхалъ, а Иванъ-царевичъ пришелъ, весь тинъ вызолотилъ. Къ вечеру ворочается Кощей Безсмертной: „а! говоритъ, русской коской пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ". — Что ты, Кощей Безсмертной! кажется, я тебѣ не разъ говаривала: гдѣ мнѣ видать Ивана-царевича? остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри растерзали. Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама сѣла на лавку, а его на стулъ посадила. Кощей взглянулъ въ окно—стоитъ тинъ поволоченой, словно жаръ горитъ! „Это что?" — Самъ видишь, Кощей Безсмертной! какъ я тебя почитаю: коли ты мнѣ дорога, такъ и смерть твоя дорога. Полюбилась эта рѣчь Кощей Безсмертному, говоритъ онъ Ненаглядной Красотѣ: „ахъ ты, глухая баба! то я попутилъ; моя смерть въ яйцѣ, то яйцо въ уткѣ, та утка въ кокорѣ ¹⁾, та кокура въ морѣ плаваетъ". Какъ только уѣхалъ Кощей на войну, Ненаглядная Красота испекла Ивану-царевичу пирожковъ и рассказала, гдѣ исцѣлить смерть Кошееву. Иванъ-царевичъ пошелъ ни путемъ—ни дорожкой пришелъ къ океанъ-мору пирожку, и не знаетъ, куда дальше идти, а пирожки давно вышли—ѣсть нечего. Вдругъ летитъ ястребъ. Иванъ-царевичъ прицѣлился: „ну, ястребъ! я тебя застрѣлю да сыр-

комъ съѣмъ ¹⁾". — Не ѣшь меня, Иванъ-царевичъ! въ нужное время я тебѣ пригожусь. Бѣжитъ медвѣдь: „ахъ, Миника косолапой! я тебя убью да сыромъ съѣмъ". — Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! въ нужное время я тебѣ пригожусь. Глядь—на берегу щука трепещется: „а, щука зубастая, попалася! я тебя сыромъ съѣмъ". — Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! лучше въ море брось; въ нужное время я тебѣ пригожусь. Стоитъ царевичъ и думаетъ: когда-то наступитъ нужное время, а теперь голодать пришлось! Вдругъ синѣ море всколыхалось, взволновалось, стало берегъ заливать; Иванъ-царевичъ бросился въ гору. Что есть силъ бѣжитъ, а вода за нимъ по пятамъ гонитъ; взбѣжалъ на самое высокое мѣсто и влѣзъ на дерево. Немного спустя начала вода сбывать; море стихло, улеглось, а на берегу очутилась большая кокура. Прибѣжалъ медвѣдь, поднялъ кокуру, да какъ хватить оземь—кокура развалилася, вылетѣла оттуда утка и взвилась высоко-высоко! Вдругъ, откуда ни взялся,—летитъ ястребъ, поймалъ утку и вмгъ разорвалъ ее пополамъ. Выпало изъ утки яйцо, да прямо въ море; тутъ подхватила его щука, поплыла къ берегу и отдала Ивану-царевичу. Царевичъ положилъ яйцо за пазуху и пошелъ къ Кощей Безсмертному. Приходитъ къ нему во дворъ, и встрѣчаетъ его Ненаглядная Красота, въ уста цѣлуетъ, къ плечу припадаетъ. Кощей Безсмертной сидитъ у окна да ругается: „а, Иванъ-царевичъ! хочешь

¹⁾ Кокора—пѣнь, лежащій на днѣ рѣки; выдолбленный колода.

¹⁾ Сырьемъ.

ты отнять у меня Ненаглядную Красоту, такъ тебѣ живому не быть“. — Ты самъ у меня ее отнял! отвѣчалъ Иванъ-царевичъ, вынулъ изъ-за пазухи яйцо и кажетъ Кошею: „а это что?“ У Кошея свѣтъ въ глазахъ помутился, тотчасъ онъ при-смирѣлъ — покорился. Иванъ-царевичъ переложилъ яйцо съ руки на руку — Кошея Безсмертнаго изъ угла въ уголъ бросило. Любо показалось это царевичу: давай чаще съ руки на руку перекладывать; перекладывалъ-перекладывалъ и смилъ со-всѣмъ — тутъ Кошей свалился и по-меръ. Иванъ-царевичъ запрѣгъ ло-шадей въ золотую карету, забралъ цѣлые мѣшки серебра и золота, и поѣхалъ вмѣстѣ съ своею невѣстою въ родному батюшкѣ. Долго ли, ко-ротко ли — пріѣзжаетъ онъ къ той самой старухѣ, что всякую тварь: рыбу, птицу и звѣря допрашивала, увидалъ своего коня: „слава Богу, говоритъ, воронко живъ!“ и щедро отсыпалъ старухѣ золота за его про-кормъ — хоть еще девяносто лѣтъ живи, и то не прожить! Тотчасъ снарядилъ царевичъ легкаго гонца и послалъ къ царю съ письмомъ, а въ письмѣ пишетъ: „батюшка! (в)стрѣчай сына; ѣду съ невѣстою Ненаглядной Красотою“. Отецъ по-лучилъ письмо, прочиталъ, и вѣры неиметь: „какъ тому быть! вить Иванъ-царевичъ уѣхалъ отсель де-вятисуточной“. Вслѣдъ за гонцомъ и самъ царевичъ пріѣхалъ; царь увидалъ, что ѣмъ истинную правду писалъ, выбѣжалъ на крыльцо встрѣ-чать и приказалъ въ барабаны бить, музыкѣ играть. „Батюшка! благо-слови жениться“. У царей не пиво

варить, ни вино курить — всего много; въ тотъ же день веселить пиркомъ да за свадебку. Обвѣчали Ивана-царевича съ Ненаглядной Кра-сотою и выставили по всѣмъ ули-цамъ большіе чаны съ разными на-питками; всякой приходи и пей, сколько душа запроситъ! И я тутъ былъ, медъ, вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было.

(Ае. Ст. I. 451—463).

(Записана въ Архангельской губ.)

13. Разсказъ о вѣдьмѣ.

Позднимъ вечеромъ пріѣхалъ одинъ казакъ въ село, остановился у крайней избы и сталъ проситься: „эй, хозяинъ! пусти пореночевать“. — Ступай, коли смерти не боишься. „Что за рѣчь такая!“ думаетъ ка-закъ. Поставилъ коня въ сарай, далъ ему корму и идетъ въ избу. Смо-треть: и мужики, и бабы, и малые ребятишки — всѣ навзрыдъ плачутъ да Богу молятся; помолились и стали надѣвать чистыя рубашки. „Чего вы плачете?“ спрашиваетъ казакъ. — Да вишь, отвѣчаетъ хозяинъ, въ на-шемъ селѣ по ночамъ смерть ходитъ; въ какую избу ни заглянетъ — такъ на утро клади всѣхъ жильцовъ въ гроба да вози на погостъ. Нынѣш-нюю ночь за нами очередь. „Э, хо-зяинъ! не бойся; Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“. Хозяева легли спать; а казакъ себѣ на умѣ — и глазъ не смыкаетъ. Въ самую пол-ночь отворилось окно; у окна пока-залась вѣдьма — вся въ бѣломъ, взяла кропило, просунула руку въ избу и только хотѣла кропить — какъ вдругъ

казаке размахнулся своею саблею и отсек ей руку по самое плечо. Вѣдьма захохала, завизжала, по-собачьи забрехала и убѣжала прочь. А казакъ поднялъ отрубленную руку, спряталъ въ свою шинель, кровь зашилъ и легъ спать. Поутру проснулись хозяева, смотреть—все до единого живы—здоровы, и несказанно обрадовались. „Хотите, говорить казакъ, я вамъ смерть покажу? Соберите скорѣй всѣхъ сотниковъ и десятниковъ, да пойдемте ее по селу искать. Тотчасъ собрались все сотники и десятники и пошли по домамъ; тамъ нѣту, здѣсь нѣту, наконецъ добрались до пономарской избѣ. „Вся ли семья твоя налицо?“ спрашиваетъ казакъ.—Нѣтъ, родимой! одна дочка больна, на печи лежитъ. Казакъ глянулъ на печь, а у дѣвки рука отсѣчена; тутъ онъ объявилъ все, какъ было, вынулъ и показалъ отрубленную руку. Миръ наградила казака деньгами, а эту вѣдьму присудилъ утопить.

Ае. Ск. III, 283—284.

(Записана въ Архангел. г.).

14. Коровья смерть ¹⁾.

Мужикъ ѣхалъ съ мельницы поздною порою; на-встрѣчь ему плетется старуха и говоритъ: „подвези меня, дѣдушка!“—Да куда тебѣ?—„Вонъ до этого селенія, родимый, куда и ты, чай, ѣдешь“.—А кто же ты, бабушка?—„Лѣчейка, родимый, коровъ лѣчу“.—А гдѣ-жъ

¹⁾ „Во многихъ мѣстахъ вѣрятъ, что коровья смерть (скотскій падежъ) или сама набѣгаетъ, или ее завозятъ“.

Терещ. VI, 42.

ты лѣчила?—„А вотъ лѣчила у Истоминой, да тамъ все переколѣли. Что дѣлать! Недавно привезли меня, и я захватить не успѣла“.

Мужикъ посадилъ бабу на возъ и поѣхалъ; но, прѣхавши къ *ростанямъ* (перекрестку), забылъ свою дорогу,—а ужъ затемнѣло. Мужикъ сотворилъ молитву, снялъ шапку и перекрестился. Глядь,—а бабы не бывало! Она, оборотясь въ черную собаку, бѣжала къ селенію, и на завтра въ крайнемъ дворѣ пали три коровы.—Мужикъ привезъ коровью смерть.

Терещ. Б. Р. Н. ч. IV, 42.

15. Сестрица Алѣнушка, братецъ Иванушка.

Жили-были себѣ царь и царица; у нихъ были сынъ и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Алѣнушкой. Вотъ царь съ царицею померли; остались дѣти одни и пошли странствовать по бѣлу свѣту. Шли, шли, шли... идутъ и видятъ прудъ, а около пруда пасется стадо коровъ. „Я хочу пить“, говоритъ Иванушка.—Не пей, братецъ! а то будешь телѣночкомъ, говоритъ Алѣнушка. Онъ послушался, и пошли они дальше. Шли, шли, и видятъ рѣку, а около ходитъ табунъ лошадей. „Ахъ, сестрица! еслибъ ты знала, какъ мнѣ пить хочется“.—Не пей, братецъ! а то сдѣлаешься жеребѣночкомъ. Иванушка послушался, и пошли они дальше. Шли, шли и видятъ озеро, а около него гуляетъ стадо овецъ. „Ахъ, сестрица! мнѣ страшно пить хочется“.—Не пей, братецъ! а то будешь ба-

ранчикомъ. Иванушка послушался, и пошли они дальше. Шли, шли и видятъ ручей, а возлѣ стерегутъ свиней. „Ахъ, сестрица! я напьюся; мнѣ ужасно пить хочется“. — Не пей, братецъ! а то будешь поросеночкомъ. Иванушка опять послушался, и пошли они дальше. Шли, шли, и видятъ: пасется у воды стадо козъ. „Ахъ, сестрица! я напьюся“. — Не пей, братецъ! а то будешь козлёночкомъ. Онъ не вытерпѣлъ и не послушался сестры, напился и сталъ козлёночкомъ, прыгаетъ передъ Алёнушкой и кричитъ: мекеке! мекеке!

Алёнушка обвязала его шелковымъ поясомъ и повела съ собою, а сама-то плачетъ, горько плачетъ... Козлёночекъ бѣгалъ-бѣгалъ и забѣжалъ разъ въ садъ къ одному царю. Люди увидали и тотчасъ докладываютъ царю: „у насъ, ваше царское величество, въ саду козлёночекъ, и держитъ его на поясѣ дѣвица, да такая изъ себя красавица“. Царь приказалъ спросить, кто она такая. Вотъ люди и спрашиваютъ ее: откуда она и чьего роду-племени? — „Такъ и такъ, говоритъ Алёнушка, былъ царь и царица, да померли; остались мы дѣти: я — царевна, да вотъ братецъ мой, царевичъ; онъ не утерпѣлъ, напился водички и сталъ козлёночкомъ“. Люди доложили все это царю. Царь позвалъ Алёнушку, расспросилъ обо всемъ; она ему приглянулась, и царь захотѣлъ на ней жениться. Скоро сдѣлали свадьбу и стали жить себѣ, и козлёночекъ съ ними — гуляетъ себѣ по саду, а пьютъ и ѣсть вѣстѣ съ царемъ и съ царицею.

Вотъ поѣхалъ царь на охоту.

Тѣмъ временемъ пришла колдунья и навела на царицу порчу: сдѣлалась Алёнушка больная, да такая худая да блѣдная. На царскомъ дворѣ все приуныло; цвѣты въ саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть. Царь воротился и спрашиваетъ царицу: „али ты чѣмъ нездорова?“ — Да, хвораю, говоритъ царица. На другой день царь опять поѣхалъ на охоту. Алёнушка лежитъ больная: приходитъ къ ней колдунья и, говоритъ: „хочешь, я тебя вылѣчу? выходи къ такому-то морю столько-то зорь и пей тамъ воду“. Царица послушалась и въ сумеркахъ пошла къ морю, а колдунья ужъ дожидается, схватила ее, навязала ей на шею камень и бросила въ море. Алёнушка пошла на дно; козлёночекъ прибѣжалъ и горько-горько заплакалъ. А колдунья оборотилась царицею и пошла во дворецъ. Царь прибѣжалъ и обрадовался, что царица опять стала здорова. Собрали на столъ и сѣли обѣдать. „А гдѣ же козлёночекъ?“ спрашиваетъ царь. — Не надо его, говоритъ колдунья; я не велѣла пускаться; отъ него такъ и несетъ козлятиной! На другой день, только царь уѣхалъ на охоту, колдунья козлёночка била-била, колотила-колотила, и грозитъ ему: „вотъ воротится царь, я попрошу тебя зарѣзать“. Прибѣжалъ царь; колдунья такъ и пристаётъ къ нему: прикажи да прикажи зарѣзать козлёночка; онъ мнѣ надоѣлъ, опротивѣлъ совсѣмъ! Царю жалко было козлёночка, да дѣлать нечего — она такъ пристаётъ, такъ упрашиваетъ, что царь наконецъ согласился и

позволилъ его зарѣзать. Видитъ козлёночекъ: ужъ начали точить на него ножи булатные; заплакалъ онъ, побѣжалъ къ царю и просится: „царь! пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать“. Царь пустилъ его. Вотъ козлёночекъ прибѣжалъ къ морю, сталъ на берегу и жалобно закричалъ:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережокъ.
Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушко-братецъ!
Тяжолъ ¹⁾ камень ко дну тянеть,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ заплакалъ и воротился назадъ. Посерѣдъ дня опять просится онъ у царя: „царь! пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать.“ Царь пустилъ его. Вотъ козлёночекъ прибѣжалъ къ морю и жалобно закричалъ.

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережокъ,
Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушко-братецъ!
Тяжолъ камень ко дну тянеть,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ заплакалъ и воротился домой. Царь и думаетъ: что бы это значило, козлёночекъ все

¹⁾ Слово это произносятъ на мѣстномъ нарѣчьи: „чиголь“.

бѣгаетъ на море? Вотъ попросился козлёночекъ въ третій разъ: „царь! пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать“. Царь отпустилъ его, и самъ пошелъ за нимъ слѣдомъ; приходитъ къ морю и слышитъ — козлёночекъ вызываетъ сестрицу:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережокъ,
Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушко-братецъ!
Тяжолъ камень ко дну тянеть,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ опять началъ вызывать сестрицу. Алёнушка всплыла сверху и показалась надъ водой. Царь ухватилъ ее, сорвалъ съ шеи камень и вытащилъ Алёнушку на берегъ, да и спрашиваетъ: какъ это случилось? Она ему все рассказала. Царь обрадовался, козлёночекъ тоже — такъ и прыгаетъ, въ саду все зазеленѣло и зацвѣло. А колдунью приказалъ царь казнить: разложили на дворѣ костеръ дровъ и сожгли ее. Послѣ того царь съ царицей и съ козлёночкомъ стали жить да поживать, да добра наживать, и по прежнему виѣсть и пили и ѣли.

Ае. Ск. II, 507—511.

(Записана въ Бобровскомъ у. Воронежской губ.).

16. Объ Уманѣ.

Жила была старуха, была у ней дочь. Пошла ея дочь съ дѣвками купаться въ прудъ. Поскидали онѣ рубахи, полѣзли купаться. Изъ пруда вылѣзъ ужакъ, легъ на рубаху

этой дочери. Дѣвки всѣ вылѣзли, надѣли рубахи, и старухина дочь хотѣла надѣтъ, а на ней ужакъ лежить. Она стала его сгонять. Онъ сидитъ, не пускаетъ. Ужакъ говоритъ: „пойди замужъ за меня, то отдамъ рубаху“. Она было не хотѣла за него замужъ пойти. А тѣ дѣвки говорятъ: „можно развѣ за него замужъ идти! скажи: пойду“. Она и сказала: „ну, пойду“. Ужакъ слѣзъ съ рубахи, прямо въ воду. Она надѣла рубаху, пошла домой. Пришла и рассказываетъ матери: „мамо, мамы, такъ и такъ, ужакъ на мою рубаху легъ и говоритъ: пойди за меня замужъ, а то не отдамъ рубаху; я и сказала: пойду“.—И, дура, что ты мелешь, развѣ можно за ужака идти! Такъ и оставили, забыли про это дѣло.

Недѣля проходитъ, видятъ: тутъ ужакъовъ ползетъ много, большое стадо. А эта дѣвка говоритъ: „ахъ, мамы, за мной, за мной!“ Мать скорѣй ворота заперла, сѣнцы заперла. Ужаки кинулись было въ ворота—ворота заперты, въ сѣнцы кинулись—сѣнцы заперты. Какъ сейчасъ свернутся клубкомъ, ударились по окну, разбили окно и полѣзли всѣ въ избу. А дѣвка на печи. Они за ней. Сволокли съ печи и повели вонъ изъ избы. Мать такъ и воетъ, провожаетъ ее. Они доползли до пруда. Въ прудъ прямо нырнули съ этой дѣвкой и стали тамъ людьми. Мать осталась на плотинѣ, повыла да и пошла домой.

Прошло три года; нажила она дѣтей, сына да дочь. Стала она у мужа проситься въ гости къ матери своей. Вывелъ онъ ее изъ воды. Она и спрашиваетъ: „какъ же мнѣ тогда

покликать тебя“? Онъ говоритъ: „ты меня покличь: Осипъ, Осипъ, выйди сюда; я и выйду“.—Она пошла къ матери, а онъ въ воду опять нырнулъ. Дѣвочку она понесла на рукахъ, а мальчика за руку ведетъ. Мать и встрѣчаетъ, такъ рада ей. „Здравствуй, матушка!“—Хорошо ли тамъ тебѣ было жить?—„Хорошо, матушка, мнѣ тамъ жить, лучше вашего“. Посидѣли онѣ, погупотили. Собрала мать тамъ ей обѣдать. Она пообѣдала. Мать и спрашиваетъ: „какъ жетвоего мужа зовутъ?“ Она говоритъ: „Осипомъ“.—А какъ же ты пойдешь домой?—Пойду къ плотинѣ, покличу: Осипъ, Осипъ, выйди сюда, онъ и выйдетъ.—Мать говоритъ: „ляжь, дочка, отдохни“. Она легла и заснула. Мать сейчасъ взяла топоръ, остро наточила и пошла на плотину. Пришла на плотину, стала кликать: „Осипъ, Осипъ, выйди сюда“. Осипъ какъ только показалъ голову, какъ эта старуха махнетъ топоромъ и срубила ему голову. А вода въ рѣкѣ такъ кровью и задернулась. Старуха пошла домой. Приходитъ домой, а дочь проснулась.—Ой, говоритъ, матушка, скучно мнѣ что-то, пойду домой.—Ночуй у меня, дочка, можетъ не придется тебѣ еще побывать у меня. Осталась дочка. Переночевала. Поутру встала; мать ей собрала позавтракать. Она позавтракала, простилась съ матерью и пошла. Дѣвочку взяла на руки, а мальчикъ за ней идетъ. Пришла на плотину и кличетъ: Осипъ, Осипъ, выйди сюда. Кликкала, кликала, а онъ неидетъ. Взглянула въ воду, а голова плаваетъ по водѣ. Дочь

и догадалась. Ахъ, это мать моя убила! Выла, выла тутъ на берегу и говорить на свою дочку: „полети птичкой подкраивничкой отнынѣ до вѣку“. А на сына говорить: „ты полети, сыночекъ, соловейчикомъ отнынѣ до вѣку. А я полечу отнынѣ до вѣку кукушкой куковать“.

О. Милл., Хр., 69—71.

(Изъ Эрменвейна. Нар. сказки, стр. — 6—8).

17. Правда и Кривда.

а. Однажды спорила Кривда съ Правдою: чѣмъ лучше жить—кривдой, или правдой? Кривда говорила: лучше жить кривдою; а Правда утверждала: лучше жить правдою. Спорили-спорили, никто не переспорить. Говорить Кривда: „пойдемъ къ писарю, онъ насъ разсудитъ!“—Пойдемъ, отвѣчаетъ Правда. Вотъ пришли къ писарю. „Рѣши нашъ споръ, говоритъ Кривда: чѣмъ лучше жить—кривдою, али правдою?“ Писарь спросилъ: „о чемъ вы бѣтаетесь?“—О ста рубляхъ. „Ну ты, Правда, проспорила; въ наше время лучше жить кривдою.“ Правда вынула изъ кармана сто рублей и отдала Кривдѣ, а сама все стоитъ на своемъ, что лучше жить правдою. „Пойдемъ къ судѣ, какъ онъ рѣшитъ?“ говоритъ Кривда: „коли по твоему—я тебѣ плачу тысячу рублей, а коли по моему—ты мнѣ должна оба глаза отдать“.—Хорошо, пойдемъ. Пришли онѣ къ судѣ, стали спрашивать: чѣмъ лучше жить? Судья сказалъ то же самое: „въ наше время лучше жить кривдою“.—Подавай-ка свои глаза! говоритъ Кривда Правдѣ; выколола у ней глаза и

ушла—куда знала. Осталась Правда безглазая, пала лицомъ наземь и поползла ошупью. Доползла до болота и легла въ травѣ. Въ самую полночь собралась туда невѣрная сила. Набольшой сталъ всѣхъ спрашивать: кто и что сдѣлалъ? Кто говорить: я душу загубилъ; кто говорить: я того-то на грѣхъ смутилъ; а Кривда въ свой чередъ похваляется: „я у Правды сто рублей выспорила да глаза выколола!“—Что глаза! говорить набольшой; стоитъ потерять тутошней травкою—глаза опять будутъ! Правда лежитъ да слушаетъ. Вдругъ крикнули пѣтухи, и невѣрная сила разомъ пропала. Правда нарвала травки и давай тереть глаза; потеряла одинъ, потеряла другой—и стала видѣть по-прежнему; захватила съ собой этой травки и пошла въ путь-дорогу. Въ это время у одного царя ослѣпла дочь, и сдѣлалъ онъ кличъ: кто вылѣчитъ царевну, за того отдастъ ее замужъ. Правда приложила ей къ очамъ травку, потеряла и вылѣчила; царь обрадовался, женилъ Правду на своей дочери и взялъ къ себѣ въ домъ...

Ае. Ск. I, 223—224.

б. Были два брата: одинъ богатой, другой бѣдной. Богатой сдѣлалъ пирушку, позвалъ гостей, позвалъ и брата. Братъ пришелъ всѣхъ наперво ¹⁾; послѣ него начали собираться гости. Когда набралось ихъ много, хозяинъ началъ подвигать своего брата ниже; говорить ему: „поди-ка ты, братъ, по-

¹⁾ Пржеде.

ниже!“ Братъ подвигался—подвигался, и додвинулся до самыхъ дверей; больше ужъ и мѣста нѣтъ! А гостей все прибываетъ... Говорить наконецъ богатой бѣдной: „подика ты къ чорту, дай другимъ мѣсто!“ Бѣдной братъ вышелъ на улицу и побѣжалъ на рѣку. Ходить по берегу мельникъ; бѣдной его и спрашиваетъ: „скажи, гдѣ чортъ живетъ?“ Тотъ отвѣчаетъ; „вонъ, поди-скочи въ бучило!“¹⁾ Вотъ бѣдной туда скочилъ, и объявился²⁾ въ избѣ—въ той избѣ никого нѣтъ. Онъ западъ³⁾ тутъ, чтобъ его не видно было, и сидитъ себѣ смирно да тихо. Скоро собрался въ избу бѣсенки; собрались и стали промежъ себя похвалиться. Одинъ хромоу говоритъ: я мельницу прорылъ—ни за что ее не укрѣпить!“ А другіе ему въ отвѣтъ: „какъ не укрѣпить? мельникъ укрѣпитъ!“—Чѣмъ? „Онъ накладетъ терновнику да шиповнику; тѣмъ дѣло и устроить!“ Мужикъ слушаетъ ихъ рѣчи... Когда бѣсенъ убѣждалъ изъ избы, а мужикъ остался одинъ—онъ тотчасъ выскочилъ оттуда, вынырнулъ изъ-подъ воды и очутился на-верху. Мельникъ все по берегу ходитъ, не знаетъ-не вѣдаетъ—чѣмъ укрѣпить мельницу. Бѣдной говоритъ: „награди меня, я укрѣплю твою мельницу.“—Возьми, что угодно; хоть цѣлой возъ денегъ дамъ, только укрѣпи пожалуйста! „Натаскай терновника да шиповника, тѣмъ и устрой!“ Мельникъ тотчасъ набилъ сван, накидалъ терновнику, набросалъ шиповнику, сверху

землей заровнялъ—и укрѣпилъ мельницу, а мужику цѣлой возъ денегъ насыпалъ. Бѣдной увезъ деньги домой; надо въ кладовую таскать, а не въ чемъ. Вотъ онъ посылаетъ своего сына къ богатому брату и наказываетъ попросить у него четуху¹⁾. Богатой спрашиваетъ: „на что четуху?“—Деньги изъ телѣги въ кладовую носить. „Какія тамъ деньги? что вы смѣтаете надо мной—что ли? у васъ денегъ николи не водилось!“ и не далъ четухи. Мальчикъ пришелъ безо всего и говоритъ отцу: „дядя не далъ четухи, слышите: на что вамъ!“ Отецъ посылаетъ сына въ другой разъ: поди еще, да хорошенько попроси“. Мальчикъ опять къ дядѣ: „дай, говоритъ четуху; надо деньги таскать“. Богатой дивится, не вѣритъ: „стунай я самъ принесу!“ Приноситъ къ бѣдному брату четуху, увидалъ полной возъ денегъ, и сталъ спрашивать: „скажи, братъ, гдѣ взялъ монету? Гляди-ка, у тебя ея цѣлѣе вороха набросаны!“—А помнишь, какъ ты послалъ меня къ чорту? Вотъ я къ чорту сходилъ, и добро получилъ. Богатому забѣдно²⁾ стало, пошелъ искать чорта. Прибѣжалъ на рѣку; а мельникъ по берегу ходитъ да радуется, что укрѣпилъ свою мельницу. Спрашиваетъ его богатой: „гдѣ чортъ живетъ?“—Вонъ, поди въ бучило! Онъ бросился и объявился въ избѣ. Начали бѣсенки опять собираться въ избу и разговариваютъ промежъ себя: „вотъ мельникъ укрѣпилъ-таки мельницу

¹⁾ Мѣсто внизу мельничныхъ колесъ.—

²⁾ Очутился.—³⁾ Спрятался.

¹⁾ Четверикъ. ²⁾ Завидно.

и терновникомъ, и шиповникомъ; теперь не разломать!" Хромой бѣсенокъ сталъ говорить: „а что, братцы! не подслушивается ли кто наши рѣчи? Давай искать вездѣ". И нашли богатаго брата въ углу. „А! дакъ это ты перекосилъ наши рѣчи?" Взяли его—задавили и бросили въ омутъ.

Ас. Ск. I, 226—228.

18. Горе.

Въ одной деревушкѣ жили два мужика, два родные брата: одинъ былъ бѣдной, другой богатымъ. Богачъ переѣхалъ на житье въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ и записался въ купцы; а у бѣднаго иной разъ нѣтъ ни куска хлѣба, а ребятишки—малъ-мала меньше—плачутъ да мать просятъ. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Говоритъ онъ одному своей женѣ: „дай-ка пойду въ городъ, попрошу у брата: не поможетъ ли чѣмъ!" Пришелъ къ богатому: „ахъ, братецъ родимый! ножки сколько-нибудь моему горю; жена и дѣти безъ хлѣба сидятъ, но цѣлыми днями голодаютъ". — Проработай у меня эту недѣлю, тогда и помогу! Что дѣлать? привался бѣдной за работу: и дворъ чистить, и лешадей холить, и воду возить, и дрова рубить. Черезъ недѣлю даетъ ему богатой одну мовригу хлѣба: „вотъ тебѣ за труды!" — И за то спасибо! сказалъ бѣдной, поклонился и хотѣлъ было домой идти. „Постой! приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости, и жену приводи: вѣдь

завтра—мой именины". — Эхъ, братецъ! куда мнѣ! самъ знаешь: къ тебѣ придутъ купцы въ сапогахъ да въ шубахъ, а я въ лаптахъ хожу да въ худенькомъ сѣромъ кафтаникѣ. „Ничего, приходи! и тебѣ будетъ мѣсто". — Хорошо, братецъ! приду. Вернулся бѣдной домой, отдалъ женѣ ковригу, и говоритъ: „слушай, жена! наавстрее насъ съ тобой въ гости звали". — Какъ въ гости? кто звалъ? „Братъ; онъ завтра именины". — Ну, что-жъ! пойдемъ. Наутро встали и пошли въ городъ, пришли къ богатому, поздравили его и усѣлись на лавки. За столомъ ужъ много именитыхъ гостей сидѣло; всѣхъ ихъ угощаютъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата и его жену и думать забылъ—ничего имъ не даетъ; они сидятъ да только посматриваютъ, какъ другіе пьютъ да ѣдятъ. Кончился обѣдъ; стали гости изъ-за стола вылазить да хозяина съ хозяйкой благодарить, и бѣдой томъ — поднялся съ лавки и кланяется брату въ поясъ. Гости поѣхали домой пьяные, веселые; шуметь, пѣсни пѣть. А бѣдой идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ; „дай-ка, говоритъ женѣ, и мы запоемъ пѣню!" — Эхъ ты, дуракъ! люди пѣтъ оттого, что сладко поѣли да много выпили; а ты съ чего пѣтъ вадумалъ? „Ну, все-таки у брата на именинахъ былъ; безъ пѣсенъ мнѣ стыдно идти. Какъ я запою, такъ всякой надумаетъ, что и меня угостили..." — Ну, пой, коли хочешь, а я не стану! Мужикъ занялъ пѣсню, и послышалось ему два голоса; онъ пересталъ

и спрашивает жену: „это ты мнѣ подсобляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?“ — Что съ тобой? я вовсе и не думала. „Такъ кто-же?“ — Не знаю, сказала баба; а ну, запой, я послушаю. Онъ опять запѣлъ; поетъ-то одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: „это ты, Горе, мнѣ пѣть подсобляешь?“ Горе отозвалось: „да, хозяйникъ! это я подсобляю“. — Ну, Горе, пойдемъ съ нами вмѣстѣ. „Пойдемъ, хозяйникъ! я теперь отъ тебя не отстану“. Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говоритъ: „у меня денегъ нѣтъ!“ — Охъ, ты, мужичокъ! да на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто будетъ, все равно носить не станешь! пойдемъ въ кабакъ, да полушубокъ по боку... Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе захало, съ похмелья голова болитъ, и опять зоветъ хозяина винца испить. „Денегъ нѣтъ!“ говоритъ мужикъ. „Да на что намъ деньги? возьми сани да телѣгу — съ насъ и довольно!“ Нечего дѣлать, не отбиться мужику отъ Гора; взялъ онъ сани и телѣгу, потащилъ въ кабакъ и пропилъ вмѣстѣ съ Горемъ. Наутро Горе еще больше захало, зоветъ хозяина опохмелиться; мужикъ пропилъ и борону, и соху. Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снесъ. Горе опять пристаётъ къ нему: „пойдемъ да пойдемъ въ кабакъ!“ — Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего. „Какъ

нечего? у твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой пропить надобно“. Мужикъ взялъ сарафанъ, пропилъ и думаетъ: „вотъ когда чистъ! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!“

Поутру проснулось Горе, видитъ, что у мужика нечего больше взять, и говоритъ: „хозяйникъ!“ — Что, Горе? „А вотъ что: ступай къ сосѣду, попроси у него пару воловъ съ телѣгомъ“. Пошелъ мужикъ къ сосѣду: „дай, просить, на времячко пару воловъ съ телѣгомъ; я на тебя хоть недѣлю за то проработаю“. На что тебѣ? „Въ лѣсъ за дровами съѣздить“. — Ну, возьми; только не великъ возъ накладывай. „И, что ты, кормилецъ!“ Привелъ пару воловъ, сѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ на телѣгу и поѣхалъ въ чистое поле. „Хозяйникъ! спрашиваетъ Горе, знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?“ — Какъ не знать! „А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему“. Приѣхали они на то мѣсто, остановились и выѣзжали изъ телѣги. Горе велитъ мужику поднимать камень; мужикъ поднимаетъ, Горе подсобляетъ; вотъ подняли, а подъ камнемъ яма — полна золотомъ насыпана. „Ну, что глядишь? сказываетъ Горе мужику; таскай скорѣй въ телѣгу“. Мужикъ принялся за работу и насыпалъ телѣгу золотомъ, все изъ ямы выбралъ до послѣдняго червонца; видитъ, что ужъ больше ничего не осталось, и говоритъ: „посмотри-ко, Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?“ Горе наклонился: „гдѣ? я что-то не вижу!“ — Да вонъ въ углу свѣтятся! „Нѣтъ,

не вижу“. — Подѣзай въ яму, такъ и увидишь. Горе полѣзло въ яму; только что опустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камнемъ. „Вотъ эдакъ-то лучше будетъ! сказалъ мужикъ; не то коли взять тебя съ собою, такъ ты, Горе-горемычное, хоть не скоро, а все-же пропьешь и эти деньги!“ Приѣхалъ мужикъ домой, свалилъ деньги въ подвалъ, воловъ отвелъ къ сосѣду, и сталъ думать, какъ бы себя устроить; купилъ лѣсу, выстроилъ большіе хоромы и зажилъ вдвое богаче своего брата. Долго ли, коротко ли — поѣхалъ онъ въ городъ просить своего брата съ женой къ себѣ на именины. „Вотъ что выдумалъ! сказалъ ему богатой братъ; у самого ѣсть нечего, а ты еще именины справляешь!“ — Ну, когда-то было нечего ѣсть, а теперь, слава Богу! имѣю не меньше твоего; приѣзжай — увидишь. „Ладно, приѣду!“ На другой день богатой братъ собрался съ женою, и поѣхали на именины; смотреть, а у бѣднаго-то голыша хоромы новыя, высокіе: не у всякаго купца такіе есть! Мужикъ угостилъ ихъ, употчивалъ всякими наѣдками, напойлъ всякими медами и винами. Спрашиваетъ богатой у брата: „скажи, пожалуй, какими судьбами разбогатѣлъ ты?“ Мужикъ рассказалъ ему по чистой совѣсти, какъ привязалось къ нему Горе-горемычное, какъ пропилъ онъ съ Горемъ въ кабацѣ все свое добро до послѣдней нитки: только и осталась, что душа въ тѣлѣ! какъ Горе указало ему кладъ въ чистомъ полѣ, какъ онъ забралъ этотъ кладъ, да отъ Горя избавился. Завистно стало

богачу; дай, думаетъ, поѣду въ чистое поле, подниму камень да выпущу Горе — пусть оно до тла разоритъ брата, чтобъ не смѣлъ передо мной своимъ богатствомъ чваниться! Отпустилъ свою жену домой, а самъ въ поле погналъ; подѣхалъ къ большому камню, своротилъ его въ сторону и наклонился посмотреть, что тамъ подъ камнемъ? Не успѣлъ порядкомъ головы нагнуть — а ужъ Горе выскочило и уцѣлось ему на шею: „а! кричить, ты хотѣлъ меня здѣсь уморить! Нѣтъ, теперь я отъ тебя ни за что не отстану“. — Послушай, Горе! сказалъ купецъ; вовсе не я засадилъ тебя подъ камень... „А кто же, какъ не ты?“ — Это мой братъ тебя засадилъ, а я нарочно пришелъ, чтобъ тебя выпустить. „Нѣтъ, врешь! одинъ разъ обманулъ, въ другой не обманешь!“ Крѣпко наѣло Горе богачу купцу на шею; привезъ онъ его домой, и пошло у него все хозяйство вкривъ да вкось. Горе ужъ съ утра за свое принимается, каждой день зоветъ купца опохмелиться; много добра въ кабацѣ ушло! „Эдакъ несходно жить! думаетъ про себя купецъ; кажись, довольно потѣшилъ я Горе; пора-бъ и разстаться съ нимъ, да какъ?“ Думалъ-думалъ, и выдумалъ: пошелъ на широкой дворъ, обтесалъ два дубовыхъ клина, взялъ новое колесо и на-крѣпко вбилъ клинъ съ одного конца въ тулку. Приходить къ Горю: „что ты, Горе, все на боку лежишь?“ — А что-жъ мнѣ больше дѣлать? „Что дѣлать! пойдемъ на дворъ въ гульчики играть“. А Горе и радо; вышли на дворъ. Сперва купецъ спрятался — Горе сей-

часть его нашло, послѣ того чередъ Горю прятаться: „ну, говорить, меня не скоро найдешь! я хоть въ какую щель забьюсь!“ — Куда тебѣ! отвѣчаетъ купецъ; ты въ это колесо не влѣзаешь, а то — въ щель! „Въ колесо не влѣзу? смотри-ка, еще какъ спрячусь!“ Влѣзло Горю въ колесо; купецъ взялъ да и съ другого конца забилъ въ тулку дубовой клинъ, поднявъ колесо и забросилъ его вмѣстѣ съ Горемъ въ рѣку. Горю потонуло, а купецъ сталъ жить по старому, по прежнему.

Ав. Ст. III, 102—106.

(Записана въ Новгородской г.).

19. Горшечникъ.

Вдѣтъ дорогою горшечникъ; встрѣчу ему прохожій: „найми, говорить, меня въ работники!“ — Да умѣешь ли ты горшки дѣлать? „Еще какъ умѣю-то!“ Вотъ порядились, ударили по рукамъ и поѣхали вѣсть. Пріѣзжаютъ домой, работникъ и говоритъ: „ну, хозяинъ! приготовь сорокъ возовъ глины, завтра я за работу примусь!“ Хозяинъ приготовилъ сорокъ возовъ глины; а работникъ-то былъ — самъ нечистой, и наказываетъ онъ горшечнику: „я стану по ночамъ работать, а ты ко мнѣ въ сарай не ходи!“ — Отчего такъ? „Ну, да ужъ такъ! Придешь — бѣды наживешь!“ Наступила темная ночь; какъ разъ въ двѣнадцать часовъ закричалъ нечистой громкимъ голосомъ — и собралось къ нему чертенятъ видимо-невидимо, начали горшки лѣпить; пошелъ громъ, стукъ, хохотъ по всему двору. Хозяинъ не вытерпѣлъ:

„дай пойду — посмотрю!“ Приходить къ сараю, заглянулъ въ щелочку — сидятъ черти на корточкахъ да горшки лѣпятъ; только одинъ хромой не работаетъ, по сторонамъ смотреть, увидалъ хозяина, схватилъ комъ глины да какъ пустить — и попалъ ему прямо въ глазъ! Окривѣлъ хозяинъ на одинъ глазъ и вернулся въ избу, а въ сарай-то тамъ да хохотъ пуще прежняго! Наутро говоритъ работникъ: „эй, хозяинъ! ступай горшки считать, сколько за одну ночь наработано“. Хозяинъ сосчиталъ — сорокъ тысячъ наработано. „Ну, теперь готовъ мнѣ десять сажень дровъ; въ эту ночь стану обжигать горшки“. Ровно въ полночь опять закричалъ нечистой громкимъ голосомъ; сбѣжались къ нему со всѣхъ концовъ чертенята, перебили все горшки, покидали черепье въ печь и давай обжигать. А хозяинъ закрестилъ щелочку и смотритъ; „ну, думаетъ, пропала работа!“ На другой день зоветъ его работникъ: „погляди, хорошо ли сдѣлалъ?“ Хозяинъ приходитъ смотреть — все сорокъ тысячъ горшечковъ стоятъ цѣлы, одинъ одного лучше! На третью ночь созвалъ нечистой чертенятъ, раскрасилъ горшки разными цвѣтами, и все до послѣдняго на одинъ возъ укалъ. Дождался хозяинъ базарнаго дня и повезъ горшки въ городъ на продажу; а нечистой приказалъ своимъ чертенятамъ бѣгать по всѣмъ домамъ, по всѣмъ улицамъ, да народъ скликать — горшки покупать. Сейчас повалилъ народъ на базаръ: обступили со всѣхъ сторонъ горшечника и въ полчаса весь товаръ разобрали.

Пріѣхалъ мужикъ домой, и полонъ иѣшюкъ денегъ привезъ. „Ну, говоритъ ему нечистой, давай барышни дѣлать“. Подѣлили пополамъ. Чортъ взялъ свою часть, распрощался съ хозяиномъ и пропалъ. Черезъ недѣлю поѣхалъ мужикъ съ горшками въ городъ; сколько ни стоялъ онъ на базарѣ, никто не покупаетъ; всё обходятъ его мимо, да еще вѣлчески ругаютъ: „знаемъ мы твои горшки, старой хрѣнь! съ виду кажутся, а напьешь воды — сейчасъ и развалятся! Нѣтъ, братъ! теперь не надуешь“. Перестали брать у него горшки; совсѣмъ обѣднѣлъ мужикъ, запылъ съ горя и сталъ по кабакамъ валяться.

Ав. Ск. III, 298—299).

20. Морозно.

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сдѣлаетъ, за все-ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ: умница! а падчерица какъ ни угождаетъ — ничѣмъ не угодить, все не такъ, все худо; а надо правду сказать, дѣвочка была золото, въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумить да затихнетъ, а старая баба расходится — не скоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чекать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: „вези, вези, старикъ, ее — нуда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши объ ней не слыхали; да не вози къ роднымъ въ теплую хату, а во чисто поле на трескунъ-морозъ!“ Старикъ затужилъ, заплакалъ; од-

нако посадилъ дочку на сани, хотѣлъ прикрыть попонкой — и то побоялся; повезъ бездомную во чисто поле, свалилъ на сугробъ, пережестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобы глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творить. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ!“ — Добро пожаловать, Морозъ! знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную. Морозъ хотѣлъ ее тукнуть и заморозить; но полюбился ему ея умныя рѣчи, жаль стало! бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, поджала ножки, сидитъ. Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ.“ — Добро пожаловать, Морозъ! знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную. Морозъ пришелъ совсѣмъ не по душу, онъ принесъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокой да тяжелой, пелной всякаго приданого. Усѣлась она въ шубечкѣ на сундукѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье шитое и серебромъ, и золотомъ. Надѣла она и стала такая красавица, такая нарядница! Сидитъ и пѣсенки поѣвываетъ. А мачеха по ней поминки справляетъ; напекла блиновъ. „Ступай, мужъ! вези хоронить свою дочь“. Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ:

„тывъ! тывъ! старикову дочь въ златѣ, въ сѣребрѣ везуть, а старухину женихи не берутъ!“ — Молчи, дура! На блинъ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой — одинъ косточки привезутъ! Собачка съѣла блинъ да опять: „тывъ! тывъ! старикову дочь въ златѣ, въ сѣребрѣ везуть, а старухину женихи не берутъ!“ Старуха и блины давала, и била ее, а собачка все свое: „старикову дочь въ златѣ, въ сѣребрѣ везуть, а старухину женихи не возьмутъ!“

Скрипнули ворота, растворились двери, несутъ сундукъ высокой, тяжелой, идетъ падчерица — панья паньей сіяетъ! Мачеха глянула — и руки врозь! „Старикъ, старикъ, запрятай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! Посади на то-же поле, на то-же мѣсто“. Пришелъ и Морозъ-красной носъ, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгалъ, поскакалъ, а хорошихъ рѣчей не дождалъ; разсердился, хватилъ ее и убилъ. — „Старикъ, ступай мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не повали, да сундукъ не оброни!“ А собачка подъ столомъ: „тывъ! тывъ! старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ косточки везутъ!“ — Не ври! На пироги, скажи: старухину въ златѣ, въ сѣребрѣ везутъ! Растворились ворота, старуха выбѣжала встрѣчать дочь, да вѣсто ея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно!

Ае. См. I, 159—161.

(Записана въ Курской губ.).

21. Три царства: мѣдное, серебряное и золотое.

Бывало да жывало — жили-были старикъ да старуха; у нихъ было три сына: первой — Егорушко Залеть, второй — Миша Косолапой, третій — Ивашко Запечникъ. Вотъ вздумали отецъ и мать ихъ женить; послали большого сына присматривать невѣсту, и онъ шелъ да шелъ — много времени, гдѣ ни посмотритъ на дѣвокъ, не можетъ прибрать себѣ невѣсты, все не глянутся ¹⁾. Потомъ встрѣтилъ на дорогѣ змѣя о трехъ головахъ и испугался, а змѣй говорить ему: „куда, доброй человекъ, направился?“ Егорушко говорить: „пошелъ свататься, да не могу невѣсты приискать“. Змѣй говорить: „пойдемъ со мной; я поведу тебя, можешь ли достать невѣсту?“ Вотъ шли да шли, дошли до большого камня. Змѣй говорить: „отвори камень; тамъ, чего желаешь, то и получишь“. Егорушко старался отворотить, но ничего не могъ сдѣлать. Змѣй сказалъ ему: „такъ нѣтъ-же тебѣ невѣсты!“ И Егорушко воротился домой, сказалъ отцу и матери обо всемъ. Отецъ и мать опять думали-подумали, какъ жить да быть, послали среднего сына Мишу Косолапого. Съ тѣмъ то же самое случилось. Вотъ старикъ и старуха думали-подумали, не знаютъ, что дѣлать: если послать Ивана Запечнаго, тому ничего не сдѣлать!

А Ивашко Запечникъ сталъ самъ проситься посмотреть змѣя; отецъ

¹⁾ Т. е. не нравятся.

и мать сперва не пускали его, но послѣ пустили. И Иванко тоже шелъ да шелъ, и встрѣтилъ змѣя о трехъ головахъ. Спросилъ его змѣй: „куда направился, доброй человѣкъ?“ Онъ сказалъ: „братья хотѣли жениться, да не смогли достать невѣсту; а теперь мнѣ чередъ выпалъ“. — Пожалуй, пойдѣмъ, я покажу; сможешь ли ты достать невѣсту? Вотъ пошли змѣй съ Иванкомъ, дошли до того же камня; и змѣй приказалъ камень отворотить съ мѣста. Иванко хватилъ его, и камень какъ не бывалъ — съ мѣста слетѣлъ; тутъ сказалась дыра въ землю и близъ нея утверждены ремни. Вотъ змѣй и говоритъ: „Иванко! садись на ремни; я тебя спущу, и ты тамъ пойдешь и дойдешь до трехъ царствъ, а въ каждомъ царствѣ увидишь по дѣвицѣ“.

Иванко спустился и пошелъ; шелъ да шелъ, и дошелъ до мѣднаго царства; тутъ зашелъ и увидѣлъ дѣвицу прекрасную изъ себя. Дѣвица говоритъ: „добро пожаловать, небывалой гость! приходи и садись, гдѣ мѣсто просто ¹⁾ видишь; да скажись, откуда идешь и куда?“ — Ахъ, дѣвица красная! сказалъ Иванко, не накормила, не напоила, да стала вѣсти спрашивать. Вотъ дѣвица собрала на столъ всякаго кушанья и напитков; Иванко выпилъ и поѣлъ, и сталъ рассказывать, что иду-де искать себѣ невѣсты; если милость твоя будетъ — прешу выити за меня. „Нѣтъ, доброй человѣкъ, сказала дѣвица; ступай ты впередъ, дойдешь до серебрянаго

царства, тамъ есть дѣвица еще прекраснѣе меня!“ — и подарила ему серебряной перстень. Вотъ доброй молодецъ поблагодарилъ дѣвицу за хлѣбъ за соль, распростился и пошелъ. Шелъ да шелъ, и дошелъ до серебрянаго царства; зашелъ сюда и увидалъ: сидитъ дѣвица прекраснѣе первой. Помолился онъ Богу и билъ челомъ: „здорово, красная дѣвица!“ Она отвѣчала: „добро пожаловать, прохожій молодецъ! садись да хвастай: чей да откуль, и какими дѣлами сюда зашелъ?“ — Ахъ, прекрасная дѣвица! сказалъ Иванко, не напоила, не накормила, да стала вѣсти спрашивать. Вотъ собрала дѣвица столъ, принесла всякаго кушанья и напитков; тогда Иванко попилъ, поѣлъ, сколько хотѣлъ, и началъ рассказывать, что онъ пошелъ искать невѣсты, и просилъ ее замужъ за себя. Она сказала ему: „ступай впередъ, тамъ есть еще золотое царство, и въ томъ царствѣ есть еще прекраснѣе меня дѣвица!“ — и подарила ему золотой перстень. Иванко распростился и пошелъ впередъ. Шелъ да шелъ, и дошелъ до золотого царства, зашелъ и увидѣлъ дѣвицу прекраснѣе всѣхъ. Вотъ онъ Богу помолвился, и какъ слѣдуетъ — поздоровался съ дѣвицей. Дѣвица стала спрашивать его: откуда и куда идешь? „Ахъ, красная дѣвица! сказалъ онъ, не напоила, не накормила, да стала вѣсти спрашивать“. Вотъ она собрала на столъ всякаго кушанья и напитков; чего лучше требовать нельзя. Иванко Запечникъ угостился всѣмъ хорошо, и сталъ рассказывать: „иду я, себѣ

¹⁾ Пусто, не занято.

невѣсти нишу; если ты желаешь за меня замужъ, то пойдемъ со мною“. Дѣвица согласилась и подарила ему золотой клубокъ, и пошли они вѣстѣ. Шли да шли, и дошли до серебрянаго царства—тутъ взяли съ собой дѣвицу; опять шли да шли, и дошли до мѣднаго царства — и тутъ взяли дѣвицу, и всѣ пошли до дыры, изъ которой надобно вилѣзть, и ремни тутъ висятъ; а старшіе братья уже стоятъ у дыры, хотятъ лѣс(зт)ъ туда-же искать Иваншку.

Вотъ Иваншко посадилъ на ремни дѣвицу изъ мѣднаго царства и застрялъ за ремень; братья потащили и вытащили дѣвицу, а ремни опять опустили. Иваншко посадилъ дѣвицу изъ серебрянаго царства, и ту вытащили, а ремни опять опустили; потомъ посадилъ онъ дѣвицу изъ золотого царства, и ту вытащили, а ремни опустили. Тогда и самъ Иваншко сѣлъ; братья потащили и его, тащили-тащили, да какъ увидѣли, что это—Иваншко, подумали: „пожалуй, вытащимъ его, дакъ онъ не дастъ ни одной дѣвицы!“ и обрѣзали ремни; Иваншко упалъ внизъ. Вотъ, дѣлать нечего, но плакалъ онъ, поплакалъ и пошелъ впередъ. Шелъ да шелъ, и увидѣлъ: сидитъ на пнѣ старикъ—самъ съ четверть, а борода съ вершокъ, и рассказывалъ ему все, какъ и что съ нимъ случилось. Старикъ научилъ его идти дальше: „дойдешь до избушки, а въ избушкѣ лежитъ длинный мужчина изъ угла въ уголъ, и ты спроси у него, какъ выйти на Русь“. Вотъ Иваншко шелъ да шелъ, и дошелъ до избушки, зашелъ туда и сказалъ:

„сильной Идолшицо! не губи меня, скажи, какъ на Русь попас(т)ь?“ — „Фу, Фу! преговорилъ Идолшицо, русскую коску¹⁾ никто не звалъ, сама пришла. Ну, пойдѣ-же ты за тридцать озеръ; тамъ стоитъ на куринной ножкѣ избушка, а въ избушкѣ живетъ ега-баба; у ней есть орелъ-птица, и она тебя вынесетъ“. Вотъ доброй молодецъ шелъ, да шелъ, и дошелъ до избушки; зашелъ въ избушку, ега-баба закричала: „фу, фу, фу! русская коска, зачѣмъ сюда пришла?“ Тогда Иваншко сказалъ: „а вотъ, бабушка, пришелъ я по приказу сильнаго Идолшица попросить у тебя могучей птицы орла, чтобы она вытащила меня на Русь“. — Иди же ты, сказала ега-баба, въ садокъ; у дверей стоитъ караулъ, и ты возьми у него ключи и ступай за сѣнь дверей; какъ будешь отпирать послѣднія двери—тогда орелъ встрепенется крыльями, и если ты его не испугаешься, то сядь на него и лети; только возьми съ собою говядины, и когда онъ станетъ оглядываться, ты давай ему по куску мяса. Иваншко сдѣлалъ все по приказанью егой-бабки, сѣлъ на орла и полетѣлъ; летѣлъ, летѣлъ, орелъ оглянулся—Иваншко далъ ему кусокъ мяса; летѣлъ, летѣлъ, и часто давалъ орлу мяса, ужъ скорнилъ все, а еще летѣть не близко. Орелъ оглянулся, а мяса нѣтъ; вотъ орелъ выхватилъ у Иванки изъ холки кусокъ мяса, сѣлъ, и вытащилъ его въ ту-же дыру на Русь. Когда сошелъ Иваншко съ орла, орелъ выхаркнулъ кусокъ мяса и велѣлъ ему

¹⁾ Костку, кость.

приложить къ холкѣ. Иванко приложилъ и холка заросла. Пришелъ Иванко домой, взялъ у братей дѣвицу изъ золотого царства, и стали они жить да быть, и теперь живутъ. Я тамъ былъ, пиво пилъ; пиво-то по усу текло, да въ ротъ не попало.

Ав. Ск. I, 264—268.

(Записана въ Пинежскомъ уѣздѣ Архангельской губ.).

22. Иванушко-дурачокъ.

Былъ-жилъ старикъ со старухой; у нихъ было три сына: двое—умные, третій — Иванушко-дурачокъ. Умные-то овецъ въ полѣ пасли, а дуракъ ничего не дѣлалъ, все на печкѣ сидѣлъ да мухъ ловилъ. Въ одно время наварила старуха аржаныхъ клѣцокъ, и говоритъ дураку: „на-ка, снеси эти клѣцки братьямъ; пусть поѣдятъ“. Налила полной горшокъ и дала ему въ руки; побрелъ онъ къ братьямъ. День былъ солнечной; только вышелъ Иванушко за околицу, увидалъ свою тѣнь сбоку, и думаетъ: „что это за человекъ со мной рядомъ идетъ? ни на шагъ не отстаетъ: вѣрно клѣцокъ захотѣлъ!“ И началъ онъ бросать на свою тѣнь клѣцки, такъ всѣ до единой и повывидалъ; смотреть, а тѣнь все сбоку идетъ: „эка ненасытная утроба!“ сказалъ дурачокъ съ сердцемъ, и пустилъ въ нее горшкомъ—разлетѣлись черенки въ разные стороны. Вотъ приходитъ съ пустыми руками къ братьямъ; тѣ его спрашиваютъ: „ты, дуракъ, зачѣмъ?“ — Вамъ обѣдъ принесъ. „Гдѣ-же обѣдъ? давай жи-

вѣе“. — Да вишь, братцы, привязался ко мнѣ дорогою незнамо-какой человекъ, да все и поѣлъ! „Какой-такой человекъ?“ — Вотъ онъ! и теперь рядомъ стоитъ! Братья ну его ругать, бить, колотить; отколо-тили и заставили овецъ пасты, а сами ушли на деревню обѣдать. Принялся дурачокъ пасты: видитъ, что овцы разбрелись по полю, давай ихъ ловить да глаза выдирать—всѣхъ переловилъ, всѣмъ глаза выдолбилъ. Собралъ стадо въ одну кучу, и сидитъ себѣ радехонекъ; словно дѣло сдѣлалъ. Братья пообѣдали, воротились въ поле: „что ты, дуракъ, натворилъ? отчего стадо слѣпое?“ — Да почто имъ глаза-то? Какъ ушли вы, братцы, овцы-то врозь разсыпались; я и придумалъ; сталъ ихъ ловить, въ кучу собирать, глаза выдирать; во какъ умаялся! „Постой, еще не такъ умаяешься!“ говорятъ братья, и давай угощать его кулаками; порядкомъ-таки досталось дураку на орѣхъ!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушку дурачка въ городъ къ празднику по хозяйству закупать. Всего закупилъ Иванушко: и столъ купилъ, и ложекъ, и чашекъ, и соли; цѣлой возъ навалилъ всякой всячины. Ыдетъ домой, а лошаденка была такая, знать, неудалая, везетъ—не везетъ! „А что, думаетъ себѣ Иванушко, вѣдь у лошади четыре ноги, и у стола тожъ четыре; такъ столъ-отъ и самъ добѣжитъ!“ Взялъ столъ и выставилъ на дорогу. Ыдетъ-ѣдетъ, близко ли, далеко ли, а, вороны такъ и выются надъ нимъ да все варкаютъ. „Знать сестрицамъ по-

ѣсть-покушать охота, что такъ рас-
кричались!“ подумалъ дурачокъ; вы-
ставилъ блюда съ ѣствами на земь
и началъ потчивать: „сестрицы го-
лубушки! кушайте на здоровье“. А
самъ все впередъ да впередъ по-
двигается. Ёдетъ Иванушко пере-
лѣскомъ; по дорогѣ все пни обго-
рѣлы. „Эхъ, думаетъ, ребята-то
безъ шапокъ; вѣдь озабнута сердеч-
ныя!“¹⁾ Взялъ — понадѣвалъ на
нихъ горшки да корчаги. Вотъ до-
ѣхалъ Иванушко до рѣки, давай
лошадь поить, а она не пьетъ. Знать
безъ соли не хочетъ!“ и ну солить
воду. Высыпалъ полонъ мѣшокъ соли,
лошадь все не пьетъ. „Что-жъ ты
не пьешь, волчье мясо! развѣ зада-
ромъ я мѣшокъ соли высыпалъ?“
Хватилъ ее полѣномъ, да прямо въ
голову, и убилъ на-поваль. Остался
у Иванушки одинъ кошель съ лож-
ками, да и тотъ на себѣ понесъ.
Идетъ; ложки назади такъ и бря-
каютъ: брякъ, брякъ, брякъ! а онъ
думаетъ, что ложки-то говорятъ:
„Иванушко-дуракъ!“ бросилъ ихъ,
и ну топтать да приговаривать:
„вотъ вамъ Иванушко-дуракъ! вотъ
вамъ Иванушко-дуракъ! Еще вду-
мали дразнить, негодныя!“ Воро-
тился домой и говорить братьямъ:
„все искупилъ, братики!“ — Спасибо,
дуракъ, да гдѣ-жъ у тебя закупи-
то? „А столь-отъ бѣжить, да знать
отсталъ; изъ блюдъ сестрицы ку-
шаютъ, горшки да корчаги ребя-
тамъ въ лѣсу на головы понадѣ-
валъ, соль-то поиво лошади посо-
лилъ, а ложки дразнятся — такъ я
ихъ по дорогѣ покинулъ“. — Сту-

¹⁾ Вар. „братцы родные! что-жъ вы безъ шапокъ стоите? дождь пойдетъ — вымочить“.

пай, дуракъ, поскорѣе! собери все,
что разбросалъ по дорогѣ. Иванушко
пошелъ въ лѣсъ, снялъ съ обгорѣ-
лыхъ пней корчаги, повышибалъ
днища и надѣлъ на батоги корчагъ
съ дюжину — всякихъ: и большихъ,
и малыхъ. Несетъ домой. Отколо-
тили его братья; поѣхали сами въ
городъ за покупками, а дурака оста-
вили домовничать. Слушаетъ ду-
ракъ, а пиво въ кадкѣ такъ и бро-
дитъ, такъ и бродитъ. „Пиво, не
броди! дурака не дразни!“ говоритъ
Иванушко. Нѣтъ, пиво не слушается;
взялъ да и выпустилъ все изъ кадки,
самъ сѣлъ въ корыто, по избѣ раз-
ѣзжаетъ да пѣсенки распѣваетъ.

Пріѣхали братья, крѣпко осер-
чали, взяли Иванушку — зашли въ
куль и потащили къ рѣкѣ. Поло-
жили куль на берегу, а сами пошли
пролубъ осматривать. На ту пору
ѣхалъ какой-то баринъ мимо на
тройкѣ бурныхъ; Иванушко и ну кри-
чать: „садать меня на воеводство
судить да рядить, а я ни судить,
ни рядить не умѣю!“ — Постою, ду-
ракъ! сказалъ баринъ; я умѣю и
судить, и рядить; вылѣзай изъ куля!
Иванушко вылѣзъ изъ куля, зашелъ
туда барина, а самъ сѣлъ въ его
повозку и уѣхалъ изъ виду. Пришли
братья, спустили куль подъ ледъ, и
слушаютъ, а въ водѣ такъ и бур-
каетъ. „Знать бурка ловить!“ про-
говорили братья и побрели домой.
Навстрѣчу имъ, откуда ни возъ-
мись, ѣдетъ на тройкѣ Иванушко,
ѣдетъ да прихвастываетъ: „вотъ-ста
какихъ пойналъ я лошадушекъ! а
еще остался тамъ сивко — такой слав-
ной!“ Завидно стало братьямъ; го-
ворятъ дураку: „зашивай теперь

насъ въ куль да спускай поскорѣй въ пролубь! Не уйдетъ отъ насъ сивко...“ Опустилъ ихъ Иванушко-дурачокъ въ пролубь и погналъ домой пиво допивать да братьевъ поминать. Былъ у Иванушки колодезь, въ колодезѣ рыба елець, а моей сказкѣ конецъ.

Ае Ск. Ш, 371—375.

(Зайисина въ Вологодской губ.).

23. Золотая рыба.

На морѣ-на окіанѣ, на островѣ-на Буянѣ стояла небольшая ветхая избушка; въ той избушкѣ жили старикъ да старуха. Жили они въ великой бѣдности; старикъ сдѣлалъ сѣть и сталъ ходить на море да ловить рыбу: тѣмъ только и добывалъ себѣ дневное пропитаніе. Разъ какъ-то закинулъ старикъ свою сѣть, началъ тянуть и показалось ему такъ тяжело, какъ доселева никогда не бывало: еле-еле вытянулъ. Смотритъ, а сѣть пуста: всего-на-всего попалась одна рыба, за то рыба не простая—золотая. Возмолилась ему рыба человѣчнмъ голосомъ: „не бери меня, старичокъ! пусти лучше въ синее море; я тебѣ сама пригожусь: что пожелаешь, то и сдѣлаю“. Старикъ подумалъ-подумалъ и говоритъ: „мнѣ ничего отъ тебя не надобно: ступай—гуляй въ морѣ!“ Вросилъ золотую рыбку въ воду и воротился домой. Спрашиваетъ его старуха: „много ли поймалъ, старикъ?“ — Да всего-на-всего одну золотую рыбку, и ту бросилъ въ море; крѣпко она возмолилась: отпусти, говорила, въ синее море; я тебѣ у (въ) приходу стану: что пожелаешь, все сдѣлаю! Пожалѣлъ я рыбу, не

взялъ съ нея выкупа, даромъ на волю пустилъ. „Ахъ ты, старой...! попалося тебѣ въ руки большое счастье, а ты и владѣть не сумѣлъ“. Озлилась старуха, ругаетъ старика съ утра до вечера, не даетъ ему покоя: „хоть бы хлѣба у ней выпросилъ! вѣдь скоро сухой корки не будетъ; что жрать-то станешь?“ Не выдержалъ старикъ, пошелъ къ золотой рыбкѣ за хлѣбомъ; пришелъ на море и крикнулъ громкимъ голосомъ: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Рыбка приплыла къ берегу: „что тебѣ, старикъ, надо?“ — Старуха осерчала, за хлѣбомъ прислала. „Ступай домой, будетъ у васъ хлѣба вдоволь“. Воротился старикъ: „ну что, старуха, есть хлѣбъ?“ — Хлѣба-то вдоволь; да вотъ бѣда: корыто раскололось, не въ чемъ бѣлье мыть; ступай къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новое дала. Пошелъ старикъ на море: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Приплыла золотая рыбка: „что тебѣ надо, старикъ?“ — Старуха прислала, новое корыто просить. „Хорошо, будетъ у васъ и корыто.“ Воротился старикъ, только въ дверь, а старуха опять на него накинулась: „ступай, говоритъ, къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новую избу построила; въ нашей жить нельзя, того и смотри, что развалится!“ Пошелъ старикъ на море: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Рыбка приплыла, стала къ нему головой, въ море хвостомъ, и спрашиваетъ: „что тебѣ, старикъ, надо?“ — Построй намъ новую избу; старуха ругается,

не даетъ мнѣ покою; не хочу, говорить, жить въ старой избушкѣ: она — того и смотри — вся развалится! „Не тужи, старикъ! ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано.“ Воротился старикъ — на его дворѣ стоитъ изба новая, дубовая, съ вырѣзными узорами. Выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу старуха, пуще прежняго сердится, пуще прежняго ругается: „ахъ ты, старой . . ! не умѣешь ты счастьемъ пользоваться. Выпросилъ избу, и чай думаешь — дѣло сдѣлалъ! Нѣтъ, ступай-ка опять къ золотой рыбкѣ да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтобъ меня добрые люди слушались, при встрѣчахъ въ поясъ кланялись.“ Пошелъ старикъ на море, говорить громкимъ голосомъ: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Приплыла рыбка, стала въ море хвостомъ, къ нему головой: „что тебѣ, старикъ, надо?“ Отвѣчаетъ старикъ: „не даетъ мнѣ старуха покою, совсѣмъ вздурилась; не хочетъ быть крестьянкою, хочетъ быть воеводихой“. „Хорошо, не тужи! ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано“. Воротился старикъ, а вмѣсто избы каменной домъ стоитъ, въ три этажа выстроенъ; по двору прислуга бѣгаетъ, на кухнѣ повара стучать, а старуха въ дорогомъ парчевомъ платьѣ на высокихъ креслахъ сидитъ да приказывае. „Здравствуй, жена!“ говорить старикъ. — Ахъ ты, невѣжа эдакой! какъ смѣлъ обозвать меня, воеводиху, своею женою! Эй, люди! взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетями какъ

можно больнѣе. Тотчасъ прибѣжала прислуга, схватила старика за шиворотъ и потащила въ конюшню; начали конюхи угощать его плетями, да такъ угостили, что еле на ноги поднялся. Послѣ того старуха поставила старика дворникомъ; велѣла дать ему метлу, чтобы дворъ убиралъ, а кормить и поить его на кухнѣ. Плохое житье старику; пѣлой день дворъ убирай, а чуть гдѣ нечисто — сейчасъ на конюшню; „Экая вѣдьма! думаетъ старикъ! далось ей счастье, а она какъ свинья зарылась; ужъ и за мужа меня не считаетъ!“ Ни много, ни мало прошло времени; придокучило старухѣ быть воеводихой, потребовала къ себѣ старика и приказываетъ: „ступай, старой . . ., къ золотой рыбкѣ, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею.“ Пошелъ старикъ на море: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.“ Приплыла золотая рыбка: „что тебѣ, старикъ, надо?“ — Да что! вздурилась моя старуха пуще прежняго: не хочетъ быть воеводихой, хочетъ быть царицею. „Не тужи! ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано.“ Воротился старикъ, а вмѣсто прежняго дома высокой дворецъ стоитъ, подъ золотою крышею; кругомъ часовые ходятъ да ружьями выкидываютъ; позади большой садъ раскинулся, а передъ самымъ дворцомъ — зеленой лугъ; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балконъ съ генералами да съ боярами, и начала дѣлать тѣмъ войскамъ смотръ и разводъ: барабаны бьютъ, музыка гремитъ, сол-

даты „ура“ кричать. Ни много, ни мало прошло времени, придоучило старухъ быть царицею, велѣла разискать старика и представить предъ свои очи свѣтлыя. Поднялась суматоха, генералы суетятся, бояре бѣгаютъ: „какой-такой старикъ?“ Насилу нашли его на заднемъ дворѣ, повели къ царицѣ. „Слушай, старой . . . ! говоритъ ему старуха; ступай къ золотой рыбкѣ, да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы всѣ моря и всѣ рыбы меня слушались.“ Старикъ было отпѣкиваться, куда тебѣ! коли не пойдешь — голова долой! Скрѣпя сердце, пошелъ старикъ на море, пришелъ и говорить: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.“ Золотой рыбки нѣтъ какъ нѣтъ! Зоветь старикъ въ другой разъ — опять нѣту! Зоветь въ третій разъ — вдругъ море зашумѣло, взволновалось; то было свѣтлое, чистое, а тутъ совсѣмъ почернѣло. Приплываетъ рыбка къ берегу: „что тебѣ, старикъ, надо?“ — Старуха еще пуще вздурилася: ужъ не хочетъ быть царицею, хочетъ быть морскою владычицей, надъ всѣми водами властвовать, надъ всѣми рыбами повелѣвать! Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла въ глубину моря. Старикъ воротился назадъ, смотритъ и глазамъ не вѣритъ: дворца какъ не бывало, а на его мѣстѣ стоитъ небольшая ветхая избушка, а въ избушкѣ сидитъ старуха въ изодранномъ сарафанѣ. Начали они жить по прежнему; старикъ опять принялся за рыбную ловлю; только какъ

часто ни закидывалъ сѣтой въ море, не удалось больше поймать золотой рыбки.

Ав. См. I, 116—120.

24. Знахарь.

Жилъ бѣдный да продувной мужичокъ, по прозванью Жучокъ; укралъ у бабы холстинку и спряталъ ее въ ометѣ соломы, а самъ расхвастался, что ворожить мастеръ. Пришла къ нему баба и просить погадать. Мужикъ спрашиваетъ: „а что за работу дашь?“ — „Пудъ муки да фунтъ масла.“ „Ладно!“ Сталъ гадать; погадалъ-погадалъ и сказалъ ей, гдѣ холстъ спрятанъ. Дня черезъ два, черезъ три пропалъ у барина жеребецъ: онъ-же плутъ его и увелъ да привязалъ въ лѣсу къ дереву. Посылаетъ баринъ за этимъ мужикомъ; сталъ мужикъ гадать и говорить: „ступайте скорѣй, жеребецъ въ лѣсу къ дереву привязанъ“. Привели жеребца изъ лѣсу; далъ баринъ знахарю сто рублевъ, и пошла объ немъ слава по всему царству. Вотъ на бѣду пропало у царя его вѣнчалное кольцо; искать-искать — нѣтъ нигдѣ! Послалъ царь за знахаремъ, чтобы какъ можно скорѣй во дворецъ его привезли. Взяли его, посадили въ повозку и привезли къ царю. „Вотъ когда пропалъ-то! думаетъ мужикъ; какъ мнѣ узнать, гдѣ дѣвалось кольцо, Ну какъ царь опалится да туда зашлетъ, куда Макарь и телятъ не гонялъ!“ „Здравствуй, мужичокъ! говоритъ царь; поворожи-ка мнѣ; отгадаешь — деньгами награжу, а коли нѣтъ — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!“

Тотчасъ приказалъ отвести знахарю особую комнату: „пускай де цѣлую ночь ворожить, чтобъ къ утру отвѣтъ былъ готовъ“. Знахарь сидитъ въ той комнатѣ да думаетъ: „какой отвѣтъ дамъ я царю? Лучше дождусь глухой полночи, да убѣгу—куда глаза глядятъ; вотъ какъ пропоятъ третьи пѣтухи, сейчасъ и дамъ тягу!“ А кольцо-то царское стащили три дворовыхъ человека: лакей, кучеръ да поваръ. „Что, братцы! говорятъ они межъ собой, какъ этотъ ворожейка да узнаетъ насъ? Вѣдь тогда намъ смерть неминуемая... Давайте-ка подслушивать у дверей: коли онъ ничего—и мы молчокъ; а коли узнаетъ насъ, такъ ужъ дѣлать нечего—станемъ просить его, чтобъ царю-то не доказывалъ“. Пошелъ лакей подслушивать; вдругъ пѣтухи запѣли, мужикъ и промолвилъ: „слава тебѣ, Господи! одинъ уже есть, остается двухъ ждать“. У лакея душа въ пятки ушла; прибѣжалъ онъ къ своимъ товарищамъ: „ахъ, братцы! вѣдь меня узналъ; только я къ двери, а онъ кричитъ: одинъ уже есть, остается двухъ ждать!“—Постой, я пойду! сказалъ кучеръ; пошелъ подслушивать. Запѣли вторые пѣтухи, а мужикъ; „слава тебѣ, Господи! и два есть, остается одного ждать“.—Эхъ, братцы! и меня узналъ. Поваръ говоритъ: „ну, если и меня узнаетъ, такъ пойдемъ прямо къ нему, бросимся въ ноги, и станемъ упрашивать“. Пошелъ подслушивать поваръ; третьи пѣтухи запѣли, мужикъ перекрестился: „слава Богу, всѣ три есть!“ да поскорѣй къ двери—бѣжать хочеть; а воры

къ нему навстрѣчу, пали въ ноги, и просятъ и молятъ: „не погуби, не сказывай царю; вотъ тебѣ кольцо!“—Ну, такъ и быть, прощаю васъ! Взялъ мужикъ кольцо, поднялъ половицу и бросилъ его подъ полъ. Наутро царь спрашиваетъ: „что, мужичокъ, какъ твои дѣла?“—Выворожилъ; кольцо твое укатилось подъ эту половицу. Подняли половицу и достали кольцо; царь щедро наградилъ знахаря деньгами и велѣлъ накормить-напоить его до отъѣзда, а самъ пошелъ въ садъ гулять. Идетъ по дорожкѣ, увидалъ жука, поднялъ его и воротился къ знахарю: „ну, коли ты знахарь, такъ узнай, что у меня въ рукѣ?“ Мужикъ испугался и говоритъ самъ себѣ: „что, попался, Жучокъ, царю въ руки!“—Такъ, такъ, твоя правда! сказалъ царь; еще больше его наградилъ и съ честью домой отпустилъ.

Ае. Ск. III, 318—320.

25. Дока на дому.

Пришелъ солдатъ въ деревню и просится ночевать къ мужику. „Я бы тебя пустилъ, служивой! говорить мужикъ, да у меня свадьба заводится, негдѣ тебѣ спать будетъ“.—Ничего, солдату вездѣ мѣсто! „Ну, ступай!“ Видитъ солдатъ, что у мужика лошадь въ сани запряжена, и спрашиваетъ: „куда, хозяинъ, отправляешься?“—Да вишь у насъ такое заведеніе: у кого свадьба, тотъ и поѣзжай къ колдуну да вези подарокъ! Самой бѣдной безъ двадцати рублей не отдѣляется, а коли богатъ, такъ и пятидесяти мало;

а не отвезешь подарка, всю свадьбу испортить! „Послушай, хозяинъ! не вози, и такъ сойdetъ!“ Крѣпко увѣрилъ мужика, тотъ послушался и не поѣхалъ къ колдуну съ гостинцами. Вотъ начали свадьбу играть, повезли жениха съ невѣстою законъ принимать; ѣдутъ дорогою, а навстрѣчу поѣзду быкъ несется, а солдаты усомъ не мигнуть: гдѣ ни взялася — выскочила изъ-подъ него собака, бросилась на быка и прямо за глотку вцѣпилась — быкъ такъ и грохнулся на земь. ѣдутъ дальше, а навстрѣчу поѣзду огромной медвѣды. „Не бойтесь“, кричитъ солдатъ, я худа не допущу!“ Опять гдѣ ни взялася — выскочила изъ-подъ него собака, кинулася на медвѣду и давай его душить; медвѣда заревѣла и издохъ. Миновала та бѣда, снова ѣдутъ дальше, а навстрѣчу поѣзду заяцъ выскочилъ и перебѣжалъ дорогу чуть-чуть не подъ ногами передней тройки. Лошади остановились, храпятъ, а съ мѣста не трогаются! „Не дури, заяцъ! крикнулъ на него солдатъ; мы опосля поговоримъ съ тобою!“ — и тотчасъ весь поѣздъ легко двинулся. Пріѣхали къ церкви благополучно, обвинчали жениха съ невѣстою, и отправились назадъ въ свою деревню. Стали ко двору подъѣзжать, а на воротахъ черный воронъ сидитъ да громко каркаетъ — лошади опять стали, ни одна съ мѣста не тронется. „Не дури, воронъ! крик-

нулъ на него солдатъ; мы съ тобой опосля потолкуемъ“. Воронъ улетѣлъ, лошади въ ворота пошли. Вотъ посадили молодыхъ за столъ; гости и родичи свои мѣста заняли — какъ слѣдуетъ, по порядку; начали ѣсть, пить, веселиться. А колдунъ крѣпко осердился: гостинцевъ ему не дали, пробовалъ было страхи напускать — и то дѣло не выгорѣло! Вотъ пришелъ самъ въ избу, шапку не ломаетъ, образамъ не молится, честнымъ людямъ не кланяется; и говоритъ солдату: „я на тебя сердитъ!“ — А за что на меня сердиться? ни я не занималъ у тебя, ни ты мнѣ не долженъ! Давай-ка лучше пить да гулять. „Давай!“ Взялъ колдунъ со стола ендову пива, налилъ стаканъ и подноситъ солдату: „выпей, служивой!“ Солдатъ выпилъ — у него всѣ зубы въ стаканъ выпадали! „Эхъ, братецъ! говоритъ солдатъ, какъ мнѣ безъ зубовъ-то быть? чѣмъ будутъ сухари грызть?“ Взялъ да и бросилъ зубы въ ротъ — они опять стали по-прежнему. „Ну, теперь я поднесу! выпей-ка отъ меня стаканъ пива!“ Колдунъ выпилъ — у него глаза выгвѣзли! Солдатъ подхватилъ его глаза и забросилъ невѣдомо куда. Остался колдунъ на всю жизнь слѣпымъ и закаялся страхи напускать, надъ людьми мудрить; а мужики и бабы стали за служиваго Бога молить.

Ае. Ск. III 310—312.

В. Сказки—побывальщины ¹⁾).

1. Изъ сказки: Исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ-Муромцѣ и Соловѣ-разбойникѣ.

Въ славномъ было городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ—жилъ крестьянинъ Иванъ Тимофеевичъ. У него было любимое дѣтище Ильѣ-Муромецъ; сидѣлъ онъ сиднемъ тридцать лѣтъ, и какъ минуло тридцать лѣтъ, то сталъ онъ ходить на ногахъ крѣпко, и ощутилъ въ себѣ силу великую, и сдѣлалъ себѣ сбрую ратную и коньѣ булатное, и осѣдлалъ коня добраго, богатырскаго. Приходить къ отцу и матери и сталъ у нихъ просить благословенія: „государи мои, батюшка и матушка! отпустите меня въ славный городъ Кіевъ Богу помолиться, а Князю кіевскому поклониться“. Отецъ и мать его даютъ ему благословеніе, кладутъ на него закліатіе великое и говорятъ такіа рѣчи: „поѣзжай ты прямо на Кіевъ-градъ, прямо на Черниговъ-градъ, и на пути своемъ не дѣлай никакой обиды, не проливай напрасно крови христіанской“. Ильѣ-Муромецъ принялъ у отца и матери благословеніе, Богу молится, съ отцомъ и съ матерью прощается, и поѣхалъ въ путь свой.

И такъ далеко заѣхалъ во темны лѣса, что наѣхалъ на таборы разбойничьи; и тѣ разбойники увидѣли Ильѣ-Муромца и разгорѣлись у нихъ сердца разбойническіа

на коня богатырскаго, и стали между себя разговаривать, чтобы лошадь отнять, что такой лошади ни въ которыхъ мѣстахъ не видывали, а нынѣ ѣдетъ на такомъ добромъ конѣ незнамо-какой человѣкъ. И стали на Ильѣ-Муромца напущать человѣкъ по десяти ¹⁾ и по двадцати; и сталъ Ильѣ-Муромецъ останавливать ²⁾ коня своего богатырскаго, и вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу и накладываетъ на тую лукъ. Пустилъ онъ калену стрѣлу понадъ землю, калена стрѣла стала рвать на косую сажень. И видя то, разбойники испужались и собирались во единъ кругъ, пали на колѣни и стали говорить: „государь ты нашъ батюшка, удалъ добрый молодецъ! виноваты мы передъ тобою, и за такую вину нашу бери казны, сколько надобно, и платья цвѣтного, и табуны лошадей, сколько угодно“. Ильѣ, усмѣхнувшись, сказалъ: „некуда мнѣ дѣвать!.. а если хотите живы быть, такъ впередъ не отвajтесь!“ и поѣхалъ въ путь свой къ славному граду Кіеву.

.....
.....

Ильѣ-Муромецъ поѣхалъ ко граду Кіеву прямою дорогою отъ Чернигова, которую заложилъ Соловей-разбойникъ ровно тридцать лѣтъ, не пропускалъ ни коннаго, ни пѣ-

¹⁾ Варіантъ: по пяти. ²⁾ Вар. останавливать.

*) Пересказы былины.

шаго, а убивалъ не оружіемъ, но своимъ свистомъ разбойничьимъ. Выѣхалъ Илья-Муромецъ въ чисто поле и увидѣлъ попрыски богатырскіе и по нихъ поѣхалъ, и пріѣхалъ на тѣ лѣса Брянскіе, на тѣ грязи топучія, на тѣ жосты калиновы и къ той рѣкѣ Смородинкѣ ¹⁾. Соловей-разбойникъ слышалъ себѣ кончину и безчастіе великое и, не допуская Илью-Муромца за двадцать верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойническимъ крѣпко; но богатырское сердце не устрашилось. И не допуская еще за десять верстъ, засвисталъ онъ громче того, и съ того свисту подъ Илью-Муромцемъ конь спотыкнулся. Пріѣхалъ Илья-Муромецъ подъ самое гдѣздо, которое свито на двѣнадцати дубахъ; и Соловей-разбойникъ, на гдѣздѣ сидя, увидѣлъ свѣторусскаго богатыря и засвисталъ во весь свистъ, и хотѣлъ Илья-Муромца убить до смерти.

Илья-Муромецъ снимаетъ съ себя тугой лукъ, накладываетъ калену стрѣлу и пускаетъ на то гдѣздо Соловьиное, и попалъ ему въ правой глазъ и вышибъ вонъ; Соловей-разбойникъ свалился съ гдѣзда, что овсяной снопъ. Илья-Муромецъ беретъ Соловья-разбойника; привязалъ его крѣпко къ стремени булатному и поѣхалъ къ славному граду Кіеву. На пути стоятъ палаты Соловья-разбойника, и какъ поровнялся Илья-Муромецъ противъ палатъ разбойническихъ, у которыхъ окна были растворены, и въ тѣ окна смотрѣли разбойничьи три дочери,—увидѣла его меньшая дочь и закричала своимъ

сестрамъ: „вонъ нашъ батюшка ѣдетъ съ добычею и везетъ къ намъ мужика, привязаннаго у стремени булатнаго“. А большая дочь посмотрѣла и горько заплакала: „это не батюшка нашъ ѣдетъ; это ѣдетъ незнамо-какой человѣкъ и везетъ нашего батюшку“. И закричали онѣ мужьямъ своимъ: „мужья наши милые! поѣзжайте къ мужику навстрѣчу и отбейте у него нашего батюшку, не кладите нашъ родъ въ такомъ позорѣ“. Мужья ихъ, сильные богатыри, поѣхали противъ свѣторусскаго богатыря; кони у нихъ добрые, копыя острые, и хотятъ они Илью на копыяхъ поднять. И увидѣлъ Соловей-разбойникъ, и сталъ говорить: „зятя мои милые! не позорьтесь вы и не дразните такого сильнаго богатыря, чтобы всѣмъ вамъ не принять отъ него смерти; лучше съ покорностію попросите его въ домъ мой выпить чару зелена вина“. По просьбѣ зятѣй поворотилъ Илья въ домъ, не вѣдая ихъ злобы. Большая дочь подняла желѣзную на цѣпяхъ подворотню, чтобы его пришибить. Но Илья усмотрѣлъ ее на воротахъ; ударилъ копьемъ и ушибъ до смерти.

И какъ пріѣхалъ Илья-Муромецъ въ Кіевъ градъ, вѣзжаетъ прямо на княженицкой дворъ и входитъ въ палаты бѣлокаменные, Богу молится и князю кланяется. Князь Кіевской спрашиваетъ: „скажи, доброй молодецъ, какъ тебя зовутъ и изъ котораго города ты уроженецъ?“ Отвѣтъ держитъ Илья-Муромецъ: „меня, государь, зовутъ Ильишкою, а по отчеству Ивановъ, уроженецъ города Муромъ, села Карачарова“.

¹⁾ Вар. Смородинъ.

Бнязь спрашиваетъ: „которую доро́гою ѣхалъ ты изъ Муромѣ?“ — На Черниговъ-градъ, и подѣ Черниговомъ побилъ войска басурманскія, что и смѣты нѣтъ, и очисти́лъ Черниговъ-градъ; а оттуда поѣхалъ прямою доро́гою, и взялъ сильнаго богатыря Соловья-разбойника и привелъ его съ собою у стремени булатнаго. Князь, осердясь, сказалъ: „что ты обманываешь!“ Какъ услышали это богатыри Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ, они бросились смотрѣть и, увидѣвъ, князя увѣрили, что справедливо такъ. И приказалъ князь поднести чару¹⁾ зелена вина доброму молодцу. Захотѣлось князю разбойническаго свисту послушать. Илья князя со княгинею обернулъ въ шубу соболю, и поставя²⁾ ихъ подѣ мышки, призвалъ Соловья и приказалъ въ полсвиста засвистать соловьемъ. А Соловей-разбойникъ засвисталъ во весь разбойнической свистъ и оглушилъ богатырей такъ, что они упали на полъ; и за то убилъ его Илья-Муромецъ.

.....

Ае. Ск. III, 119—124.

(Напечатана съ любочнаго изданія).

2. Алѣша-Поповичъ.

На небесахъ зародился младъ-свѣтелъ мѣсяцъ, на землѣ-то у стараго соборнаго у Леонтыя-попа зародился сынъ — могучій богатырь; а имя нарекли ему младъ Алѣша-Поповичъ — имячко хорошенькое. Стали Алѣшу кормить-поить: у кого

недѣльной, онъ денной такой; у новыхъ¹⁾ годовою, Алѣша недѣльной такой. Сталъ Алѣша по улочкѣ похаживати, сталъ съ малыши ребятами поигрывать: кого возьметъ за ручку — ручка прочь; кого за ножку — ножка прочь; игра-то у него не корыстно пошла! кого за середку²⁾ возьметъ — живота лишитъ. И сталъ Алѣша на возрастъ: учалъ у отца-матери просить благословеньица ѣхать — гулять во чисто поле. Отецъ говоритъ: „Алѣша-Поповичъ! поѣзжайешь ты во чисто поле; есть у насъ и посильнѣе тебя; ты возьми себѣ въ слуги вѣрные Марышка Паранова сына“. И сажались добры молодцы на добрыхъ коней; какъ поѣхали они во чисто поле — пылъ столбомъ закурился: только добрыхъ молодцовъ и видѣли!

Приѣзжали добры молодцы ко князю ко Владимиру; тутъ Алѣша-Поповичъ прямо³⁾ идетъ въ бѣлокаменны палаты ко князю ко Владимиру, крестъ кладетъ по писанному, поклоняется по ученому на всѣ на четыре стороны, а князю Владимиру на особицу. И встрѣчаетъ добрыхъ молодцевъ Владимиръ-князь и сажаетъ ихъ за дубовый столъ: хорошо добрыхъ молодцевъ поить-кормить и вѣноръ вѣстей поспросить; учили добры молодцы ѣсть пряники печатные, запивать винами крѣпкими. Тутъ спросилъ добрыхъ молодцевъ Владимиръ-князь: „кто вы, добры молодцы? сильные ли богатыри удалые, или путники-перехожіе — сумки перемѣтныя? Не знаю а вамъ ни имени,

¹⁾ Вар. кубокъ. ²⁾ Вар. подхватя.

¹⁾ Т. е. новыхъ. ²⁾ Поперекъ. ³⁾ Прямо.

ни отчины". Отвѣтъ держитъ Алѣша-Поповичъ: „я сынъ стараго соборнаго Леонтыя-попа Алѣша-Поповичъ младъ, а въ товарищахъ слуга Марышко Парановъ сынъ". Какъ поѣлъ да попилъ Алѣша-Поповичъ, учалъ правиться на кирпичну печь, легъ полудновать ¹⁾; а Марышко за столомъ сидитъ. Въ тѣ поры да въ то времячко наѣзжалъ Змѣевичъ-богатырь и облатинилъ все царство князя Владимира. Идетъ Тугаринъ-Змѣевичъ въ палаты бѣлокаменны ко князю Владимиру; онъ лѣвой ногой на порогъ ступилъ, а правой ногой за дубовый столъ; онъ пьетъ и ѣстъ и съ княгиней обнимается, а надъ княземъ Владиміромъ играется и ругается; онъ кладетъ ковригу за щеку, а другую за другую кладетъ; на языкъ кладетъ цѣлаго лебедя, пирогомъ попихнулъ—все вдругъ проглотнулъ. Лежитъ Алѣша-Поповичъ на кирпичной печи и говорить такіа рѣчи Тугарину-Змѣевичу: „было у нашего батюшки у стараго у Леонтыя-попа—было коровищѣ, было обжорищѣ, ходило по пивоварнямъ и съѣдало цѣлыя кадцы пивоварныя съ гущею; дошло коровищѣ, дошло обжорищѣ до озера, всю воду изъ озера выпило—взяло его тутъ и разорвало; а и тебя бы Тугарина такъ за столомъ-то всего прирвало!" Разсердился Тугаринъ на Алѣшу-Поповича, бросилъ въ его булатный ножомъ; Алѣша-Поповичъ увертливъ былъ, увернулся отъ его за дубовый столбъ. Говоритъ Алѣша таково слово: „спасибо тебѣ, Змѣевичъ-Тугаринъ - богатырь; по-

далъ ты мнѣ булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я тебѣ очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца". Въ тѣ поры выскакалъ Марышко Парановъ сынъ изъ-за стола изъ-за дубоваго на рѣзвы ноги и хватилъ Тугарина за наворотъ, выхватилъ изъ-за стѣлы и бросилъ о палату бѣлокаменну—и посыпались оконницы стекольчатныя. Какъ возговоритъ Алѣша-Поповичъ съ кирпичной печи: „ой ты Марышко, Марышко, Парановъ сынъ, ты вѣрная слуга, неизмѣнная!" Отвѣчаетъ Марышко Парановъ сынъ: „подай-ка ты мнѣ, Алѣша-Поповичъ, булатный ножъ; распорю я Тугарину-Змѣевичу груди бѣлыя, застелю я ему очи ясныя, засмотрю его ретива сердца". Отвѣтъ держитъ Алѣша съ кирпичной печи: „охъ ты, Марышко Парановъ сынъ! не руди ¹⁾ ты палатъ-то бѣлокаменныхъ, отпусти его во чисто поле; некуда онъ тамъ дѣвается; съѣдемся за нимъ заутро во чистомъ полѣ".

Поутру раннимъ-ранѣшенько подымался виѣстахъ съ солнышкомъ Марышко Парановъ сынъ, выводилъ онъ рѣзвыхъ коней пить воды на быстру рѣку. Летаетъ Тугаринъ-Змѣевичъ по поднебесью и проситъ Алѣшу-Поповича во чисто поле. И приѣзжалъ Марышко Парановъ сынъ къ Алѣшѣ-Поповичу: „Вотъ тебѣ судья, Алѣша-Поповичъ! не далъ ты мнѣ булатнаго ножа; распоролъ бы я поганцу груди бѣлыя, засталъ бы я его очи ясныя, высмотрѣлъ бы я его ретива сердца; те-

¹⁾ Отдыхать послѣ обѣда.

¹⁾ Не марай.

перя что возьмешь у него у Тугарина? летаетъ онъ по поднебесью“. Говорить Алёша таково слово: „не замѣна моя, все измѣна!“ . Выводилъ Алёша своего добра коня, обсъддалъ ве черкасское сѣдло, подтянулъ двѣнадцатью подпругами шелковыми— ради басы ¹⁾, не ради крѣпости; поѣхалъ во чисто поле. Ёдетъ Алёша по чисту полю и видитъ Тугарина-Змѣевича: онъ летаетъ по поднебесью. И взмолился Алёша-Поповичъ: „пресвятая мати Богородица! накати-ко ты тучу черную; дай Богъ изъ тучи черной часта дождичка крупенистаго! смочило бы у Тугарина крыльица бумажныя“. У Алёши была мольба доходная: накатилася туча черная; изъ той тучи грозной далъ Богъ дождичка частаго, частаго да крупенистаго, и смочило у Тугарина крыльица бумажныя; палъ онъ на сыру землю и поѣхалъ по чисту полю. Не двѣ горы виѣсть скатаются, то Тугаринъ съ Алёшей сѣззались; палицами ударились—палицы по чивьямъ ²⁾ поломались, копыями соткнулись—копыя къ чивьямъ извернулись, саблями махнулись—сабли исцербились. Тутъ-то Алёша-Поповичъ валился съ сѣдла, какъ овсяной снопъ; и тутъ Тугаринъ-Змѣевичъ учалъ бить Алёшу-Поповича, а тотъ-ли Алёша увертливъ былъ, увернулся Алёша подъ конное чѣрево, съ другой стороны вывернулся изъ-подъ чѣрева и ударилъ Тугарина булатнымъ ножомъ подъ правую пазуху, и спихнулъ Тугарина съ добра коня, и

учалъ Алёша-Поповичъ кричать Тугарину: „спасибо тебѣ, Тугаринъ-Змѣевичъ, за булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я твои очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца“. Отрубилъ ему Алёша буйну голову, и повезъ онъ буйну голову ко князю ко Владимиру; ёдетъ да головушкой поигрываетъ, высоко головушку выметываетъ, на востро копые головушку подхватываетъ. Тутъ Владимиръ ополхнулся ¹⁾: „везетъ-де Тугаринъ буйну голову Алёши-Поповича! Поплѣнитъ онъ теперь наше царство христіанское!“ Отвѣтъ держитъ Марышко Парановъ сынъ: „не тужи ты, красно солнышко - Владимиръ стольный кievскій! Если ёдетъ по земли, а не летаетъ по поднебесью поганый Тугаринъ, сложить онъ свою буйну голову на мое копые булатное; не печалуйся, князь Владимиръ: какова пора—я съ нимъ побратаюсь!“ Посмотрѣлъ тутъ Марышко Парановъ сынъ въ трубочку подзорную, опозналъ онъ Алёшу-Поповича: „вижу я ухватку богатырскую, поступку молодецкую: накруто Алёша коня поворачиваетъ, головушкой поигрываетъ, высоко головушку выметываетъ, на востро копые головушку подхватываетъ. Ёдетъ это не Тугаринъ поганый, а Алёша-Поповичъ, сынъ Леонтья-попа стараго соборнаго; везетъ онъ головушку поганнаго Тугарина-Змѣевича“.

Ае. Ск. III, 136—140.

(Записана въ Шенкурскъ Архан. губ.).

¹⁾ Красоты, щегольства.

²⁾ Чивье—рукоятка.

¹⁾ Испугался, устранился.

В. Сказки книжнаго происхожденія.

а) Историческія.

1. Сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ.

Жилъ на свѣтѣ царь; имя его было Александръ Македонскій. Это было въ старину, давно-давно, такъ что ни дѣды, ни праѣды, ни прапраѣды, ни пращуръ наши не запомнятъ. Царь этотъ былъ изъ богатейшей богатей. Никакой силачъ въ свѣтѣ не могъ побѣдить его. Онъ любилъ воевать, и войско у него было все начисто богатей. На кого ни пойдетъ войною царь Александръ Македонскій—все побѣдить. И покорилъ онъ подъ свою власть всѣ царства земныя. И зашелъ онъ на край свѣта и нашелъ такіе народы, что самъ, какъ ни былъ храбръ, ужаснулся ихъ: свирѣпы пуще лютыхъ звѣрей и ѣдятъ живыхъ людей: у иного изъ нихъ одинъ глазъ—и тотъ во лбу, а у иного три глаза; у иного одна только нога, а у иного три, и бѣгаютъ они такъ быстро, какъ летитъ изъ лука стрѣла. Имя этихъ народовъ было: Гоги и Магоги. Однакожъ царь Александръ Македонскій отъ этихъ дивныхъ ¹⁾ народовъ не струсилъ; началъ онъ съ ними воевать. Долго ли, коротко ли онъ съ ними велъ войну—это не вѣдомо; только дивні народы струсили, и пустились

отъ него бѣжать. Онъ за ними, гнать-гнать, и загналъ ихъ въ такія трущобы, пропасти и горы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Тамъ-то они и скрылись отъ царя Александра Македонскаго. Что-же сдѣлалъ съ ними царь Александръ? Онъ свѣлъ надъ ними одну гору съ другою сводою, и поставилъ на сводѣ трубы, и ушелъ назадъ въ свою землю. Подуютъ вѣтры въ трубы, и подыметъ страшный вой; они, сидя тамъ, кричатъ: о, видно еще живъ Александръ Македонскій. Эти Гоги и Магоги до сихъ поръ еще живы и трепещутъ Александра, а выйдутъ оттудова передъ самою кончиною свѣта.

Ае. III 173—174.

(Записана въ Саратовской губ.).

2. Изъ сказки: Про Мамай-безбожнаго.

На Русѣ было на православной княжилъ князь тутъ Дмитрій Ивановичъ. Засылалъ онъ съ даньей русскаго посла Захарья Тютрина къ Мамаю-безбожному, псу смердящему. Правится путемъ-дорогой русской посолъ Захарій Тютринъ; пришелъ онъ къ Мамаю-безбожному, псу смердящему; „давай—примай, говоритъ, дань отъ русскаго князя Дмитрія Ивановича!“ Отвѣчаетъ Мамай-безбожный: „покуль не омоешь ногъ моихъ и не поцѣлуешь бахилъ ¹⁾, не приму я дани князя

¹⁾ Динихъ.

¹⁾ Обувь, сапоги.

Дмитрія Ивановича“. Взадъ ¹⁾ отвѣчаетъ русской посолъ Захарко Тютринъ: „чѣмъ бы съ дороги напоятъ-накормить, въ банѣ выпарить, втѣпоръ вѣстей попросить; а ты, Мамай-безбожный, песь смердящій, того-пѣрво велишь мнѣ твои басурманскія ноги и цѣловать бахилы; не слѣдъ мнѣ ноги и цѣловать бахилы русскому послу Захарю Тютрину. Пусть поганой татаринъ, Мамай безбожный, буде есть вѣра, цѣлуешь ноги русскаго посла Захаря Тютрина!“ Разъярился собака-татаринъ, рвалъ свои черныя кудри, металъ ихъ на землю—по застолью, княжескія бумаги придралъ, и писалъ своимъ ярлыки скорописчатыя: „когда будетъ овесъ кудравъ, баранъ мохнатъ, у коня подъ копытомъ трава и вода, втѣпоръ Мамай-безбожный будетъ съ святой Русью воевать: втѣпоръ мнѣ ни воды, ни хлѣба не надо!“

Не золота трубочка вострубила, Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ сталъ рѣчь держать: „Воины мои любимые! не на попойку призывалъ я васъ, не на радостный пиръ вы ко мнѣ собиралися; собиралися вы ко мнѣ за печальной вѣсточкой. Мамай-безбожный, песь смердящій, со всѣми своими ордами некрещеными, идетъ святую Русь воевать; будетъ намъ отъ Мамаево-собаки пить горькая чаша! Поидемте, мои любимые воины, къ окіану-мору, изладить легкіе струги и побѣжимъ мы изъ окіанъ-моря въ море Хвалынское къ соловецкимъ чудотворцамъ; запремся тамъ—и

нечего съ насъ будетъ взять Мамаю-безбожному, псу смердящему; въ другую сторону ¹⁾ онъ насъ полонить, очи выкопаетъ и злой смерти предастъ. Отвѣчаютъ князи и бояре, буйныя головы понуривши: „Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! одно солнушко катится по небу—одинъ князь княжить надъ Русью православною; не перечить мы пришли твоему слову крѣпкому; позволь насъ заставить рѣчь-отвѣтъ держать, какъ надать ладить съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ. Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ! пойдѣмъ мы къ окіанъ-мору, прирубимъ легкіе струги, скалѣпки ²⁾ смечемъ въ окіанъ-море, сами соберемъ рать-силу великую, и будемъ драться съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови—и будетъ на Мамаю-безбожнаго побѣда!“ — Что за слыхъ, что за громъ грянулъ по трапезѣ? говоритъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ. Отвѣчаетъ калика переходная—сумка переметная: „это, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ, нечистая, непріятная сила (что тебѣ подъ ухо шептала, чтобъ шелъ ты къ окіанъ-мору строить легкіе струги, изъ окіанъ-моря въ море Хвалынское), когда ты Бога прославилъ, изъ терема побѣжала“.

Задонской князь Дмитрій Ивановичъ чинилъ крѣпкіе наказы, чтобъ собирали рать-силу нескѣтную по городамъ съ пригородками и по всѣмъ дальнимъ печищамъ ³⁾, оставляли-бъ дома только слѣпыхъ да

¹⁾ Наоборотъ.

¹⁾ Иначе, въ противномъ случаѣ.

²⁾ Отрубки, щепки.

³⁾ Деревнямъ.

хромыхъ, да малыхъ ребятъ-недоростковъ имъ въ печальники. Собрали со всѣхъ концовъ Руси православной рать-силу великую, утвердили силу по-за Москвѣ бѣлокаменной, расклали силу по жеребьямъ: Семену Тупику, Ивану Квашнину, русскому послу Захарью Тютрину и семи братьямъ Бѣлозерцамъ. Пошла сила на поле на Куликово, Москвы не хватаячи. На полѣ на Куликовѣ учали думу думать, какъ надо силу смѣтять? Русской посолъ Захарій Тютринъ сажился на своего добраго коня, объѣзжалъ округъ силой три дня и три часа—не могъ силы смѣтять: на сколько верстъ стоитъ?...

Первый жребій выпалъ русскому послу Захарью Тютрину, съ мохначами-бородачами—донскими казаками; другой—Семену Тупику, Ивану Квашнину и семи братьямъ Бѣлозерцамъ; третій жребій выпалъ Задонскому князю Дмитрію Иванову.

Втѣпоръ слышалъ шведской король про великое побоище, набралъ силы сорокъ тысячъ: „подите, воины мои любимые, на поле на Куликово, Москвы не хватаячи; станьте, мои воины, на бугры на высокіе: станетъ Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ побивать Мамай-безбожнаго—ко Дмитрію Ивановичу пристаньте; буде Мамай-безбожный будетъ побивать Дмитрія Ивановича—ко Мамаю пристаньте“. Лукавъ былъ шведской король, велѣлъ ко правой силѣ приставать! Турецкой король слышалъ про великое побоище, приказалъ набрать силы сорокъ тысячъ и послалъ ихъ на поле на Куликово—самъ наказывалъ: „воины мои любимые! какую

силу побивать будутъ, ко той пристаньте“. Простъ былъ турецкой король, ко виноватой силѣ велѣлъ приставать!

Засряжалась рать-сила могучая на полѣ на Куликовѣ на кровавое побоище; передъ держалъ русской посолъ Захарій Тютринъ съ мохначами-бородачами—донскими казаками. Палась имъ встрѣчу сила Мамай-безбожнаго: когда сила съ силою сходилась, мать-сыра земля подгибалась, вода подступалась. Втѣпоръ выскочилъ изъ земли Кроволинъ-татаринъ—вышина семь сажень; скричалъ татаринъ зычнымъ голосомъ: „Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! давай мнѣ-ка поединщика; буде не поставишь мнѣ поединщика, я твою силу одинъ побью-вырублю, грязьѣй сдѣлаю!“ Говоритъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ: „не на кого мнѣ-ка надѣяться, самому пришлось идти супротивникомъ-поединщикомъ на Кроволина-татарины!“ Оболокаетъ онъ свои латы крѣпкія, застегаетъ пуговицы воальянскія; обсѣдали ему добра коня во сѣдло черкасское, беретъ онъ съ собой палицу боевую, поѣзжаетъ къ Кроволину-татарину. Палъ ему встрѣчу незнамый воинъ: „осади лошадь, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! пойду я на Кроволина-татарины, отрублю ему по плечъ басурманскую голову!“ Сѣдлалъ онъ своего добраго коня, подтягивалъ двѣнадцатина подпругина шелковыми не ради басы, ради крѣпости. „Оборону я тебя, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ, отъ первыя смерти! Буде я побью Кроволина-татарины, то бейся и дерись

съ окаяннымъ врагомъ, съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови: и будетъ на Мамай-безбожнаго побѣда!“ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ съ незнакомнымъ воиномъ обмѣнялись конями, простились, и благословилъ его князь Дмитрій Ивановичъ на дѣло великое, на побоище смертное. Съѣхались два сильные, могучіе богатыря на чистомъ полѣ на Куликовѣ въ бою-дракѣ перевѣдаться. Палицами ударились—палицы по чивья поломались; копьями соткнулись—копья извернулись; саблями махнулись—сабли исчербились: скакали они со добрыхъ коней и бились они рукопашнымъ боемъ, и бились они три дня, три ночи, три часа не пиваючи бились, не ѣдаючи; на четвертой день оба тутъ и упокоились. И учалъ князь Дмитрій Ивановичъ досматривать: незнакомый воинъ правую рѣку на тулово ¹⁾ Кроволина-татарина накинулъ. Князь своего воина срядилъ, похоронилъ, надъ нимъ крестъ поставилъ и вызолотилъ.

У Мамай-безбожнаго, пса смердящаго, выскочилъ изъ земли другой воинъ, и звопилъ своимъ зычнымъ голосомъ: „Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! подавай мнѣ-ка супротивника; въ другую сторону я твою силу побью, и тебѣ, князю, глаза выкопаю—свѣтъ отниму!“ Понурилъ буйну голову Задонской князь Дмитрій Ивановичъ: „не на кого мнѣ-ка надѣяться, самому пришлось идти на Кроволина-татарина“. Садился онъ на своего

добра коня, поѣзжалъ на Кроволина-татарина. Палъ ему встрѣчу другой воинъ: „осади лошадей, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! избавлю я тебя отъ скорня смерти. Бude я побью собаку-татарина, бейся и дерись со Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови: и будетъ на Мамай-безбожнаго побѣда. А будe Квашинюкъ-богатырекъ (sic) побьетъ меня, садись на моего добраго коня: увезетъ онъ тебя отъ смерти отъ скорня“. Князь Дмитрій Ивановичъ и незнамый воинъ обмѣнялись конями, простились, и благословилъ его Дмитрій Ивановичъ на дѣло великое, на побоище смертное. Съѣхались два сильные могучіе богатыря на чистомъ полѣ на Куликовѣ въ бою-дракѣ перевѣдаться. Впервые палицами они ударились—палицы по чивья поломались, копьями кололись—копья извернулись, острыми саблями рубились—сабли исчербились; скочили они со добрыхъ коней, бились-дрались рукопашнымъ боемъ, бились-дрались три дня, три ночи и три часа, не пиваючи, не ѣдаючи и ясныхъ глазъ не смыкаючи; на четвертой день оба тутъ и упокоились. И учалъ князь Дмитрій Ивановичъ досматривать: у воина князева правая полъ на поганого татарина накиннулась. Князь своего воина честно срядилъ, похоронилъ, и на могилѣ крестъ поставилъ и вызолотилъ.

Втѣпоръ русской посолъ Захарій Тютринъ, съ мокначами-бородачами—донскими казаками, напускался на силу Мамай-безбожнаго. Свѣтлый день идетъ ко вечеру, а бой-

¹⁾ Туловище.

драка еще не кончилась; когда кончилась драка, учили смѣчать: у кого сколько силы пало? У русскаго посла Захарья Тютрина на одного мохнача-бородача — донскаго казака по двѣ тысячи по двѣсти татаровой выпало

(Не такъ былъ счастливъ отрядъ Туника, Квашинна и Бѣлозерцевъ: „нашу силу побивать стали“. На помощь выступилъ князь Дмитрій Ивановичъ. „Живеть (дѣйствуетъ) онъ въ силѣ Мамаа-безбожнаго, какъ острая коса въ сѣно: ставъ въ мягкой травѣ“. Наконецъ не въ моготу стало биться Задонскому князю: забрызгалъ онъ свои ясныя очи поганю татарскою кровью, отемнѣлъ и взмолился своему коню: „увези ты меня, конь, отъ скорыя смерти!“ Конь вывезъ князя въ чистое поле къ кудрявой березѣ. Дмитрій Ивановичъ отпустилъ коня, а самъ сѣлъ на кудрявую березу. Битва окончилась).

Спихватилась рать-сила могучая Задонскаго князя Дмитрія Ивановича. Русской посолъ Захарій Тютринъ, Семень Туникъ, Иванъ Квашининъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ учили силу спрашивать: не пошѣтилъ ли кто пути-дороги Задонскаго князя Дмитрія Ивановича? Молчить рать-сила могучая; ни отъ кого отвѣта нѣтъ. Русской посолъ Захарій Тютринъ, Семень Туникъ, Иванъ Квашининъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ понурили свои буйныя головы; положили они на скопъ ¹⁾: погибъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ въ бою-дракѣ отъ поганныхъ татаровой. Взадъ пошла рать-сила могучая по чистому полю. Увидѣлъ русской посолъ Захарій Тютринъ въ чистомъ полѣ кудрявую бе-

резу, а на той кудрявой березѣ чернизину ¹⁾; походилъ Захарко на чернизину, признавалъ онъ Задонскаго князя Дмитрія Ивановича. Въ цогі палъ онъ князю Дмитрію Ивановичу: „возрадуйся, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! постояли мы за нашу Русь православную, побѣдили Мамаа-безбожнаго, пса смердящаго!“ Соходитъ князь Дмитрій Ивановичъ съ кудрявыя березы; на востокъ онъ три раза земно кланяется. Настигали они рать-силу могущую, находили въ томъ радость-веселіе.

Ар. Сл. III, 168—173.

(Записана въ Архангельской губ. Шенкурскомъ уездѣ).

б) Бытовые (сатирическія).

1. Списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ былъ судъ у Лещасъ Ершомъ.

„Рыбамъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлой-рыбѣ, бьетъ челомъ Ростовскаго озера енчишко баярской Лещъ съ товарищи. Жалоба, господа, вамъ на злого человѣка, на Ерша Щетинника и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было Ростовское озеро за нами; а тотъ Ершъ злой человѣкъ, Щетинникъ(овъ) наслѣдникъ, лишилъ насъ Ростовскаго озера, нашихъ старыхъ жировъ ²⁾; расплодился тотъ Ершъ по рѣкамъ и по озерамъ; онъ собою малъ, а щетинны у него, аки лютыя рогадины, и онъ свидится съ нами на стану—

¹⁾ На общемъ собраніи.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОВѢСЬ.

²⁾ Жира, жирова—хорошее житье, довольство.

и тѣми острыми своими жетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра, и суется по рѣкамъ и по озерамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа христіански! лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами, праведными судьями“.

Судьи спрашивали отвѣтника Ерша: „ты, Ершъ, истцу Лещу отвѣчаешь-ли?“ Отвѣтникъ Ершъ рече: „отвѣчаю, господа! за себя и за товарищевъ своихъ въ томъ, что то Ростовское озеро было старина дѣдовъ нашихъ, а (и) нынѣ наше, и онъ Лещъ жилъ у насъ въ сусѣдствѣ на днѣ озера, а на свѣтъ не vyhаживалъ. А я, господа, Ершъ, Божіею милостію, отца своего благословеніемъ и матерними молитвами, не смутчикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ нигдѣ не бывалъ, воровского у меня ничего не вынимывали; человекъ я добрый, живу я своею силою, а не чужою; знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ городахъ князи и бояре, стольники и дворяне, жильцы московскіе, дѣяки и подьячіе и всякихъ чиновъ люди, и покупаютъ меня дорогою цѣною и варятъ меня съ перцомъ и съ шав(ф)раномъ и ставятъ предъ собою честно, и многіе добрые люди кушаютъ съ похмеля и кушавши поздравляютъ“.

Судьи спрашивали истца Леща: „ты, Лещъ, чѣмъ его уличаешь?“ Истецъ Лещъ рече: „уличаю его Божіею правдою да вами праведными судьями“. Судьи спрашивали истца Леща: „кому у тебя вѣдомо

про Ростовское озеро и о рѣкахъ и востокѣхъ¹⁾, и на кого шлешь-ся?“ Истецъ Лещъ рече: шлюсь я, господа! изъ виноватыхъ²⁾ на добрыхъ людей разныхъ городовъ и области(ей); есть, господа, человекъ добрый, живетъ въ тѣмной области подъ Ивановъ-городомъ въ рѣкѣ Нарѣ, по имени рыба Сигъ; да другой, господа, человекъ добрый, живетъ въ Новгородской области въ рѣкѣ Волховѣ, по имени рыба Лодуга“. Спрашивали отвѣтника Ерша: „ты, Ершъ, шлешь-ли на Лещеву правду, на таковыхъ людей?“ И отвѣтникъ Ершъ рече: „слатися, господа, намъ на таковыхъ людей не умѣтъ; Сигъ и Лодуга — люди богатые, животами прожиточны, а Лещъ такой-же человекъ заводной, шлется въ послушеству(о)³⁾“. И судьи спрашивали отвѣтника Ерша: „почему у тебя такіе люди недружья и какая у тебя съ ними недружба?“ Отвѣтникъ Ершъ рече: „господа мои судьи! недружби у насъ съ ними никакой не было, а слатися на нихъ не смѣемъ—для того, что Сигъ и Лодуга люди великіе, а Лещъ такой же человекъ заводной; они хотятъ насъ маломочныхъ людей испродать⁴⁾ напрасно“.

Судьи спрашивали истца Леща: „еще кому у тебя вѣдомо Ростовское озеро и о рѣкахъ и о востокѣхъ, и на кого шлешь-ся?“ Истецъ Лещъ рече: „шлюсь я, господа! изъ виноватыхъ есть человекъ доброй, живетъ въ Переславскомъ озерѣ,

¹⁾ Истокахъ. ²⁾ Т. е. изъ прикосновенныхъ дѣлу, вѣдающихъ о дѣлѣ.

³⁾ Ссылается на свидѣтельство.

⁴⁾ Разорить тѣмъ бою.

рыба Сельдь“. Судьи спрашивали отъѣтчика Ерша: „ты, Ершъ, плещься ли на лещевую правду?“ Отъѣтчикъ же Ершъ рече: „Сигъ и Лодуга и Сельдь сплемани ¹⁾), а Лещъ такой-же человекъ заводной: въ сусѣдствѣ инаются, гдѣ судятся—ѣдятъ и нѣютъ виѣствъ, про насъ не молвятъ“.

И судьи послали пристава Окуня и велѣли взять съ собою въ понятыхъ Мня ²⁾), приказали взять въ правдѣ переславскую Сельдь. Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Мня, и Мень Окуню-приставу сулитъ посулы великіе, и рече: „господине Окуне! азъ не гоужу въ понятыхъ бытъ: брюхо у меня велико—ходить не смогу, а се глаза малы—далеко не вижу, а се губы толсты—передъ добрыми людьми говорить не умѣю“. Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Головля и Е(а)зя. И Окунь поставилъ въ правдѣ переславскую Сельдь. И судьи спрашивали въ правдѣ у переславской Сельди: „Сельдь, скажи ты намъ про Леща и про Ерша и промежъ ими про Ростовское озеро“. Сельдь же рече въ правдѣ: „Леща съ товарищи знаютъ; Лещъ человекъ доброй, христіанинъ Божій, живетъ своею, а не чужою (силою); а Ершъ, господа, злой человекъ, Щетинникъ“ ³⁾.

...знаешь-ли его? Осетръ же рече: „азъ, господа ⁴⁾), не въ правдѣ ⁵⁾“

и не въ послушествѣ, а впрямь (скажу): слышалъ про того Ерша, что сварять его въ ухѣ, а столько не ѣдятъ, сколько расплюютъ. Да еще, господа, вамъ скажу Божию правдою о своей обидѣ: когда я шелъ изъ Волги-рѣки къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать, и онъ меня встрѣтилъ на устьѣ Ростовскаго озера и нарече ми братомъ; а я лукавства его не ви(ѣ)далъ, а спрощать про него, злого человека, никого не случилось, и онъ меня спроси: братецъ Осетръ, гдѣ идешь? И азъ ему повѣдалъ: иду къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать. И рече ми Ершъ: братецъ Осетръ, когда азъ шелъ Волгою-рѣкою, тогда азъ былъ толще тебя и долъ (долѣе, т. е. длиннѣе), бока мои терли у Волги-рѣки береги (а), очи мои были аки полная чаша, хвостъ же мой былъ аки большой судовой парусъ; а нынѣ, братецъ Осетръ, видишь ты и самъ, каковъ я сталъ скуденъ, иду изъ Ростовскаго озера. Азъ же, господа, слышавъ такое его прелес(т)ное слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро къ рѣкамъ жировать; дружину свою и дѣтей голодомъ морилъ, а самъ отъ него въ конецъ погинулъ. Да еще, вамъ, господа, скажу: тотъ-же Ершъ обманулъ меня Осетра, стараго мужика, и привеле меня къ неводу и рече ми; братецъ Осетръ, пойдемъ въ неводъ; есть тамъ рыбы много. И я его нача посылати напредъ. И онъ Ершъ мнѣ рече: братецъ Осетръ, коли менѣйшей братъ ходитъ напредъ боль-

¹⁾ Тоже, что—„сродни“.

²⁾ Налима.

³⁾ Здѣсь въ рукописи опущена ссылка Леща на новое свидѣтельство. Такимъ образомъ выведенъ Осетръ; въ началѣ же сказки онъ поставленъ судьей: очевидная запутанность въ текстѣ рукописи.

⁴⁾ Въ рукописи: „господа вы“.

⁵⁾ Т. е. не ради суда.

шаго? ¹⁾ И я на его, господа, престное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ да увязъ, а неводъ что боярской дворъ—итти (войти) ворота широки, а вытти узки. А тотъ Ершъ за неводъ выскочилъ въ е(я)чею ²⁾, а самъ мнѣ насмѣхался: ужели ты, братецъ, въ неводу рыбы наѣлся! А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, и тотъ Ершъ нача прощатися: братецъ, братецъ Осетръ! прости, не поминай лихоу. А какъ меня мужики на берегу стали бить дубинами по головѣ, и я нача стонать, и онъ Ершъ рече ми: братецъ Осетръ, терпи Христа ради!“

Конецъ суднаго дѣла. Судьи слушали суднаго дѣла и приговорили: Леща съ товарищи оправить, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головою и велѣли казнить торговою казню—бити кнутомъ и послѣ кнута повѣситъ въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и за ябедничество. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ суднаго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ Ракъ своей заднею клешою, а у печати сидѣлъ Вандышъ ³⁾ переславской. Да на того-же Ерша выдали правую грамоту: гдѣ его застанутъ въ своихъ вотчинахъ, тутъ его безъ суда казнить.

Речеть Ершъ судьямъ: „господа

судьи! судили вы не по правдѣ, судили по издѣ. Леща съ товарищи оправили, а меня обвинили“. Плюнулъ Ершъ судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ: только того Ерша и видѣли!

Ае. Ск. I, 135—139.

(Изъ рукописнаго сборника XVIII столѣтія)

в) Сказки религіозныя (легенды).

1. Объ отцѣ Николаѣ.

Въ одномъ городѣ былъ вороватой человекъ и надѣлалъ уже много бѣдъ. Однажды случилось ему обокрасть богатаго человека; дѣло это подмѣтили и послали въ погоню. Долго онъ бѣжалъ лѣсомъ, а впереди того лѣса была чистая степь верстъ по крайней мѣрѣ на десять. Какъ пробѣжалъ весь лѣсъ, остановился, и не знаетъ, что ему дѣлать? Если бѣжать по степи, то сейчасъ поймать, потому что версты на двѣ все видно, а погоня, слышитъ, уже близко. Тогда-то онъ началъ молиться: „Господи! прости мою душу грѣшную; батюшко отецъ Николай! сокрой меня—я тебѣ гривенную свѣчку поставлю“.

Вдругъ не откуда ваялся—предсталъ человекъ пожилыхъ лѣтъ, и спрашиваетъ вора: „что ты теперь говоришь?“ Воръ отвѣчаетъ: „вотъ что я говорилъ: батюшко отецъ Николай! сокрой меня въ этой глуши. И общался ему свѣчку поставить“. Тутъ онъ покался старичку въ своемъ грѣхѣ. Старикъ ему сказалъ: „если хочешь, полѣзай въ это па-

¹⁾ Въ рукописи слѣдуетъ за этимъ слова: конъ честь.

²⁾ Ячей—пространство между ячейками у мережи.

³⁾ Снятокъ, маленькая рыбка.

далище!“ А тутъ неподалеку лежала падаль. Нечего дѣлать было вору, надо было лѣзть въ падаль, потому что пойману быть не хочется. Залѣзъ онъ туда, а старичокъ въ ту-же минуту невидимъ сталъ. Тотъ старичокъ былъ самъ отецъ Николай. Вотъ приближается погоня; выѣхали люди на степь, отъѣхали съ полверсты—никого не видать! и воротились обратно; а воръ лежитъ въ падалищѣ, еле дышетъ—такой гнилой духъ! Когда проѣхала погоня мимо, онъ вылѣзъ оттуда и видитъ опять того же старичка—стоитъ неподалеку и собираетъ воскъ. Воръ подходитъ къ нему, благодаритъ за избавленіе; тогда старичокъ снова спросилъ: „а что ты обѣщалъ отцу Николаю, когда искалъ убѣжища?“ Воръ отвѣчаетъ, „я обѣщался смѣнить гривенную свѣчу“. —То-то и есть! какъ тебѣ было душно лежать въ падалищѣ, такъ и отцу Николаю было бы душно отъ твоей свѣчи. И далъ ему старичокъ наставленіе: „никогда не проси Господа Бога и святыхъ его угодниковъ на злыя дѣла; потому что Господь не благословляетъ злыхъ дѣлъ. Да смотри-же, помни мои слова, да и прочимъ скажи, чтобъ никогда не просили Бога въ худыхъ дѣлахъ!“ Сказалъ это, и скрылся изъ глазъ.

Ав. Ск. III, 466—467.

2. Аника-воинъ.

Жилъ-былъ Аника-воинъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, силой похвалялся, разорялъ торги и базары, побивалъ купцовъ

и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ-градъ церкви Божіи разорять; взялъ мечъ и копье, и выѣхалъ въ чистое поле на большую дорогу. А навстрѣчу ему Смерть съ острою косою ¹⁾). „Что это за чудище!“ говоритъ Аника-воинъ: „царь ли ты - царевичъ, король ли-королевичъ?“—Я не царь-царевичъ, не король-королевичъ, я твоя Смерть — за тобою пришла! „Не больно страшна: я мизиннымъ пальцемъ поведу—тебя раздавлю!“—Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ могучихъ богатырей—я всѣхъ одолѣла. Сколько побилъ ты народу на своемъ вѣку!—и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала. Разсердился Аника-воинъ, напускаетъ на Смерть своего борзого коня, хочетъ поднять ее на копье булатное; но рука не двигается. Напалъ на него великій страхъ, и говоритъ Аника-воинъ: „Смерть моя Смерточка, дай мнѣ сроку на одинъ годъ“. Отвѣчаетъ Смерть: — нѣтъ тебѣ сроку и на полгода.—„Смерть моя Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца“.—Нѣтъ тебѣ сроку и на три недѣли.—„Смерть моя Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три дня“.—Нѣтъ, тебѣ сроку и на три часа.—И говоритъ Аника-воинъ: „много

¹⁾ Вариантъ: ѣздилъ Аника-воинъ по чистымъ полямъ, по темнымъ лѣсамъ, никого не наѣзжалъ, не съ кѣмъ силы попробовать. „Съ кѣмъ бы мнѣ побиться?“ думаетъ Аника-воинъ: „хотя бы Смерть пришла“. Глядь—идетъ къ нему страшная гостья: тощая, сухая, кости голыя! и несетъ въ рукъ серпъ, косу, грабли и заступъ.

есть у меня и серебра и золота, и
каменья драгоценнаго; дай сроку
хоть на одинъ часъ—я бы раздалъ
нищимъ все свое имѣніе“. Отвѣчаетъ
Смерть:—какъ жилъ ты на волю-
номъ свѣтѣ, для чего тогда не раз-

давалъ своего имѣнія нищимъ? Нѣтъ
тебѣ сроку и на единую минуту!—
Замахнулась Смерть острою косою
и подкосила Аннеу-воина: свалился
онъ съ коня и упалъ мертвой.

Ае. Легенд. 154—155.

II. ПѢСНИ ЭПИЧЕСКІЯ.

1. Былины.

Непосредственность русскаго былиннаго эпоса. „Въ большинствѣ случаевъ съ былиннымъ эпосомъ индо-европейскихъ народовъ приходится знакомиться не по первоисточникамъ, не непосредственно изъ устъ народа, а по болѣе или менѣе литературнымъ обработкамъ и даже переработкамъ его. Назовемъ Книгу царей, Илиаду и Одиссею, Пѣснь о Роландѣ, Нибелунги и др. Не то мы замѣчаемъ у славянскихъ народовъ, въ частности у русскихъ.

Со своимъ народнымъ эпосомъ мы имѣли возможность познакомиться прямо изъ устъ народа, такъ какъ если у русскаго народа въ настоящее время нѣякла былая творческая пронаводительность, то всетаки не забылись еще созданные въ дни разцвѣта послѣдней высокохудожественные образы.

Сохраненіе народнаго эпоса въ живой народной передачѣ имѣетъ весьма важное значеніе, потому что, благодаря этому, чище и рѣзче могли удержаться духъ и черты подлинной, неприкрашенной народности, въ литературныхъ обработкахъ всегда нѣсколько сглаживающейся и подчасъ даже подчиняющейся различнымъ литературнымъ вліяніямъ, направленіямъ и модамъ. Великая обработка, даже самая осторожная и добросовѣстная, налагаетъ на произведеніе печать искусственности, преднамѣренности; русскія народныя эпическія пѣсни, за очемъ и очень ничтожными исключеніями, чужды этихъ качествъ и вольно и плавно льются, отражая въ себѣ долготѣнную жизнь русскаго народа со всѣми ея горестями и радостями. Подъ таинственнымъ покровомъ повѣстической передачи передъ нашимъ взоромъ вырисовываются очертанія многихъ вѣковъ русской исторіи, отиѣчавшіяся подъ созданіемъ новыхъ пѣсенъ, сопровождавшихъ всякое крупное событіе вплоть по XIX столѣтію, такъ и отдѣльными наслоеніями на старыхъ, ранѣе сложившихся пѣсняхъ. Въ общемъ получается цѣль-

ная, замѣчательная по своему богатству и разнообразію, картина внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній Руси, его идеаловъ, культурныхъ обобщеній, неписанная исторія, не признающая хронологіи и съ своеобразными приемами изложенія, но тѣмъ не менѣе полная внутренней правды“.

А. М. Лобода. Русскій богатырскій эпосъ. 1896 г.

Гдѣ, кѣмъ и какъ поются былины. „Побывавши въ Олонецкой губерніи (говорить Гильфердингъ), легко уяснить себѣ причины, по которымъ могла сохраниться здѣсь въ народной памяти эпическая поэзія, давно исчезнувшая въ другихъ мѣстахъ Россіи. Этихъ причинъ двѣ, и необходимо было ихъ совмѣстное дѣйствіе: эти причины — *свобода и глушь*“.

Народъ здѣсь оставался всегда свободнымъ отъ крѣпостного рабства. Ощущая себя свободнымъ, русскій крестьянинъ Заонежья не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ былинахъ. Напротивъ того, что могло остаться сроднаго въ типѣ эпическаго богатыря человѣку, чувствовавшему себя рабомъ?

Въ то же время свободный крестьянинъ Заонежья жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліаній, разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: къ нему не проникалъ ни солдатскій постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулася и грамотность, такъ что грамотный человѣкъ между крестьянами этого края до послѣдняго времени былъ рѣдкимъ исключеніемъ.

Такимъ образомъ здѣсь могли держаться въ полной силѣ условія, необходимыя для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинѣ и вѣра въ чудесное. Какъ было при отцахъ и дѣдахъ, такъ должно оставаться и теперь: понятно, какое это благоприятное условіе для сохраненія древнихъ преданій и былинъ. Безъ вѣры въ чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнію эпическая поэзія: когда человѣкъ усумнится, чтобы богатырь могъ носить палицу въ сорокъ пудъ, или одинъ положить на мѣстѣ цѣлое войско — эпическая поэзія въ немъ убита. А множество признаковъ убѣдило меня, что сѣвернорусскій крестьянинъ, помѣщій былины, и огромное большинство тѣхъ, которые его слушаютъ, безусловно вѣрятъ въ истину чудесъ, какія въ былинахъ изображаются.

Былины сохранились только въ средѣ крестьянъ, при чемъ всѣ сказители — люди неграмотные.

Затѣмъ весьма замѣчательно, что знаніе былинъ составляетъ какъ бы преимущество наиболѣе исправной части крестьянскаго населенія. Разспрашивая этихъ крестьянъ про обстоятельства ихъ жизни, я могъ вывести заключеніе, что сохраненію былинъ особенно благоприятствовали нѣкоторыя мастерства. Сами крестьяне не разъ объясняли мнѣ, что, сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразной работой шитья или плетенья сѣтей,

приходить охота пѣть „старинны“, и онѣ тогда легко усвоиваются; напротивъ того, земледѣліе и другія тяжелыя работы, а также такія занятія, какъ звѣринный промыселъ, лѣсныя работы, не оставляютъ досуга для пѣсенъ.

Когда слушаешь нашихъ народныхъ пѣвцовъ, прежде всего удивишься тому, до какой степени всѣ они, всѣ безъ исключенія, вѣрно выдерживаютъ характеръ дѣйствующихъ въ былинахъ лицъ. Пѣвцы эти далеко не равны по достоинствамъ: они представляютъ цѣлый рядъ переходовъ отъ истинныхъ мастеровъ, одаренныхъ несомнѣннымъ художественнымъ чувствомъ, до безобразныхъ пачуновъ, такъ что собраніе былинъ, съ ихъ словъ записанныхъ, можно сравнить съ картиной галереєю, въ которой однообразный рядъ сюжетовъ повторялся бы въ нѣсколькихъ десяткахъ копій, начиная отъ прекраснѣйшихъ рисунковъ и кончая отвратительнымъ мараньемъ. Но каковъ бы ни былъ рисунокъ, обликъ каждой фязіономіи въ этой галереѣ вездѣ сохраняетъ свои типическія черты. Ни разу князь Владиміръ не выступаетъ изъ роли благодушнаго, но не всегда справедливаго правителя, который самъ лично совершенно безсмысленъ; ни разу Илья Муромецъ не измѣнитъ типу спокойной, увѣренной въ себя, чуждой всего напускнаго и хвастливаго, но требующей себя уваженія силы; вездѣ Добрыня явится олицетвореніемъ вѣжливости и изящнаго благородства, а Алѣша-Поповичъ — нахальства и подлости. Сѣвернорусскому крестьянину, сохраняющему въ памяти эпическія сказанія, очевидно, присущи не какія-нибудь общія неопредѣленные представленія объ его герояхъ, но живыя очертанія ихъ характеровъ; иначе наши былины, въ которыхъ мы такъ часто встрѣчаемъ путаницу въ обстоятельствахъ описываемыхъ дѣйствій, искажали и путали бы характеры дѣйствующихъ лицъ: а этого никогда не бываетъ. И это потому, что въ сохраненіи и преемственной передачѣ былинъ, кромѣ механическаго дѣйствія памяти, участвуетъ какое-то, свойственное всѣмъ, поэтическое чутье въ народѣ. Память есть единственная сила, которая сознательно для самихъ пѣвцовъ дѣйствуетъ въ усвоеніи и воспроизведеніи ихъ пѣсенъ; участія личнаго творчества никто изъ нихъ и не подозреваетъ. Изъ разговора съ самимъ сказителемъ вы сейчасъ увидите, что онъ вполнѣ чуждъ сочинительства: онъ старается пѣть именно такъ, какъ пѣлъ его отецъ, дѣдъ или учитель; если онъ чего-нибудь не упомянулъ, то либо пропускаетъ, либо рассказываетъ словами, никогда не рѣшаясь возстановлять забытое стихами“.

Гильфердингъ. Онежскія былины.

Старинныя, мѣстные и личные черты въ современномъ исполненіи былинъ. „Только благодаря тому, что каждый сказитель считаетъ себя обязаннымъ пѣть былинку такъ, какъ самъ ее слышалъ, а его слушатели довольствуются тѣмъ, что „такъ поется“, и объясненій никакихъ

не требуют, — только благодаря этому и могла удержаться въ былинахъ такая масса древнихъ, ставшихъ непонятными народу, словъ и оборотовъ; только благодаря этому могли удержаться бытовые черты другой эпохи, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что окружаетъ крестьянина: подробности вооруженія, котораго онъ никогда не видалъ, картины природы, ему совершенно чуждой. Нужно побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы вполнѣ понять, какъ велика твердость преданія, обнаруживаемая въ народѣ его былинами. Мы, жители менѣе сѣверныхъ широтъ, не находимъ ничего особенно для насъ необычнаго въ природѣ, изображаемой нашими богатырскими эпосомъ, въ этихъ „сырыхъ дубахъ“, въ этой „ковыль-травѣ“, въ этомъ „раздольѣ-чистомъ полѣ“, которые составляютъ обстановку каждой сцены нашихъ былинъ. Мы не замѣчаемъ, что сохраненіе этой обстановки приднѣпровской природы въ былинахъ Заонежья есть такое же чудо народной памяти, какъ, напр., сохраненіе образа „гнѣдого тура“, давно исчезнувшаго, или облика богатыря съ щелкомъ на голени, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ „налицею боевою“. Видалъ ли крестьянинъ Заонежья дубъ? Дубъ ему знакомъ столько же, сколько намъ какая-нибудь банана. Знаетъ ли онъ, что такое ковыль-трава? Онъ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія. Видалъ ли онъ хоть разъ на своемъ вѣку „раздолье-чистое поле“? Нѣтъ; поле, какъ раздолье, на которомъ можно проскочить, есть представленіе для него совершенно чуждое: ибо поля, какія онъ видитъ, суть маленькія, по большей части усѣянные камнемъ или пшени клочки пашни или сѣнокосу, окруженные лѣсомъ; если же видѣется чистое гладкое мѣсто, то это не раздолье для скакуна, это — трящина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человѣкъ. А крестьянинъ этого края продолжаетъ пѣть про раздолье чистое поле, какъ будто бы онъ жилъ на Украинѣ!

Но само собою разумѣется, что, кромѣ завѣщаннаго преданіемъ, сѣверно-русская былина носитъ на себѣ и мѣстныя, и личные стихи. Когда сказитель поетъ, что добрый конь богатырскій

Мхи, болота перескакивалъ,
Мелкія озера промежъ ногъ пуцалъ,

то онъ рисуетъ картину, которая составила на мѣстѣ. Такихъ чертъ можно найти не мало. Я думаю, что вліянію мѣстной жизни слѣдуетъ приписать и то, что въ Онежскомъ краѣ сохранился, рядомъ съ богатыремъ-мужчиною, образъ богатыря-женщины, или *полянны*. Это представленіе до такой степени стало чуждо намъ, что при изданіи въ Москвѣ перваго тома сборника Рыбникова тамъ даже ученые не поняли, что такое полянница.

Не стану дѣлать гипотезу о томъ, имѣетъ ли преданіе о женщинахъ-богатыряхъ въ нашемъ эпосѣ связь съ женщинами-воительницами, о которыхъ говорятъ писатели древности у племенъ, обитавшихъ въ Чер-

номорскихъ краяхъ, или съ воинственными дѣями чешскихъ легендъ; но какъ бы образъ женщины-богатыря ни сложился, сохраненію его въ живомъ представленіи народа способствовали несомнѣнно бытовныя условія въ сѣверной части Олонецкой губерніи. Здѣсь отъ женщины требуется не только равная доля физическаго труда, но требуется та же неустрашимость и отвага, что отъ мужчины. Здѣсь женщина въ бурю должна умѣть грести и править лодкою, въ осеннюю непогоду тянуть невода, въ зимнія мѣтели отправляться въ извозъ къ Вѣлому морю. Олицетворяя въ богатырѣ мужскую силу и отвагу, крестьянинъ этихъ мѣстъ не могъ отдѣлять его отъ такого же героическаго типа женщины; потому такъ ясно и сохранилось здѣсь понятіе о *поляницѣ*, которое въ другихъ мѣстахъ Россіи потеряло свою опредѣленность.

Кромѣ мѣстныхъ вліяній, въ былинѣ участвуютъ *личныя* стихія, вносимая въ нее каждымъ пѣвцомъ; участіе это чрезвычайно велико, — гораздо больше, чѣмъ можно бы предполагать, послушавъ увѣренія самихъ сказителей, что они поютъ именно такъ, какъ переняли отъ стариковъ.

Можно сказать, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: *мѣста типическія* ¹⁾, по большей части описательнаго содержанія, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста *переходныя*, которыя соединяютъ между собою типическія мѣста и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. Первые изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былину; переходныя мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранятся только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ лучшихъ сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ сказать, ностойный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варианты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью или давно отвыкшаго отъ своихъ былинъ, и заставьте его пропѣть два раза одну и ту же былину, — вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ“.

Гильбердингъ. Онежскія былины.

Научныя изслѣдованія русскихъ былинъ. „Нерѣдко случается въ исторіи науки (говоритъ г. Вс. Миллеръ ²⁾), что нѣкоторыя ученія, считающіяся въ извѣстное время прочно установленными и вошедшія въ учебники, въ послѣдующее время оказываются шаткими и подрываются критикой со всѣхъ сторонъ. Всего чаще такія крушенія наблюдаются въ области изученія отдаленнаго прошлаго человѣчества. Конечно, открытіе новыхъ источниковъ для познанія исторіи того или другого народа всего

¹⁾ Или *общія* (loci communes).

²⁾ „Очерки русской народной словесности“, стр. 22 и слѣд.

чаще измѣняетъ взгляды, казавшіеся раньше прочно научно обоснованными. Но нерѣдко наше пониманіе прошлаго измѣняется и безъ такихъ открытій. Матеріалъ, на основаніи котораго была создана извѣстная теорія, можетъ не увеличиваться количественно, не подновиться новыми открытіями, но комбинація раньше извѣстныхъ фактовъ можетъ быть иная, сдѣланная подъ другимъ угломъ зрѣнія, и прежняя теорія неизбежно перестаетъ удовлетворять изслѣдователей новаго поколѣнія.

Такой случай въ исторіи науки имѣемъ мы въ ученіи о русской народной былинѣ или, какъ любили выражаться изслѣдователи 60 и 70-хъ годовъ, о русскомъ богатырскомъ эпосѣ. Мы могли еще недавно твердо и отчетливо отвѣтить на цѣлый рядъ интереснѣйшихъ вопросовъ: ни одинъ хорошій ученикъ гимназіи не затруднился бы уяснить отличіе народной устной поэзіи отъ поэзіи культурной, литературно-художественной. Онъ сказалъ бы (со словъ О. Миллера и А. Галахова), что народная поэзія есть произведеніе и общее достояніе всего народа, что она возникла въ періодъ господства наивныхъ вѣрованій и юношеской фантазіи, когда народъ еще не распадался на классы и сословія, когда всѣ принимали равное участіе въ подвигахъ, „совершаемыхъ не замисломъ и волею одного какого-либо человѣка, а инстинктомъ и силою цѣлаго народа“. Отдѣльный человѣкъ, слагавшій и пѣвшій пѣсню, былъ органомъ, голосомъ всего народа; онъ не творилъ чего-либо новаго, а выражалъ лишь то единственно, что извѣстно было каждому. Самодѣятельность его не простиралась на созданіе сюжета поэтическаго произведенія. Онъ не вносилъ въ пѣсню ни личныхъ лирическихъ изліяній, ни сатиры, не ставилъ себѣ задачею изобразить характеръ того или другого класса народа или поучать своихъ ближнихъ. Увѣренный въ сочувствіи своихъ слушателей, пѣвецъ „не допускаетъ никакихъ украшеній и эффектовъ. Да они и излишни, такъ какъ народная поэзія служила и служитъ народу не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія. Народъ понимаетъ ее не какъ особую сферу духовной дѣятельности, сферу искусства, которое образованный человѣкъ отличаетъ явственно отъ другихъ областей жизни—религіи, гражданской дѣятельности, науки. Естественная поэзія касается всего народнаго быта: обнимаетъ и религіозные, и нравственные его интересы“. Поэтому „народъ видитъ въ своей поэзіи драгоценное достояніе, которое, въ теченіе многихъ столѣтій, одни поколѣнія завѣщевали другимъ. Она имѣетъ смыслъ священной старины, неприкосновеннаго преданія, которое должны усвоивать люди молодые съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь передать его потомкамъ“.

Таковы, приблизительно, отвѣты, которые бойкій ученикъ гимназіи, не затрудняясь, даетъ на предложенный вопросъ объ отличіи устной народной поэзіи отъ художественной личной. Конечно, его не можетъ интересовать вопросъ, какимъ путемъ, на основаніи изученія какого матеріала добыты эти научныя положенія, которыя для ученика составляютъ

какъ бы аксіому. Но такой вопросъ долженъ быть поставленъ всякимъ „научнымъ слѣдователемъ“, желающимъ дать себѣ отчетъ въ томъ, насколько приведенныя общія положенія вытекаютъ изъ изученныхъ наукой фактовъ. Онъ спроситъ себя, знаетъ ли наука дѣйствительно повзрѣю того періода какого-нибудь народа, когда этотъ народъ не представлялъ никакой матеріальной и духовной дифференціаціи, когда всѣ члены его принимали равное участіе въ подвигахъ и каждый испытывалъ одинаково возбужденное и одинаково направленное духовное настроеніе. На такой вопросъ послѣдуетъ немедленно отрицательный отвѣтъ: окажется, что такого народа этнографія, а тѣмъ менѣе исторія не можетъ указать, что такой народъ—созданіе теоріи. Далѣе окажется такою же научною фикціею поэтъ-пѣвецъ этого предполагаемаго народа,—поэтъ, который не творитъ чего-либо новаго, но выражаетъ лишь то единственно, что извѣстно каждому, и не можетъ создать новаго сюжета. Спрашивается, на чемъ основано предположеніе, что душевная жизнь примитивнаго чело-вѣка такъ рѣзко расходилась съ нашею? Мы алчемъ новыхъ впечатлѣній, цѣнимъ то, чего раньше не слыхали; первобытный же пѣвецъ почему-то долженъ пѣть лишь старое, общезвѣстное. Какъ же предста-вить намъ себѣ появленіе многочисленныхъ сюжетовъ? Кѣмъ они были измыслены? Коллективнымъ творчествомъ массы? Но вѣдь и это фикція, такъ какъ чело-вѣческій опытъ такого творчества никогда не наблюдалъ. Далѣе спрашивается, на чемъ основано положеніе, будто первобытный поэтъ-пѣвецъ былъ настолько увѣренъ въ сочувствіи слушателей, что не допускалъ никакихъ украшеній и эффектовъ? Почему теорія лишаетъ его естественныхъ свойствъ всякаго художника всѣхъ временъ и наро-довъ—стремленія произвести впечатлѣніе, украсить по жрѣбъ смь свое твореніе? Какъ же, однако, объяснить происхожденіе обычныхъ украшеній произведеній такъ называемой народной поэзіи—размѣренной рѣчи, эпитетовъ, сравненій и пр.? Тою же фикціею коллективнаго творчества, которое, если мы отъ фразы перейдемъ къ представленію, сведется къ творчеству отдѣльныхъ лицъ, хотя бы имя имъ было легионъ. Имѣемъ ли мы какое-нибудь научное основаніе предполагать, что всѣ эти безы-менныя первобытные поэты по психологическимъ свойствамъ совершенно отличались отъ современныхъ? Это было бы равносильно предположенію, что вообще духовная жизнь примитивнаго чело-вѣка слѣдовала другимъ законамъ, а не тѣмъ, которымъ подчиняется психика современнаго чело-вѣка. Въ такомъ случаѣ, конечно, онъ навсегда останется для насъ загадкою.

Наконецъ, теорія безыскусственной народной поэзіи видитъ различіе въ самомъ отношеніи примитивнаго народа къ его поэзіи отъ отношенія къ ней современнаго образованнаго чело-вѣка. Мы относимъ творенія поэта въ сферу искусства. Первобытному (фиктивному) народу пѣсня служить не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія: есте-

ственная поэзія обнімаєть и релігійные, и нравственныя, и умственныя интересы; ее нельзя отдѣлить отъ его вѣрованій и убѣжденій. Здѣсь опять за фразами скрывается какое-то недоразумѣніе. Вѣдь поэтическое произведеніе и нашего времени можетъ выражать релігійные, нравственные и умственныя интересы поэта и читающаго его общества, но это нисколько не препятствуетъ этому произведенію удовлетворять и эстетическимъ интересамъ. Какое же основаніе мы имѣемъ предполагать, что того же самаго не было въ первобытномъ народѣ? Пусть онъ теоретически не относилъ пѣсню въ сферу искусства, пусть въ его языкѣ даже не было слова для выраженія понятія поэзіи, но все же пѣсни, удовлетворяя его духовнымъ (нравственнымъ и умственнымъ) интересамъ, могла нравиться ему и съ эстетической стороны. Въ чемъ же здѣсь различіе примитивнаго человѣка отъ современнаго?

Если отъ этого общаго опредѣленія народной поэзіи мы перейдемъ къ изученію произведеній устной поэзіи какого-нибудь не фиктивнаго, а историческаго народа, наприимѣръ къ изученію русскихъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, загадокъ, этихъ „разрозненныхъ членовъ обширнаго эпического преданія“, то немедленно убѣдимся, что многое въ этомъ опредѣленіи какъ будто не подходитъ къ матеріалу, который оно должно обнять. Да иначе и не можетъ быть, такъ какъ опредѣленіе не является выводомъ, сдѣланнымъ изъ изученія нашей народной поэзіи, начавшагося сравнительно недавно, а взято на вѣру изъ господствовавшей въ Германіи теоріи народнаго эпоса, созданнаго Яковомъ Гриммомъ и его послѣдователями. Геніальный ученый, оказавшій въ свое время громадную услугу дѣлу изученія народной поэзіи, представлялъ себѣ просто и ясно всѣ ступени ея развитія. Предки европейскихъ народовъ вынесли изъ общей прародины, которую во время Гримма искали въ Авіи, запасъ основныхъ релігійныхъ понятій, выразившихся въ мифахъ о божествахъ. Божества олицетворяли стихіи природы, мифы изображали происхожденія боговъ, борьбу свѣта и тьмы, явленія грозы, смѣну временъ года и пр. На самой ранней ступени эпосъ можетъ быть названъ *мифологическимъ*: героями рассказовъ или пѣсенъ являются боги. Но въ жизни народа затѣмъ наступаетъ періодъ борьбы упорной, продолжительной, сопровождающей его на пути его блужданій и осѣданія на новыхъ мѣстахъ. Поэзія почерпаетъ содержаніе въ этой борьбѣ, воспѣваетъ подвиги народныхъ героев, становится *героической*. Герои идеализируются, на нихъ переносятся свойства боговъ, событія, дѣйствительно случившіяся, получаютъ мифическую окраску. Съ принятіемъ христіанства древніе боги исчезаютъ, но слѣды „убѣгающихъ“ боговъ еще долго хранятся въ народныхъ сказаніяхъ, въ богатырскомъ эпосѣ: древніе боги преобразились въ героев. При наступленіи періода положительной исторіи, съ распространеніемъ письменности и культуры, дѣйствующими героями въ эпосѣ являются уже *историческія* лица: эпосъ достигъ своей третьей ступени;

но какъ раньше доисторическіе народныя герои заимствовали свои краски отъ боговъ, такъ и теперь подъ историческими именами перѣдко скрываются прежніе, прастарые мифы.

Съ точки зрѣнія этой теоріи разсматривались сторонниками Гримма и наши былины. Русскій народный эпосъ представляетъ вторую ступень развитія этого рода поэзіи. Наша былина есть поэтичная переработка „тѣхъ первоначальныхъ основъ эпическихъ, въ корни которыхъ предполагается мифъ“. Чудесность и сверхъестественность, унаслѣдованная отъ юрты первобытныхъ вѣрованій, во всей силѣ сказываются и въ былинѣ; но это не мѣшаетъ народу волнать ее этими именами. Народъ сознаетъ и выражаетъ различіе пѣсни (въ томъ числѣ и былины) и сказки пословицей: сказка—складка, пѣсня—быль. Наша былина относится къ эпосу героическому, она воспѣваетъ героевъ, которыхъ называетъ богатырями. Сказанія о нихъ твердо приурочены къ землѣ русской и къ ее древнѣйшей исторіи.

Изъ такого опредѣленія нашей былины получалось смутное и туманное представленіе о ней, какъ о богатырскомъ эпическомъ сказаніи, созданномъ коллективнымъ творчествомъ народа въ глубокой древности и дошедшимъ, наконецъ, до нашихъ дней путемъ преемственной традиціи, хранившейся въ средѣ народа, котораго предки сложили это сказаніе.. Пораженные обиліемъ и высокимъ интересомъ нашихъ былинь, изслѣдователи перваго поколѣнія (Веселовъ, Буслаевъ, Ор. Миллеръ, Квашининъ-Самаринъ) не находили словъ для возвеличенія этого наслѣдія предковъ, открывая въ немъ таинственный смыслъ (Веселовъ), слѣды древней русской мифологіи (Ор. Миллеръ) и изумляясь передъ чудомъ народнаго творчества и памяти, донесшей до насъ, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ, сказанія чуть ли не эпохи князя Владиміра Святого. Когда миновалъ періодъ „лиризма“, который обыкновенно сопровождаетъ въ исторіи науки какія-нибудь важныя открытія, когда началось болѣе спокойное, трезвое изученіе нашихъ былинь при помощи историко-сравнительнаго метода, нашъ эпосъ сталъ выступать въ надлежащемъ освѣщеніи, и священное наслѣдіе предковъ при этомъ не осталось въ накладѣ. Днишнее своей таинственной чудесности, нашъ эпосъ въ глазахъ историка литературы получилъ высокій научный интересъ, но не въ томъ, въ чемъ его видѣли первые изслѣдователи, увлеченные теоріей Гримма. Въ наше время едва ли кто-нибудь изъ изслѣдователей былинь вѣрится въ мифологическую ихъ основу или въ полную самостоятельность народа въ созданіи ихъ сюжетовъ, которую такъ энергично отстаивалъ покойный Ор. Миллеръ отъ всякихъ покушеній „теоріи заимствованія“. Но зато детальныя изслѣдованія содержанія нашего эпоса подняли цѣлый рядъ интереснѣйшихъ историко-литературныхъ вопросовъ, имѣющихъ не только домашнее, но и европейское значеніе: напримѣръ, какъ относится эпосъ къ положительной исторіи, какъ усваиваетъ и перерабатываетъ народъ

бродячіе сюжеты, какое отношеніе между сказочными фабулами и историческими именами нашего эпоса, какое вліяніе оказала „книга“ на народные сказанія, въ какой культурно-исторической связи находится нашъ эпосъ съ европейскимъ средневѣковымъ фольклоромъ, кто были слагатели былинъ и какова среда, въ которой онѣ распространялись и т. п.

Не имѣя въ виду въ настоящей статьѣ разсмотрѣть всѣ эти вопросы, я ограничусь только немногими, находящимися въ связи съ выше-приведеннымъ опредѣленіемъ нашей былинны, сдѣланнымъ Ор. Миллеромъ. Начну, впрочемъ, съ вопроса наименѣе важнаго, съ названія *былинны*, только потому, что въ объясненіи этого названія существуетъ фактическая ошибка, переходящая, по традиціи, изъ одного учебника въ другой.

Ор. Миллеръ, какъ мы выше видѣли, говоритъ, что народъ свои богатырскія пѣсенныя сказанія величаетъ *былинами*. Здѣсь покойный профессоръ повторяетъ только общепринятое мнѣніе, которое никогда не было доказано и „завелось“ въ литературѣ какъ бы *tacito consensu*... Мы имѣемъ нѣсколько показаній лицъ, записывавшихъ былинны въ Олонецкой губерніи, очагѣ нашей эпической традиціи, что такъ называемые *сказители*, знатоки былинъ, называютъ ихъ не былинами, а „старинами“, „старинками“, „старинушками“, не различая историческихъ пѣсенъ отъ былинъ въ нашемъ смыслѣ этого термина...

Спрашивается, однако, если народъ не знаетъ термина *былина* въ нашемъ употребленіи, откуда же онъ взялся въ научной литературѣ, кто первый пустилъ его въ оборотъ? Думаю, что единственный источникъ для этого термина—„Слово о полку Игоревѣ“, котораго выраженіе *по былинамъ сего времени*, невѣрно истолкованное, послужило для обогащенія научной терминологіи по части народной пѣсни. Почерпнувъ отсюда это слово, извѣстный народолобецъ 30-хъ и 40-хъ годовъ И. Сахаровъ, издавая богатырскія пѣсни, первый прикрѣпилъ къ этому отдѣлу своихъ „Сказаній русскаго народа“ торжественное заглавіе: „Былинны русскыхъ людей“... Поэтому совершенно неосновательно повторять, что народъ называлъ свои старинныя эпическія пѣсни *былинами* (отъ слова *быль*), созная ихъ отличіе отъ сказки—складки. Этими я, однако, не хочу сказать, чтобы народъ не вѣрилъ въ возможность фактовъ, рассказываемыхъ былинами. Но не слѣдуетъ приписывать народу такую терминологію, которой у него нѣтъ.

Перехожу къ другому вопросу, имѣющему болѣе важное значеніе для установленія взгляда на наши былинны. Нашъ эпосъ обыкновенно называютъ героическимъ или богатырскимъ, такъ какъ онъ воспѣваетъ подвиги богатырей. Дѣйствительно, если мы припомнимъ былинны о подвигахъ Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алѣши-Поповича, то найдемъ это названіе соотвѣтствующимъ содержанію этихъ былинъ. Но при подробномъ просмотрѣ всего нашего былиннаго репертуара, обнимающаго отъ 35—40 сюжетовъ, мы убѣдимся, что злоупотребляемъ терминомъ *бога-*

тырский эпос лишь по привычѣ. По характеру содержанія въ нашемъ былинномъ репертуарѣ намѣчаются два крупные отдѣла: а) былинъ *богатырскаго* характера, въ которыхъ изображаются подвиги богатырей, ихъ битвы съ татарами и разными чудищами: Змѣемъ-Горынычемъ, Тугаринимъ, Идолищемъ и т. п.; б) былинны не-воинскаго характера, наполняющія иногда новеллы, иногда фаблю, — такія, которыхъ сюжетомъ служатъ событія городской жизни, напримѣръ — случаи непомерной роскоши и богатства, распри семействъ, любовныя приключенія, похищеніе невѣстъ и т. п. Конечно, есть былинны смѣшаннаго содержанія, которыя можно отнести и къ той и къ другой рубрикѣ, но подчинить строгой регламентаціи человѣческое творчество нельзя, и съ насъ достаточно и того, что вообще обѣ названныя рубрики намѣчаются довольно прочно въ нашемъ былинномъ инвентарѣ. Къ первому, *богатырскому*, отдѣлу могутъ быть отнесены былинны объ Ильѣ Муромцѣ, нѣкоторыя о Добрынѣ и объ Алешѣ Поповичѣ, о Василиѣ Казимировичѣ, Данилѣ Игнатьевичѣ съ сыномъ, Михаилѣ Казаряничѣ, Сухманѣ, Суровцѣ, Василиѣ Пьяницѣ, Батыгѣ и былина о походѣ Вольги на Индѣйское царство. Къ отдѣлу *былинъ-новеллъ* принадлежатъ былинны о многихъ другихъ эпическихъ лицахъ: Садкѣ, Василиѣ Вуславѣ, Добрынѣ и Маринѣ, Добрынѣ и Алешѣ, Ставрѣ Годиновичѣ, Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ, Хотенѣ Блудовичѣ, Михаилѣ Потокѣ, Микулѣ Селянниковичѣ, гостѣ Терентищѣ. Колебаться при отнесеніи былинъ въ тотъ и другой отдѣлъ возможно относительно такихъ сюжетовъ, гдѣ дѣло идетъ о добываніи женщины, сопровождающемся боемъ; таковы былинны: Дунай Ивановичъ, Иванъ Годиновичъ, бой Добрыни съ поленицей и его женитьба на ней. Наконецъ, въ былинахъ и побывальщинахъ, прикрѣпленныхъ къ имени Святогора-Самсона, скрываютъ черты то апокрифовъ (смерть Святогора за похвалбу, Святогоръ и гробъ), то сказокъ о судьбѣ (женитьба Святогора) и о невѣрныхъ женахъ (Илья и жена Святогора).

Такимъ образомъ, второй отдѣлъ по числу сюжетовъ и дѣйствующихъ лицъ нисколько не уступаетъ первому, *богатырскому*... Въ прижизненіи къ нашимъ былинамъ не слѣдуетъ постоу злоупотреблять названіемъ „богатырскій эпосъ“ и не слѣдуетъ забывать, что самъ народъ далеко не всѣхъ „героевъ“ былинъ причисляетъ къ богатырямъ и называетъ этимъ именемъ. Между тѣмъ, примѣненіе термина „богатырей“, въ связи съ представленіями, навѣяанными теоріей Якова Гримма, придавало нашему эпосу какой-то архангелскій колоритъ, который далеко не подходитъ къ большинству нашихъ былинъ. Представлялось, будто былинны — наслѣдіе того отдаленнаго періода, когда „всѣ принимали равное участіе въ подвигахъ, совершаемыхъ не замысломъ и волею одного какого-нибудь челоѣка, а истиннымъ и силою цѣлаго народа“. Отставивъ древнѣйшія мнѣніескія основы нашего эпоса, повторяя туманныя фразы

о принадлежности его всему народу, исследователи 60-х и 70-х годовъ либо вовсе не ставили вопроса о томъ, кто были слагатели дошедшихъ до насъ былинъ, либо отвѣчали на него неопредѣленными соображеніями о всенародномъ творествѣ, которыя ничего не объясняютъ. Вообще во взглядахъ исследователей этого періода замѣчается идеализація прошлаго: русскому народу отдаленныхъ временъ мысленно приписывались далеко не тѣ свойства, которыя мы наблюдаемъ у современнаго. Казалось вѣроятнымъ и правдоподобнымъ то, что русскій крестьянинъ въ прежніе вѣка могъ создать богатырскую пѣснь, воспѣвающую подвиги національныхъ героевъ. А между тѣмъ какъ удивлены были бы тѣ же исследователи, еслибъ современный крестьянинъ, не научившійся грамотѣ, откликнулся эпическою пѣснью на подвиги какого-нибудь современнаго русскаго полководца! Такое же преувеличенное понятіе существуетъ о памяти народа. Житейскій опытъ показываетъ, что въ неграмотной народной средѣ событія, случившіяся лѣтъ сто или полтораста тому назадъ, спутываются и основательно забываются. А между тѣмъ въ дѣлѣ сохраненія былинъ народной памяти приписываются чудеса: считается правдоподобнымъ, что олонецкіе крестьяне нашего времени сохраняютъ въ былинахъ наслѣдіе, переданное имъ длиннымъ рядомъ поколѣній ихъ предковъ, нѣкогда сложившихъ эти пѣсни. Надъ вопросомъ, какъ могло дойти до насъ столько отдаленной старины въ былинахъ (а она дѣйствительно въ нихъ оказывается), какъ-то мало задумывались. Вспоминимъ, что состояніе традиціи въ Олонецкой губерніи не таково, чтобы могло гарантировать сохранность старинной пѣсни. Въ Олонецкой губерніи нѣтъ сказителей по профессіи, нѣтъ сколько-нибудь организованнаго обученія былинамъ, и онѣ усваиваются крестьянами при случаѣ другъ отъ друга. Очевидно, такая случайная передача былинъ отъ поколѣнія въ поколѣнію, еслибъ она всегда была только такова, не могла бы донести до насъ стариннаго былевого репертуара не только отдаленныхъ временъ, но даже XVI или XVII вѣка. Поэтому, совершенно естественно, мы приходимъ къ мысли, что у насъ на Руси, какъ у большинства народовъ, имѣющихъ эпическія сказанія, были профессиональные ихъ хранители, обработывавшіе ихъ, исполнявшіе ихъ въ народѣ и передававшіе ихъ въ своей средѣ новымъ поколѣніямъ профессиональныхъ пѣвцовъ. Они разносили свои былевые пѣсни (какъ и многія другія) въ народъ, содѣйствуя такимъ образомъ распространенію интереса къ эпической исторіи Руси. Записанныя въ наше время былины не что иное, какъ разошедшіяся въ народѣ былевой репертуаръ старинныхъ профессиональныхъ пѣвцовъ.

Предполагаю, что такими профессиональными пѣвцами были, главнымъ образомъ, древне-русскіе *скоморохи*.

Скомороховъ давно приводятъ въ связь съ представителями народного веселья въ греко-римскомъ мірѣ, мимами, проявлявшими свое разнообразное искусство при народныхъ празднествахъ. Институтъ миновъ

является наслѣдіемъ древней культуры, уцѣлѣвшимъ отъ погрома народныхъ передвиженій начала среднихъ вѣковъ. Они умѣли играть на разнообразныхъ музыкальныхъ инструментахъ, пѣть всякія пѣсни, разыгрывать сцены, надѣвая *личины*, ходили по канату, прыгали черезъ кольца, играли мечомъ и пр. Впослѣдствіи литературная сторона ихъ дѣятельности начинаетъ сильнѣе проявляться. Въ репертуаръ нѣмецкихъ шпильмановъ входятъ эпическія и историческія пѣсни, новеллы, басни, загадки, пословицы. Французскіе жонглёры также соединяли искусство фигляра съ литературными вкусами.

Бродячіе нотѣшники съ такимъ же разнообразнымъ репертуаромъ уже давно являются въ славяно-русскомъ мірѣ подъ разными именами. Нѣмецкое слово шпильманъ зашло къ славянамъ, по мнѣнію Востокова, еще въ X—XI в. съ приходившими отъ нѣмцевъ представителями этой профессіи. Но еще большее распространеніе получило названіе *скомраха*, русское *скомороха*, зашедшее къ славянамъ, повидимому, изъ Византіи.

Каково бы ни было происхожденіе названія скомороховъ ¹⁾, на Руси они были, несомнѣнно, людьми заочужни, какъ свидѣлствуетъ, между прочимъ, ихъ наружный костюмъ. Суздальскій лѣтописецъ говоритъ объ ихъ латинскомъ костюмѣ и кретополиі. Зашедши на Русь вмѣстѣ съ другими атрибутами культуры Византіи, скоморохи скоро акклиматизировались въ народѣ и начали уже рано вербовать въ свои труппы охочихъ людей изъ русскихъ, такъ что хотя среди нихъ традиціонно сохранялись типическіе костюмы и приемы ихъ искусства, однако содержаніе въ этихъ прежнихъ формахъ близко примыкало уже къ русскому народному обычаю...

Передѣлка общества на европейскій покрой, вызвавшая уже иные вкусы, иные потребности, убила древне-русское скоморошество, и послѣдніе представители этого класса доживали свой вѣкъ уже не при княжескихъ и боярскихъ хоромахъ, а гдѣ-нибудь въ захолустьяхъ провинцій, поближе къ тѣмъ классамъ населенія, которые оставались и послѣ реформы вѣрны старинѣ и преданію. Преслѣдуемые администраціей въ городахъ, тамъ, гдѣ они были на виду, скоморохи уходили подальше, въ деревни, гдѣ еще былъ спросъ на ихъ искусство, и передали не малую долю по крайней мѣрѣ своего музыкальнаго и литературнаго репертуара простонародью, отъ котораго въ настоящее столѣтіе и были людьми науки записаны эти остатки въ видѣ былинъ, пѣсенъ, прибаутокъ, загадокъ, сказокъ и т. п.⁴⁾

¹⁾ Г. Веселовскій возводитъ къ арабскому слову *masaga*—шутка, шутъ, гистрионъ.

1. Оника-Воинъ.

Жиль-быль Оника-Воинъ,
 Жиль-быль не долго,—
 Жиль триста тридцать единое лѣто.
 И сколько онъ землей проѣзжалъ,
 И много онъ землей разоралъ,
 Божьи дома на дымъ спущалъ,
 Божество иконы на ладанъ.
 И говоритъ онъ Господу Богу,
 И говоритъ онъ рѣчь похвальню,
 Похвальню рѣчь, Господу противну:
 „Какъ бы далъ да мнѣ-ка, Господи,
 „Съ небеси во столби колечушко
 булатно,
 «Повернулъ бы я всю землю на
 синѣ море,
 „А синѣ море на сыру землю:
 „На міру бы смерти не было
 „И народъ бы былъ весь живъ.
 Да не полюбились эти рѣчи Гос-
 поду Богу.
 Посылалъ онъ двѣ сумочки пере-
 метны:
 Одну сумочку онъ клалъ противъ неба,
 А другу сумочку клалъ противъ земли.
 А послалъ Онъ своихъ скорниихъ
 Апостоловъ,
 И куды идти Акини ѣхати.
 И вотъ поѣхалъ Аника-Воинъ,
 Поѣхалъ чистыиъ полемъ
 Да широкииъ раздольемъ.
 И на той пути да на дороженькѣ
 Лежатъ то двѣ сумочки переметны,
 И стоятъ тутъ люди добрыи.
 „Оберните-тко вы, люди добрыи,
 „Оберните-тко свои сумочки пере-
 метны:
 „Если я задѣну ножкой лѣвою,
 „То негдѣ сумочекъ будетъ искати;
 „И если я задѣну ножкой правою,
 „То негдѣ будетъ сумочекъ искати“
 — Ахъ ты, Оника-пустошвалишко!

Ты ѣздишь, Оника, похваляешься,
 А тебя съ дѣла не выхвата-
 вать.—

Разсердился Оника-Воинъ,
 Задѣлъ онъ за сумочку ножкой
 лѣвою,—

И не могъ онъ сумочки повыздынуть;
 Задѣлъ Оника ноженъкой правою,—
 И не могъ онъ сумочки повыздынуть.
 Соскочилъ Оника со добра коня
 И принимался во всю силу бога-
 тырскую:

И по колѣно ушелъ во матушку
 во сыру землю,

И не могъ онъ сумочекъ повыздынуть.
 Разсердился Оника по сѣдину,
 И разолился Оника по звѣрину.
 И принимался всею силою богатыр-
 скою:

И не могъ онъ сумочекъ повыздынуть.
 И принимался Оника не на шуточку:
 И по груди ушелъ онъ во ма-
 тушку во сыру землю,

И не могъ онъ сумочекъ повыздынуть.
 И надорвалъ онъ свое ретивое сер-
 дечушко

И со стыдомъ сѣлся на добра коня,
 На добра коня на Обахмата.

И поѣхалъ Оника-Воинъ чистыиъ
 полемъ,

Широкииъ раздольемъ.

А на той пути на дороженьки

Лежитъ тутъ Чюдо-чюдное,

Лежитъ тутъ Диво-дивное:

Руки-ноги лошадиныи,

А голова лежитъ звѣрная,

И туша человѣческа.

„Что же ты лежишь, Чюдо-чюдное?
 Али ты чюдилица есть пречюдная,
 Али ты полякъ есть, полескій
 сынъ ¹⁾),

¹⁾ То же, что «поляница», только въ формѣ
 мужскаго рода.

Добрый молодецъ во слѣдъ не на-
ступиваетъ:

Становилъ добра коня богатырскаго
И ожидалъ въ себѣ добра молодца;
Оны съ этымъ человѣкомъ въ полѣ
сѣхались;

Говорили разговоръ промежду собой:
„Что ты, удаленькій дородній доб-
рый молодецъ!

Ходишь по чистому полю пѣхотю:
Какъ припущу на добромъ конѣ
богатырскомъ

Вхаты во всю силу лошадиную,
Ты отъ меня не остаешься;
Когда ѣду тихою вольготою,
Тогда ты на меня не наступи-
ваешь?“

Тутъ-то по Божью повелѣнницу
Супротивъ ихъ явился камень си-
ненькой,

Камень синенькой, плита зеленая.
Этотъ удаленькой, дородній добрый
молодецъ

Палагаетъ онъ малыя сумочки
Со своихъ плечъ со могучихъ
На эту плиту на зеленую
И говоритъ Самсону богатырю:
— Ай же ты, славный богатырь
святורусскій!

Отвѣдай взять мою ношницу
На свои на плечи могучи

И побѣжать по славному раздольицу
чисту полю.—

Тутъ славный богатырь святорусь-
скій

Опускался со своего добра коня,
Принимался онъ за эти за сумочки,
За эти за сумочки одной рукой,
Никакъ этия сумочки малыя
На камешкѣ не сворохнутся.

Принимался онъ со всей своей си-
лой богатырскою,

И припалъ своею грудью бѣлою
Ко этимъ ко сумочкамъ ко малень-
кимъ,

И схватилъ всей силой великою,
По колѣну онъ угрознулъ во зеленъ
камень,

Столько могъ подпустить малыи духъ
Подъ эти подъ сумочки подъ малыя.

И говоритъ Самсонъ таковы слова:
„Отъ роду я эдакой ношницы не
здѣннвалъ!

Кто ты есть какой человѣкъ,
Какого ты рода-племени,
Откуда идешь, куда путь держишь?“

— Ай же ты, славный богатырь
святорусскій!

Посланъ я ангель отъ Господа
Поотвѣдать твоей силы великія:

Погружена вся тагота въ эти
сумочки.

Самсонъ-богатырь.

(Второй эпизодъ).

Затѣмъ ангель „утаился“ отъ Самсона-богатыря, а богатырь по-
ѣхалъ по славному раздольицу чисту полю и наѣхалъ на „судъ Божій“,
на кузнеца; и выковалъ ему кузнецъ жениться въ Поморскомъ царствѣ
на дочери Луки-калѣки, которая тридцать лѣтъ лежала въ гноищѣ.
Чтобы не исполнилась судьба, Самсонъ разыскалъ свою суженую и во
время сна ударилъ ее въ грудь мечомъ. Больная проснулась, исцѣлѣла
и обратилась въ красавицу. Самсонъ женился на ней и послѣ свадьбы
долженъ былъ признаться, что „суда Божія на добромъ конѣ не объѣхати“.

Самсонъ-богатырь.

(Третій и четвертый эпизоды).

Когда жена Самсона изъ мужнина разсказа узнала, что Самсонъ хотѣлъ-было разрубить ее на-попы, когда она лежала въ гноищѣ, то крѣпко озлобилась на мужа.

Со той поры стала вывѣдывати:
„Боятся тебя, Самсонъ, всѣ земли,
Всѣ земли боятся и всѣ орды.
Отчего-жъ ты силенъ и славенъ,
Силенъ и славенъ и громокъ?“

— Оттого я силенъ, и славенъ, и
громокъ,

Что имѣю на головѣ семь волосъ
ангельскихъ. —

И сдѣлался Самсонъ имянинищникомъ,
И сталъ править имянины своему

ангелу,
И заводилъ пированьище, почестенъ
пиръ:

Всѣ на пиру наѣдались,
И всѣ на пиру напивались,
Самсонъ богатырь пуще всѣхъ.

И стала ¹⁾ наливать ему хмель-
ныхъ напичточковъ;

Собирала друзей любимыхъ

И стригла ему голову до-нага,

И связала ему ручки бѣлыя,

И выконали очи ясныя.

Онъ какъ бы пробудился отъ крѣп-
каго сна,

Во бѣлыхъ ручушкахъ не стало
силы молодецкія,

Въ ясныхъ очушкахъ не стало бѣла
свѣта:

„Ай же ты жена, змѣя лютая!

Погубила ты меня на вѣки вѣч-
ные“.

Дала ему крѣпостную служаночку,
И выгнала скитаться между дво-
рами

Со этой крѣпостной служаночкой.

И ходилъ онъ скитаться между
дворами,

Проходилъ поры-времени ровно три
годы,

Приотростилъ на голову желты кудри,
Сталъ въ плечахъ имѣть силушку
великую,

А только не имѣлъ въ ясныхъ
очахъ свѣту бѣлаго.

Говорилъ онъ своей вѣрной служа-
ночкѣ:

„Ай же ты, служаночка моя вѣрная!

„Веди-ко во мой великій градъ,

„Ко моимъ палатамъ бѣлокамен-
нымъ:

„У меня ли были палаты построены

„На двѣнадцати столбахъ на ка-
менныхъ“.

Эта дѣвица служаночка

Приводила его во великой градъ,

Къ темъ палатамъ бѣлокаменнымъ.

Славный Самсонъ богатырь свято-
русьскій

Не видитъ онъ въ очахъ свѣту
бѣлаго,

А имѣетъ во плечахъ силу великую.

И услышалъ онъ въ палатахъ ве-
λικое танцеваніе:

Сидитъ его жена любимая

Забавляется, тѣшится съ друзьями
любимыми.

Славный богатырь святорусьскій

Подошелъ ко столбу ко каменному

Подъ самый подъ большой-уголъ,

Схватилъ руками бѣлыя

¹⁾ Т. е. жена.

Поразсыпалъ палаты бѣлокаменны,
И тутъ убило Самсона-богатыря.
И тутъ ему, Самсону, славы поютъ.
(Рыб. III, 1—5.)

3. Святोगорь.

(Четвертый эпизодъ).

На тыхъ горахъ высокіихъ,
На той на Святой Горы,
Былъ богатырь чюдный,
Что ль во весь же міръ онъ дивный,
Во весь же міръ былъ дивный.
Не ѣздилъ онъ на святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля.
Хотѣлъ узнать казакъ нашъ Илья
Муромецъ
Славнаго Святогора нунъ (т. е. нынѣ)
богатыря.
Отправляется казакъ нашъ Илья
Муромецъ
Къ тому же Святотору тутъ богатырю
На тинъ было горы на высокіи.
Пріѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья
Муромецъ
А на тинъ было горушки высокіи
Бъ тому же Святотору да богатырю;
Пріѣзжаетъ-то къ ему да побли-
зѣхонько,
А и поклонъ ведѣтъ да понизѣхонько:
„Здравствуй, богатырище порный
(т. е. крпкій),
Порный богатырь ты да дивный!“
— Ты откуда, добрый молодецъ,
Какъ тебя нарекаютъ по отечеству?—
„Я есть города нунъ Муромля,
А села да Карачаева,
А старнй казакъ да Илья Муромецъ.
Захотѣлъ я посмотриѣть Святотора,
нунъ богатыря:

Онъ не ѣздитъ нунъ на матушку
сыру землю,
Къ намъ богатырямъ да онъ не
явится“.
Отвѣчаетъ богатырь было порный:
— Я бы ѣздилъ тутъ на матушку
сыру землю,—
Не носитъ меня мать сыра земля,
Мнѣ не придано тутъ ѣздить на
святую Русь,
Мнѣ позволено тутъ ѣздить по
горамъ да по высокіимъ
Да по щелейкамъ (т. е. по ска-
ламъ) по толстимъ.
А ты, старнй казакъ да Илья
Муромецъ,
Мы съѣдимъ же-ко нунечу по
щелейкамъ,
А поѣдимъ-ко со мной да по
Святимъ Горамъ.—
Ѣздили они было по щелейкамъ,
Разъѣзжали тутъ они да до Свя-
тимъ Горамъ,
Ѣздили они по многу времени,
Ѣздили они да забавлялися.
Находили тутъ они да чудо чудное,
Находили тутъ они да диво дивное,
Находили площадницу (т. е. гробъ)
да огромную.
Говорить богатырь Илья Муромцу:
— Ахъ ты, старнй казакъ да Илья
Муромецъ!
Ты ложись-ка во площадницу да во
огромную,
Что она тебѣ не поладится-ль?—
Спускается казакъ да Илья Муромецъ,
Опускался тутъ казакъ да и съ
добра коня
А ложился было во гробъ въ этотъ
въ огромный,—
А этотъ гробъ-то Илья Муромцу
да дологъ есть.

Опускается богатырь Святоторскіи
 А съ того было съ добра коня,
 А ложился въ площаницу онъ во
 дивную, —
 Та же площаница да по немъ при-
 шла,
 Самъ же съ площаницы тутъ не
 выстанетъ.
 — Ахъ ты, старій казакъ да Илья
 Муромецъ!
 Ты повызднѣ съ площаницы да
 огромный. —
 Приставае тутъ казакъ да Илья
 Муромецъ
 Къ Святотору да богатырю, —
 Да не могъ поднять онъ Святотора
 тутъ богатыря
 А съ того гроба глубокаго.
 Говоритъ же тутъ богатырь Свато-
 торскіи:
 — Ты сломай-ка эти щеля да
 высокіи
 А повызднѣ-ко со гроба меня
 глубокаго. —
 Старій казакъ да Илья Муромецъ
 Какъ ударилъ онъ своей палицей
 Да по щелейки да по толстии
 А по той горы да по высокіи, —
 Ставился тутъ обручъ да желѣзнии
 Черезъ тотъ да гробъ еще высокіи,
 Черезъ ту площаницу было дивную.
 Бьетъ тутъ Илья Муромецъ да дру-
 гой разъ,
 Что ударить, тутъ же обручъ было
 ставится.
 Отвѣчаетъ тутъ богатырь Святотор-
 скіи:
 — Видно тутъ же есть богатырь да
 кончается!
 Ахъ ты, старій казакъ да Илья
 Муромецъ,
 А ты съѣзди-тео да къ моему
 было родителю

Къ древнему да батюшку,
 Къ древнему да темному (т. е. *с. т. -
 пому*),
 Ты проси-ка у мойго родителя
 у батюшка
 Миѣ-ка вѣчнаго прощеньца. —
 Отправляется казакъ да Илья Муро-
 мецъ
 Отъ того же Святотора прочь богаты-
 ря
 На ту гору на Палавѣнскую
 А къ тому же старичку да было
 древнему,
 Хотя бы древнему да темному.
 Пріѣзжае Илья Муромецъ
 На ту гору Палавѣнскую
 Къ древнему да къ темному:
 „Здравствуешь, престарѣли да дѣ-
 душка,
 Древнии ты темнии!
 Я привезъ тебѣ поклонъ да че-
 ломъ-битыца
 Отъ твоего сына любимаго
 Отъ того же Святотора я богатыря:
 Проситъ онъ прощеньца да вѣч-
 наго.
 Какъ легъ же въ площаницу онъ
 огромную
 Да во тотъ было во гробъ во ка-
 менной,
 Я оттуль не могъ его повызднѣ-
 нуть“.
 Разсердился тутъ старикъ да было
 темнии,
 Темнии старикъ да было древніи:
 — Знатъ убилъ же Святотора ты
 богатыря,
 Пріѣзжаешь нунъ ко миѣ-ка со-
 вѣдома,
 Ты привозишь миѣ-ка вѣсточку
 нерадостну. —
 Какъ хватить тутъ же палицу да
 богатырскую

Да помахне во богатыря,
 Ай богатырь тутъ убернется,
 Да старикъ тутъ образумится.
 Далъ ему да вѣчное прощеньице
 Святогору да богатырю
 Да и сыну да любезному.
 Пріѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья
 Муромецъ

Къ Святогору да богатырю,
 Онъ привозитъ тутъ прощенье ему
 вѣчное.

Съ нимъ же онъ да тутъ прощается,
 Святогоръ же тутъ же онъ кончается.

(Г. I. 4—8).

Примѣчанія къ былинамъ: „Аника-Воинъ“, „Самсонъ“ и „Святогоръ“.

Первоисточникъ былинъ о трехъ названныхъ богатыряхъ г. Ждановъ ¹⁾ видитъ въ одномъ памятникѣ древне-русской письменности, въ „Прѣвнѣ живота (т. е. жизни) со смертію“ ²⁾. По мѣрѣ распространения этого памятника въ народѣ, неопредѣленный образъ „Живота“ постепенно обращается въ конкретного война-богатыря, который съ одной стороны сливается съ греческимъ Дигенисомъ-Аникитой (Аника-воинъ), а съ другой—съ библейскимъ Самсономъ. Святогоръ же (въ сущности „Святогорскій“) въ началѣ эпитетъ Самсона, затѣмъ эпитетъ отдѣлился отъ имени и въ формѣ „Святогора“ сталъ на мѣстѣ собственнаго—Самсона.

По апокрифическому разсказу Іосифа Флавія Самсонъ, послѣ убійенія челюстью тысячи человекъ, слишкомъ зазнался. Это убійеніе онъ сталъ приписывать не Божьей помощи, а собственной силѣ. Въ наказаніе онъ едва не погибъ отъ жажды. Тогда онъ убѣждается, что человѣческая доблесть—ничто, и молится. Господь открываетъ тогда изъ-подъ камня источникъ воды, и Самсонъ спасенъ: къ нему вернулась сила.

Въ этой похвальбѣ библейскаго Самсона г. Ждановъ видитъ источникъ похвалы нашего одноименнаго богатыря (т. е. Самсона—Святогора); въ камнѣ—прототипъ сумки, которую напрасно силится поднять нашъ Самсонъ, а за нимъ и Аника. Дальнѣйшими указаніями на связь нашихъ былинныхъ сказаній съ библейскою легендою служатъ „семь власовъ ангельскихъ“, прозвище Манойловичъ (очевидно, отъ Моноя—имени Самсонова отца) и гибель богатыря подъ развалинами зданія.

Г. Веселовскій, признавая въ нашей былинной поэзіи смѣшеніе двухъ именъ (т. е. Самсона и Святогора), все-таки предполагаетъ ихъ первоначальную раздѣльность. „Ни семи власовъ ангельскихъ (говоритъ г. Веселовскій), ни ихъ остриженія, ни гибели подъ развалинами дома, ни прозвища Манойловича мы не встрѣчаемъ въ былинахъ при имени Святогора; наоборотъ, что поется о послѣднемъ, встрѣчается отчасти и съ именемъ Самсона, но далеко не все. Если присоединить къ этому и цѣльность, въ которой представляется намъ пѣсенная біографія Святогора, то вмѣстѣ съ тѣмъ оправдана и точка отправленія слѣдующаго положенія: не отъ Самсона къ Святогору, а наоборотъ“.

По мнѣнію г. Веселовскаго, въ былинахъ о Святогорѣ можно установить слѣдующій внутренній распорядокъ: 1) суженая, 2) невѣрность жены, 3) похвальба и сумочки, 4) необходимый гробъ.

Первые два эпизода—несомнѣнно сказочнаго происхожденія; сюжетъ принадлежитъ къ числу довольно распространенныхъ въ народной поэзіи. Для объясненія третьяго эпизода г. Веселовскій, повидимому, допускаетъ вліяніе библейско-апокрифическихъ сказаній о Самсонѣ. „Переметная сумочка“, въ которой лежитъ земная тяга (по мнѣнію г. Веселовскаго), есть символъ человѣческой бренности. „Неподъемныя

¹⁾ „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“. 1881 г.

²⁾ Г. Ждановъ открылъ нѣмецкій источникъ этого памятника.

Вейте веревочки шелковыя,
 Становите веревочки по темну лѣсу,
 Становите веревочку по сырой земли,
 И ловите вы куницъ и лисицъ,
 Дикихъ звѣрей и черныхъ соболей.
 И ловите по три дня и по трѣ ночи^а.
 Слухали большого братца, атамана-то
 Дѣлали дѣло повелѣнное:
 Вили веревочки шелковыя,
 Становили веревочки по темну лѣсу,
 По темну лѣсу, по сырой земли.
 Ловили по три дни и по трѣ ночи,—
 Не могли добыть ни одного звѣрка.
 Повернулся Вольга сударь Буслае-
 вичъ лѣвымъ звѣремъ,
 Поскочилъ по сырой земли, по темну
 лѣсу,

Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
 И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
 Большихъ поскакучихъ зайшекъ,
 Малыхъ горностаюшекъ.
 И будетъ во градѣ во Кіевѣ
 Со своею дружиною со доброю,
 И скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ:
 „Дружинушка ты моя добрая, хо-
 робрая!

Слушайте большого братца, ата-
 мана-то:

Вейте силышка шелковыя,
 Становите силышка на темный лѣсъ,
 На темный лѣсъ, на самый верхъ,
 Ловите гусей, лебедей, ясныхъ со-
 колей,

И малую птицу пташицу,
 И ловите вы по три дня и по
 трѣ ночи^а.
 И слухали большого братца ата-
 мана-то,

Дѣлали дѣло повелѣнное:
 Вили силышка шелковыя,
 Становили силышка на темный лѣсъ,
 На темный лѣсъ, на самый верхъ;
 Ловили по три дни и по трѣ ночи,—

Не могли добыть ни одной птички.
 Повернулся Вольга сударь Буслае-
 вичъ Науи-птицей¹⁾,
 Полетѣлъ по подблачью,
 Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныхъ
 соколей,

И малую птицу пташицу.
 И будутъ во городѣ во Кіевѣ,
 Со своей дружинишкой хороброю,
 Скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ:
 „Дружина моя добрая, хоробрая!
 Слушайте большого братца ата-
 мана-то,

Дѣлайте вы дѣло повелѣнное:
 Возьмите топоры дроворубные,
 Стройте судѣнышко дубовое,
 Вяжите путевья шелковыя,
 Выѣзжайте вы на сине море,
 Ловите вы рыбу семжинку и бѣ-
 лужинку,

Щученьку и плотиченку,
 И дорогую рыбу осетринку.
 И ловите по три дни и по трѣ ночи^а.
 И слухали большого братца ата-
 мана-то,

Дѣлали дѣло повелѣнное:
 Брали топоры дроворубные,
 Строили судѣнышко дубовое,
 Вязали путевья шелковыя,
 Выѣзжали на сине море:
 Ловили по три дни и по трѣ ночи,—
 Не могли добыть ни одной рыбки.
 Повернулся Вольга сударь Буслае-
 вичъ рыбой щучиной
 И побѣжалъ по синю морю,
 Заворачивалъ рыбу семжинку и бѣ-
 лужинку,

Щученку и плотиченку,
 Дорогую рыбу осетринку.
 (Рыбн. I. 1—4.).

¹⁾ Науи-птица упоминается въ сказкѣ
 объ Александрѣ Македонскомъ, который на
 ней поднимается на небеса.

И скажетъ Вольгѣ сударь Буслаевичъ:

Дружина мая добрая, хоробрая!

Вы слушайте большого брата ата-мана-то:

Кого бы намъ послать въ Турецъ-землю,

Провѣдать про думу про царскую,

И что царь думы думаетъ,

И думаетъ ли ѣхать на святую Русь?

А стараго послать—будетъ долго ждать;

А середняго послать-то — виномъ запоятъ,

А малаго послать,—

Маленькой съ дѣвушками зайг-рается,

А со молодухами распотѣшится,

А со старыми старухами разго-воръ держать,

И буде намъ долго ждать.

А видно будѣ Вольгѣ самому пойти!“

Повернулся Вольгѣ сударь Буслав-левиць

Малую птицею-пташицей,

Полетѣлъ ѣнъ по подблачью.

И будетъ скоро въ той землѣ Ту-рецкой,

Будетъ у сантала у турецкаго,

А у той полаты бѣлокаменной,

Противъ самыхъ окошечекъ,

И слухаетъ онъ рѣчи тайныя.—

Говоритъ царь со царицею:

Ай же ты, царица Панталовна!

А ты знаешь-ли про то, вѣдаешь?

На Руси-то трава растеть не по старому,

Цвѣты растутъ не по прежнему,

А видно Вольгѣ-то живого нѣтъ.

А поѣду я на святую Русь,

Возьму я себѣ девять городовъ,

Подарю я девять сыновъ,

А тебѣ, царица Панталовна,
Подарю я шубоньку дорогу“.

Проговорить царица Панталовна:

— Ай же ты, царь Турецъ-санталя!

А я знаю про то, вѣдаю:

На Руси трава все растеть по старому,

Цвѣты-то цвѣтутъ все по преж-ному.

А ночесъ спалось, во снахъ ви-дѣлось:

Бывъ сподъ восточныя сподъ сто-ронушки

Налетала птица малая пташица,

А сподъ западной сподъ сторо-нушки

Налетала птица черной воронъ;

Слетались оны во чистомъ полѣ,

Промежду собой подиралися;

Малая птица-пташица

Чернаго ворона повыклевала,

И по перышку она повыщипала.

А на вѣтеръ все выпускала.

То есть Вольгѣ сударь Буслав-левиць,

А что черной воронъ — Турецъ-санталя.—

Проговорить царь Турецъ-санталя:

Ай же ты, царица Панталовна!

А я думаю скоро ѣхать на свя-тую Русь,

Возьму я девять городовъ,

Подарю девять сыновъ,

Привезу тебѣ шубоньку дорогу“.

Говоритъ царица Панталовна:

— А не взять тебѣ девяти городовъ,

И не подарить тебѣ девяти сы-новъ,

И не привезти тебѣ шубоньки дорогой!—

Проговорить царь Турецъ-санталя:

„Ахъ ты, старый чортъ!

Сама спала—себѣ сонъ видѣла!“

И ударить онъ по бѣлу лицу,
И повернется,—по другому,
И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,
И кинетъ ю второй-то разъ:
„А поѣду я на святую Русь,
Возьму я девять городовъ,
Подарю девять сыновъ,
Привезу тебѣ шубоньку дорогу!“
А повернулся Вольга сударь Бу-
славлевичъ,
Повернулся сѣрымъ волкомъ,
И поскачилъ то ѣнъ на конюшенъ
дворъ,
Добрыхъ коней-тѣхъ всѣхъ пере-
бралъ.
Глотки-то у всѣхъ у нихъ перервалъ.
А повернулся Вольга сударь Вусла-
влевичъ
Малымъ горносталяшникомъ,
Поскачилъ во горницу въ оружей-
ную,
Тугіе луки переломалъ,
И шелковыя тетивочки перервалъ,
И каленныя стрѣлы всѣ повыломалъ,
Вострыя сабли повыщербилъ,
Палицы булатныя дугой согнулъ.
Тутъ Вольга сударь Вуславлевичъ

Повернулся Вольга сударь Вусла-
влевичъ
Малую птицею пташицей,—
И будетъ скоро во градѣ въ Киевѣ,
И повернулся онъ добрымъ молодцомъ.
И будетъ онъ со своею со дружиною
со доброю:
„Дружина моя добрая, хоробая!
Пойдемте мы во Турецъ-землю“.
И пошли они во Турецъ-землю,
И силу турецкую во полонъ брали:
„Дружина моя добрая, хоробая!
Станемте теперь полону подѣлать!“
Что было надѣлу дорого?
Что было надѣлу дешево?
А добрые кони по семи рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
Вострыя сабли по пяти рублей,
Палицы булатныя по трѣ рубля.
А то было надѣлу дешево — жен-
скій полъ.
Старушечки были по полушечки,
А малодушечки по двѣ полушечки,
А красныя дѣвушки по денежкѣ.

(Г. 553—556).

(Записанъ въ Петрозаводск. у. Олонецк. губ.).

Примѣчанія къ былинѣ „Вольга“.

Въ какомъ мѣстѣ русской земли сложились былины о Вольгѣ и по какимъ источ-
никамъ?

„Мнѣ кажется (говорить г. Вс. Миллеръ), что былинныхъ подробностей о *ловцѣ*
Вольги достаточно, чтобы приурочить сложеніе былины о немъ къ новгородскому куль-
турному району. Какъ въ былинѣ о Василии Вуслаевѣ отразились черты новгородскихъ
внутреннихъ смутъ и типъ буйной молодежи, которая поставляла ушкунниковъ; какъ въ
былинѣ о Садкѣ представлено новгородское купечество, богатое и предприимчивое,—такъ
въ разсматриваемой былинѣ воспріето необычайное богатство новгородскихъ областей въ
звѣриной и рыбной ловлѣ, предпринимаемой чудеснымъ ловцомъ съ его дружиною.
Въ первой части былины въ изобиліи разсѣяны черты новгородской природы, фауны
и флоры. потому что занятія Вольги-ловца—занятія родныя для новгородскаго на-
селенія. Но какъ бѣдны являются краски во второй половинѣ, когда изображается
походъ Вольги (Волха) на царство Индѣйское (Турецъ-землю). Здѣсь такъ и сквоз-
зитъ чужая фантастически размазанная основа, и напрасно мы стали бы искать
тѣхъ реальныхъ чертъ, какъ бы описанныхъ съ дѣйствительности, которыя мы на-

ходить, наприѣвъ, въ былинномъ описаніи приступа татаръ (Мамая, Батыя) къ Кіеву. Во всемъ походѣ Вольги трудно отмѣтить какую-нибудь бытовую историческую подробность; но можно указать не мало мотивовъ сказочныхъ, зашедшихъ отчасти изъ Александровыхъ сказаній, отчасти изъ какихъ-нибудь другихъ сказокъ...

На созданіе образа Вольги-Волха могла не остаться безъ вліянія и одна новгородская легенда, записанная въ XVII вѣкѣ. Волхъ былъ бѣсоугодный чародѣй, люто въ людяхъ; бѣсовскими ухищреніями и мечтами *превращался* въ *различныя образы* и въ лютаго звѣря крокодила; и залегъ въ той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ тогда почиталъ его за бога и называлъ его Грономъ или Перуномъ... И поставилъ этотъ чародѣй ночныхъ ради мечтаній и собранія бѣсовскаго городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ, завономъ Перыня, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ... И былъ этотъ оказанный чародѣй удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ; и мечтаніями бѣсовскими несено было тѣло его вверху по той рѣкѣ и извержено на берегъ противъ волховаго его городка, что нынѣ зовется Перыня.

„Въ основѣ этой легенды (говоритъ г. Вс. Миллеръ) лежитъ глухое воспоминаніе о древнемъ языческомъ культѣ какого-то божества (книжникъ называетъ его Перуномъ), котораго капище находилось гдѣ-то на берегу Волхова. Въ христіанскія времена языческій богъ, ставши демономъ - чародѣемъ, принялъ обычный обликъ змѣя (у книжника — крокодила). Въ другой версіи того-же народнаго преданія, записанной П. Якушкинымъ, мнѣшеское существо носить названіе змѣйки, и гибель его связана съ Перюньскимъ скитомъ. Какъ новгородскій змѣйка далъ краски для Змѣя Горыныча, поражаемаго Добрынею, такъ эта-же легендарная личность нѣкоторыми чертами своими — оборотничествомъ, змѣевидностью, а также именемъ (Волхъ) — отразилась на образѣ былиннаго Волха Сеславича. Припомнимъ, что происхожденіе этого змѣя приписывается былинному богатырю именно въ той одной былинѣ (Кирилъ Данилова), въ которой онъ носить имя Волха, а не Вольги („Очерки рус. нар. словесносея“. 167—168).

Такимъ образомъ, былины о Вольгѣ-Волхѣ могли сложиться подъ вліяніемъ природныхъ условій страны, подъ воздѣйствіемъ разнаго рода странствующихъ сказокъ (въ родѣ Александровыхъ сказаній) и, главнымъ образомъ, подъ воздѣйствіемъ мѣстныхъ легендъ.

Къ этимъ источникамъ нѣкоторые изслѣдователи причисляютъ еще смутныя преданія объ историческихъ князьяхъ-чародѣяхъ: о вѣщемъ Олгѣ и о Всеславѣ Полоцкомъ. —

5. Минула Селяниновичъ и Вольгѣ Святославовичъ.

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на асное,
Тогда зарождался молодой Вольгѣ,
Молодой Вольгѣ Святославовичъ.
Сталъ Вольгѣ растѣть-матерѣтъ;
Похотѣлся Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходитъ ему во глубокіихъ моряхъ,

Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
Сѣрнымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольгѣ растѣть-матерѣтъ,
Избирать себѣ дружинишку хоро-
рую,
Тридцать молодцевъ безъ единого,
Самъ ошѣ Вольгѣ въ тридцатыхъ.
Жаловалъ его родный дядюшка

Ласковий Владиміръ стольно-кіев-скій

Тремъ городамъ со крестьянами:
Первимиъ городомъ—Гурчевцомъ,
Другимиъ городомъ—Орѣховцемъ,
Третьимиъ городомъ—Крестьянов-цемъ.

Молодой Вольга Святославговичъ
Со своею дружинишкою хороброю
Онъ ѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратаѣ:
Оретъ въ полѣ ратаѣ, понукиваетъ,
Сошка у ратаѣ поскрипываетъ,
Омѣшники по камешкамъ почерки-ваютъ.

Ѣхалъ Вольга до ратаѣ
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинишкою хороброю,
А не могъ до ратаѣ доѣхати.
Ѣхалъ Вольга ошѣ другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратаѣ доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратаѣ понукиваетъ,
Сошка у ратаѣ поскрипываетъ,
Омѣшники по камешкамъ почерки-ваютъ,

Ѣхалъ Вольга ошѣ третій день,
Третій день съ утра до побѣды,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратаѣ:
Оретъ въ полѣ ратаѣ, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометы-ваетъ;

Въ край куда онъ уѣдетъ, другого
не видать;

Коренья, каменья вывертываетъ,
А великая-то всѣ каменья въ бо-розду валить;

Кобылка у ратаѣ соловая ¹⁾,

¹⁾ Варіантъ:
Оратаѣ-то оретъ да посвистываетъ,
У оратаго сошка поскрипываетъ:
У оратаго сошка красна дерева,
А омѣшники серебряные,

Сошка у ратаѣ кленовая,
Гужики у ратаѣ шелковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:
„Божьи ти помочь, оратаюшко!
Оратъ, да пахать, да крестьян-ствовать,

Съ края въ край бороздки поме-тывать,

Коренья, каменья вывертывать!“

Говорилъ оратаѣ таковы слова:
Поди - тво, Вольга Святославго-вичъ

Со своею дружинишкою хороброю,
Мнѣ-ка надобна Божья помочь кре-стьянствовать!

Далече-ль, Вольга, ѣдешь, куда
путь держишь

Со своею со дружинишкою хо-роброю?—

„Ай же ты, ратаѣ, ратаюшко!

Ѣду къ городамъ за получкою:
Ко первому городу ко Гурчевцу,
Ко другому ко городу къ Орѣ-ховцу,
Ко третьему городу ко Крестья-новцу“.

Говорилъ оратаѣ таковы слова:
—Ай же, Вольга Святославговичъ!
А недавно я былъ въ городѣ,
третьево-дни,

На своей кобылкѣ соловой,
Увезъ я оттоль соли столько (толь-ко) два мѣха,

Два мѣха соли по сороку пудъ.

А присошачекъ красна золота;
У оратаго сапожки на ножкахъ—зелень
сафьянъ:

Шиломъ пяты, носы востры,
Подо пяту-пятю воробей пролетитъ,
Около носа-носа яйцо прокатитъ;
Кудри у молодца качаются,—
Не скаченъ жемчугъ разсыпается;
Брови чорнаго соболя,
Глаза—яснаго сокола.

И живутъ-то мужики все разбой-
ники,
Они просятъ грошѣвъ подорож-
ныхъ;
А былъ я съ шалыгой ¹⁾ подо-
рожною,
Платилъ имъ гроши подорожные:
Который стоя стоитъ, тотъ и
сидя сидитъ,
А который сидя сидитъ, тотъ и
лежа лежитъ.—

Говорилъ Вольга таковы слова:
„Ай же ты, оратай, оратаюшко,
Поѣдемъ со мной во товарищахъ!“
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повысте(г)нулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
Ай же, Вольга Святославговичъ!
Оставилъ я сошку въ бороздочѣхъ,
И не гля-ради прохожаго, про-
ѣзжаго,
А гля-ради мужика деревеньщи-
ны ²⁾:

Какъ-бы сошку съ земельки повы-
дернуть,
Изъ омѣшиковъ земельку повытрях-
нути
И бросить бы сошку за раки-
товъ кустъ?—
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ съ дружиннушкой хо-
робрыя
Пять молодцовъ могучихъ,
Чтобы сошку изъ земельки повывер-
нули,

¹⁾ То же, что *шалыга*: плеть съ обя-
занной пугей, кистень.

²⁾ Они (мужики) сошку съ земельки по-
выдернуть,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнутъ,
Изъ сошки омѣшики повывернуть,—
Мнѣ нечѣмъ будетъ молодцу крестьян-
ствовать.

Изъ омѣшиковъ земельку повытрях-
нули,
Бросили бы сошку за ракиновъ кустъ.
Эта дружиннушка хоробая,
Пять молодцовъ могучихъ,
Приѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Оны сошку за обжи вокругъ вер-
тятъ,

А не могутъ сошки съ земельки
повывернуть,
Изъ омѣшиковъ земельки повы-
тряхнутъ,

Бросить сошки за ракиновъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повывер-
нули,

Изъ омѣшиковъ земельку повытрях-
нули,
Бросили-бы сошку за ракиновъ кустъ.
Оны сошку за обжи вокругъ вер-
тятъ:

Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки
повытряхнутъ,

Бросить сошки за ракиновъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружиннушку хо-
робрую:

Оны сошку за обжи вокругъ вер-
тятъ,

А не могутъ сошки съ земельки по-
выдернуть,

Изъ омѣшиковъ земельки повытрях-
нути,

Бросить сошки за ракиновъ кустъ.
Подѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовой:

Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повывернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытрях-
нулъ,

Бросилъ сошку за ракиновъ кустъ

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскаки-
ваетъ:

У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь остается.

Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:

„Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
Этая кобылка конькомъ бы была,
За эту кобылку пятьсотъ бы дали“.

Говорилъ оратай таковы слова:

—Глупый Вольга Святославговичъ!

Взялъ я кобылку жеребчикомъ
сподъ матушки

И заплатилъ за кобылку пять-
сотъ рублей:

Этая кобылка конькомъ бы была,—

За эту кобылку смѣти бы нѣтъ.—

Говорилъ Вольга Святославговичъ:

„Ай же ты, ратай-ратаюшко!

Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отечеству?“

Говорилъ оратай таковы слова:

—Ай же ты, Вольга Святославго-
вичъ!

А я ржи напашу, да во скирды
сложу,

Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,

Драни надеру, да и пива на-
варю,

Пива наварю, да и мужиковъ
напою,—

Станутъ мужички меня поклики-
вати:

„Молодой Микулушка Селянино-
вичъ!“—

(Р. I, 3. 17—22).

(Записана въ Петроваводск. у. Олонецк. губ.).

Примѣчанія къ былинѣ: „Микула ¹⁾ Селяниновичъ“.

По мнѣнію г. Вс. Миллера, многія бытовые черты указываютъ, что былина о Микулѣ—по крайней мѣрѣ въ окончательной редакціи—сложилась въ Новгородской землѣ. Но опредѣленіемъ района, конечно, нисколько не предпрѣшается вопросъ объ оригинальности самаго типа и фабулы, къ нему пристроенной. „Думаю по прежнему (говорить г. Вс. Миллеръ): фабула могла быть бродячимъ сюжетомъ, заимствован-
нымъ извнѣ, но какъ и въ другихъ случаяхъ—вполнѣ націонализированнымъ въ силу переработки, сквозь которую иногда, впрочемъ, сквозятъ нѣкоторыя черты не реаль-
наго новгородскаго мужика, а какого-то сказочнаго персонажа ²⁾. Микула оретъ сохою, черкающею о камни, выворачиваетъ корни, ѣздитъ за солью въ Орѣховецъ на Невѣ, бьется съ русскими мужиками—все это черты глубоко-бытовые, историче-
скія; но къ нимъ тутъ же примѣшиваются другія, навѣянные уже совсѣмъ не бы-
товыми условіями. Сошка Микулы дивно изукрашена дорогимъ рыбнымъ зубомъ, крас-
нымъ золотомъ и серебромъ, а самъ онъ представленъ иногда записнымъ франтомъ не плохе Чурилы...“

Въ такомъ роскошномъ нарядѣ Микула представляется не мужикомъ-пахаремъ

¹⁾ Микула—Микола—Никола.

²⁾ Образъ Микулы можно сопоставить съ пашущимъ византійскимъ императоромъ Гугономъ въ западныхъ сказаніяхъ о хожденіи Карла Великаго въ Іерусалимъ и Кон-
стантинополь. „У царскаго плуга сошники и омѣшники золотые, ярмо изъ драгоцѣннаго
камня; за волами Гугонь не пѣшкомъ идетъ, а ѣдетъ на золотомъ стулѣ, везомомъ съ
обѣихъ сторонъ мулами; подъ ногами у него скамейка серебряная, на рукахъ дорогія
рукавицы, на головѣ золотой вѣнецъ, надъ головой шелковый балдахинъ отъ солнца,
прикрѣпленный къ краямъ стула на рѣзныхъ золотыхъ жердяхъ; въ рукахъ онъ дер-
жить вмѣсто бича золотую трость“. (А. Веселовскій. Ж. М. Н. Пр. 1884. № 2).

по профессіи, а скорѣе какиѣ-нибудь царевичемъ, взявшимся для виду за игрушечную соху и разыгрывающимъ изъ-себя земледѣльца. Далѣе, съ одной стороны Микула Селянновичъ съ любовью говоритъ о своемъ трудѣ и о почетѣ отъ мужиковъ, которыхъ онъ угощаетъ и которые его за это величаютъ; съ другой—при первомъ приглашеніи Владимірова племянника Вольги ѣхать съ нимъ въ города за получкой дани для князя, бросаетъ свое обычное занятіе, повидимому, навсегда, такъ какъ иногда прощается съ сохою, и ѣдетъ съ княземъ собирать дань съ мужиковъ. Такая *невыдержанность* вполне понятна, такъ какъ былина создана самимъ народомъ, а не учеными славянофилами, которые ее истолковывали. Народъ же въ своихъ произведеніяхъ весьма неподатливъ на проведеніе извѣстной тенденціи и въ этомъ отношеніи крайне непоследователенъ въ нашемъ кабинетномъ смыслѣ. Придавъ какую-то заимствованную личность и фабулу къ своему быту, создавъ образъ чудеснаго пахаря, онъ вовсе не подумалъ объ идеализаціи своего крестьянскаго тяжелаго труда, не провелъ той идеи, что крестьянинъ долженъ прилѣпиться къ матери сырой землѣ, что въ этомъ его единственное благо, а допустить съ легкимъ сердцемъ своего „представителя“ покинуть тяжелый земледѣльческій трудъ и поступить въ дружину князя,—совершенно согласно съ тѣмъ, какъ и теперь не прочь сбросить тягло, выписаться изъ міра и перейти къ болѣе доходнымъ и легкимъ занятіямъ“. (Очерки рус. нар. слов. 177—179).

6. Садко богатый гость.

Во славномъ во Новѣ-градѣ
Какъ былъ Садко ¹⁾ купецъ, бо-
гатый гость.

А прежде у Садка имущества не
было:

Одни были гусельки яровчаты;
По пирамъ ходилъ-игралъ Садко.
Садка день не зовутъ на почестень
пиръ,

Другой не зовутъ на почестень пиръ,
И третій не зовутъ на почестень
пиръ.

По томъ Садко соскучился:
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень
озеру,

Садился на бѣль-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яров-
чаты.

Какъ тутъ-то въ озерѣ вода вско-
лыбалася,

Тутъ-то Садко перѣпался,

Пошелъ прочь отъ озера во свой
во Новгородъ.

Садка день не зовутъ на почестень
пиръ,

Не зовутъ на другой и третій день.
Садко опять отправляется съ гусельками
къ озеру, вода опять „колыбается“, но
въ Новгородѣ по прежнему ему нѣтъ
удачи.

Какъ пошелъ Садко къ Ильмень
озеру,

Садился на бѣль-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яров-
чаты.

Какъ тутъ-то въ озерѣ вода вско-
лыбалася,

Показался царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорил таковы слова:

— Ай же ты, Садко Новгородскій!
Не знаю, чѣмъ буде тебя пожако-
вать

За твои за утѣхи за великія,

За твою-то игру пѣжную:

Аль безсчетной золотой казной?

¹⁾ У Рыбн.—Садкѣ.

А не то ступай въ Новгородъ
И ударь о великъ закладъ,
Заложу свою буйну голову,
И выражай съ прочихъ купцовъ
Лавки товара краснаго,
И спорь, что въ Ильмень озерѣ
Есть рыба—золоты перья.

Какъ ударишь о великъ закладъ,
И поди—связи шелковой неводъ,
И прѣвзжай ловить въ Ильмень
озеро:

Дамъ три рыбины—золоты перья.
Тогда ты, Садко, счастливъ бу-
дешь¹⁾.—

Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера,
Какъ приходилъ Садко во свой во
Новгородъ,

Позвали Садко на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садко Новгородскій,
Сталъ играть въ гусельки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садко понаивать,
Стали Садку поднашивать,
Какъ тутъ-то Садко сталъ похва-
стывать:

„Ай же вы, купцы Новгородскіе!
Какъ знаю чудо чудное въ Иль-
мень озерѣ:

А есть рыба — золоты перья въ
Ильмень озерѣ“.

Какъ тутъ-то купцы Новгородскіе
Говорятъ ему таковы слова:

— Не знаешь ты чуда чуднаго,
Не можетъ быть въ Ильмень озерѣ
рыбы—золоты перья.—

¹⁾ Вариантъ: Садко гулялъ по Волгѣ двѣ-
надцать лѣтъ и никакой надъ собой «притки
и скорби не видывалъ,
Захотѣлось молодцу побывать въ Новгѣ-
родѣ,

Отрѣзалъ хлѣба великой сукрой,
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ:
«А спасибо тебѣ, матушка Волга рѣка!»

Волга послала съ Садко поклонъ своему
брату озеру Ильмену, который, въ благо-
дарность, и надѣлалъ Садко всякимъ доб-
ромъ.

„Ай же вы, купцы Новгородскіе!
О чемъ же бѣте со мной о великъ
закладъ?

Ударимъ-ка о великъ закладъ
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара крас-
наго.

Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара
краснаго.

Какъ тутъ-то связали неводъ шел-
ковый

И поѣхали ловить въ Ильмень озеро,
Закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли рыбку—золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень
озеро,

Добыли другую рыбку — золоты
перья;

Третью закинули тоньку въ Ильмень
озеро,

Добыли третью рыбку — золоты
перья.

Тутъ купцы Новгородскіе
Отдали по три лавки товару краснаго.
Сталъ Садко поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.

Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по небесному:
На небѣ солнце—и въ палатахъ
солнце;

На небѣ мѣсяцъ—и въ палатахъ
мѣсяцъ;

На небѣ звѣзды—и въ палатахъ
звѣзды.

Потомъ Садко купецъ, богатый гость,
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тныхъ мужиковъ Новгородскихъ
И тныхъ настоятелей Новгород-
скихъ.

Всѣ на пиру паѣдалися,

Всѣ на пиру напивались,
 Похвалѣбами всѣ похвалялись.
 Иный ¹⁾ хвастаетъ безсчетной золо-
 той казной,
 Другой хвастаетъ силой — удачей
 молодецкою,
 Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
 Который хвастаетъ славнымъ отече-
 ствомъ,
 Славнымъ отечествомъ, молодымъ
 молодечествомъ,
 Умный хвастаетъ старымъ батуш-
 комъ,
 Безумный хвастаетъ молодой женой.
 Говорятъ настоятели Новгородскіе:
 — Всѣ мы на пиру наѣдались,
 Всѣ на почестномъ напивались,
 Похвалѣбами всѣ похвалялись.
 Что же у насъ Садко ничѣмъ не
 похваляется,
 Что у насъ Садко ничѣмъ не по-
 хваляется?—
 Говоритъ Садко купецъ, богатый
 гость:
 „А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
 Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалиться?
 У меня-ль золота казна не тощится,
 Цвѣтно платьице не носится,
 Дружина хоробра не измѣняется.
 А похвастать не похвастать без-
 счетной золотой казной:
 На свою безсчетну золоту казну
 Повыкуцлю товары Новгородскіе,
 Худые товары и добрые!“
 Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
 Какъ настоятели Новгородскіе
 Ударили о великъ закладъ,
 О безсчетной золотой казны
 О денежкахъ тридцати тысячахъ:
 Какъ повыкупить Садку товары Но-
 вгородскіе,
 Худые товары и добрые,

Чтобъ въ Новѣ-градѣ товаровъ въ
 продажѣ болѣе не было.
 Ставалъ Садко на другой день ра-
 нымъ рано,
 Будилъ свою дружину хоробрую,
 Безъ счета давалъ золотой казны,
 И распущалъ дружину по улицамъ
 торговымъ,
 А самъ-то прямо шелъ въ гостинный
 рядъ,
 Какъ повыкупилъ товары Нового-
 родскіе,
 Худые товары и добрые
 На свою безсчетну золоту казну.
 На другой день ставалъ Садко ра-
 нымъ рано,
 Будилъ свою дружину хоробрую,
 Безъ счета давалъ золотой казны,
 И распущалъ дружину по улицамъ
 торговымъ,
 А самъ-то прямо шелъ въ гостинный
 рядъ:
 Вдвойнѣ товаровъ привезено,
 Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
 На ту на славу на великую Но-
 вгородскую.
 Опять выкупалъ товары Новгород-
 скіе,
 Худые товары и добрые
 На свою безсчетну золоту казну.
 На третій день ставалъ Садко ра-
 нымъ рано,
 Будилъ свою дружину хоробрую,
 Безъ счета давалъ золотой казны,
 И распущалъ дружину по улицамъ
 торговымъ,
 А самъ-то прямо шелъ въ гости-
 нный рядъ:
 Втройнѣ товаровъ привезено,
 Втройнѣ товаровъ принаполнено,
 Подоспѣли товары Московскіе
 На ту на великую на славу Нов-
 городскую.

¹⁾ Единный, одинъ.

Какъ тутъ Садко пораздумался:
„Не выкупить товара со всего бѣла
свѣта:

Още повыкуплю товары Московскіе,
Подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ, богатъ Но-
вогородскій, —
Побогаче меня славный Новгородъ“.
Отдавалъ онъ настоятелямъ Новго-
родскимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячечей.

На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садко тридцать караблей,
Тридцать караблей, тридцать чер-
ленныхъ;

На ты на корабли на черленые
Свалилъ товары Новгородскіе,
Поѣхалъ Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.

Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду,
Продавалъ товары Новгородскіе,
Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки сороковки красна
золота, чиста серебра,
Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода

сильная,
Застоялись черлены корабли на си-
немъ морѣ:

А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаютъ корабли черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на
синемъ морѣ.

Говорить Садко купецъ, богатый
гость,

„О своей дружины ко хоробря:
„Ай же ты, дружинушка хоробря!
Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,

А морскому царю дани не плачи-
вали:

Видно, царь морской отъ насъ
дани требуетъ,

Требуетъ дани во сине море.
Ай же, братцы, дружина хоробря!
Взимайте бочку сороковку чиста
серебра,

Спускайте бочку во сине море“.
Дружина его хоробря
Взимала бочку чиста серебра,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаютъ корабли черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на
синемъ морѣ.

Тутъ его дружина хоробря
Брали бочку сороковку красна зо-
лота,

Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаютъ кораблики черленые;
А корабли все нейдутъ съ мѣста
на синемъ морѣ.

Говорить Садко купецъ, богатый
гость:

„Видно, царь морской требуетъ
Живой головы во сине море.
Дѣлайте, братцы, жеребья воль-
жаны,

Я самъ сдѣлаю на красномъ на
золотѣ,

Всякъ свои имена подписывайте,
Спускайте жеребья на сине море:
Чей жеребей ко дну пойдетъ,
Таковому итти въ сине море“.

Дѣлали жеребья вольжаны,
А самъ Садко дѣлалъ на красномъ
на золотѣ,

Всякъ свое имя подписывалъ,
Спускали жеребья на сине море.
Какъ у всей дружины хоробря
Жеребья гоголемъ по воды плывутъ,

А у Садка купца ключомъ на дно ¹⁾.
Говорить Садко купецъ, богатый
гость.

„Ай же, братцы, дружина хоробрая,
Эти жеребья не правильны:

Дѣлайте жеребья на красномъ на
золотѣ,

А я сдѣлаю жеребей вольжанный“.
Дѣлали жеребья на красномъ на
золотѣ,

А самъ Садко дѣлалъ жеребей воль-
жанный,

Всякъ свое имя подписывалъ.

Спускали жеребья на сине море:

Какъ у всей дружины хоробря —
Жеребья гоголемъ по воды плывутъ,

А у Садка купца ключомъ на дно.

.

Говорить Садко купецъ, богатый
гость:

„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требуетъ
Самого Садко богатаго въ сине
море.

Несите мою чернилицу вальяхную,
Перо лебединое, листъ бумаги
(гербовый)“.

Несли ему чернилицу вальяхную,

¹⁾ Должно быть наоборотъ: Садковъ жеребий по водѣ плыветъ, жеребья дружины канули на дно.

Вариантъ:

«А и рѣжьте жеребья вы вальжены,
А и всякъ-то пиши на имена,
И бросайте вы ихъ на сине море».
Садко покинулъ хмелево перо,
И на немъ то подпись подписана,
А и самъ Садко приговариваетъ:...
«Которые бы по верху (поплывутъ),
А и тѣ бы душеньки правыя;
Что которые-то въ морѣ тонуть,
А мы тѣхъ спихнемъ въ сине море».
А всѣ жеребья по морю плывутъ,
Кабы яры гоголи по заводямъ;
Единъ жеребий во морѣ тонетъ,
Во морѣ тонетъ хмелево перо
Самого Садка, гостя богатаго.

Кирша. 234—235.

Перо лебединое, листъ бумаги (гер-
бовый).

Онъ сталъ имѣннице отписывать;
Кое имѣнье отписывалъ Божиимъ
церквамъ,

Иное имѣнье нищей братиѣ,
Иное имѣнье молодой жены,
Остатнее имѣнье дружины хоробря.
Говорилъ Садко купецъ, богатый
гость:

„Ай же, братцы, дружина хороб-
рая!

Давайте мнѣ гуселки яровчаты,

Поиграть-то мнѣ въ остатнее:

Больше мнѣ въ гуселки не игра-
вати.

Али взять мнѣ гусли съ собой во
сине море?“

Взимаетъ онъ гуселки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:

„Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не толь ¹⁾ мнѣ страшно принять
смерть на синемъ морѣ“.

Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю
морю,

Полетѣли, какъ черные вороны,
Остался Садко на синемъ морѣ.

Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.

Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.

Сквозь воду увидѣлъ пекучися крас-
ное солнышко,

Вечернюю зорю, зорю утреннюю.

Увидѣлъ Садко, — во синемъ морѣ
Стоить палата бѣлокаменная.

Заходилъ Садко въ палату бѣло-
каменну:

Сидитъ во палатѣ царь морской.

¹⁾ Не такъ.

Голова у царя, какъ куча сѣнная.
Говоритъ царь таковы слова:

Ай же ты, Садко купецъ, богатый
гость!

Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзжи-
валъ,

Мнѣ царю дани не плачивалъ,
— А нонь весь пришелъ ко мнѣ во
подарочкахъ.

Скажутъ ¹⁾, мастеръ играть въ гу-
селки яровчаты.—

Какъ началъ играть Садко въ гу-
селки яровчаты,

Какъ началъ плясать царь морской
во синемъ морѣ,

Какъ расплясался царь морской.
Игралъ Садко сутки, игралъ и

другіе,
Да игралъ оцѣ Садко и третій,
А все пляшетъ царь морской во

синемъ морѣ.

Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смути-
лася,

Стало разбивать много кораблей на
синемъ морѣ,

Стало много гинуть имѣнницевъ,
Стало много тонуть людей правед-
ныхъ:

Какъ сталъ народъ молиться Ми-
колы Можайскому.

Какъ тронуло Садко въ плечо во
правое:

— Ай же ты, Садко Новгород-
ский!

Полно играть въ гусельшки яров-
чаты!—

Обернулся — глядитъ Садко Ново-
городский:

Ажно стоитъ старикъ сѣдатый.
Говорилъ Садко Новгородский:

„У меня воля не своя во синемъ
морѣ,

Приказано играть въ гуселки
яровчаты“.

Говоритъ старикъ таковы слова:

— А ты струночки повыривай,

А ты шпенечки повыломай.

Скажи: „у меня струночекъ не слу-
чилось,

А шпенечковъ не пригодилось,

Не во что больше играть:

Приломалися гуселки яровчаты“.

Скажетъ тебѣ царь морской:

„Не хочешь-ли жениться во си-
немъ морѣ

На душечекѣ на красныя дѣ-
вущекѣ?“

Говори ему таковы слова:

„У меня воля не своя во си-
немъ морѣ“.

Опять скажетъ царь морской:

„Ну, Садко, вставай поутру ра-
нешенько,

Выбирай себѣ дѣвицу красавицу“.

Какъ станешь выбирать дѣвицу
красавицу,

Такъ перво триста дѣвицъ про-
пусти,

И друго триста дѣвицъ пропусти,

И третье триста дѣвицъ про-
пусти:

Позади идетъ дѣвица красавица,

Красавица дѣвица Черनावушка,

Бери тую Чернаву за себя за-
мужь...

Будешь, Садко, во Новѣ-градѣ,

А на свою безсчетну золоту казну

Построй церковь соборную Ми-
колы Можайскому. —

Садко струночки во гуселкахъ по-
выдернулъ,

Шпенечки во яровчатыхъ повыло-
малъ.

¹⁾ Сказываютъ.

Говорить ему царь морской:
— Ай же ты, Садко Новгородскій!
Что же не играешь въ гуселки
яровчаты? —

„У меня струночки во гуселкахъ
выдернулись,

А шпенечки во яровчатыхъ повы-
ломались:

А струночекъ запасныхъ не слу-
чилось,

А шпенечковъ не пригодилось“.

Говорить царь таковы слова:

— Не хочешь-ли жениться во си-
немъ морѣ

На душечекъ на красныя дѣву-
шекъ? —

Говорить ему Садко Новгородскій:

„У меня воля не своя во синемъ
морѣ“.

Опять говорить царь морской:

— Ну, Садко, вставай поутру ра-
нешенько,

Выбирай себѣ дѣвицу краса-
вицу. —

Вставалъ Садко поутру ранешенько.

Поглядитъ, — идетъ триста дѣвушекъ
красныхъ:

Онъ перво триста дѣвицъ пропу-
стилъ,

И друго триста дѣвицъ пропустилъ,

И третье триста дѣвицъ пропустилъ;

Позади шла дѣвица красавица,

Красавица дѣвица Чернавушка:

Бралъ тую Чернаву за себя за-
мужъ...

Какъ проснулся Садко во Новѣградѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ краю;
Какъ поглядитъ, ажно бѣжать
Свои черленые корабли по Волхову.

Поминаетъ жена Садко со дружи-
ной во синемъ морѣ:

— Не бывать Садку со синя моря! —

А дружина поминаетъ одного Садка:

— Остался Садко во синемъ морѣ! —

А Садко стоитъ на крутомъ краю,

Встрѣчаетъ свою дружинишку со
Волхова.

Тутъ его ли дружина сдивовалася:

— Остался Садко во синемъ морѣ.

Очутился впереди насъ во Новѣ-
градѣ,

Встрѣчаетъ дружину со Волхова!“

Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую

И повелъ въ палаты бѣлокаменны.

Тутъ его жена зрадовалася,

Брала Садка за бѣлы руки,

Цѣловала во уста во сахарныя.

Началъ Садко выгружать со черле-
ныхъ со кораблей

Имѣнище — безсметну золоту казну.

Какъ повыврузилъ со черленыхъ
кораблей,

Состроилъ церкву соборную Миколы
Можайскому.

Не сталъ больше ѣздитъ Садко на

сине море,

Сталъ поживать Садко въ Новѣ-
градѣ.

Рыбн. I, 370—380.

(Записана въ Пудожск. у. Олонекск. г.).

Примѣчанія къ былинѣ: „Садко“.

По дошедшимъ до насъ редакціямъ былинъ, Садко является идеальнымъ пред-
ставителемъ новгородскаго купечества.

Въ основѣ былинъ, по всей вѣроятности, лежатъ воспоминанія о какомъ-то
дѣйствительномъ лицѣ, богатомъ гостѣ новгородскомъ. Подъ 1167 годомъ въ первой
новгородской лѣтописи занесено извѣстіе о постройкѣ каменной церкви: строитель назы-
вается Садко Сытинецъ. Въ третьей новгородской лѣтописи о томъ же событіи сообщается

слѣдующее: „Въ лѣто 6675 (1167) въ Великомъ Новгородѣ, на Софійской сторонѣ, заложилъ церковь каменну святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба въ Околоткѣ *Садко Сыннича*“.

На эту историческую основу съ теченіемъ времени наслонлось много легендарныхъ и сказочныхъ прикрасть.

Эпизодъ о томъ, какъ Садко бросили по жребію въ море, и о его спасеніи благодаря заступничеству св. Угодника принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ легендъ подобнаго же рода. Такъ напр. въ житіи блаженного Исидора Ростовскаго разсказывается слѣдующее: Сотворися бо чудо дивно и незабвенію достойно. Купцы нѣщцы по морю съ куплею своею въ кораблѣ плаваніе творяху, и внезапно въ нѣкоемъ мѣстѣ корабль ста, и не можаше двинутися отуду, и разбивашеся волнами; вси же въ немъ бывшии, отчаяшася живота своего и ожидаху смерти; таже умыслиша метнути жребіа, кого ради корабль ста и волнами разбиваемый есть, и паде жребій на единого отъ нихъ купца изъ града Ростова, идѣже святой Исидоръ жительствоваше. Посадиша убо купца того на доску, и пустиша во море, и двинуся скоро корабль отъ онаго мѣста, а человекъ той на досцѣ волнами носимый уже во вратѣхъ смертныхъ бѣ, ни отъ кого же чаючи помощи. И се внезапно предста ему угодникъ Божій Исидоръ, по морю яко по суху ходяй и глаголяй къ нему: знаеши ли мя, человекѣ? Купецъ же едва проглаголати возмогъ, рече: о рабе Божій Исидоре! въ нашемъ градѣ жительствоуяй, не остави мене въ мори семя погружаема, но помози мнѣ окаянному и избави мя отъ горькія смерти. Святой же взявъ его за руку и на досцѣ оной посади и баше ему дска, акія лодія, верху воды непогрязновенно плавающая. Святой же управляя ю погна скоро вслѣдъ корабля и достигъ до того, всади въ корабль человекъ цѣла, здрава и ничимъ же вреждена“.

(Изъ Четвѣхъ Миней св. Димитрія Ростовскаго).

Въ нашей былинѣ блж. Исидора замѣняетъ покровитель мореходовъ св. Николай, „скорый помощникъ на водахъ“.

Г. Веселовскій проводитъ еще одну параллель чудеснаго спасенія на морѣ изъ одного стариннаго французскаго романа. Эта параллель, восходящая, вѣроятно, къ еврейскимъ источникамъ, интересна особенно въ томъ отношеніи, что герой носитъ имя Sadoc (евр. *Цадокъ*—справедливый). Совпаденіе именъ, вѣроятно, дѣло случайное; но благодаря этому совпаденію еврейская легенда могла имѣть влияние на развитіе былинны.

Къ эпизодамъ чисто-сказочнаго характера относятся два эпизода: 1) разсказъ о томъ, какъ разбогатѣлъ Садко, 2) пребываніе Садко у морскаго царя.

По однимъ вариантамъ былинны, Садко угодилъ водяному царю озера Ильменя игрою на гусляхъ, по другимъ—принялъ ему поклонъ отъ сестры Волги и за это былъ щедро вознагражденъ. Первый вариантъ даетъ поводъ г. Вс. Миллеру сопоставить гусляра-Садко съ вѣщимъ Вейнемейненомъ финскаго эпоса.

Разсказы о пребываніи Садко у морскаго царя и о женитьбѣ на его дочери принадлежатъ къ числу весьма распространенныхъ мотивовъ сказочнаго эпоса (См. *Вс. Миллеръ*. Очерки рус. нар. словесности. 283—304).

7. Василій Буслаевъ.

а) Похожденіа Василья въ Новгородѣ.

Во славномъ Великомъ Новѣградѣ
А и жилъ Буслай до девяности лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ не перече-
чился,

Со мужикъ Новгородскими
Песергъ словечка не говаривалъ.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился —
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалоса его житье-бытье
И все имѣніе дворянское;

Осталася матера вдова,
Матера Амелеа Тимофеевна,
И оставалось чадо милое,
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
Будеть Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелеа Тимофеевна,
Учить его во грамотъ,—

А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,—
Пѣть Василью въ наукъ пошло.

А и нѣтъ у насъ такова пѣвца,
Во славномъ Новѣгородѣ,
Сопротивъ Василья Буслаева.

Поводился вѣдь Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, съ безумницы,
Съ веселыми удалыми добрыми мо-
лодцами,

До пьяна ужъ сталъ напиватися,—
А и ходя въ городѣ уродуетъ:
Котораго возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго задѣнетъ за ногу,
То... ногу выломить;

Котораго хватить поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окарачъ пол-
зеть.

Пошла-то жалоба великая;—
А и мужики Новгородскіе,
Посадскіе, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдовѣ Амелеѣ Тимофеевнѣ
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить бра-
нить,

Журить бранить, его на умъ учить,—
Журьба Васекѣ не взлюбила, ¹⁾

¹⁾ Вариантъ:

Жилъ Буславюшка — не старился,
Живучись Буславюшка преставился.
Оставалось у Буслава чадо милое,
Милое чадо рожиное,

Пошелъ онъ Васька во высокъ те-
рень,

Садился Васька на ременчатой стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:

„Кто хочетъ пить и ѣсть изъ го-
товаго,

Валися къ Васекѣ на широкой
дворъ,—

Тотъ пей и ѣшь готовое
И носи платье разноцвѣтное“.

Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой
своимъ ¹⁾

На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.

(Въ то же время) поставилъ Васька
чанъ среди двора,

Молодой Васильюшка Буславьевичъ.
Сталъ Васильюшка на улочку похаживать,
Не легкія шуточки пошучивать:

За руку возьметъ—рука прочь,
За ногу возьметъ—нога прочь;
А котораго ударить по горбу,
Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.

И говорятъ мужики Новгородскіе:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
Тебѣ съ эстою удачей молодецкою
Наквасити рѣка будетъ Волхова».

Идетъ Василій въ (съ) широкія улочки,
Не веселъ домой идетъ, не радощенъ,
И стрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:

—Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожиное.

Молодой Васильюшка Буславьевичъ!
Что идешь не веселъ, не радощенъ?
Кто же ти на улушкѣ приобидѣлъ?—

«А никто меня на улушкѣ не обидѣлъ.
И кого возму за руку—рука прочь,
За ногу кого возму—нога прочь,
А котораго ударю по горбу,
Тотъ пойдетъ—самъ сутулится».

А говорили мужики Новгородскіе,
Что мнѣ съ эстою удачей молодецкою
Наквасити рѣка будетъ Волхова».

И говоритъ мать таковы слова:
—Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!

Прибирай ка себѣ дружину хоробрую,
Чтобъ никто ти въ Новѣ-градѣ не оби-
дѣлъ.—

Рыба, 1, 335—356.

¹⁾ Ярлычки привязывалъ ко стрѣлочкамъ
И стрѣлочки стрѣлялъ по Новуграду.
Р. 1, 336.

Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опускалъ онъ чару въ полтора ведра.
Во славномъ было во Новѣградѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васькѣ на широкой дворъ
Къ тому чану, зелену вину;
Въ началѣ былъ Костя Новотор-

женинъ,
Пришелъ онъ Костя на широкой
дворъ,

Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ,
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинцу Чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнад-

цать пудъ,—
А бьетъ онъ Костю по буйной го-

ловѣ,
Стоитъ тутъ Костя не шевельнется
И на буйной головѣ кудри не трях-

нутса.
Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:

Рыбн., I 335—336.

„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названой братъ,
И паче мнѣ брата родинаго“.

А и мало время позамѣшавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Монсей, дѣти боярскія,
Пришли ко Васькѣ на широкой
дворъ.

Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
Тѣмъ молодцамъ сталъ радостенъ и
веселешенекъ.

Пришли тутъ мужики Залешена,
И не смѣлъ Василій показаться къ
нимъ.

Еще тутъ пришло семь братовъ Сбро-

довичи—

Собиралися, сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единого,
Онъ самъ Василій тридцатой сталъ;—

Какой зайдетъ, убьютъ его,
Убьютъ его, за ворота бросать.
Послышалъ Васинька Вуслаевичъ
У мужиковъ Новгородскихъ
Канунъ варенъ, пива ячнныя,
Пошелъ Василій со дружиною;
Пришелъ во братчину Никольщину:
„Не малу мы тебѣ сыпъ платимъ,—
За всякаго брата по пяти ру-

блевъ“.—
А за себя Василій даетъ пятьдесятъ
рублевъ;

А и тотъ-то староста церковной
Принималъ ихъ во братчину въ
Никольщину;

А и зачали они тутъ канунъ ва-

ренъ пить,
А и тѣ-то пива ячнныя.

Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
Бросился на царевъ кабака,
Со своею дружиною хороброю;
Напилися они туто зелена вина,
И пришли во братчину въ Николь-

щину.
А и будетъ день ко вечеру,
Отъ малаго до старого,
Начали ужъ ребята боротися;
А въ иномъ кругу въ кулаки битися,
Отъ тое борьбы отъ ребячія,
Отъ того бою отъ кулачнаго,
Началася драка великая;
Молодой Василій сталъ драку раз-

нимать,
А иной ¹⁾ дуракъ зашолъ съ носка,
Его по уху оплелъ;

А и тутъ Василій закричалъ гром-

кимъ голосомъ:
„Гой еси ты Костя Новоторженинъ,
И Лука, Монсей, дѣти боярскія!
Уже Ваську—меня бьютъ“.

Поскакали удалы добры молодцы,

¹⁾ Иной—одинъ.

Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали,—
Кричатъ, ревуть мужики посадскіе,
Говорить тутъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, мужики Новгородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
Напускаюсь я на весь Новгородъ
Битися, драться,
Со всею дружиною хороброю;
Тако ¹⁾ вы меня съ дружиною
побьете Новымъ городомъ,
Буду вамъ платить дани, выходы
по смерть свою,
На всякой годъ по три тысячи;
А буде же я васъ побью,
И вы мнѣ покоритесь, —
То вамъ платить мнѣ такову же дань“.
И въ томъ-то договорѣ руки они
подписали.

Началась у нихъ драка-бой великая,—
А мужики Новгородскіе,
И всѣ купцы богатые,
Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
На млада Васютку напускалися,
И дерутся они день до вечера, —
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ,
Со своею дружиною хороброю,
Прибили они во Новгородъ —
Прибили уже много до смерти;
А и мужики Новгородскіе догадалися,
Пошли они съ дорогими подарки,
Къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимо-
феевнѣ.

— Матера вдова Амелѣа Тимофеевна!
Прими у насъ дороги подарочки,
Уйми свое чадо милое
Василья Буслаевича. —
Матера вдова Амелѣа Тимофеевна
Принимала у нихъ дороги пода-
рочки,

Посылала дѣвушку чернавушку,
По того Василья Буслаева.
Прибѣжала дѣвушка чернавушка,
Сохватила Ваську во бѣлы руки,
Потащила къ матушкѣ родимыя,
Притащила Ваську на широкій дворъ,
А и та старуха неразмышлена,
Посадила въ погреба глубокіе
Молода Василья Буслаева,
Затворяла двери желѣзными,
Запирала замки булатными.
А его дружина хоробрая
Со тѣми мужики Новгородскими
Дерутся, бьются день до вечера;
А и та-то дѣвушка чернавушка
На Волхъ рѣку ходила по воду,
А взмолятся ей тутъ добры молодцы:
— Гой еси ты, дѣвушка чернавушка!
Не подай ¹⁾ насъ у дѣла у ратнаго,
У того часа смертнаго. —

И тутъ дѣвушка чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,
Коромысломъ тѣмъ стала она по-
махивати

По тѣмъ мужикамъ Новгород-
скимъ, —

Прибила ужъ много до смерти,
И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзныя:
— А и спишь ли, Василій, или такъ
лежишь?

Твою дружину хоробрую
Мужики Новгородскіе
Всѣхъ прибили, переранили,
Булавами буйны головы проби-
ваны. —

Ото сна Василій пробуждается,
Онъ выскочилъ на широкой дворъ, —
Не попала палица желѣзная,

¹⁾ Тако — если, буде.

¹⁾ Не оставь.

Что попала ему ось телѣжная.
Побѣжалъ Василій по Новугороду,
По тѣмъ по широкимъ улицамъ;
Стоитъ тутъ старецъ Пилигримища,
На могучихъ плечахъ держать ко-
локолъ,
А вѣсомъ тотъ колоколъ въ триста
пудъ.

Кричитъ тотъ старецъ Пилигримища,
— А стой ты, Васька! не попорхивай,
Молодой глудырь не полетывай,—
Изъ Волхова воды не выпити,
Во Новѣгородѣ людей не выбити;
Есть молодцовъ сопротивъ тебя,
Стоимъ мы молодцы, не хва-
стасемъ.—

Говорилъ Василій таково слово:
„А и гой еси, старецъ Пилигримища,
А и бился я о великѣ закладъ
Со мужики Новгородскими,
Опричь тебя, старца Пилигримища,
Во задоръ войду—тебя убью“.

Ударилъ онъ старца во колоколъ
А и той-то осью телѣжною,—
Качается старецъ не шевелится;
Заглянулъ онъ Василій старца подъ
колоколъ,

А и во лбѣ глазъ—ужъ вѣку нѣту.
Пошелъ Василій по Волхъ рѣкѣ,
А идетъ Василій по Волхъ рѣкѣ,
По той Волховой по улицѣ;
Завидѣли добрые молодцы,
А его дружина хоробрая,
Молода Василья Буслаева,—
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
У нихъ-то молодцовъ думушки при-
было.

Молодой Василій Буслаевичъ
Пришелъ - то молодцамъ на вы-
ручку,—

Со тѣми мужики Новгородскими
Онъ дерется, бьется день до вечера;
А ужъ мужики покорилися,

Покорился и помирился—
Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимо-
феевнѣ;

Насыпали чашу чиста серебра,
А другую чашу красна золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьютъ челомъ, поклоняются:
Осударня матушка,
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и ради мы платить
На всякой годъ по три тысячи,
На всякой годъ будемъ тебѣ но-
силь:

Съ хлѣбниковъ по хлѣбику,
Съ калачниковъ по калачику,
Съ молодицъ повѣнечное,
Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
Опричь поповъ и дьяконовъ.—
Втапору матера вдова
Амелѣ Тимофеевна

Посылала дѣвушку чернавушку
Привести Василья со дружиною;
Пошла та дѣвушка чернавушка,
Вѣжавши та дѣвка запыхалася,
Нельзя пройти дѣветъ по улицѣ,
Что полтеи по улицѣ валяются
Тѣхъ мужиковъ Новгородскихъ.
Прибѣжала дѣвушка чернавушка,
Сохватила Василья за бѣлы руки,
А стала ему рассказывать:

— Мужики пришли Новгородскіе,
Принесли они дороги подарочки,
И принесли записки заручныя
Ко твоей сударынѣ матушкѣ,
Къ матерой вдовѣ Амелѣ Ти-
мофеевнѣ.—

Повела дѣвка Василья со дружиною
На тотъ на широкой дворъ,
Привела-то ихъ къ зелену вино;
А сѣли они молодцы во единый кругъ,

Выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина,
Со того уразу молодецкаго
Отъ мужиковъ Новгородскіихъ;
Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ го-
лосомъ:

— У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Неупито, неуѣдено,
Вкраснѣ хорошо неухожено,
А цвѣтнаго платья не уношено,
А увѣче на вѣкъ залѣзено. —
И повелъ ихъ Василий обѣдати
Къ матерой вдовѣ Амелеѣ Тимо-
феевнѣ.

Втапоры мужики Новгородскіе
Приносили Василью подарочки,
Вдругъ сто тысячей, —
И за тѣмъ у нихъ мирова пошла;
А и мужики Новгородскіе
Покорилися и сами поклонилися.

Кирша. 47—57.

б) Василий Буслаевъ молиться
задигъ.

Подъ славнымъ, великимъ Новымъ-
городомъ,
По славному озеру по Ильмену
Плаваешь, поплаваешь сѣръ селезень,
Какъ бы ярой гоголь поныриваетъ;
А плаваешь, поплаваешь червленъ
корабль
Какъ бы молода Василья Буслаевича,
А и молода Василья, со его дру-
жиною хороброю,
Тридцать удалыхъ молодцовъ:
Костя Никитинъ корму держить,
Маленькой Потаня на носу стоять,
А Василий-то по кораблю похажи-
ваетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
„Свѣтъ, моя дружина хоробрая,

Тридцать удалыхъ добрыхъ молод-
цовъ!
Ставьте корабль поперегъ Ильмена,
Приставайте, молодцы, ко Нову-
городу“.

А и тычками къ берегу притыкались,
Сходни бросали на крутой бережокъ.
Походилъ тутъ Василий ко своему
онъ двору дворянскому,
И за нимъ идетъ дружинишка хо-
робрая;

Только караулы оставили.
Приходитъ Василий Буслаевичъ
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матерой Вдовѣ Амелеѣ Тимофеевнѣ,
Какъ вьюнъ около ее увивается,
Проситъ благословеніе великое:
„А свѣтъ ты, моя сударыня ма-
тушка,

Матера вдова Амелеа Тимофеевна!
Дай мнѣ благословеніе великое,
Иди мнѣ Василью въ Ерусалимъ
градъ,

Со всею дружиною хороброю
Мнѣ ко Господу помолитися,
Святой святынѣ приложитися,
Во Ерданѣ рѣкѣ искупитися“.
Что взговоритъ матера вдова,
Матера Амелеа Тимофеевна:
— Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василий Буслаевичъ!
То коли ты пойдеши на добрыя
дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;
То коли ты, дитя, на разбой
пойдеши,
И не дамъ благословенія великаго,
А и не носи Василья сыра земля. —
Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце распушается;
И даетъ она много свинцу, пороху,

И даетъ Василью запасы хлѣбныя,
И даетъ оружіе долгожѣрное:
— Побереги ты, Василій, буйну го-
лову свою.—

Скоро молодцы собираются,
И съ матерой вдовой прощаются.
Походили они на червленъ корабль,
Поднимали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по озеру Ильмену;
Бѣгутъ они ужъ сутки—другіе,
А бѣгутъ уже недѣлю—другую,—
Встрѣчу имъ гости корабельщики:
— Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
Куда, молодецъ, поизволилъ погу-
лять? —

Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси ты, гости корабельщики!
А мое-то вѣдъ гулянье неохотное:
Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душа спасти.
А скажите вы, молодцы, мнѣ пря-
мого путя
Ко святому граду Іерусалиму“.
Отвѣчаютъ ему гости корабельщики:
— А и гой еси, Василій Буслаевичъ!
Прямимъ путемъ въ Іерусалимъ
градъ
Бѣжать семь недѣль,
А окольной дорогой полтора го-
да. —

На прямомъ пути, по словамъ корабель-
щиковъ, „стоитъ застава крѣпкая, стоятъ
атаманы козачіе... грабятъ бусы, гале-
ры.“ — А не вѣрую я, Васинька, ни въ
сонъ, ни въ чохъ, а и вѣрую въ свой
червленной вязъ,—сказалъ Василій и ве-
лѣлъ бѣжать прямимъ путемъ. На горѣ
Сорочинской нашель пустую голову и нулъ
ее съ дороги прочь. „Провѣщится пуста
голова человѣческая!... гдѣ лежитъ пуста
голова... лежать будетъ голова Василье-
вой.—Плюнулъ Василій, прочь пошелъ“.
Побѣжали по морю Каспійскому на за-
ставу корабельную. На пристани стояли
„козаки разбойники“. Сочилъ Василій на

берегъ, червленымъ вязомъ подпирается;
разбойники перепугались и побѣжали съ
пристані; атаманы просили его „за еди-
ный столъ хлѣба кушати,“ но Василій
разспросилъ только о прямомъ пути въ
Іерусалимъ, взялъ подарки и провожатаго
и отправился дальше.

Будутъ они во Ерданъ рѣкѣ, —
Бросали якоря крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ;
Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ,
Со своею дружиною хороброю,
Въ Іерусалимъ градъ;
Пришелъ во церковь соборную;
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родиномъ своимъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни
съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ,—
Что съ молоду бито много, гра-
блено,
И ко святой святинѣ приложился
онъ,
И въ Ерданѣ рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами
и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви жи-
вуть,
Даетъ золотой казны не считаячи.
И походить Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ
корабль:
Втапоры его дружина хоробрая
Купались во Ерданѣ рѣкѣ,
Приходила къ нимъ баба залѣсная,
Говорила таково слово:
— Почто вы купаетесь во Ерданѣ
рѣкѣ?
А не кому купатися, опричь Ва-
силья Буслаевича.

Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ
 Господь Іисусъ Христосъ;
 Потерять его вамъ будетъ боль-
 шаго
 Атамана Василья Буслаевича.—
 И они говорятъ таково слово:
 „Нашъ Василій тому не вѣруеть
 ни въ сонъ, ни въ чохъ“.
 И мало время понзойдучи,
 Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
 Приказалъ выводить корабль
 Изъ устья Ерданъ рѣки;
 Подняли тонки паруса полотняны...

 А и ѣдутъ недѣлю споряду,
 А и ѣдутъ уже другую;
 И завидѣлъ Василій гору высокую
 Сорочинскую,
 Захотѣлось Василью на горѣ побы-
 вать, —
 Приставали къ той Сорочинской горѣ,
 Сходни бросали на ту гору.
 Пошелъ Василій со дружиною
 И будетъ онъ въ полѣ-горы,
 И на пути лежитъ пуста голова,
 челоуѣчья кость,
 Пнулъ Василій тою голову съ до-
 роги прочь;
 Провѣщится пуста голова:
 —Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
 Къ чему меня голову попикиваешь,
 И къ чему побрасываешь?
 Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
 Да умѣю валаться на той горѣ
 Сорочинскія;
 Гдѣ лежитъ пуста голова,
 Лежать будетъ и Васильевой го-
 ловѣ. —
 Пянулъ Василій, прочь пошелъ.
 Взошелъ на гору высокую,
 На ту гору Сорочинскую,
 Гдѣ стоитъ высокой камень,
 Въ вышину три сажени печатный,

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ.

И черезъ его только топоромъ по-
 дать,
 Въ долину три аршина съ чет-
 вертью;
 И въ (на) томъ-то подпись подпи-
 сана:
 А кто-де у камня станеть тѣшиться,
 А и тѣшиться, забавляться,
 Вдоль скакать по камню,
 Сломить будетъ буйну голову.
 Василій тому не вѣруеть;
 Сталъ со дружиною тѣшиться и за-
 бавляться,
 Поперегъ камню поскакивати;
 Захотѣлось Василью вдоль скакать,
 Разбѣжался, скочилъ вдоль по ка-
 меню,
 И не доскочилъ только четверти,
 И тутъ убился подъ каменемъ.
 Гдѣ лежитъ пуста голова,
 Тамъ Василья схоронили.
 Побѣжала дружина съ той Соро-
 чинской горы
 На свой червленъ корабль,
 Подымали тонки парусы полотняные,
 Побѣжали ко Новгороду;
 И будутъ у Новагорода,
 Бросали съ носу якорь и съ корин
 другой,
 Чтобъ крѣпко стоялъ и не ша-
 тался онъ.
 Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѣѣ
 Тимофеевнѣ,
 Прошли и поклонилися,
 Всѣ письмо въ руки подали,
 Прочитала письмо матера вдова,
 сама заплакала,
 Говорила таковы слова:
 —Гой вы еси, удамы добры молодцы!
 У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего;
 Подите въ подвалы глубокие,
 Берите золотой казны не счи-
 таючи. —

Повела ихъ дѣвушка чернавушка
Къ тѣмъ подваламъ глубокимъ,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они къ матерой вдовѣ,
Взговорили таковы слова:
„Спасибо, матушка Амелѣа Тимо-
феевна!
„Что поила, кормила, обувала и одѣ-
вала добрыхъ молодцовъ“.
Втапоры матера вдова Амелѣа Ти-
мофеевна

Приказала наливать по чарѣ зелена
вина.
Подносить дѣвушка чернавушка
Тѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотѣлося.

Кирша. 114—122.

Примѣчанія къ былинѣ „Василій Буслаевъ“.

„Ничто такъ хорошо не изображаетъ новгородскихъ нравовъ и явленій древней общественной жизни, какъ превосходная пѣсня о Васкѣ Буславѣ. Хотя она сильно расцвѣчена сказочнымъ эпосомъ, но дѣйствительность проглядываетъ изъ-подъ фантастическихъ красокъ во всемъ существѣ своемъ. Буславъ изображается знатнымъ, богатымъ, можетъ быть бояриномъ. Противники его—мужики,—слово позднѣйшаго быта, замѣнившее древнее названіе—простая чадь. Старый Буслай жилъ, по выраженію пѣсни, девяносто лѣтъ, т. е. долго, и соблюдалъ миръ съ простою чадью; онъ не перечился—поперекъ слова ей не говаривалъ, ладилъ съ народомъ новгородскимъ; а потому-то послѣ его смерти все житье-бытье его передалъ онъ въ пѣлости сыну.—Мать отдаетъ сына въ науку. Пѣсня говоритъ, чему учился Василій, сынъ Буслая, т. е. чему слѣдовало учиться по тогдашнему понятію: грамотѣ, письму, пѣнію церковному. Всему этому выучился Василій. Пѣніе церковное считалось верхомъ образованности. Пѣсня распространяется объ этомъ достоинствѣ своего героя:

А и нѣтъ у насъ такова пѣвца
Во славномъ Новѣгородѣ
Сопротивъ Василю Буслаевича.

Какъ сталъ онъ доходить до возраста юношескаго, стали его обучать и воинскимъ наукамъ; и ощутилъ онъ въ себѣ великую ратную силу, какъ познакомился съ копьемъ вострымъ, воинскою палицею и разрывчатымъ тугимъ лукомъ.

Наслѣдникъ богатства, оставленный подъ слабымъ надзоромъ матери, Василій ищетъ жизни, простора, приволья: хочется ногамъ расходиться, рукамъ размахнуться. И онъ сталъ ходить на улицу на Рогатицу, и сдѣлался приманкою для пьяницъ, гулякъ, которые составляли обычный образецъ новгородской вольной жизни. Это были тѣ, что при случаѣ дѣлались матеріальною силою партій и заговоровъ подъ покровительствомъ сильныхъ и богатыхъ, отваживались чинить смуты, а иногда и сами составляли шайки, на разбой ходили, городъ поджигали... ребята нерассудные, безумицы, не помышляли о будущемъ, пускались на отважное дѣло, хотя успѣха впереди не видѣли; люди веселые—не разсуждали, что за весельемъ часто горе бываетъ; люди добрые для тѣхъ, съ кѣмъ въ дружбѣ, грудью за нихъ станутъ; люди буйные, разудалые—и святыня храма ихъ не удержатъ; въ церковный подвалъ залѣзутъ, сторожа церковнаго убьютъ. Съ такими доводился Василій; поить ихъ допьяна; самъ пьянъ напивается, шумитъ, буянитъ по улицѣ по Рогатицѣ, дерется со встрѣчными: въ рукахъ силы много, въ груди удали много; кровь молодая кипитъ, согрѣтая виномъ; словно сказочный Ерусланъ Лазаревичъ—тому руку вывихнуть,

этому ногу переломить. Мужики идутъ на него съ челобитною, да не къ посаднику, а къ матушкѣ: ясно, что его шалости преувеличены.—еще, видно, онъ не надѣлалъ большой бѣды, а только одному—другому дать затрепину; тѣ съ нимъ не могли сладить: и самъ силенъ, и товарищи за него; идутъ къ матушкѣ: „Честная вдова! говорить ей: уйми ты свое чадо милое. Не хорошія шутки сталъ онъ пошучивать. А то вѣдь съ такой удачей молодецкой накуасить ему рѣка Волхова“. Мать стала журить сына. Удалецъ присмирѣлъ, покоряется матери, а самъ злится на мужиковъ: хочется имъ отплатить. Надобно себѣ запастись товарищами, дружиною,—а то враговъ много можетъ собраться. Прежде онъ водился съ ярыгами, гуляками по вдохновенію, съ кѣмъ придется встрѣтиться на улицѣ на Рогатицѣ. Но гуляки встрѣчные могли его оставить; они ему чужіе, — это такіе товарищи, что вечеромъ погуляютъ вмѣстѣ, а утромъ въ глаза не узнаютъ.

Есть въ народной жизни покрѣпче союзъ. Василій хочетъ подобрать себѣ названныхъ братьевъ, побратенниковъ. Это союзъ на жизнь и на смерть, такой союзъ, что измѣнить ему—грѣхъ смертный, все равно, что на роту идти не въ правду.

Издавна, еще въ языческія времена, былъ обычай, что богатыри устанавливали между собою названное братство, иначе побратенничество, у южныхъ славянъ побратимство. Одинъ передъ другимъ давали клятву быть вмѣстѣ какъ одинъ человекъ, другъ другу во всемъ помогать, другъ друга изъ бѣды выручать, жизнью за друга жертвовать, за смерть друга мстить.

Вотъ какъ удалецъ отыскиваетъ себѣ такихъ братьевъ. Василій Буслаевичъ ставитъ чанъ вина посреди двора и опускаетъ туда огромную чару, или ковшъ. Его слуги повнесли по Новгороду записки:

Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готового,
Вались къ Васкѣ на широкій дворъ;
Тотъ пей и ѣшь готовое,
И носи платье разноцвѣтное.

Замѣчательно, какъ измѣнился древній обычай подъ вліяніемъ дальнѣйшаго развитія жизни. Прежде названные братья были равны между собою, хотя бы и много ихъ было въ одномъ братствѣ; все у нихъ было общее: братъ считалъ братнее своимъ имуществомъ; самая жизнь принадлежала брату. Василій въ своихъ запискахъ предлагаетъ свое достоиніе тѣмъ, кто придетъ къ нему на братство; но онъ не показываетъ притязанія самому имѣть право считать своимъ достоиніемъ имущество названныхъ своихъ братьевъ. Названные братья ниже его по достоинству; они его пособники, его вассалы, его дружина. Онъ надъ ними старшина, онъ ихъ будетъ поить и кормить.

Вѣсть о призывѣ на братство разнеслась быстро. Въ славномъ Новгородѣ тогда были грамотны люди. Большой литературной образованности, конечно, не было: зато грамотность должна была быть тогда обычнымъ дѣломъ. Вѣчевыя дѣла производились письменно; концы, улицы составляли приговоры, другъ съ другомъ переписывались; торговая и гражданскія сдѣлки совершались на письмѣ. Сами пастыри русскіе признавали за новгородцами то достоинство, что они были народъ книжный.

Когда созывались братья съ улицы, нельзя же было принимать всякаго охотника въ братство безъ опыта. Въ пѣснѣ Буслаевичъ испытываетъ своихъ названныхъ братьевъ такимъ способомъ: прихожіи молодецъ подойдетъ къ поставленному посреди двора чану съ виномъ, выпьетъ чару—Василій ударитъ его дубиною въ двѣнадцать пудъ. Молодецъ стоитъ, не шевельнется, и на буйной головѣ кудри его не тряхнутся. Это значило—годится молодецъ въ побратенники. Въ переводѣ на историческій языкъ этотъ эпическій образъ означаетъ, что Василій боролся съ каждымъ или дрался на палкахъ, по новгородскому обычаю. Такъ точно и у скандинавовъ.

нерѣдко два богатыря сходились между собою на поединокъ; когда одинъ узнавалъ, что другой такъ же силенъ и неустрашимъ, какъ онъ самъ, то оба кидали оружіе, бросались другъ другу въ объятія и заключали взаимное братство.

Такъ сходились молодцы къ Василию.—И пошелъ Василій съ своими названными братьями искать приключеній и случая начать задоръ съ новгородцами— отомстить за то, что они на него жаловались.

Была братчина—Никольщина. Это было обычное увеселеніе на Руси. Братчина носила характеръ правильно организованной общины. Каждый участникъ давалъ отъ себя часть, и это называлось ссыпь. Избирали пирового старосту, который долженъ былъ учреждать пиръ и наблюдать порядокъ. Встарину, при соблюденіи патріархальныхъ отношеній, ссыпь давалась натурою—съѣстными припасами, солодомъ, ячменемъ, медомъ для напитковъ. Но въ послѣдствіи стали ссыпщики давать свою часть деньгами, а пировой староста распоряжался покупкою. Сумма эта, какъ видно, хотя и опредѣлялась заранѣе, но иной ссыпщикъ могъ дать и больше другихъ, смотря по достатку и по щедрости. Братчина на этотъ разъ отправлялась въ приходъ св. Николая—вѣрно по поводу храмового праздника. Церковный староста былъ старостою пира. Распорядители братчины не звали Василія; но Василій самъ пришелъ въ братчину со своими побратенниками. Спрашиваютъ: по сколько въ братчинѣ съ брата берется; и самъ даетъ за себя и за товарищей гораздо большую сумму, чѣмъ платилось вообще; но собственно за свою особу онъ даетъ въдесятеро больше, чѣмъ за каждого товарища: за себя пятьдесятъ рублей, за каждого названнаго брата пять рублей. Здѣсь тоже видна потеря древняго равенства отношеній: Василій считаетъ себя въ десять разъ выше своихъ побратенниковъ.

На Василія была уже тайная злоба. Василій, заплативши больше всѣхъ и притомъ окруженный своею дружиною, сознавалъ свое первенство между всѣми, раздвигалъ братчиковъ, садился на переднее мѣсто, усаживалъ около себя товарищей. Мужики взглянули на него съ искоса и стали задирать его:

Званому гостю хлѣбъ да соль,
А незваному гостю и мѣста нѣтъ.

Въ этомъ замѣчаніи была уже угроза. Василій отвѣчалъ имъ такою же двусмысленною угрозою:

Званому гостю много мѣста надо,
Много мѣста надо и честь большая;
А незваному какъ Богъ пошлетъ.

Когда ссыпщики поѣли, попили, начались забавы молодецкія, стали молодцы между собою бороться, драться на кулаки и примѣрно сражаться: то были новгородскія забавы; но онѣ нерѣдко переходили въ дѣло серьезное, подъ пьяную руку. „Отъ того боя кулачнаго—говорить пѣсня—учинилась драка великая“. Василій сталъ разнимать драку. Тутъ кто-то изъ мужиковъ, по прежней злобѣ, а можетъ быть и невзначай, оплелъ его по уху. Тогда Василій крикнулъ громкимъ голосомъ:

—Гой еси, ты, Костя Новоторженнѣй,
И Лука, Моисей, дѣти боярскія!
Уже Ваську меня бьютъ!

Тутъ бросились къ нему молодцы. Вся толпа выхлынула на улицу. Пошла потѣха. Мужикамъ достается, они кричатъ, режутъ; а Василій видитъ, что ему везетъ счастье, разгорячился, крикнулъ на весь міръ:

—Гой еси вы, мужики новгородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
Напущаюсь я на весь Новгородъ

Битися, драться,
 Со всею дружиною хороброю;
 Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ городомъ,
 Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
 На всякій годъ по три тысячи;
 А буде я васъ побью,
 И вы мнѣ покоритесь—
 То вамъ платить мнѣ такову же дань.

Мужики новгородскіе смекнули, въ чемъ дѣло. Василій надѣется на свою дружину и думаетъ, что его противниковъ только и есть, что на братчинѣ; но мужики связаны со всѣмъ Новгородомъ. Такого народа много найдется, что станетъ за нихъ, если дѣло на то пойдетъ. У всѣхъ есть пріятель. Мужики говорятъ ему:

—Ай же ты, Васильюшка Буслаевичъ,
 Загадываешь загадку великую;
 Когда ты, Василій, удалъ е,
 Пойдемъ же драться на мостикъ на Волхову:
 Ты съ своими дружинами хоробрыми,—
 А мы будемъ драться всѣмъ народомъ.

Василію нельзя было идти на попятную. И вотъ ударились объ закладъ; написали запись; приложили руки; заложили головы. Въ записи поставлено: „Василію идти на Волховскій мостъ. Поставить на мосту три заставы: Василій долженъ перейти всѣ заставы. Если его свалятъ гдѣ-нибудь на мосту, закладъ проигранъ, и его тогда казнить; а если онъ пройдетъ всѣ три заставы и собьетъ всѣхъ своихъ противниковъ, тогда ему заплатить“. Черта чрезвычайно любопытная: она открываетъ для насъ много въ старой дѣйствительности. Такіе заклады, какъ видно, были въ обычаѣ, и этимъ-то, быть можетъ, могли бы объясниться буйства въ Новгородѣ. Историческая основа этого дѣла та, что тогда образовались двѣ удалыя партіи: одна Васильева, другая противная; одна подъ рукою знатнаго богатаго боярина; другая изъ толпы черни, молодчихъ людей; и держали они закладъ: чья сторона одолѣетъ въ дракѣ на мосту.

Обѣ стороны составили договоръ и подписались. Запись эта получила юридическій характеръ. Само новгородское правительство ее признало. Матушка, узнавши, что ожидаетъ ея сына, побѣжала къ новгородскому князю хлопотать: нельзя ли какъ-нибудь приостановить споръ. Но что тутъ можетъ сдѣлать князь, когда договоръ написанъ и подписанъ съ обѣихъ сторонъ? Князю оставалось только казнить Василія, когда ему противная сторона выдастъ его. И князь отвѣчаетъ матушкѣ:

—Тогда прощу, когда голову срублю.

Началась свалка на мосту—правильная, законная. Храбрая дружина Буслаева одолеваетъ. Тутъ противники, чтобы не проиграть окончательно заклада, побѣжали къ матери Василія, принесли ей подарки и стали просить:

—Матера вдова Амелѣа Тимофеевна!
 Прими у насъ дороги подарочки:
 Уйми свое чадо милое!

Старуха, естественно, склонна къ тишинѣ и спокойствію. Она посылаетъ дѣвushку-чернавшку — взять Васеньку съ побоища и привести къ ней домой. Богатырь, отъ котораго трясется вся улица, покоряется безропотно. Покорность эта въ духѣ тогдашнихъ нравовъ и понятій. Въ семейномъ быту власть матери считалась священнѣе и выше власти отца. Безъ материнскаго благословенія не было удачи въ жизни. Рьяный, неугомонный молодецъ дѣлался ниже травы, тише воды передъ матерью. Тутъ былъ чистый расчетъ. Что же, если удалецъ не послушаетъ, какая отъ этого корысть?—Материнскаго благословенія не будетъ; и ему удачи не будетъ;

и сила его будетъ не въ силу. Оттого и Василій такъ покорно отправился вслѣдъ за дѣвушкой-чернавушкой. Мать заперла его. Пѣсня за то называется ея „неразмышленной“. Дѣйствительно, старуха не разсудила, поступивши такъ съ Васильемъ. Закладъ былъ сдѣланъ; договоръ подписанъ. Драка не прекратится отъ того, что Василія нѣтъ на улицѣ. Противники его умышленно разсчитали, что безъ Василія дѣло обратится на ихъ сторону, а потому хитро и постарались отвлечь его отъ боя. Дружина осталась безъ атамана. Противники стали одолевать. Тутъ пошла дѣвушка чернавушка по Волхову, и проходила она мимо побоища, и видѣла, какъ одолевали мужики Васильевыхъ побратанниковъ. Они просили, чтобы она освободила Василья. Но мужики - противники, завидя ее, бросились на нее.

И тутъ дѣвушка-чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово;
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
По тѣмъ мужикамъ новгородскимъ.

Какъ ни эпиченъ кажется этотъ образъ героини, но онъ не совсѣмъ лишенъ исторической дѣйствительности. Въ новгородскихъ женщинахъ была мужественность: въ судѣ, когда дѣло доходило до поля, жонка съ жонкою становилась на бой—дѣло было обычное и законное. Немудрено, если и дѣвушка-чернавушка изъ Буслаева дома богатырски отмахивалась отъ мужиковъ.

Дѣвушка-чернавушка освобождаетъ сама Василья. Но можетъ быть и матушка тогда не противилась: матушка должна же была одуматься и разсудить, что если Васильеву дружину побѣдятъ, то доберутся до ея дома, и тогда придется ея сынку плохо. Какъ бы то ни было, Василій, освобожденный изъ заключенія, бросился стремглавъ;—не попала—говорить пѣсня—палица желѣзная, попалась ему ось телѣжная—обычный образъ для означенія храбрости героя, который такъ силенъ и ловокъ, что и съ такимъ плохимъ оружіемъ можетъ творить чудеса. Вскочилъ Василій, и не достигъ еще моста, гдѣ дружина его, изнемогая, отдавала бока свои подъ мужичьи кулаки и палки... Вдругъ передъ нимъ явленіе—старчище-пилигримище; на плечахъ у него трехсотъ-пудовый колоколь¹⁾. То его крестовый батюшка. Былъ онъ, какъ видно, когда-то и самъ молодецъ-богатырь, а теперь уже удалился отъ міра и уединился въ Кирилловъ монастырь. Мужики упросили его явиться посреди свалки и остановить Василія: они думали, что Василій, увидя передъ собою крестнаго отца и притомъ отшельника, посоветится ударить его.

Пилигримище даетъ знать, что сторону враговъ его приметъ цѣлый Новгородъ, что ему не сладить съ большою толпою; онъ его предупреждаетъ не раздражать Новгорода. Василій отвѣчаетъ ему:

—Ай же ты, мой крестовый батюшка!
Тебя же чортъ несетъ во той поры
На своего любимого крестника!
А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся.
А и бился я о великъ закладъ
Со мужики новгородскими,
Опричь почестныхъ монастырей
И тебя, старца-пилигримища;
Въ задоръ войду и тебя убью.

Это не только крестный отецъ, это—олицетвореніе церковнаго начала. Это—эпическое изображеніе тѣхъ владыкъ, отшельниковъ-угодниковъ, которые не разъ

¹⁾ Первоначально это слово означало плащъ, носимый пилигримами.

усмиряли волненіе толпы своимъ словомъ и своимъ достоинствомъ... Василій, говоря, что онъ держать закладъ опричь честнаго монастыря и старца-пилигримища, ясно даетъ знать, что онъ подъ этими двумя приведенными образами разумѣетъ Церковь... „Что тебѣ за дѣло, — какъ бы хотеть сказать паломнику Василій: мы до тебя не касаемся; мы людей церковныхъ не трогаемъ; не трогай же и насъ грѣшныхъ. Мы васъ, церковниковъ, уважаемъ и въ нашихъ спорахъ васъ минуемъ, да и вы не подвертывайтесь намъ подъ руку“.

Пилигримище—крестовый батюшка Василія Буслаевича, по народному вѣрованію, лицо, противъ котораго идти все равно, что противъ отца родного. Но удалецъ въ пылу своей отваги ни передъ чѣмъ не долженъ останавливаться: долгъ, связи родства, все нипочемъ, когда разыграется его широкая удалъ молодецкая. Разъярилось богатырское сердце; крикнулъ Василій:

—Ай же ты, крестовый мой батюшка!
Не даль я ти яичко о Христѣ дни,
Дамъ тебѣ яичко о Петровѣ дни.

И хватилъ онъ осью желѣзною въ колоколь.

Василій доходитъ до моста. Какъ только увидѣли побратенники своего атамана, у нихъ, молодцовъ, думушки прибыло. словно у соколовъ крылья отросли. Молодой Василій идетъ къ нимъ на выручку. Дѣло ихъ вдругъ поправляется. Бой разгорѣлся. Мужики подаются. Драка идетъ до вечера. Мужики побиты, смяты, мира просятъ. Они обращаются съ мировою не къ Василью, а къ его матери.

Бой прекратился.

И затѣмъ у нихъ мирова пошла;
А и мужики новгородскіе
Покорились и сами поклонились.

Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ властей,—онѣ не вмѣшиваются. не останавливаютъ безпорядки. Это братчина—повольное дѣло. А братчина, по судной новгородской грамотѣ, сама судить, какъ суды.

Невольно приходитъ вопросъ: какіе же побудительныя причины всей этой кутерьмы? Все здѣсь является плодомъ внезапныхъ увлеченій, порыва страстей; нѣтъ ничего разсчитаннаго. Оно такъ и дѣлалось въ жизни вольнаго города. Здѣсь все безпричинно, какъ и въ разсказахъ лѣтописей, гдѣ такъ же не добьешься, изъ-за чего люди волнуются, за что князей выгоняютъ, другихъ приглашаютъ; сегодня одного возносятъ, завтра того же грабятъ, съ моста сбрасываютъ, потомъ опять чествятъ. Точно такъ и въ нашей пѣснѣ все покажется непонятнымъ, если начнешь думать, что это совершалось по заданной мѣрѣ, сообразно принятымъ понятіямъ и убѣжденіямъ; но все станетъ понятно, если смотрѣть на эти событія, какъ на слѣдствіе движеній души, рождаемыхъ случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. „Планида набѣжала такая“,—говорить и теперь нашъ народъ о событіи, котораго причинъ отыскать трудно, потому что нѣтъ другихъ, кромѣ влеченій права и сердца: человѣкъ не знаетъ самъ угрозы—что сдѣлаетъ вечеромъ“.

(Н. Костомаровъ. „Сѣвернорусскія народоправства“).

8. Чурила Пленковичъ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, осударь, князя Влади-
мира,
Было пированье, почестной пиръ,

Было столованье, почестной столъ,
На многи князи и бояра
И на русскіе могучіе богатыри.
Будетъ день въ половина дня,
А и будетъ столъ въ полу-столъ,

Князь Владиміръ распотѣшился,—
А незнаемы люди въ нему появи-
лися:

Есть молодцовъ за сто человѣкъ,
Есть молодцовъ за другое сто—
Есть молодцовъ за третье сто:
Всѣ они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Свѣтъ, государь, ты Владиміръ
князь!

Ѣздили мы по полю по чистому,
Сверхъ тоя рѣки Черegi,
На твоємъ государевомъ займищѣ;
Ничего мы въ полѣ не наѣзживали,
Не наѣзживали звѣря прыскачаго,
Не видали птицы перелетныя, —
Только наѣхали во чистомъ полѣ
Есть молодцовъ за триста и за
пятьсотъ:

Жеребцы подъ ними латинскіе,
Кафтаны на нихъ камчатные,
Однорядочки-то голубъ скурлатъ,
А и колпачки—золоты плаши;
Они соболи, кунницы повыловили,
И печерски лисицы повыгнали,
Туры, олени выстрѣлили,
И насъ избили, изранили—
А и тебѣ, осударь, добычи нѣтъ —
А отъ васъ, осударь, жалованья
нѣтъ;

Дѣти, жены осиротѣли,
Пошли по міру скитатися“.
А Владиміръ князь стольной-кѣв-
ской,

Пьетъ онъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.
А и та толпа со двора не сошла,
А иная толпа появилась:
Есть молодцовъ за триста,
Есть молодцевъ за пятьсотъ,—
Пришли охотники рыболовные,

Всѣ избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками буйны головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Свѣтъ, государь, ты Владиміръ
князь!

Ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ:
На твои щаски княженецкія
Ничего не понимали,—
Нашли мы людей: есть молодцовъ
За триста и за пятьсотъ, —
Всю они бѣлую рыбицу повыловили,
Щуки, караси повыловили-жъ
И мелкую рыбицу повыдавили,
Намъ въ томъ, государь, добычи
нѣтъ, —
Тебѣ, государю, приносу нѣтъ —
Отъ васъ, государь, жалованья
нѣтъ,

Дѣти, жены осиротѣли,
Пошли по-міру скитатися, —
И насъ избили, изранили“.
Владиміръ князь стольной-кѣвской
Пьетъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.
А и тѣ толпы со двора не сошли,
Двѣ толпы вдругъ пришли:
Первая толпа молодцы сокольники,
Другіе молодцы кречетники,
И всѣ они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Свѣтъ, государь, Владиміръ князь!
Ѣздили мы по полю чистому,
Сверхъ тоя Черegi,
По твоємъ государевомъ займищу,
На тѣхъ на потѣшныхъ островахъ,
На твои щаски княженецкія
Ничего не понимали, не видали,
Сокола и кречета перелетнаго, —
Только наѣхали мы молодцовъ
За тысячу человѣкъ:

Всѣхъ они ясныхъ соколовъ повн-
хватали,
И бѣлыхъ кречетовъ повыволили,
А насъ избили, изранили:
Называются дружиною Чуриловою".
Тутъ Владиміръ князь за то слово
спохватится:

— Кто это Чурила есть таковъ? —
Выступался тутъ старой Бермята
Васильевичъ:

„Я-де, осударь, про Чурилу давно
вѣдаю;

Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
А живетъ онъ пониже малаго
Кіевца.

Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзной тынъ,
На всякой тынинѣ по маковѣ,
А и есть по жемчужинѣ;
Среди двора свѣтлицы стоятъ, —
Гридни бѣлодубовы
Покрѣты сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ черныхъ соболей,
Матица-то валженая,
Полъ середа одного серебра,
Крюки дз пробои по булату зла-
ченъ.

Первые у него ворота вальщатые,
Другіе ворота хрустальныя,
Третьи ворота оловянные".

Втапору Владиміръ князь и со кня-
гинею

Скоро онъ снаряжается,
Скоро того поѣздку чинять;
Взялъ съ собою князей и бояръ
И могучихъ богатырей — Добрыню
Никитича

И стараго Бермяту Васильевича;
Тутъ ихъ собралось пять сотъ че-
ловѣкъ,

И поѣхали къ Чурилѣ Пленковичу.
И будутъ у двора его,
Встрѣчаютъ ихъ старшій Пленъ. —

Для князя и княгини
Отворяетъ ворота вальщатые,
А князямъ и боярамъ хрустальныя,
Простымъ людямъ ворота оловянные;
И наѣхало ихъ полонъ дворъ.
Старой Пленка Сароженинъ
Приступилъ ко князю Владиміру
И ко княгинѣ Апраксѣвнѣ,
Повелъ ихъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убранные столы, въ мѣсто
почетное;

Принималъ, сажалъ князей и бояръ
И могучихъ русскихъ богатырей.
Втапору были повары догадливыя,
Носили яства сахарныя и питья
медвяныя,

А питья все заморскія,
Чѣмъ бы князя развеселить, —
Веселая бесѣда, на радости день.
Князь со княгинею веселъ сидитъ, —
Посмотрѣлъ въ окошечко косящатое
И увидѣлъ въ полѣ толпу людей,
Говорилъ таково слово:

— По грѣхамъ надо мною княземъ
учинилося,

Князя меня въ домѣ не случилось:
Ѣдетъ ко мнѣ король изъ Орды,
Или какой грозенъ посолъ. —
Старой Пленка Сароженинъ
Лишь только усмѣхается, самъ пот-
чивааетъ:

„Изволь ты, осударь, Владиміръ
князь со княгинею
И со всѣми своими князи и бояры
кушати,

Что-де ѣдетъ не король изъ Орды
И не грозенъ посолъ,
Ѣдетъ-де дружина хоробрая сына
моего,

Молода Чурилы сына Пленковича;
А какъ онъ, осударь, будетъ предъ
тобою-жъ,

Будетъ пиръ во полу пирѣ,

Будетъ столъ во полу столѣ*.
 Пьютъ они, ѣдятъ, потѣшаются,—
 Всѣ уже они безъ памяти сидятъ.—
 А и на дворѣ день вечеряется,
 Красное солнышко закатается.
 Толпа въ полѣ собирается,
 Есть молодцовъ ихъ за пятьсотъ,
 Есть и до тысячи.
 Ёдетъ Чурила ко двору своему,
 Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ¹⁾,
 Чтобъ не запекло солнце бѣла его
 лица.

И пріѣхалъ Чурила ко двору своему,
 Перво его скороходъ пріѣзжалъ,
 Заглянулъ скороходъ на широкой
 дворъ,
 А и некуда Чурилѣ на дворѣ ѣхати
 И стоять со своимъ промысломъ;
 Поѣхали они на свой окольной дворъ,
 Тамъ они становились и со всѣмъ
 убирался.

Втапору Чурила догадливъ былъ,—
 Беретъ золоты ключи,
 Пошелъ во подвалы глубокіе,
 Взялъ золоту казну:
 Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
 Другую сорокъ печерскихъ лисицъ,
 И бралъ же камку бѣлохрущату,
 А цѣна камкѣ сто тысячей,
 Принесъ онъ ко князю Владиміру,
 Кладъ передъ нимъ на убранной
 столѣ.

Втапору Владиміръ князь стольной-
 кіевской
 Больно со княгинею возрадовалися,
 Говорилъ ему таково слово:
 — Гой еси ты, Чурила Пленковичъ!
 Не подобаеъ тебѣ въ деревнѣ жить,
 Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ
 жить, князю служить.—
 Втапору Чурила князя Владиміра
 не ослушался,

¹⁾ Т. е. зонтикъ.

Приказалъ тотчасъ коня осядлатъ,
 И поѣхали они всѣ въ тотъ столь-
 ной Кіевъ градъ
 Ко ласкову князю Владиміру. —
 Въ добромъ здоровѣ ихъ Богъ пе-
 ренесъ. —
 А и будутъ на дворѣ княженецкімъ,
 Сочили они съ добрыхъ коней,
 Пошли во свѣтлы гридни,
 Садилась за убранные столы.
 Посылаетъ Владиміръ стольной-кіев-
 ской

Молода Чурилу Пленковича
 Князей и бояръ звать въ гости къ
 себѣ,
 А съ зватаго приказалъ брать со вся-
 каго по десяти рублевъ.
 Обходилъ онъ Чурила князей и бояръ
 И собралъ ко князю на почетной пиръ.
 А и зайдетъ онъ Чурила Пленко-
 вичъ

Въ домъ ко старому Бермятѣ Ва-
 сильевичу,
 Ко его молодой женѣ, къ той Ка-
 теринѣ прекрасной¹⁾,
 И тутъ онъ позамѣшкелся.
 Ожидаетъ его Владиміръ князь,
 Что долго замѣшкелся.
 И мало время пошзойдучи,
 Пришелъ Чурила Пленковичъ;
 Втапору Владиміръ князь ни во что
 положилъ —

Чурила пришелъ и столъ пошелъ,
 Стали пити, ясти, прохлаждатися,
 Всѣ князи и бояра до пьяна напи-
 валися
 Для новаго стольника Чурилы Плен-
 ковича, —
 Всѣ они напивалися и домой разъ-
 ѣзжались.

(Кирша. 107—113).

¹⁾ Впоследствии Бермята, мужъ Кате-
 рины, убилъ Чурилу.

Примѣчанія къ былинѣ: „Чурило Пленковичъ“.

Г. Веселовскій видитъ въ Чурилѣ ¹⁾ одного изъ тѣхъ греко-романскихъ „гостей-Сурожанъ, которые, являясь въ Кіевѣ, изумляютъ своихъ болѣе грубыхъ сосѣдей блескомъ своихъ культурныхъ привычекъ и обстановки... Существеннымъ въ пѣсняхъ (о Чурилѣ) является: его появленіе въ Кіевѣ, въ блескѣ красоты и культурнаго щাপленія ²⁾, впечатлѣніе, какое онъ производилъ на женщинъ и на Апракію; его любовь къ Катеринѣ, мужа которой онъ еще прежде зналъ... Какъ видно — это матеріаль новеллы, не фабліо о невѣрной женѣ гостя Терентыща, наставляемаго скоморохами, а новеллы съ трагической развязкой въ стилѣ Giral di Cintio“.

Такимъ образомъ, видя въ Чурилѣ заѣзжаго гостя изъ франкскаго, т. е. итальянскаго, Сурожа, г. Веселовскій признаетъ за *типомъ* Чурилы весьма почтенную древность и созданіе его относитъ къ южно-русскому, или кіевскому, періоду нашей жизни; но не высказывается положительно относительно времени и мѣста сложенія *былины* ³⁾.

Г. Халанскій помѣщаетъ Чурилу въ число богатырей московскаго періода вмѣстѣ съ Дюкомъ, Соловьемъ Будиміровичемъ, Микулой Селяниновичемъ, Святогоромъ. „Въ мирное время, какимъ преимущественно представляется эпоха князей-собирателей Руси, естественно, идеальными образами являются лица съ совершенно мирными свойствами: крестьянинъ Микула Селяниновичъ, женихъ—добрый молодецъ Соловей Будиміровичъ, богачъ Дюкъ Степановичъ, наконецъ щеголь Чурило Пленковичъ и пр... Въ богатырскихъ образахъ ранняго времени иногда удавалось отыскать дѣйствительныхъ историческихъ лицъ, геройскими подвигами стяжавшихъ себѣ славную память: героями былины московскаго періода являются идеальные образы, чистыя созданія народной фантазіи“ ⁴⁾. Итакъ, по мнѣнію г. Халанскаго, народная фантазія, создавшая типъ щеголя Чурилы, не опиралась въ своемъ творчествѣ на образъ пріѣзжаго изъ Сурожа фряга—итальянца, какъ думаетъ г. Веселовскій — главнымъ образомъ на основаніи своего толкованія имени отца Чурилы, Пленка (франка). „Прозваніе Чурилы стоитъ, по мнѣнію г. Халанскаго, вѣроятно, въ связи съ былевымъ характеромъ этого богатыря. Обыкновенно онъ прозывается Пленковичъ; но въ нѣкоторыхъ вариантахъ его отчество Щапъ Пленковичъ и Щапенковичъ. Последняя форма, вѣроятно, наиболѣе древняя; она стоитъ несомнѣнно въ связи съ глаголомъ *щапить*, т. е. щеголять, и такимъ образомъ прозваніе Чурилы—Щапенковичъ или Щеголевичъ. Отсюда, съ одной стороны, какъ искаженія, явились формы Цыпенковичъ и сынь Пленковичъ; съ другой, какъ забвеніе первоначальнаго значенія прозвища Чурилы, сложился образъ Пленка, гостя Сароженина, отца Чурилы“.

9. Дюкъ Степановичъ.

Снаряжался Дюкъ Степановичъ, кня-
жевецкій сынъ,
Изъ славнаго богатаго Волынъ-го-
рода,
Изъ тоя Индѣюшки богатыя;
Снаряжался Дюкъ во стольно-Кіевъ
градъ,

Посмотрѣть хотѣтъ на князя на Вла-
диміра
И на русскихъ могучихъ на бога-
тырей.
(Р. I, 283).
Поѣхалъ молодой бояринъ ко городу
ко Кіеву,
Поспѣлъ ко раннія обѣдни воскре-
сенскія,

¹⁾ Чурило—Кириллъ.

²⁾ Щапъ—щеголь.

³⁾ „Южно-русскія былины“, VI—XI.

⁴⁾ „Велико-русскія былины кіевскаго цикла“

Подъѣзжалъ какъ онъ ко Божьей
церкви,
Становилъ онъ добра коня ко стол-
бику точеному,
Ко колечику золоченому;
Самъ шелъ во церковь Божію,
Крестъ клалъ по писаному,
Поклонъ вель по ученому,
На всѣ на четыре стороны кланялся,
Стольному князю Владиміру
Со княгиной со Опраксою въ особину.
(Р. I, 279).

Не узналъ его солнышко Владиміръ
стольно-кіевскій, —
Не бывалъ онъ во городѣ во Кіевѣ, —
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
Скажись, съ коей земли, съ коей
орды,
Коего отца, коей матери?“
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ
Степановичъ:
— Я изъ той земли, богатой орды,
Со тоя Индѣи богатня,
Есть я молодой бояринъ Дюкъ
Степановичъ. —
Какъ у солнышка князя Владиміра
по правую рученьку
Стоялъ молодой Чурилушка Плен-
ковичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ай же ты, солнышко Владиміръ
стольно-кіевскій!
Это не молодой бояринъ Дюкъ
Степановичъ,
А эта есть халуина господская,
Либо волочѣ-голь кабацкая.
Уѣхалъ онъ отъ купца, либо отъ
барина,
Угналъ онъ добра коня,
А пріѣхалъ сюда для того,
чтобы ты

Забралъ столованье почестный
пиръ¹⁾.“
Говорилъ Владиміръ таковы слова:
„Ай же ты, удалой добрый молодецъ!
Скажись, съ коей земли, съ коей
орды,
Коего отца, коей матери?“
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ
Степановичъ:
— Что же ты сталъ у меня вы-
спрашивать,
Выспрашивать у меня, вывѣды-
вать?
Вѣдь я пріѣхалъ не для вашихъ
честныхъ пировъ,
Не для безсчетной золотой казны,
А пріѣхалъ посмотрѣть вашего
города.
Скажутъ, вашъ городъ на красы
стоитъ, на угожествѣ,
Скажутъ, солнышко Владиміръ князь
богато живетъ;
Да еще заѣхалъ Господу Богу
помолиться,
Ко честнымъ крестамъ прило-
житья,
И поѣду я взадъ во чисто поле.
У меня хлѣба-соли дома водится,
Золота казна не тощится,
Цвѣтно платье не держится;
А еще послалъ меня братецъ
крестовный,
Старый казакъ Илья Муромецъ. —
Онъ какъ бралъ его за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста во сахарніа,
Называлъ молодымъ бояриномъ Дю-
комъ Степановичемъ.
Отошла обѣдня ранняя воскресенская.
Бралъ его солнышко за бѣлы руки,

¹⁾ Вопросъ Владиміра, отвѣтъ Дюка и замѣчаніе Чурилы снова повторяются.

Повелъ его въ свои палаты бѣло-
каменны.

Онъ иде, молодой бояринъ, на са-
пожки поглядывать,

Поглядывать на сапожки, на шубку
посматриваетъ..

Говорилъ Чурилушка Пленковичъ:

„Заподлинно есть холопина дворян-
ская:

Онъ вѣкъ этихъ сапожекъ не дер-
живалъ,

Онъ вѣкъ этой шубки не нашивалъ“.

Говорить молодой бояринъ Дюкъ
Степановичъ:

— Ай же, молодой Чурилушка Плен-
ковичъ!

У васъ все не по нашему:

Во той земли, богатой орды,

Во тоя Индѣи богатя,

Отъ Божьей церкви до палатъ
бѣлокаменныхъ

Настланы мостики малиновы,

Разостланы сукна кармазинныя,

Не мараются сапожки сафьянныя
во грязи черныя.—

Какъ онъ ввелъ его въ палаты бѣ-
локаменны,

Для удалаго добра молодца забралъ
почестенъ пиръ,

Какъ пошелъ столованье почестенъ
пиръ,

Всѣ на пиру наѣдалися,

Всѣ на пиру напивалися,

Похвальбами всѣ похвалялися.

Сидить молодой бояринъ не пьянъ,
не веселъ,

Повѣшена буйна голова ниже плечъ
могучинхъ,

Притуцлены очи ясныя во кирпи-
ченъ полъ;

Онъ калачикъ ѣлъ, другой подъ
столъ металъ,

А чару пилъ, другу за окошко лилъ.

Какъ увидѣлъ солнышко Влади-
миръ стольно-кѣвскій,

Говорить ему таквы слова:

„Что же ты, молодой бояринъ Дюкъ
Степановичъ,

Калачикъ ѣшь, другой подъ столъ
мечешь,

А чару пьешь, другу за окошко
льешь?“

Говорить молодой бояринъ Дюкъ
Степановичъ:

— Ай же ты, Владимиръ стольно-
кѣвскій!

Не могу ѣсть калачиковъ кру-
пивчатыхъ,

Пить напитококъ сладкихъ:

Калачики пахнутъ на хвою сос-
новую,

А напитокки затхнулися ¹⁾, пить
вепріятныя.

Какъ во той землѣ, въ богатой орды,
Во тоя Индѣи богатя,

У моей государни у матушки
Есть печки муравлены, помялчики

шелковые,

Мочутъ помялчики въ росу ме-
довую,

Пашутъ ²⁾ печки муравлены,

Пекутъ калачики крупивчаты:

Калачикъ съѣшь, другого съѣсть
душа горитъ,

Другой съѣшь, третій съ ума
нейдетъ.

А меда сладкіе, водочки стоялыя

Повѣшены въ бочки сороковки

Въ погреба глубокіе на цѣпи на
серебренны,

Туда подведены вѣтры буйные:

Какъ повѣютъ вѣтры буйные,

Пойдутъ воздухи по погребамъ,

Такъ загогочутъ бочки, будто лебеди,

¹⁾ Затхлые, сдохлись. Р.

²⁾ Помечаютъ. Р.

Будто лебеди на тихихъ на заводяхъ;
Тамъ вѣкъ не затхнутъ напич-
точки сладкіе:

Чару пьешь, другунить душа горить,
Другу пьешь, третья съ ума нейдетъ.
Эта хвальба не похвальба:

У моей государини у матушки
Цвѣтно платице не держится,
Потому оно не держится,
Что швецы не выводятся:

Та толпа швецовъ со двора сошла,
А другая толпа на дворъ пришла.
Добры кони ѣздятъ—не ѣздятся:
Стоить безъ счету добрыхъ коней,
Зоблютъ пшеницу бѣлоярову,
Только выскочать проиграться въ
чисто поле.

Эта похвальба еще не похвальба:
Есть насыпано двѣнадцать по-
гребовъ глубокихъ

Злата и серебра и мелкаго скат-
наго жемчуга;

На одинъ на погребъ скуплю—про-
дамъ

Стольный Кіевъ градъ и Чер-
ниговъ градъ.—

Р. I. 279—282).

...Чурила Пленковичъ Щапливый
Говорить онъ князю таково слово: ¹⁾

„Я богатѣ Дюка перещаплю:

Мнѣ всѣмъ Кіевомъ платя шьютъ“.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Обсѣдывалъ добра коня и вывелъ
во чисто поле,

Привязалъ къ сѣдлу ярлыкъ

И послалъ коня къ своей матушкѣ:

¹⁾ Варіантъ:

Говорилъ Владиміръ столичный-кіевскій:..

Ты ударъ съ нашими Чурилою великъ за-
кладъ,

По три года да еще по три дни,

Чтобы на всякій день кони были смѣнные, ..

Чтобы на всякій день платя были смѣнные,

Цвѣтныя платя перемѣнные.

Г. 779.

-- Свѣтъ государиня моя матушка!

Пошли двѣ пары платя хорошія

Съ пуговицами золочеными.—

Посылала ему матушка

Двѣ пары платя хорошія

Съ пуговицами золочеными.

Онъ ударилъ рукою о бѣлую грудь,

О пуговицы золоченыя, —

Отъ тыхъ пуговицъ злаченныхъ

Пошелъ стукъ да громъ,

Какъ отъ звону колокольнаго ¹⁾.

Самъ говоритъ таково слово:

— Ай же ты, Чурила Пленковичъ!

А это платя у меня есть заѣзжее,

А заѣзжее есть и дорожное.—

Тутъ говоритъ Чурила Пленковичъ:

„Владиміръ князь столично-кіевскій!

Я на добромъ конѣ Дюка пере-
щаплю“.

Поѣхали они на добрыхъ коняхъ.

Чурилина хвала напередъ зашла;

Ему первому сночить черезъ быстру
рѣку,

Какъ скочилъ черезъ рѣку,

Такъ и палъ среди рѣки.

¹⁾ Прощапивъ (прошеголявъ) условлен-
ные (см. прим. выше) три года и три дня,
зашли они въ церковь Божию. Чурило сталъ
на «правое крылосо», Дюкъ—на лѣвое.

Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ
Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ пова-
живать:

Онъ сталъ пуговка о пуговку позванивать:

Какъ отъ пуговки было до пуговки

Да изъ петелики было въ петелику

Плыветъ Змишечко-Горыничцо.

Тутъ всѣ въ церкви приужахнулись,

Сами говорятъ таково слово:

«Какъ у нашего Чурилки у Пленковича

Есть отъѣточка противъ молода боярина,

Что еще некуда бодрѣ ему выступить».

Закручинился бояринъ запечалился...

Онъ сталъ плетенькой по пуговкамъ пова-
живать:

Какъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:

Какъ запѣли птицы тутъ пѣвучіи,

Закричали звѣри тутъ рыкучіи,

Тутъ вси во церкви да о зѣнь пали.

О зѣнь пали, да они обмерли.

Г. 780—781.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Скочилъ вслѣдъ за нимъ,

Ухватилъ его за желты кудри,
Перетащилъ его на другу сторону,
Самъ говорить таково слово:

— Ты думаешь, Чурила, щипать,
Какъ въ Кіевѣ передъ дѣвками
да передъ бабами,

А не съ нами молодцами бога-
тырями. —

(Р. IV, 51—52).

Тутъ Владиміръ князь стольно-
кѣвскій

Сталъ посылать общѣнщиковъ
Во тую Индѣюшку богатую,
Его Дюково имѣніе описывать и
общѣнживать.

Отправляютъ туда тихаго Дунаюшку
Иванова,

Во вторыхъ еще Василья Казимірова,
А во третьихъ смѣлаго богатыря
Алешеньку Поповича.

Сѣли они на добрыхъ коней, по-
ѣхали

И пріѣхали въ Индѣюшку богатую,
Къ Дюку Степановичу на широкій
дворъ.

Не спускали они коней на посылъ-
ный дворъ,

Ставили они коней середѣ двора,
Пошли они въ палату бѣлокаменну,
На пятау они двери поразмахиваютъ,
Вошли-то въ палату бѣлокаменну,
Оны Господу Богу помолилися,
Крестъ оны клали по писаному,
Поклонъ-то вели по ученому,
На всѣ на три на четыре на сто-
ронки покланялися,

Честной вдовы Настасьи Васильев-
ной въ особину:

„Здравствуешь, честна вдова На-
стасья Васильевна,

Дюкова Степанова матушка!“

Говорить она таковы слова:

— Не есть я Дюковая матушка,
А есть я Дюковая рукомошница. —
Вошли оны въ другой покой,
Опять низенько покланяются:
„Здравствуешь, честна вдова На-
стасья Васильевна,

Дюкова Степанова матушка!“

Говорить она таковыя слова

— Не есть я Дюковая матушка,
А есть я Дюковая портомошница. —
Вошли оны во третій покой,
Опять низенько покланяются:
„Здравствуешь, честна вдова На-
стасья Васильевна,

Дюкова Степанова матушка!“

Говорить она таковы слова:

— Не есть я Дюковая матушка,
А есть я Дюковая стольница. —
Приводили ихъ красныя дѣвушки
ко Дюковой матушки;
Покланяются оны и удивляются:
„Здравствуешь, честна вдова На-
стасья Васильевна,

Дюкова Степанова матушка!“

Отвѣтъ держитъ Дюкова матушка:
— Вы, удаленькіе дородни добры мо-
лодцы!

Не знаю вамъ имени, ни изотчины,
Вы зачѣмъ сюда пріѣхали?

Знать сиротскаго имѣнница опи-
сывать? —

Говорятъ оны таковы слова:

„Послалъ-то насъ самъ Дюкъ Сте-
пановичъ
Описать свое имѣніе—богачество“. —
Кормила ихъ ѣствушками сахар-
ными,

Поила ихъ питьицами медвяными:
Чарочку выпьютъ, губы слипаются,
А другую выпьютъ, по третьей
душа горитъ,

А четвърта чарочка съ уна вонъ
нейдетъ.

Повела ихъ она во погреба глубликіе.

Посадила ко сбрун лошадиной опп-
сывать и общививать.

Описывали оны, общивались

Эту сбрую лошадиную ровно три года,

По три года общивались и по три
дни. —

Не могли обвинить этой сбруи лошадиныя.

Поведа. она ихъ на погреба глу-
бокіе

Описывать-объяснять имѣніе-богачество.

Тутъ бочки висятъ чиста серебра,

А дрігя висять красна золота,

А трети висять скатна жемчуга.

ЭТЫ МУЖИКИ ОБЩАЩИКИ

Не могут они смѣты дать,

Описать того имѣнія-богачества.

Тутъ писали оны во стольно-Кіевъ
градъ

Ко славному ко князю ко Влади-
міру:

„Ты славный Владиміръ стольно-
кіевскій!

Продай-ко свой стольно - Кіевъ
гвалъ

На эти на бумаги (на гербовья)

Да на чернила-перья продай още
Черниговъ градъ.

Тогда можешь Дюково имѣніе опи-
сывать“.

(P. I, 293—295).

(Петрозаводск. у. Олонецк. г.).

Примѣчанія къ былинѣ „Дюкъ Степановичъ“.

Былина о затѣжѣхъ щеголь (шаплѣ) Дюкѣ Степановичѣ, несомнѣнно, литературнаго происхожденія. Источникомъ быliny, по мнѣнiю г. Веселовскаго, послужили средневѣковыя представленiя объ Индiи богатой, выразившiяся первоначально въ извѣстной „Эпистолѣ пресвитера Іоанна къ Мавуилу Греческому“, а затѣмъ въ поэтическихъ памятникахъ, обусловленныхъ содержаниемъ этой эпистолы.

Какъ бы въ отвѣтъ на эпистолю могла составиться пѣсня или повѣсть о хожденіи пословъ-богатырей въ Индѣйское царство съ цѣлю провѣрить слова пресвитера о чудесахъ Индіи богатой. Эта предполагаемая пѣсня, въ свою очередь, могла послужить родоначальницей позднѣйшихъ поэтическихъ разсказовъ, въ родѣ „Хожденія Карла Великаго въ Константинополь“ и нашей былинны о Дюкѣ Степановичѣ.

Въ нашей бывшеѣ побудительной причинѣ для отправки посольства въ Индію-служить уже не эпистоля, а прѣздъ Дюка. Для провѣрки его похвалыбъ Владиміръ-отправляетъ въ Индію своихъ богатырей, а по другой редакціи — отправляется самъ, подобно Карлу Великому.

Оцѣнка Дюкова итѣнія кончается сознаниѣмъ посланцевъ:

„А и велики вѣрно у Дюка животы:

Какъ намъ спродать надо весь городъ Кіевъ-отъ,

А еще разъ спродать—его повыкупить,

Накупить бумага да черниловъ-то,

То не хватитъ намъ у Дюка животовъ уписать“.

Подобнымъ же образомъ кончается и посланіе пресвитера въ старорусскомъ пересказѣ:

„Аще хоцеши вѣдати всѣхъ силъ моихъ и вся чудеса моего индѣйскаго царства, — пишетъ онъ царю Мануилу Греческому, — то продай свое царство греческое, да купи.

бумаги, да прїѣдь въ мое царство индїйское со своими книжники, и я дамъ списать чудеса индїйскія земли, и не мога тебѣ списати моего царства и до исхода души своея“.

Чудеса Дюковыхъ теремовъ и Гугонова дворца (въ „Хоженіи Карла Великаго“) весьма напоминаютъ чудеса, видѣнные посланцами въ палатахъ пресвитера Іоанна.

„Гугонъ радушно принимаетъ пришельцевъ, дивящихся на богатства его дворца. На полу изваяны изображенія животныхъ, дикихъ и домашнихъ; у входа внизу—подобіе моря со всѣми его обитателями; на стѣнахъ написаны небо и птицы такъ искусно, словно онѣ летать въ воздухѣ. Верхняя часть палаты представляетъ форму и образъ неба, съ солнцемъ, луной и звѣздами вокругъ, загоравшимися на верху всякій разъ въ соотвѣтствіе съ временемъ года. Посреди палаты колонны, вокругъ стѣнъ пилястры: около каждого изъ нихъ статуя человѣка изъ желтой мѣди, съ рогами, точно они тотчасъ готовы затрубить. Пока Карлъ и его спутники любовались этимъ видомъ, внезапно подулъ вѣтеръ со стороны моря, изображенного внизу палаты (!), и вся она завертѣлась на основной колоннѣ, какъ мельничное колесо; статуи затрубили. Карлъ, испуганный и не будучи въ состояніи удержаться на ногахъ, присѣлъ невольно, а его рыцари, пытавшіеся устоять, свалились со страха, закрывъ глаза и голову.“

Всѣ эти чудеса—чудеса пресвитеровой Индіи: тѣ же палаты, вращающіяся на оси, съ движущимися луной, солнцемъ и другими свѣтилами. Дворецъ пресвитера стоитъ на 900 колоннахъ; у каждой колонны изображеніе царя и царицы, которыя играли на инструментахъ и наливали другъ другу вино въ кубки. Едва ли можно сомнѣваться, что здѣсь разумѣются механическія фигуры причудливаго органа, который игралъ, когда подуетъ вѣтеръ,—но, очевидно, не съ моря, какъ могло показаться наивному западному рассказчику, незнакомому съ устройствомъ органа.

Трубящія фигуры французскаго сказанія, несомнѣнно, такой же органъ, надуваемый мѣхами; но сказаніе соединяетъ въ томъ дѣйствіи вѣтра и вращательное движеніе палаты, отчего Карлъ и его палadini „окарачь наползались“. Представимъ себѣ, что изъ этой комбинаціи играющихъ, угощающихъ другъ друга фигуръ съ вращеніемъ палаты вышла именно вторая часть (вращеніе), а осталось неизбѣжное слѣдствіе: паденіе всѣхъ присутствующихъ. Рассказчикъ-пѣвецъ воспѣшилъ по своему пополнить логическій пробѣлъ, объяснивъ себѣ паденіе дѣйствіемъ пѣнья, крика, издаваемого фигурами. Я имѣю въ виду извѣстный эпизодъ шалленія взалуски Дюка и Чурилы, когда оба являются въ церкви съ диковинными пуговицами и петельками на платьѣ: поведутъ по нимъ плеткой,—запоютъ на нихъ птички пѣвучія, заревутъ звѣри рыкушіе, и всѣ падаютъ о земь, иные обмираютъ. Изображенія на этихъ пуговкахъ и петелькахъ разнообразятся, но одно изъ нихъ прямо обращаетъ насъ къ прототипамъ, видѣннымъ нами въ дворцахъ пресвитера и Гугона:

„Во пуговки-то было влито по доброму молодцу,
А въ петелькахъ-то было влито по красной дѣвушкѣ:
По петелькамъ какъ поведетъ,
Такъ красны дѣвушки наливаютъ зелена вина
И подносятъ добрымъ молодцамъ;
А по пуговкамъ поведетъ,—
Добрые молодцы играютъ во гусли яровчаты,
Развеселяютъ красныхъ дѣвушекъ“.

Это почти образы пресвитерова дворца, лишь спустившіеся съ пилястровъ къ пуговкамъ и петелькамъ.

Къ Индіи пресвитера примыкаютъ въ былинахъ о Дюкѣ и другія черты, не поддерживаемыя параллелью Хоженія. Такова „струйка золотая“ (Рыб. II), рѣка съ

золотомъ (Гильф. № 9), которую видать въ Индіи Владиміровы послы; таковы и чудесныя *три камешки* (Гильф. № 213)". (*Веселовскій*: Ж. М. Н. Пр. 1884 г. № 2).

Вполнѣ соглашаясь съ изслѣдованіемъ г. Веселовскаго относительно источниковъ Дюковой былины, г. Халанскій добавляетъ: „Привитіе страстующей повѣсти объ Индѣйскомъ царствѣ тѣмъ легче могло состояться, что восточно-азиатская обстановка московскаго барства XVI и XVII вѣковъ своими аксессуарами напоминала нѣкоторыя чудеса сказаній объ Индіи. Дальнѣйшая судьба сказанія на Руси очевидна: перейдя въ устно-народную литературу, оно явилось въ передѣланномъ на русскій ладъ, на русскіе нравы видѣ, со многими чисто русскими бытовыми подробностями— въ формѣ былины о боярскомъ сынѣ Дюкѣ Степановичѣ“.

Такимъ образомъ г. Халанскій относитъ былинну о Дюкѣ къ Московской Руси (XVI—XVII вв.). По мнѣнію же г. Веселовскаго, она была сложена нѣкогда въ Галичѣ и затѣмъ, перейдя въ Кіевъ, внесла въ себя эпическаго князя Владиміра. Г. Истринъ („Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ“. 1893 г.) идетъ еще дальше. Онъ полагаетъ, что древнѣйшая редакція пѣсни должна быть сложена на византийской почвѣ, гдѣ къ ней и прикрѣпилось популярное имя Дука (Δούκας). Дуки—представители аристократическаго рода, близкаго къ династіи Комненовъ.

9. Соловей Будиміровичъ

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Двѣпировскіе.

Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленого,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того-де царя вѣдь заморскаго
Выбѣгали, выгребали тридцать ко-
раблей,

Тридцать кораблей—единъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль лучше всѣхъ:
У того было сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменю, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибivano
По черному соболу якутскому,
И якутскому, вѣдь сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра конья мурземецкія;

И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимніе;
У того было сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибivano
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено
На томъ было соколѣ кораблѣ
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному. —
Вѣдутъ ко городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владиміру.
На томъ соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
Въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ
рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытими барха-
томъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ купавъ мо-
лодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ:
Говорилъ Соловей таково слово:
„Гой еси ты, гости-корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые!
Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя дарить,

Чѣмъ свѣта жаловати?“

Отвѣчаютъ гости корабельщики,

И всѣ цѣловальники любимые:

— Ты славной, богатой гость,

Молодой Соловей, сынъ Будиміро-
вичъ!

Есть, сударь, у васъ золота казна,
Сорокъ-сороковъ черныхъ собо-
лей,

Вторые сорокъ бурнастныхъ ли-
сицъ;

Есть, сударь, дорога камка,
Что недорого камочка—узоръ хи-
теръ:

Хитрости были Царя-града,
А и мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья Будиміровича;
На златѣ, на серебрѣ—не погнѣ-
ваться. —

Прибѣжали корабли подѣ славной
Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарную пошлину въ тамошнѣ пла-
тили

Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
Со всѣхъ кораблей, со всего живота.
Вралъ Соловей свою золоту казну:
Сорокъ-сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастныхъ лисицъ.
Пошелъ онъ ко ласкову князю Вла-
диміру:

Идетъ во гридню во свѣтлую;
Какъ-бы на пята двери отворялися;
Идетъ во гридню купавъ молодець,
Молодой Соловей, сынъ Будиміро-
вичъ,

Спасову образу молится,
Владиміру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣевной на особицу,
И подноситъ князю свои дороги по-
дарочки:

Сорокъ-сороковъ черныхъ соболей,

Вторые сорокъ бурнастныхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣло-хру-
щатую,

Не дорога камочка—узоръ хитеръ:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будиміро-
вича;

На златѣ и серебрѣ—не погнѣваться.
Князю дары полюбилися,
А княгинѣ наипаче того;
Говорилъ ласковой Владимиръ князь:
— Гой еси ты, богатой гость,
Соловей, сынъ Будиміровичъ!
Занимуй дворы княжевецкіе,
Занимуй ты боярскіе,
Занимуй дворы и дворянскіе.—
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміро-
вичъ:

„Ненадо мнѣ дворы княжевецкіе,
И ненадо дворы боярскіе,
И ненадо дворы дворянскіе;
Только ты дай мнѣ загонъ земли,
Непаханная и неоранная,
У своей, осударь княжевецкой пле-
мянницы,
У молодца Запавы Путятишной,
Въ ея, осударь, зеленомъ саду,
Въ вишенѣ, орѣшенѣ,
Построить мнѣ Соловью снаряженъ
дворъ“.

Говорилъ сударь ласковый Влади-
миръ князь:

— На то тебѣ со княгиней поду-
маю, —
А подумавши, отдавалъ Соловью за-
гонъ земли,

Непаханная и неоранная.
Походилъ Соловей на свой червленъ
корабль,
Говорятъ Соловей, сынъ Будиміро-
вичъ:

„Гой еси вы, мои люди работные!
9*

Верште вы топорики булатные,
Подите къ Запавъ въ зеленой садъ,
Постройте мнѣ снаряженъ дворъ,
Въ вишенѣ, въ орѣшенѣ¹⁾.
Съ вечера, позднимъ поздно,
Будто дятлы въ дерево пощолкивали,
Работала его дружина хоробрая, —
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатны,
Да трои сѣни рѣшетчатны.

Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря —
И вся красота поднебесная.

Рано зазвонили къ заутрени, —
Ото сна-то Запава пробуждалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко ко-
сящатое,

Въ вишенѣ, въ орѣшенѣ,
Въ свой вѣдъ хорошій, во зеленой
садъ;

Чудо Запавъ показалось
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,
Что стоятъ три терема златоверхо-
ваты.

Говорила Запава Путятишна:
— Гой еси, нянюшки и мамушки,
Красныя сѣнныя дѣвушки,
Подте-тко, посмотрите-тко¹⁾,
Что мнѣ за чудо показалось
Въ вишенѣ, въ орѣшенѣ? —
Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки
И сѣнныя красныя дѣвушки:
„Матушка Запава Путятишна!
Изволь-ко сама посмотрѣть:
Счастье твое на дворъ къ тебѣ
пришло“.

¹⁾ Подте-тко, посмотрите-тко.

Скоро-де Запава наряжается.
Надѣвала шубу соболиную,
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговицы въ семь тысячей, —
Пошла она въ вишенѣ, въ орѣшенѣ,
Во свой во хорошъ во зеленой садъ;
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчить, молчить —
Лежитъ Соловьева золота казна;
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку гово-
рять,
Помаленьку говорить, все молитву
творять —

Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящатны.
Отворяла двери на пята, —
Больно Запава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися,
Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря —
И вся красота поднебесная.

Подломились ея ноженьки рѣзвыя; —
Втапору Соловей — онъ догадливъ
былъ —,
Бросилъ свои звончаты гусли,
Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы
ручки...

„Чего-де ты, Запава, испугалася?
Мы-де оба на возрастъ“.
— А и я-де дѣвица на выданѣ,
Пришла-де сама за тебя свататься. —
Тутъ они и помолвили...

(Кирша. 1—6).

Примѣчанія къ былинѣ: „Соловей Будиміровичъ“.

„Былина о Соловѣѣ Будиміровичѣ (говорить г. Халанскій) стоитъ въ самой тѣсной связи съ великорусскими свадебными пѣснями. Въ сравненіи съ символикой послѣднихъ выясняются какъ общій смыслъ былинны, такъ и значеніе отдѣльных частей ея.

Въ великорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ пріѣзжаетъ изъ-за моря:

Государыня моя матушка!
Ты построй мнѣ новъ высокъ теремъ,
Съ тремя окошками:
Какъ первое окошко
На чистое поле смотрѣть;
А второе окошко
На зеленый садъ смотрѣть;
А третье окошко
На синее море смотрѣть.

Какъ на синемъ морѣ
Три корабля плыли:
Какъ первый корабль
Съ дорогами съ товарами;
А второй корабль
Съ брульянтами (?), конями;
А какъ третій корабль
Съ удалымъ молодецмъ NN.

Самъ Соловей — купецъ, его дружина — гости корабельщики, цѣловальники любимые; въ свадебныхъ пѣсняхъ сваты — кушцы-корабельщики.

Ты, родимый мой батюшка!
Это что у насъ были за люди,
Что за гости торговые?....
Какіе-то были корабельщики

Среди зимы да студеныя?
То были да сваты свататься
По меня по молодешеньку
Съ чужой дальной сторонушки.

Одаривъ богато Владиміра и княгиню, Соловей Будиміровичъ проситъ у князя „загонъ земли“, чтобы построить въ зеленомъ саду Запавы „снаряденъ дворъ“. Символика свадебной пѣсни поясняетъ желаніе Соловья:

Не буйны вѣтры понавѣяли,
Незваны гости понавѣхали!
Обломились сѣни новыя,
Обломились съ переходами,
Расстоптали, раздавили
Чару золоту, чару финисову ¹⁾
Выпугали, выпугали
Въ саду соловья молодого, залетнаго.
Какъ расплакалась свѣтъ,
Да расплакалась великая княгиня NN ²⁾.
О своемъ высокомъ теремѣ:
„Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ
Изрубить сѣни новыя?
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ
Сольетъ чару золоту?
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ
Сольетъ чару финисову?
Кто же въ моемъ, кто же въ моемъ

Во саду сидеть соловьемъ?
Кто же же меня, кто же меня
Рано будетъ будить?
.....

Отвѣтъ держалъ великій князь: ³⁾
Ты не плачь, не плачь и не тужи
Великая княгиня, боярыня NN
О своемъ высокомъ теремѣ:
Я самъ тебѣ изрублю сѣни новыя,
Я самъ тебѣ изрублю съ переходами,
Я самъ тебѣ солью чашу золоту,
Я самъ тебѣ солью чашу финисову,
Я самъ во твоємъ саду
Сяду соловьемъ, молодымъ, залетнымъ;
Я самъ тебя рано буду, свѣтъ, кликать,
Я самъ тебя рано буду будить“.

Украшенія теремовъ, выстроенныхъ Соловьемъ (На небѣ...) г. Халанскій объясняетъ, съ одной стороны, символикой колядокъ (ясенъ мѣсяцъ — хозяинъ, зоря —

¹⁾ Финифть — эмаль.

²⁾ Т. е. невѣста.

³⁾ Т. е. женихъ.

хозяйка, звѣзды—дочери), а съ другой стороны—реальными чертами московского быта (см. былинѣ о Дюкѣ).

Посѣщеніе Запавой терема объясняется (по мнѣнію г. Халанскаго) обычаемъ „самокрутства“, до сихъ поръ существующимъ въ Малороссіи: невѣста сама дѣлаетъ выборъ и отправляется къ родителямъ избраннаго ею жениха объявить о своемъ желаніи.

Такимъ образомъ можно думать, заключаетъ г. Халанскій, что „Соловей Будиміровичъ — идеальный великорусскій женихъ. Средства для созданія такого эпического образа были *всѣ у себя дома* въ области символовъ свадебной пѣсенной поэзіи“. (Великорус. былинны Кіевского цикла. 148—166).

По мнѣнію же г. Вс. Миллера, „Сходство въ нѣкоторыхъ деталяхъ обработки между былинной о Соловьѣ Будиміровичѣ и нашими свадебными пѣснями не устраняетъ вопроса о происхожденіи самаго сюжета, который въ основѣ можетъ оказаться заимствованнымъ изъ какой-нибудь сказки. Въдѣ сходные мотивы въ свадебныхъ пѣсняхъ могутъ восходить въ концѣ концовъ къ тѣмъ же странствующимъ сказкамъ, въ которыхъ дѣло идетъ о добываніи невѣстъ. Слагатели свадебныхъ пѣсенъ, иногда профессиональные пѣвцы, для приукрашиванія, идеализированія бытовой стороны могли вплетать въ изображеніе отношеній жениха и невѣсты мотивы изъ сказокъ. А въ послѣднихъ очень часто какой-нибудь королевичъ пріѣзжаетъ свататься на пышномъ кораблѣ, строить—иногда по требованью отца невѣсты—чудныя палаты, которыя заинтересовываютъ и привлекаютъ невѣсту; или женихъ является искуснымъ музыкантомъ; или играетъ въ шахматы, причемъ невѣста является ставкой, и т. п. Можно согласиться со словами г. Халанскаго, что средства для созданія эпического образа (Соловья Будиміровича) были *всѣ у себя дома*, въ области символовъ свадебной пѣсенной поэзіи; но эти домашніе символы, представляющіе идеально житейскій бракъ, восходятъ—отчасти по крайней мѣрѣ—къ сказочнымъ мотивамъ, носившимся въ представленіи слагателей свадебныхъ пѣсенъ, и поэтому все же долженъ быть поставленъ историко-литературный вопросъ: не найдется ли такого сказочнаго сюжета, въ которомъ оказались бы въ такомъ же или сходномъ сочетаніи типичныя черты содержанія былинны о Соловьѣ Будиміровичѣ?“ (213).

Впослѣдствіи г. Халанскій, нѣсколько измѣнивъ свой первоначальный взглядъ на исключительно національное происхожденіе былинны о Соловьѣ Будиміровичѣ, самъ указалъ соотвѣтствующую ей параллель въ старинной, передѣланной съ иноземнаго повѣсти о Василіи Златовласомъ, и призналъ возможнымъ предположить, что обѣ восходятъ къ какому-то общему западному прототипу.

Вотъ содержаніе этой повѣсти:

Королевичъ Василій Прекрасный, получивъ отказъ въ рукѣ дочери французскаго короля Полиместра, снаряжаетъ корабль, беретъ съ собою великіе дары и, переодѣтый простымъ матросомъ, ѣдетъ во Францію; какъ Соловей, онъ (точнѣе: по его приказу—гость Василій) проситъ у короля мѣста близъ королевскихъ палатъ; дворецъ его дивно разукрашенъ; Василій-королевичъ прельщаетъ королевну игрою на гусляхъ, какъ Соловей Запаву, и побуждаетъ ее придти къ нему во дворецъ. Слѣдуетъ наказаніе королевны, отвергшей раньше открытое сватовство Василія, и его отъѣздъ, хлопоты королевны о прощеніи, второй пріѣздъ Василія и свадьба.

Приведенныя же раньше самимъ г. Халанскимъ параллели свадебныхъ пѣсенъ къ былинамъ „теперь (по его словамъ) получаютъ иной смыслъ и значеніе. Онѣ любопытны, какъ цѣнныя откровенія изъ области явленій процесса подражательнаго творчества, который сопровождалъ усвоеніе великорусскими эпосамъ входившихъ въ него иностранныхъ сюжетовъ“.

Въ основѣ сказокъ, давшихъ начало былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ, быть можетъ лежать бытовые мотивы: а) *похищеніе* дѣвушки при помощи какихъ-нибудь

хитростей; в) *отработокъ* отку за немѣніемъ соотвѣствующаго вѣна. Оба эти мотива въ былинѣ перемѣшаны.

По всѣмъ вѣроятіямъ, герой былинны — въ качествѣ жениха — первоначально назывался просто „Соловьемъ“ и „Соловьемъ Соловьевичемъ“ — по предположенію Потебни ¹⁾. Соловей же Будиміровичъ — старинный богатырь, подвиги котораго нѣкогда воспѣвались наравнѣ съ подвигами Ильи Муромца (см. примѣчанія къ былинамъ объ Ильѣ). Перенесеніе имени эпического богатыря на идеальнаго жениха принадлежитъ, конечно, тому времени, когда стали забываться былинны о подлинномъ Соловѣ Будиміровичѣ.

Леденецъ — изъ котораго прѣхалъ женихъ-Соловей — названіе, по всей вѣроятности, вымышленное.

10. Илья Муромецъ.

а) Испѣваніе Ильи.

Во славномъ городѣ во Муромѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Крестьянскій сынъ¹⁾,
Сиднемъ сидѣлъ цѣло тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ со матушкой
На работушку на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики пере-
хожія²⁾
Подъ тою окошечко висячело,
Говорятъ калики таковы слова:
„Ай же ты, Илья Муромецъ,
(Илья Муромецъ) крестьянскій сынъ,
Отворяй каликамъ ворота широкія,
Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ“.
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:

¹⁾ Илья Муромецъ крестьянскій сынъ.

²⁾ Варіантъ:

Сидѣлъ Илья Муромецъ въ селѣ Карачаровѣ
30 лѣтъ,

Не имѣлъ ни рукъ, ни ногъ.
И когда ходилъ Господь Исусъ Христосъ
По землѣ по матери съ апостолами,
И приходитъ онъ въ село Карачарово
Къ Ильѣ Муромцу поды окошечко
И попросилъ напиться.

Р. III, 16.

— Ай же вы, калики переходія!
Не могу отворить воротъ широ-
кихъ,
Сиднемъ сижу цѣло тридцать
лѣтъ,
Но владаю ни руками, ни но-
гами. —
Опять говорятъ калики переходія:
„Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкія,
Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ“.
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія
И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ.
Приходили калики переходія.
Они крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
Наливаютъ чарочку питьица медвя-
наго,
Подносятъ-то Ильѣ Муромцу.
Какъ выпилъ-то чару питьица мед-
вянаго,
Богатырско его сердце разгорѣлося,
Его бѣлое тѣло распотѣлося.
Воспроговаряютъ калики таковы слова:
„Что чувствуешь въ собѣ, Илья?“
Вилъ челомъ Илья, каликъ поздрав-
ствовалъ:
— Слышу въ собѣ силушку вели-
кую. —

¹⁾ Соловей — символъ жениха; ср. „сяду *соловьемъ*, молодымъ, залетнымъ“.

Говорятъ калики перехожіа ¹⁾:
 „Будешь ты, Илья, великій богатырь,
 И смерть твою на бою не писана:
 Бейся - ратися со всякимъ бога-
 тыремъ
 И со всею паленицею удалою;
 А только не выходи драться
 Съ Святогоромъ богатыремъ:
 Его и земля на себя черезъ силу
 носитъ;
 Не ходи драться съ Самсономъ
 богатыремъ:
 У него на голоу сѣмь власовъ
 ангельскихъ;
 Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
 Его любить матушка-сыра земля;
 Не ходи ещё на Вольгу Сеславича:
 Онъ не силою возьметъ,
 Такъ хитростью-мудростью.
 Доставай, Илья, коня себя бога-
 тырскаго, —
 Выходи въ раздольице чисто поле,
 Покупай перваго жеребчика,
 Станови его въсрубѣ на три мѣсяца,
 Корми его пшеномъ бѣлоаровымъ,
 А пройдетъ поры-времени три мѣ-
 сяца,
 Ты по три ночи жеребчика въ саду
 поваживай,
 И въ три росы жеребчика выка-
 тывай,
 Подводи его къ тыну ко высокому:
 Какъ станетъ жеребчикъ черезъ
 тынъ перескакивать,

¹⁾ Варіантъ:

Говорятъ старички:
 — Богъ ты благословить, Илья Муромецъ,
 Силой своей,
 Такъ и стой за вѣру христіанскую
 И за домъ Пресвятыя Богородицы;
 На бою тебѣ смерть не писана... —
 И далѣе:

— И дома не живи—не работай,
 А поѣзжай во столичный Кіевъ градъ.
 Рыбн. II, 4.

И въ ту сторону, и въ другую
 сторону,
 Поѣзжай на немъ, куда хочешь,
 Будетъ носить тебя“.
 Тутъ калики потерялися.
 Пошелъ Илья ко родителю ко ба-
 тюшку
 На ту на работу на крестьян-
 скую,
 Очистить надо поле отъ дубья-
 колоды:
 Онъ дубье-колоды все повнрубилъ,
 Въ глубоку рѣку повнгрузилъ,
 А самъ и шелъ домой.
 Выстали отецъ съ матерью отъ крѣп-
 каго сна—испужалися¹⁾:
 „Что это за чудо подѣялось?
 Кто-бы намъ это сработалъ рабо-
 тушку?“

Работа-то была подѣлана,
 И пошли они домой.
 Какъ пришли домой, видятъ:
 Илья Муромецъ ходитъ по избѣ.
 Стали его спрашивать,
 Какъ онъ выздоровѣлъ.
 Илья и разсказалъ имъ,
 Какъ приходили калики перехожіе,
 Поняли его питьицемъ медвяннымъ:
 И съ того онъ сталъ владать ру-
 ками и ногами,
 И силушку получилъ великую.
 Пошелъ Илья въ раздольице чисто
 поле,
 Видитъ: мужикъ ведетъ жеребчика
 немудраго,
 Бураго жеребчика косматенькаго.
 Покупалъ Илья того жеребчика,
 Чтѣ запросилъ мужикъ, то и далъ;

¹⁾ Стихъ вѣроятно таковъ:

Выстали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна,
 Выстали они—испужалися.

Прим. Рыбн.

Становилъ жеребчика въ срубъ на
три мѣсяца,
Кормилъ его пшекомъ бѣлоярнымъ,
Помылъ свѣжей ключевой водой;
И прошло порн-времени три мѣсяца;
Сталъ Илья жеребчика по три ночи
въ саду поваживать,
Въ три росы его выкатывалъ,
Подводилъ ко тыну ко высокому,
И сталъ бурушко черезъ тынъ пере-
скакивать
И въ ту сторону, и въ другую сто-
рону.

б) Подвиги Ильи Муромца. Первые
поѣздки Ильи Муромца.

(Илья подъ Черниговомъ. — Соловей Раз-
бойникъ).

Не сѣрой дубъ къ землѣ клонится,
Ни бумажни листочки растила-
ются;
Растилася сынъ передъ батюшкомъ;
Онъ и просить се(б)ѣ благословеньца:
„Охъ ты гой еси, родимой милой
батюшка!
Дай ты, мнѣ свое благословеньцо,
Я поѣду въ славный столичный
Кѣевъ градъ,
Помолиться чудотворцамъ Кѣев-
скимъ,
Заложиться за князя Володимира,
Послужить ему вѣрой—правдою,
Постоять за вѣру христьянскую“.
Отвѣчать старой христьянинъ Иванъ
Тимофеевичъ:
Я на добрыя дѣла те(б)ѣ благо-
словенье дамъ,
— А на худыя дѣла благословенья
нѣтъ.

Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
Ни помысли зломъ на татарина,
Ни убей въ чистымъ полѣ хри-
стьянина. —
Поклонился Илья Муромецъ отцу
дѣ-земли.

(Кирѣвск. 1, 34. Зап. въ Нижег. г.).

Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣзжаетъ изъ города изъ Муромля,
Поѣзжаетъ въ ту субботу христось-
скую,
А надоть поспѣть къ заутрени Хри-
стосьскія
Во столичный во городъ во Кѣевъ-
градъ.
Поѣзжаетъ Илья—самъ выговари-
ваетъ,
Владываетъ-то заповѣдь великую:
„Вхаты-то мнѣ добру молодцу,
Во пути мнѣ-ка во дороженькѣ
Рукъ чтобы мнѣ не кровавити“.
Только видѣли молодца сядучись,
А не видѣли удалого поѣдучись,
И не знаютъ, въ кою сторону уѣ-
халъ онъ.
Какъ приправливалъ Ильюшенька
добра коня,
Скочилъ его добрый конь за версту
за мѣрною:
Тутъ-то на столбѣ онъ подпись
подписывалъ:
„Первая поѣзка Ильи Муромца“.
Опять приправливалъ добра коня,
Скочилъ его добрый конь за версту
за мѣрною:
Тутъ-то на столбѣ онъ подпись под-
писывалъ:
„Другая поѣзка Ильи Муромца“.
Третій разъ приправливалъ добра
коня,
Скочилъ его добрый конь за версту
за мѣрною:

Тутъ-то онъ на столбѣ подпись под-
писывалъ:

„Третія поѣзка Ильи Муромца“.
Пошелъ, поскакалъ его добрый конь,
Рѣки, озера перескакивалъ,
А темные лѣса промежъ ногъ пушалъ.

Рыбн. I. 45—46. Пудожск. у.

Да ѿ подѣхалъ онъ ко славному
ко городу къ Чернигову.

У того ли города Чернигова
Нагнанъ-то силушки чернымъ черно,
А ѿ чернымъ черно какъ черна
ворона;

Такъ пѣхотою никто тутъ не про-
каживалъ,

На добрымъ кони никто тутъ не
проѣзживалъ,

Птица черной воронъ не пролети-
валъ,

Сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ.
А подѣхалъ какъ ко силушѣ ве-
ликой¹⁾,

Онъ какъ сталъ то эту силушку
великую,

Сталъ конемъ топтать, да сталъ
копьемъ колоть,

А ѿ побилъ онъ эту силу всю ве-
ликую.

Енъ подѣхалъ-то подъ славный
подъ Черниговъ градъ;

Выходили мужички да тутъ черни-
говски

ѿ отворяли-то ворота во Черни-
говъ градъ,

А ѿ зовутъ его во Черниговъ вое-
воду.

Говорить-то имъ Илья да таковы
слова:

„Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду къ вамъ во Черниговъ
воеводою.

Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
Прямоѣзжую да въ стольный Ки-
евъ градъ“.

Говорили мужички ему черниговски:
— Ты удаленькой дородный добрый
молодецъ,

Ай ты славный, богатырь святорусь-
ским!

Прямоѣзжая дорожка заколодѣла,
Заколодѣла дорожка, замуравѣла,
Ай по той ли по дорожкѣ пря-
моѣзжою

Да ѿ пѣхотою никто да не про-
ѣзживалъ:

На добрымъ кони никто да не про-
ѣзживалъ;

Какъ у той ли-то у Грязи-то у
Черной,

Да у той ли у березы у покляпны,
Да у той ли рѣчки у Смородины,
У того креста у Леванидова,

Сиди Соловей разбойникъ во сы-
ромъ дубу,

Сиди Соловей разбойникъ Оди-
хмантьевъ сынъ.

А то свищеть Соловей да по со-
ловьюму,

Енъ кричитъ злодѣй разбойникъ
по звѣриному,

ѿ отъ него ли-то подвисту со-
ловьяго,

ѿ отъ него ли-то отъ покрыку
звѣринаго,

То всѣ травушки - муравы упле-
таются,

Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпа-
ются,

¹⁾ Всякой-то, братцы, заповѣдь клды-
ваетъ,

А не всякой заповѣдь исполняетъ,
замѣчаетъ Илья предъ побойщемъ.

Р. I, 46.

Темны лѣсушки къ земли вси
приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвы
лежать.
Прямѣзжею дороженькой пятьсотъ
есть верстъ,
А ѣ околной дорожкой цѣла
тысяща.—
Онъ спустилъ добра коня да ѣ бо-
гатырскаго
Онъ поѣхалъ-то дорожкой прямо-
ѣзжею.
Его добрый конь да богатырскій
Съ горы на гору сталъ перескакивать,
Съ холма на холму сталъ перена-
хивать,
Мелки рѣченки, озерка промежъ ногъ
спушчалъ.
Подѣзжаетъ онъ ко рѣчкѣ со Смо-
родинки,
Да ко тоѣ онъ ко Грязи онъ ко
Черной,
Да ко тою ко березы ко покляныя,
Къ тому славному вѣсту ко Лева-
нидову.
Засвисталъ-то Соловей да ѣ по со-
ловьюму,
Закричалъ злодѣй разбойникъ по
звѣриному,
Такъ всѣ травушки - муравы упле-
талися,
Да ѣ лазуревы цвѣточки отсыпалися,
Темны лѣсушки къ землѣ вси при-
клонилися.
Его добрый конь да богатырскій
А онъ на корзинъ да потыкается,
А ѣ какъ старій-отъ казакъ да
Илья Муромецъ
Беретъ плеточку шелковую въ бѣлу
руку,
А онъ билъ коня а по крутымъ ре-
брамъ;

Говорилъ-то онъ Илья да таковы
слова:
„Ахъ ты, волчья сыть да ѣ тра-
вяной мѣшокъ!
Али ты итти не хошь али нести
не мошь?
Что ты на корзинъ, собака, поты-
каешься?
Не слыхалъ ли посвисту соловьяго,
Не слыхалъ ли покрьку звѣринаго,
Не видалъ ли ты ударовъ бога-
тырскихъ?“
Ай тутъ стария ¹⁾ казакъ да Илья
Муромецъ
Да беретъ-то онъ свой тугой лукъ
разрывчатый,
Во свои беретъ во бѣлы онъ во ру-
чушки,
Енъ тетивочку шелковеньку натяги-
валъ,
А онъ стрѣлочку каленую накладыва-
валъ,
То онъ стрѣлилъ въ того Соловья
разбойника,
Ему выбилъ право око со косичею.
Енъ спустилъ-то Соловья да на
сыру землю,
Пристегнулъ его ко правому ко стре-
мечки булатному,
Енъ повезъ его по славну по чисту
полю,
Мимо гнѣздышкѣ повезъ да Соло-
вьиное.
Въ томъ гнѣздышкѣ да Соловьиноемъ
А случилось быть да и три дочери,
А ѣ три дочери его любимыхъ;
Больша дочка эта смотритъ вс око-
шечко косовчато,
Говоритъ ѣна да таковы слова:
— Ъдетъ-то нашъ батюшко чистымъ
полежъ,

¹⁾ Стария=старый+а; а является, какъ и
во многихъ другихъ случаяхъ, для развѣра.

А сидить-то на добромъ кони,
Да везетъ ѳнъ мужичища деревенщину,
Да у праваго у стремени прикована. —

Поглядѣла его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
„Ѣдетъ батюшко раздольищемъ чистымъ полемъ,

Да ѳ везетъ онъ мужичища деревенщину,
Да ѳ ко правому ко стремени прикована“.

Поглядѣла его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Ѣдетъ мужичишо деревенщина,
Да ѳ сидить мужикъ на добромъ кони,

Да ѳ везетъ-то наша батюшка у стремени,

У булатнаго у стремени прикована.

Ему выбито право око со косичею. —
Говорила-то ѳ она да таковы слова:
— Ай же мужевья наши! любимы!
Вы берите-тко рогатины звѣринны,

Да бѣжите-тко въ раздольице чисто поле,

Да вы бейте мужичища деревенщину. —

Эти мужевья да ихъ любимы,
Зятевья то-есть да Соловьины,
Похватали какъ рогатины звѣринны,
Да ѳ бѣжали-то оны да ѳ во чисто поле

Ко тому-ли къ мужичищу деревенщину,

Да хотять убить-то мужичища деревенщину.

Говорить имъ Соловей розбойникъ
Одихмантьевъ сынъ:

„Ай же зятевья мои любимы!

Побросайте-тко рогатины звѣринны,
Вы зовите мужика да деревенщину,
Въ своё гнѣздышко зовите Соловьиное,

Да кормите ёго ѳствушкой сахарною,
Да вы пойте ёго питьищемъ медвянымъ,

Да ѳ дарите ёму дары драгоцѣнные“.

Эти зятевья да Соловьины
Побросали-то рогатины звѣринны,
Ай зовуть-то мужика да ѳ деревенщину

Во то гнѣздышко да Соловьиное;
Да ѳ мужик-отъ деревенщина не слушится,

А онъ ѳдетъ-то по славному чисту полю,

Прямоѳзжею дорожкой въ стольней Кіевъ градъ.

Г. 442.

Ѣнъ приѳхаль-то во славный стольней Кіевъ градъ

А ко славному ко князю на широкой дворъ.

А ѳ Владиміръ князь онъ вышелъ со Божьей церкви,

Онъ пришолъ въ палату бѣлокаменну,

Во столовую свою во горенку,
Оны сѣли ѳсть, да пить, да хлѣба кушати,

Хлѣба кушати да пообѣдати.

А ѳ тутъ стария казакъ да Илья Муромецъ

Становилъ коня до посередъ двора,
Самъ идетъ онъ во палаты бѣлокаменны,

Проходитъ онъ во столовую во горенку,

На пату онъ дверь-ту порозмахивалъ,
Крест-отъ клалъ ѳнъ по писаному,

Вель поклони по учёному,
На всѣ на три на четыре на сто-
ронки низко кланялся,
Самому князю Владимиру въ особину,
Еще всимъ его князьямъ онъ под-
колѣнными.

Тутъ Владимиръ князь сталъ мо-
лодца выпрашивать:

— Ты скажи-тко, ты откудешной,
дородній добрый молодецъ,
Тобѣ какъ-то молодца да именёмъ
зовутъ,
Звеличаютъ удалого по отече-
ству? —

Говорить-то старня казакъ да Илья
Муромецъ:

„Есть я съ славнаго изъ города
изъ Муромля,
Изъ того села да съ Карачарова,
Есть я старня казакъ да Илья
Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивано-
вичъ“.

Говорить ему Владимиръ да таковы
слова:

— Ай же старня казакъ да Илья
Муромецъ!

Да й давно-ли ты повиѣхалъ изъ
Муромля,

И которою дороженкой ты ѣхалъ
въ стольнѣй Киевъ градъ? —

Говорилъ Илья онъ таковы слова:

„Ай ты, славныя Владимиръ столь-
нѣ-киевской!

Я стоялъ заутрену христовскую во
Муромли,

А й къ обѣденки поспѣть хотѣлъ
я во стольнѣй Киевъ градъ,

То моя дорожка призамѣшалась;

А я ѣхалъ-то дорожкой прямо-
ѣзжею,

Прямоѣзжею дороженкой я ѣхалъ
мимо-то Черниговъ градъ,

Ѣхалъ мимо эту Грязь да мимо
Черную,

Мимо славну рѣченку Смородину,

Мимо славную березу ту покланю,

Мимо славный ѣхалъ Леванидовъ
крестъ“.

Говорить ему Владимиръ таковы
слова:

— Ай же мужичищо деревенщина,
Во глазахъ мужикъ да подлы-
гаешься,

Во глазахъ мужикъ да насмѣха-
ешься!

Какъ у славнаго у города Чер-
нигова

Нагнато тутъ силы много множе-
ство,

То пѣхотою никто да не проха-
живалъ,

И на добромъ конѣ никто да не
проѣзживалъ,

Туды сѣрый звѣрь да не проры-
скивалъ,

Птица черныи воронъ не пролеты-
валъ;

А у той ли-то у Грязи-то у Чер-
ной,

Да у славной у рѣчки у Сморо-
динны,

А й у той ли у березы у покланю,

У того креста у Леванидова,
Соловѣй сидитъ розбойникъ Оди-
мантьевъ сынъ,

То какъ свищеть Соловей да по
солдѣему,

Какъ кричитъ злодѣй розбойникъ
по звѣриному,

То всѣ травушки-муравы улета-
ются,

А лазуревы цвѣтки прочь отсыпа-
ются,

Темны лѣсушки къ земли вси при-
клоняются,

А что есть людей, то вси мертвы
лежать.

Говорилъ ему Илья да таковы слова:

„Ты Владиміръ князь да стольнё-
кѣвской!

Соловей розбойникъ на твоёмъ дво-
ри,

Ему выбито вѣдь право око со ко-
сичею,

И онъ во стремени булатному при-
кованой“.

То Владиміръ князь-то стольнё-
кѣвской

Онъ скорешенько ставалъ да на
рѣзвы ножи,

Кужью шубоньку накинулъ на одно
плечко,

То онъ шапочку соболѣю на одно ушко,
Онъ выходитъ-то на свой-то на ши-
рокій дворъ

Посмотрѣть на Соловья розбойника.

Говорилъ-то вѣдь Владиміръ князь
да таковы слова:

— Засвищи-тко, Соловей, ты по со-
лѣвѣму,

Закрычи-тко ты, собака, по звѣ-
риному. —

Говорилъ-то Соловей ему розбойникъ
Одихмантьевъ сынъ:

„Не у васъ-то я сегодня, князь,
обѣдаю,

А не васъ-то я хочу да и послушати;

Я обѣдалъ-то у стараго казака
Ильи Муромца,

Да его хечу-то я послушати“.

Говорилъ-то какъ Владиміръ князь
да стольнё-кѣвской:

— Ай же стария казакъ ты Илья
Муромецъ!

Прикази-тко засвистать ты Со-
ловью да по солѣвѣму,

Прикази-тко закрытьъ да по звѣ-
риному. —

Говорилъ Илья да таковы слова:

„Ай же, Соловей розбойникъ Од-
ихмантьевъ сынъ!

Засвищи-тко ты во полъ-свисту со-
лѣвѣго,

Закрычи-тко ты во полъ-крыку
звѣринаго“.

Говорилъ то ему Соловей розбой-
никъ Одихмантьевъ сынъ:

— Ай же стария казакъ ты Илья
Муромецъ!

Мои раночки кровавы запечата-
лись,

Да не ходять-то мои уста са-
харни,

Не могу я засвистать да й по
солѣвѣму,

Закрычать-то не могу я по звѣ-
риному.

А й вели-тко князю ты Влади-
міру

Налить чару мни да зеленъ вина;

Я повыпью-то какъ чару зеленъ
вина,

Мои раночки кровавы порозѣй-
дутся,

Да й уста мои сахарни порос-
ходятся,

Да тогда я засвищу да по со-
лѣвѣму,

Да тогда я закрычу да по звѣ-
риному. —

Говорилъ Илья-тотъ князю онъ Вла-
диміру:

„Ты, Владиміръ князь да стольнё-
кѣвской!

Ты поди въ свою столовую во го-
ренку,

Наливай-ко чару зеленъ вина,

Ты не малую стопу да полтора
ведра,

Подноси-тко къ Соловью къ роз-
бойнику“.

То Владиміръ князь да стольнѣ-
кѣвской
Отъ скоренько шолъ въ столову свою
горенку,
Наливалъ онъ чару зеленѣ вина,
Да не малу онъ стопу да полтора
ведра,
Разводилъ медами онъ стоялына,
Приносилъ-то бѣтъ ко Соловью роз-
бойнику.
Соловей розбойникъ Одихмантьевъ
сынъ
Принялъ чарочку отъ князя онъ
одной ручкой,
Выпилъ чарочку-ту Соловей однимъ
духомъ,
Засвисталъ какъ Соловей тутъ по
соловьему,
Закричалъ разбойникъ по звѣр-
ному,
Маковки на термахъ покривились,
А окладенки во термахъ розсыпа-
лись —
Отъ его отъ посвисту соловьяго,
А что есть-то людишекъ, такъ вси
мертвы лежатъ;
А Владиміръ князь-отъ стольнѣ-
кѣвской
Бувшей шубонькой онъ укрывается.
А ѿ тутъ старой-отъ казакъ да
Илья Муромецъ
Отъ скороненько сажился на добра
коня,
А ѿ онъ везъ-то Соловья да во
чисто поле,
ѿ онъ срубилъ ему да буйну голову.
Говорилъ Илья да таковы слова:
„Тоби полно-тео свистать да по
соловьему,
Тоби полно-тео кричать да по звѣ-
риному,
Тоби полно-тео слезить да ѿ отце-
матерей,

Тоби полно-тео вдовить да женъ
молѣднихъ,
Тоби полно-тео спущать-то сирѣ-
татъ да малыхъ дѣтушокъ“.
А тутъ Соловью ему ѿ славу поють
А ѿ славу поють ему вѣкъ по вѣку.
(Г. 439—445).

(Записан. въ Петрозаводск. у. Олонек. г.).

») Илья Муромецъ въ эсорѣ съ Вла-
диміромъ.

Славныя Владиміръ стольнѣ-кѣвской
Собиралъ-то онъ славный почестень
пиръ
На многіхъ князей онъ и бояровъ,
Славныхъ сильныхъ могучіхъ богѣ-
тырей;
А на пиръ ли-то онъ нѣ позвалъ
Старога казака Ильи Муромца.
Старому казаку Ильѣ Муромцу
За досаду показалось-то великую ¹⁾,

¹⁾ Варіантъ: Илья Муромецъ съ Соловьемъ
разбойникомъ поѣхалъ «ко городу ко Кіеву...
прѣзжалъ онъ ко солнышку князю на ши-
рокъ дворъ... самъ по-во палаты княженец-
кія... Не узналъ его солнышко Владиміръ
князь... говорить ему таковы слова:
— Аѣ же, маленькой-удаленькой да упа-
ленькой,—
Я не знаю, какъ тебя именемъ зовуть!
Садись съ нами хлѣба кушати-трапезо-
вать:
На нижнемъ конечку есть мѣстечка не-
множечко;
Други мѣстечка вси призабавлены (за-
няты).

Мѣстечка вси позаняты:
Сидятъ у меня на честномъ пирѣ
Чтѣ князей, чтѣ бояриновъ...
Чтѣ вельможъ, купцовъ да богатыхъ,
Чтѣ поляницъ да удалыхъ,
И шестьдесятъ Россійскихъ могучіхъ бо-
гатырей“.
Старому казаку тѣ рѣчи не прилюбилися:
„Аѣ же ты, солнышко Владиміръ князь!
Самъ ѣшь-кушашъ съ воронами,
Меня садишь съ воронятами!
Не хочу я хлѣба кушати съ воронятами!“
Не прилюбилися эти рѣчи Владиміру; снѣ
„стемнѣлъ, какъ темна ночь, сревѣлъ, какъ
будто левъ-то звѣрь“, велѣлъ богатырямъ
схватить Илью и отрубить ему буйну го-

И онъ не знаетъ, что вѣдь сдѣлать
Супротивъ тому князю Владимиру.
И онъ беретъ-то какъ свой тугой
лукъ розрывчатый,
А онъ стрѣлочки беретъ каленны,
Выходилъ Илья онъ да на Кіевъ
градъ,
И по граду Кіеву сталъ онъ по-
хаживать
И на матушки Божьей церкви по-
гуливать.
На церквахъ-то онъ кресты вси да
повыломалъ,
Маковки онъ золочены вси повы-
стрѣлялъ.
Да кричалъ онъ Илья во всю голову,
Во всю голову кричалъ онъ гром-
кимъ голосомъ:
„Ай же пьяници вы, гóлюшки кабац-
кіи!
Да и выходите съ кабаковъ до-
мовъ питейныхъ,
И обирайте-тко вы маковки да зо-
лоченны,
То несите въ кабаки въ домъ пи-
тейные,
Да вы пейте-тко да вина дó-снта“.
Тамъ доносятъ-то вѣдь князю да
Владимиру:
— Ай Владимиръ князь да столь-
нѣ-кіевской!
А ты ѣшь да пьешь да на честномъ
пирѣ,

лову. Богатыри принялись было за Илью,—
„онъ правой рукой махнулъ,—тѣ мертвы
лежать; онъ лѣвой махнулъ,—тѣ тоже мертвы
лежать; потомъ тугой лукъ натягивалъ,
калену стрѣлу онъ направлявалъ, самъ
своей стрѣлы приговаривалъ:

„Ты лети, стрѣла, объ окошка княженепкія,
У окошекъ отстрѣли всѣ маковки поволо-
ченны!“

Какъ обиралъ онъ эти маковки,
Пошелъ на царевъ кабакъ
Пропивать тѣ маковки царскія.

Р. II, 333—335.

А какъ старой-отъ казакъ да Илья
Муромецъ,
Енъ по городу по Кіеву похажи-
вать,
Енъ на матушки Божьей церкви по-
гуливать,
На Божьихъ церквахъ кресты по-
выломилъ,
А всѣ маковки онъ золоченны по-
выстрѣлялъ;
А й кричитъ-то вѣдь Илья онъ
во всю голову,
Во всю голову кричитъ онъ гром-
кимъ голосомъ:
Ай же пьяници вы, гóлюшки кабац-
кіи!
Да и выходите съ кабаковъ до-
мовъ питейныхъ,
И обирайте-тко вы маковки да зо-
лоченны,
То несите въ кабаки въ домъ пи-
тейные,
Да вы пейте-тко да вина дó-
снта.—
Тутъ Владимиръ князь да стольнѣ-
кіевской,
И онъ сталъ Владимиръ думу ду-
мати,
Ему какъ-то надобно съ Ильей да
помирится.
И завелъ Владимиръ князь да
стольнѣ-кіевской,
Онъ завелъ почестенъ пиръ да и
на дрóгой день.
Тутъ Владимиръ князь да стольнѣ-
кіевской
Да, ще онъ сталъ да и думу думати:
„Мнѣ кого послать будѣтъ на пиръ
позвать—
Того стараго казѣка Илью Му-
ромца?
Самому пойти мнѣ-то Владимиру
не хочется,

А Опраксію послать, — то не къ
лицу и деть“.

И онъ какъ шолъ-то по столовой
своей горенкѣ,

Шолъ-то онъ о столики дубовыи,
Становился супротивъ молодѣго До-
брынюшки,

Говорилъ Добрыни таковы слова:
„Ты, молодѣнькой Добрынюшка,
сходи-тко ты

Къ старому казакѣ къ Ильи Му-
ромцу,

Да зайди въ палаты бѣлокаменны,
Да пройди-тко во столовую во
горенку,

На пятѹ-то дверь ты поразмахивай,
Еще крестъ вѣди дай и по пи-
саному,

Да и поклонъ веи-тко по учѣному,
А и ты бей челомъ да низко кла-
найся

А и до тыхъ половъ и до кир-
пичныхъ

А и до самой матушки сырой земли
Старому казакѣ Ильи Муромцу,
Говори-тко Ильи да таковы слова:

— „Ай ты, старня казакъ да Ильи
Муромецъ!

Я пришолъ къ тобѣ отъ князя
отъ Владимира

И отъ Опраксіи отъ королевичной,
Да и пришолъ тебе позвать да
на почестенъ пиръ“.

Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Енъ скорѣшенько то сталь да на
рѣзвы ноги,

Кунью шубоньку накинулъ на одно
плечко,

Да онъ шапочку соболью на одно ушко,
Выходилъ онъ со столовой со горенки,
Да и прошолъ палатой бѣлокаменной,
Выходилъ Добрыня онъ на Кіевъ

градъ.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ.

Енъ пошолъ-то какъ по городу по
Кіеву,

Пришолъ къ старому казакѣ къ
Ильи Муромцу

Да въ его палаты бѣлокаменны,
Енъ пришолъ какъ во столовую во
горенку.

На пятѹ-то онъ дверь да поразма-
хивалъ,

Да онъ крест-отъ клалъ до по пи-
саному,

Да и поклони велъ да по учѣному,
А 'ще билъ-то онъ челомъ да низко
кланялся

А и до тыхъ половъ и до кир-
пичныхъ

Да и до самой матушки сырой земли.
Говорилъ-то онъ Ильи да таковы
слова:

„А и же братецъ ты мой да кре-
стовый,
Старня казакъ да Ильи Муромецъ!
Я къ тоби послалъ отъ князя отъ
Владимира,

Отъ Опраксы королевичной,
А и позвать тебя да на почестенъ
пиръ“ ¹⁾..

¹⁾ Варіантъ 1-й:

Да тутъ говорятъ Ильи таково слово:
— Ахъ ты, братецъ да мой да былъ кре-
стовый!

Да какъ нунечку-топеречку у насъ съ тобой
А всѣ-то пописи да были вѣдь пописаны,
А заповѣди были поположены,
А слушать-то брату вѣдь меньшому,
А меньшому слушать да большого,
А большому слушать брата меньшого.
Кабы не братецъ ты крестовый былъ,
А некого бы я не послушалъ здѣ!

Дакъ послушаю я братца нунъ кресто-
ваго,

А крестоваго братца я названого.
А тотъ ли-то князь стольнѣ-кѣвской
А зналъ-то послать меня кого позвать!

Когда ты меня, Добрынюшка Микити-
ничъ,
Меня позвалъ туды на почестный пиръ,
Да я тебя, братецъ же, послушаю.

Г. 235.

Варіантъ 2-й: Добрыня пошелъ да въ
10

Еще старѣй-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Скорешенько вставалъ онъ на рѣзвѣ
ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно
плечко,
Да онъ шапоньку соболью на одно
ушко,
Выходили со столовня со горенки,
Да прошли они палатой бѣлока-
менной,
Выходили-то они на стольнѣй Кіевъ
градъ,
Пѣшли они ко князю ко Владиміру
Да ѣ на славнѣй-отъ почестенъ
пиръ.
Тамъ Владиміръ князь да стольнѣ-
кіевской
Онъ во горенки да вѣдъ похаживалъ,
Да въ окошечко онъ князь посма-
тривалъ,
Говорить-то со Опраксой королевич-
ной;
„Подойдутъ-ли ко мнѣ какъ два
русскіихъ богатыря
Да на мой-отъ славнѣй на по-
честенъ пиръ?“
И прошли они въ палату бѣлока-
менну,
И взошли они въ столовую во горенку.
Тутъ Владиміръ князь да стольнѣ-
кіевской
Со Опраксѣй да королевичной
Подошли-то они къ старому казакъ
къ Ильѣ Муромуцу,

„царевъ кабакъ“ и не зналъ, „отколь зайти“
къ Ильѣ: „Спереду зайти, — хорошо ль
ему прилюбится? Дай-ко я свади зайду!“
Такъ и сдѣлалъ. Илья обернулся, сказалъ
ему: „Ай-же ты, молодой Добрынюшка Ни-
китичъ! Ты тѣмъ счастливъ, что сваду
зашелъ! А ежели бы, Добрыня, спереду
зашелъ, только бы съ тебя, Добрыня, пе-
пель сталъ!“

Р. II, 337—338.

Они брали-то за ручушки за бѣлыи,
Говорили-то они да таковы слова:
„Ай же старня казакъ ты Илья Муромецъ!
Твое мѣстечко было да вѣдъ по-
ниже всѣхъ,
Тѣперь мѣстечко за столикомъ по-
выше всѣхъ!
Ты садись-ко да за столикъ за
дубовый“.
Тутъ кормили его вѣстухой са-
харною,
А ѣ помли питыцемъ медвянымъ.
Они тутъ съ Ильей и помирились.¹⁾
Г. 468—450.

(Записана въ Петровзаводск. у. Олонек. г.).

~~и~~ Богатырская застава.

(Илья Муромецъ и Жидовинъ)²⁾.

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіе-
вомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цигар-
скіихъ,
Стояла застава богатырская.
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;

¹⁾ Варіантъ:

Какъ говоритъ Илья тутъ таково слово:
— Ай же ты, князь стольнѣ-кіевской!
А зналъ-то послать кого меня позвать,
А послалъ-то братца ко мнѣ ты кре-
стоваго
А того-то мнѣ Добрынюшка Никитича.
Кабы-то мнѣ да вѣдъ не братецъ былъ,
А нѣкого-то я бы не послушалъ здѣ,
А скоро натянулъ бы я свой тугой лукъ,
Да клалъ бы я стрѣлочку каленую,
Да стрѣлялъ бы ты въ грудию во сто-
ловую,...

За это я тебѣ-то нунъ прощу
А эту вину да ту великую.—

Г. 236.

²⁾ Жидовинъ—врагъ позднѣйшаго про-
исхожденія. Въ древнѣйшихъ былинахъ про-
тивникомъ Ильи является сынъ (Сокольникъ-
охотничекъ, Соловниковъ, или дочь—
поленница удалая) его, Илья, и бабы Латы-
мирки.

Подъ-атаманъ былъ Добрыня Ни-
китичъ младъ;

Есаулъ Алёша Поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка Бояр-
скій сынъ;

Былъ у нихъ Васька Долгополой.
Всѣ были братцы въ разъѣздицѣ:
Гришка Боярскій втѣпоръ кра-
чимъ жилъ;

Алёша Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ
градъ;

Илья Муромецъ былъ въ чистомъ
полѣ,

Спалъ въ бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю
мору,

Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотою за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископытъ
великую ¹⁾,

Ископытъ велика — полъ-печи.

Учалъ онъ ископытъ досматривать:
„Еще что же то за богатырь ѣхалъ?
Изъ этой земли изъ Жидовскія
Проѣхалъ Жидовинъ могучъ бога-
тырь

На эти степи Цицарскія!“

Пріѣхалъ Добрыня въ стольный
Кіевъ градъ,

Прибиралъ свою братію приборную:
„Ой вы гойеси, братцы-ребятушки!
Мы что на заставушкѣ устояли?
Что на заставушкѣ углядѣли?
Мимо нашу заставу богатырь
ѣхалъ!“

Собирались они за заставу богатыр-
скую,

Стали думу крѣпкую думать:

Кому ѣхать за нахвальщикомъ?

Положили на Ваську Долгополаго.
Говорить большой богатырь Илья
Муромецъ,

Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:

„Не ладно, ребятушки, полѣжили;
У Васьки полнъ долгія:

По землѣ ходитъ Васька, — запле-
тается;

Погинѣтъ Васька по напрасному“.
Положились на Гришку на Бояр-
скаго:

Гришекъ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ
полѣ.

Говорить большой богатырь Илья
Муромецъ,

Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:

„Не ладно, ребятушки, удумали;
Гришка роду боярскаго:

Боярскіе роды хвастливые;
На бою-дракѣ призахвастается;

Погинѣтъ Гришка по напрасному“.

Положились на Алёшу на Поповича:
Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ
полѣ,

Побить нахвальщика на чистомъ
полѣ.

Говорить большой богатырь Илья
Муромецъ,

Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:

„Не ладно, ребятушки, полѣжили;
Алѣшинька рода поповскаго:

Поповскіе глаза завидущіе,
Поповскія руки загребущія;

Увидитъ Алёша на нахвальщикѣ
Много злата, серебра, —

Злату Алёша позавидуетъ;

Погинѣтъ Алёша по напрасному“.

Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшекъ ѣхать за нахвальщи-
комъ,

¹⁾ Ископытъ (у Кирѣевск. — ископотъ) —
жомъ, вылетѣвшій изъ-подъ копыта.

Настигать нахвальщика въ чистомъ
полѣ,

Побить нахвальщика на чистомъ
полѣ,

По плечъ отсѣчь буйну голову,

Привезти на заставу богатырскую.

Добрыня того не отпирается.

Походить Добрыня на конюшій
дворъ,

Имѣть Добрыня добра коня,

Уздаётъ въ уздечку тесмянную,

Сѣдлалъ въ сѣдлышко черкасское,

Въ торока вяжетъ палицу боевую,—

Она свѣсомъ та палица девяносто
пудъ,—

На бедры беретъ саблю вострую,

Въ руки беретъ плетъ шелковую,

Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую.

Посмотрѣлъ изъ трубочки серебря-
ной:

Увидѣлъ на полѣ чернизину ¹⁾:

Поѣхалъ прямо на чернизину;

Кричалъ зычнымъ, зычнымъ голо-
сомъ:

„Воръ, собака, нахвальщина!

Зачѣмъ нашу заставу проѣз-
жаешь,—

Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь
челомъ,

Подъ-атаману Добрыня Никитичу?

Есаулу Алѣшѣ въ казну не кладешь.

На всю нашу братію наборную?“

Учѣлъ нахвальщина зыченъ голосъ,

Поворачивалъ нахвальщина добра
коня,

Попущалъ на Добрыню Никитича.

Сыра мать-земля всколебалася,

Изъ озеръ вода выливалася,

Подъ Добрыней конь на колѣнца
палъ.

Добрыня Никитичъ младъ

Господу Богу возмолится,

И Мати Пресвятой Богородицѣ:

„Унеси, Господи, отъ нахвальщика!“

Подъ Добрыней конь посправился,—

Уѣхалъ на заставу богатырскую.

Илья Муромецъ встрѣчаетъ его

Со братію со приборною.

Сказываетъ Добрыня Никитичъ
младъ:

„Какъ выѣхалъ на гору Сорочин-
скую,

Посмотрѣлъ изъ трубочки сере-
бряной,

Увидѣлъ на полѣ чернизину,

Поѣхалъ прямо на чернизину.

Кричалъ громкимъ, зычнымъ голо-
сомъ:

— „Воръ, собака, нахвальщина!

Зачѣмъ ты нашу заставу про-
ѣзжаешь,—

Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь
челомъ,

Подъ-атаманю Добрыня Никити-
чичу?

Есаулу Алѣшѣ въ казну не кладешь,

На всю нашу братію на при-
борную?“—

Услышалъ воръ нахвальщина зы-
ченъ голосъ,

Поворачивалъ нахвальщина добра
коня,

Попущалъ на меня добра молодца:

Сыра мать-земля всколебалася,

Изъ озеръ вода выливалася,

Подо мною конь на колѣнца палъ.

Тутъ я Господу Богу взмолился:

„Унеси меня, Господи, отъ нахваль-
щика!“

Подо мною тутъ конь посправился,

Уѣхалъ я отъ нахвальщика

И пріѣхалъ сюда на заставу бо-
гатырскую“.

Говоритъ Илья Муромецъ:

¹⁾ Чернизина—черное пятно.

„Больше некъмъ замѣнитися:
Видно ѣхать атаману самому!“
Походить Илья на конюшій дворъ,
Имаеть Илья добра коня,
Уздаеть въ уздечку тесмянную,
Сѣдлаеть въ сѣдлышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боёвую,—
Она свѣсомъ та палица девяносто
пудъ,—

На бедра беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
Увидѣлъ на полѣ чернизину;
Повѣхалъ прямо на чернизину;
Вскричалъ зычнымъ, громкимъ го-
лосомъ:

„Воръ, собака, нахвальщина!
Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,
Мнѣ атаману Ильѣ Муромцу че-
ломъ не бьешь,
Подъ-атаманью Добрыни Никитичу?
Есаулу Алѣшѣ въ казну не кладешь,
На всю нашу братью наборную?“
Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ
голосъ,

Поворачивалъ нахвальщина добра
коня,

Попушалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ не удробился ¹⁾.
Сѣѣхался Илья съ нахвальщикомъ;
Впервыя палками ударились,—
У палокъ цѣвья поломалися,
Другъ дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились,—
Востры сабли приломалися,
Другъ дружку не ранили;
Бились, дрались рукопашнымъ боёмъ,
Бились, дрались день до вечера,
Съ вечера бьются до полуночи.
Съ полуночи бьются до бѣлы свѣта.

¹⁾ Не удробился—не испугался. Зам. II.
В. Кир.

Махнётъ Илейко ручкой правою,—
Поскользится у Илейки ножка лѣвая,
Паль Илья на сырѣ землю;
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
Вынималъ чинжалыщѣ булатное;
Хочетъ вспоротъ груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По плечъ отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговари-
вать:

— Старый ты старикъ, старый,
матѣрный!

Зачѣмъ ты ѣдишь на чисто поле?
Будто некъмъ тебѣ старику замѣ-
нитися?

Ты поставилъ-бы себѣ келейку
При той путѣ-при дороженькѣ;
Сбиралъ-бы ты, старикъ, во ке-
лейку;
Тутъ-бы, старикъ, сытъ-питанѣнъ
былъ.—

Лежитъ Илья подъ богатырѣмъ,
Говорить Илья таково слово:
„Да не ладно у Святыхъ Отцѣвъ
написано,

Не ладно у Апостоловъ удумано;
Написано было у Святыхъ Отцѣвъ,
Удумано было у Апостоловъ:
„Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ
убитому“,

А теперь Илья подъ богатырѣмъ!“
Лежучи у Илья втрое силы приблѣло:
Махнётъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева жароваго;
Паль нахвальщина на сырѣ землю;
Въ сырѣ землю ушѣлъ до поясъ.
Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщину на бѣлы груди.
Недосугъ Илюхѣ много спраши-
вать,—

Скоро спорѣлъ груди бѣлыя,
Скоро затмилъ очи ясныя,
По плечъ отсѣкъ буйну голову,

Воткнулъ на копье на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью
Муромца,

Со своей братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сырѣ землю;
При своей братьѣ похваляется:
„Вздылъ во полѣ тридцать лѣтъ, —
Экаго чуда не навъживалъ“.

Кирѣевск. 1, 46—52.

(Записана въ Шенкурск. у. Арханг. г.).

д) Илья Муромецъ и Идолище поганое.

Пріѣзжалъ Одолище поганое въ
стольно-Кіевъ градъ ¹⁾),

¹⁾ Вариантъ 1-й:

Ай ѣдиль Илья Муромецъ по чисту полю,
Да навъхалъ онъ на калику переходную.
«А здравствуй ты, калика переходная!
Ты откуда идѣшь, да откуда путь держишь?»

Говоритъ ему калика переходная:
— Здравствуй, Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!

Развѣ не узналъ меня калики переходная?
Да я есть сильнѣе, могучѣе Иваннцо....
А я теперь иду да отъ Царяграда. —
«Ай жѣ ты сильнѣе, могучѣе Иваннцо!
Да все-ли въ Царягради по старому;
А все-ли въ Царягради по прежнему?»
— Ахъ ты, свѣтъ-государь да Илья Муромецъ

А въ Царягради да не по старому,
Не по старому да не по прежнему.
А пріѣхалъ поганое Идолище,
Да зашелъ онъ къ царю Константину
Боголюбовичу

Во тѣхъ во палаты бѣлокаменные...
Илья одѣвается «въ платье калычѣе»,
является въ Царьградъ и убиваетъ Идолище поганое

...Хватилъ онъ татарина (Идолища) за ноги,
А сталъ онъ татаринѣмъ помаживать...
А и бьетъ татаръ до единого...
А очистилъ онъ Царьградъ весь.

Г. 943—946.

Вариантъ 2-й:

Илья встрѣчаетъ «переходную калику побродимую Иваннцо» и спрашиваетъ: «Благотолучно-ли есть во славномъ во Кіевѣ?»
Говоритъ ему славно Иваннцо: — какъ на нашъ-то на батюшко Кіевъ градъ натажаетъ

Со грозою со страхомъ со великимъ,
Ко тому ко князю ко Владимиру,
И становился онъ на княженецкій
дворъ,

Посылалъ посла ко князю ко Владимиру,
Чтобы князь Владимиръ столько-
кіевскій

Ладилъ-бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротив-
ника.

Приходитъ посланникъ ко Владимиру
И говорилъ посланникъ таковы слова:
„Ты, Владимиръ, князь столько-
кіевскій!

Ладь-ко ты поединщика во чисто
поле,

Поединщика и супротивника съ
силушкой великою,

Чтобы могъ онъ съ Идолищемъ
поправиться“.

Тутъ Владимиръ князь ужаснулся,
Приужаснулся да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:

„Не кручинься, Владимиръ, не печалуйся:

На бою мнѣ-ка смерть не написана,

Поѣду я въ раздольице чисто поле
И убью-то я Идолища поганого“.

Обуль Илья лапѣтики шелковые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ онъ шляпку
земли греческой,

И пошелъ онъ къ Идолищу къ поганому.

И сдѣлалъ онъ ошибку не малую:

нечисто Идолище, по прованію Батыга Батыговичъ. Онъ князей, бояръ всѣхъ по-
вырубилъ, самого Владимира въ полонъ побралъ». — Илья убилъ Батыгу Батыгова
«и возвелъ онъ тутъ князя на высокъ престолъ».

Г. 1148—1149.

Не взялъ съ собой палицы булатнія
И не взялъ онъ съ собой сабли
вострыя;

Идетъ то дорожкой—пораздумался!
„Хощь иду-то я къ Идолищу по-
ганому,

Ежели будетъ не пора мнѣ-ка не
времячко,

И съ чимъ мнѣ Идолищемъ будетъ
поправиться“.

На тую пору, на то времячко
Идетъ ему встрѣту каличище Ива-
нище,

Несетъ въ рукахъ клюху девяноста
пудъ.

Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Ай же ты, каличище Иванище!

Уступи-тко мнѣ клюхи на вре-
мячко,—

Сходить мнѣ къ Идолищу поганому“.

Не даетъ ему каличище Иванище,
Не даетъ ему клюхи своей бога-
тырской.

Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Ай же ты, каличище, Иванище!

Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,

Я тебя убью, мнѣ клюха и до-
станется“.

Разсердался каличище Иванище,
Здвинулъ эту клюху выше годовы,

Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
Поехалъ каличище заворыдаль.

Илья Муромецъ одва досталъ клюху
изъ сырой земли.

И пришелъ онъ во палату бѣлока-
менну

Ко этому Идолищу поганому,
Пришелъ къ нему и поздравствовалъ.

Говорилъ ему Идолище поганое:
— Ай же ты, калика перехожая!

Какъ великъ у васъ богатырь Илья
Муромецъ?—

Говорить ему Илья таковы слова:

„Толь великъ Илья, какъ и я“.

Говорить ему Идолище поганое:

— По многу-ли Илья вашъ хлѣба
ѣсть,

Помногу-ли Илья вашъ пива пьеть?—

Говорить Илья таковы слова:

„По стольку ѣсть Илья, какъ и я,

По стольку пьеть Илья, какъ и я“.

Говорить ему Идолище поганое:

— Экой вашъ богатырь Илья!

Я вотъ по семи ведръ пива пью,

По семи пудъ хлѣба кушаю.—

Говорилъ ему Илья таковы слова:

„У нашего Ильи Муромца батюшка
былъ крестьянинъ,—

У ёго была корова ѣдучая:

Она много пила-ѣла и лопнула“.

Это Идолищу не слюбилось:

Схватилъ свое кинжалыще булатное

И махнулъ онъ въ калику переходящую

Со всея силушки великія.

И пристранился Илья Муромецъ въ
сторонку маленькую,

Пролетѣлъ его мимо-то булатный
ножъ,

Пролетѣлъ онъ на вонную сторону
съ простѣночкомъ.

У Ильи Муромца разгорѣлось сердце
богатырское,

Схватилъ съ головушки шляпку земли
греческой

И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,

И разѣкъ онъ Идолище на полн.

Тутъ ему Идолищу славу поють.

Р. I, 85—86.

(Записана въ Петрозаводск. у. Олонек. г.).

д) Последнія три поѣдки Ильи
Муромца.

Ѣздилъ старъ по чисту полу

Отъ младости и до старости.

Ѣхалъ старый чистымъ полемъ

И большой дорогой латынскою,
 Наѣхалъ на дорогѣ горючъ камень,
 И на камешкѣ была подпись под-
 писана:
 „Старому казаку Ильѣ Муромцу.
 Три пути пришло, три дорожки
 широкія:
 Во дороженьку ѣхать — убиту
 быть,
 Во другую ѣхать — женату быть,
 Во третью ѣхать — богату быть“.
 И сидитъ старикъ на добромъ
 конѣ,
 И головой качаетъ, самъ пригова-
 риваетъ:
 — Сколько я по святой Руси не
 ѣзживалъ,
 А такого-то чуда я не видывалъ.
 На что мнѣ старому богатство?
 Своего у меня много злата, се-
 ребра,
 И много у меня скатнаго жем-
 чугу.
 А на что мнѣ старому жениться?
 Жениться мнѣ, не нажитися:
 Молодая жена взять — чужая ко-
 рысть,
 А старой жены взять не хочется.
 Поѣду я въ ту дорогу, гдѣ уби-
 ту быть.—
 И приправливалъ старый добра коня,
 И поѣхалъ большою дорогою,
 И наѣхалъ на дорогѣ станицу раз-
 бойниковъ:
 И хотятъ они у стараго коня от-
 нять.
 У сидитъ старый на добромъ конѣ,
 Головой качаетъ, самъ приговари-
 ваетъ:
 — Вы, разбойники, братцы, ста-
 ничники!
 Убить старика вамъ меня некого,
 Отнять у стараго нечего:

— Съ собой у меня денегъ семь ты-
 сячъ рублей,
 Тесмянна узда въ цѣлу тысячу,
 Ковано сѣдло во двѣ тысячи;
 Своему-то добру коню
 Я цѣны не знаю, бурку, не вѣ-
 даю:
 Межъ ушми у коня у меня ска-
 ченъ жемчугъ,
 Дорогое самоцвѣтное каменье,
 Не для-рады красн-басы моло-
 децкія,
 А для ради ночки темныя осен-
 нія,
 Чтобы видно, гдѣ ходитъ мой
 добрый конь,
 За три версты видно, за три
 мѣрныя.—
 И говорятъ ему разбойники-станич-
 ники:
 „Ахъ, ты, старая собака, сѣдатый
 песъ.
 Еще долго ты сталъ разговари-
 вать“.
 И скочилъ старый со добра коня,
 И началъ онъ шапкой помахивать:
 И куды махнетъ, туды улица,
 Назадъ отмахнетъ — переулочки.
 И перебилъ онъ станицу разбой-
 никовъ,
 Разбойниковъ прибилъ подорожни-
 ковъ;
 И сажился старикъ на добра коня,
 И поѣхалъ путемъ да и дорогою,
 И пріѣхалъ ко латырю ко камению,
 На камешкѣ подпись поднавливалъ:
 — Старому казаку Ильѣ Муромцу
 Да и та была дорожка прочи-
 щена
 Отъ стольнаго отъ города отъ
 Кіева,
 Отъ Кіева лежитъ ко Чернигову.—
 Да еще было дорожки извѣдати,

Отъ чего будетъ жениться.
Приправливалъ старшй добра коня,
Поѣхалъ большою дорогою,
Наѣхалъ на дорогѣ крѣпость бога-
тырскую.

И стоитъ тутъ церковь соборная,
Соборная церковь, богомольная;
Отъ той-ли обѣдни полуденныя
Идетъ двѣнадцать прекрасныхъ дѣ-
вицъ,

Посреди-то ихъ идетъ королевич-
на.

И говорила королевична таково слово:
„Ты удалый дородный добрый мо-
лодецъ!“

Пожалуй ко мнѣ въ высокъ те-
ремъ:

Напою, накормлю хлѣбомъ-солюю.“
Соходилъ старикъ со добра коня,
Оставлявалъ добра коня

Не приказана его и не привязана;
Пошелъ старикъ въ высокъ теремъ,
Мосты-то подъ старымъ качаются,
Переводники перегибаются.

Зашелъ старикъ во высокъ теремъ,
Крестъ владеть по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны покланяется;
Садится за столы бѣлодубовы,
Ѣсть да пьетъ, прокладждается
Весь дологъ день до вечера.

Выходилъ изъ-за стола изъ-за ду-
боваго,

Самъ говорилъ таково слово:
—Ты, душечка красная дѣвушка!
Гдѣ-ка твои ложни теплыя?
И гдѣ твоя кровати тесовая,
Гдѣ-ка мягки перины пуховыя:
Мнѣ на старость старику опочи-
нуться.—

Привела его въ ложни теплыя,
И стоитъ старшй у кровати, голо-
вой качаетъ,

Головой-то качаетъ, приговариваетъ:
— Да я сколько по святой Руси
не ѣживалъ,

Такова я чуда вѣкъ не видывалъ:
Видно эта кроватка подложная!—
Схватилъ королевну за бѣлы руки
И шибалъ ей (ее) ко стѣны кир-
пичныя:

Обвернулась кроватка тесовая,
Обвалилася королевна во глубоку
погребъ.

И выходилъ старикъ на улицу па-
ратную,

И сыскалъ двери глубокаго погреба:
Песками были призасыпаны,
Колодьями призавалены.

Колодья ногами распахивалъ,
Пески-то руками распорхивалъ,
И пиналъ ворота ногою вальщныя,
И съ крюковъ, замковъ двери вонъ
выставлявалъ;

Выпущалъ сорокъ царей, сорокъ ца-
ревичевъ,

И сорокъ королей и королевичевъ,
Сорокъ сильныхъ могучихъ бога-
тырей,

И самъ говоритъ таково слово:
— Вы подѣте, цари, по своимъ зе-
млямъ,

А вы, короли, по своимъ ордамъ,
А вы, богатыри, по своимъ мѣстамъ.
И молитесь вы Бога за Илью слав-
наго Муромца:

Кабы не я, старшй казакъ Илья
Муромецъ,

Положить бы вамъ голова здѣсь
у погреба.—

Идетъ душечка красная дѣвушка;
Онъ выдергиваетъ саблю острую,
Срубилъ ей по плечъ буйну голову,
Разсѣкъ-разрубилъ тѣло женское—
И куски разметалъ по чисту полю
Сѣрымъ волкамъ на съѣденію,

А черныи вороны на погрянье.
И тутъ сядилъ старикъ на добра коня,
И поѣхалъ путемъ да и дорогою,
И прѣѣзжалъ ко латырю каменю,
На камешкѣ подпись поднавливалъ:
— Старому казаку Ильѣ Муромцу
На бою старику смерть не писана.
И та была дорожка прочищена
Отъ стольнаго отъ города отъ
Кіева,
Отъ Кіева лежитъ ко Царю-
граду. —
И самъ говоритъ таково слово:
— Даше было дорожка извѣдати. —
Приправливалъ старъ добра коня,
Поѣхалъ большою дорогою,
Наѣхалъ на дорогѣ пречудный
крестъ.
Стоитъ старый у креста, самъ го-
ловой качаетъ, —
Головой качаетъ да приговариваетъ:
— Этотъ крестъ есть не простой
стоитъ,

Стоитъ на глубокомъ на погребѣ,
Есть несмѣтное злата-серебра. —
Соходилъ старый со добра коня,
И бралъ крестъ на руки на бѣлыя,
Снималъ со глубокаго со погреба,
И взялъ животь изъ погреба, —
золоту казну,
И воздвигнулъ животь во славный
Кіевъ градъ ¹⁾,
И построилъ онъ церковь соборную.
Тутъ Илья и окаменѣлъ,
И понинѣ его мощи нетлѣнныя.

Рыбн. III, 49—53.

(Записана въ Пудожскомъ у. Олонек. г.).

¹⁾ Вариантъ:

Прѣѣзжае онъ во славной въ Кіевъ градъ
А ко тымъ-ли онъ пещерахъ да ко кіевскимъ,
А прилетала невидима сила ангельская,
А взимали-то бѣго да со добра коня
И заносили во пещеры-ты во кіевски,
И тутъ же вѣлъ старый опочивъ держалъ.
Ай потамѣсть мы старому славнѣ поемъ,
Старому казаку Ильѣ Муромцу.

(Г. 313).

Примѣчанія къ былинѣ: „Илья Муромецъ“.

Въ дошедшей до насъ редакціи былинъ Илья Муромецъ является идеальнымъ богатыремъ-крестьяниномъ, защитникомъ русской земли отъ враговъ, — главнымъ образомъ отъ татаръ. Родомъ онъ изъ города Муромъ, изъ села Карачарова. По смыслу этой редакціи можно заключить, что окончательная обработка былинъ объ Ильѣ Муромцѣ принадлежитъ сѣверо-восточной Руси и по-татарской эпохѣ.

Что же касается до первоначальныхъ источниковъ, которыми могло воспользоваться народное творчество, то объ нихъ — за неимѣніемъ данныхъ — ничего нельзя сказать положительно опредѣленнаго.

Объ Ильѣ Муромцѣ, какъ о лицѣ историческомъ, дѣйствительно существовавшемъ, нѣтъ ни современныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, ни записанныхъ преданій. Однако возможно допустить, что еще въ очень отдаленныя времена наши дружинные пѣвцы воспѣвали какого-то героя, близкаго по имени къ Ильѣ. Отзвуки этихъ пѣсенъ дошли и на Западъ.

„О главномъ героѣ „Владимірова цикла“, объ Ильѣ Муромцѣ (говоритъ г. Пыпинъ), въ древнихъ историческихъ памятникахъ нѣтъ никакихъ извѣстій; тѣмъ оригинальнѣе и неожиданнѣе фактъ, что старѣйшее упоминаніе объ немъ находится въ скандинавской Вилькина-сагѣ XIII вѣка, составленной по рассказамъ ниже-нѣмецкихъ людей и отчасти по ихъ пѣснямъ о Дитрихѣ Бернскомъ. Рассказъ касается и русской земли; между прочимъ, одинъ изъ сыновей русскаго Гертвита, Вольдимаръ, дѣлается королемъ Руси и Польши, а другой сынъ, отъ наложницы, Илья, поставленъ былъ ярломъ (княземъ) Греціи. Такимъ образомъ Илья (Ilias von Riuzen, или af

Greka) является братомъ князя Владимира. Въ сагѣ названы русскіе города—Кіевъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Новгородъ, и тожество Hias von Riuzen съ Ильей Муромцемъ не подлежитъ сомнѣнію“. Г. Ягичъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что „Германцы, которые бывали въ Новгородѣ и другихъ торговыхъ пунктахъ въ очень живомъ общеніи съ русскими, легко могли познакомиться съ большимъ почетомъ, какой русскіе оказывали своему Владимиру и его главнѣйшему богатырю Ильѣ; вернувшись домой, они рассказывали объ этомъ своимъ, и такимъ образомъ имена русскихъ богатырей, Владимира и Ильи, сдѣлались популярными между ихъ сѣверо-западными сосѣдями“. Въ событіяхъ, рассказанныхъ сагой, г. Ягичъ не находилъ ничего общаго съ русской исторіей, и смѣшеніе Греціи и Россіи считалъ понятнымъ при тогдашнихъ тѣсныхъ религіозныхъ связяхъ обѣихъ странъ, когда и въ былинахъ Ильи доводилъ свои походы до Царьграда и Іерусалима.

Иначе ставить вопросъ г. Веселовскій. При всемъ смѣшеніи эпическихъ мотивовъ, ниже-нѣмецкихъ, скандинавскихъ, русскихъ, даже романскихъ, онъ находитъ, что въ основѣ саги есть отраженіе опредѣленныхъ историческихъ отношеній. Въ „вильтипахъ“ онъ видитъ велетовъ, полабское племя, и сказочныхъ волотовъ; князь есть Владимиръ полоцкій (русскимъ лѣтописямъ неизвѣстный); Илья, или въ другихъ случаяхъ безымянный ярль af Greka, называется также af Gersekeborg, ярль изъ города Герсеке, родичъ Владимира конунга: на Двинѣ упоминается въ началѣ XIII в. городъ Герцика, повидимому, тотъ самый, и изъ его названія могло произойти af Greka, безъ всякой связи съ Греціею. Такимъ образомъ получается заключеніе объ историческихъ мотивахъ сказанія ниже-нѣмецкаго и скандинавскаго, а также и заключеніе еще объ одномъ очагѣ развитія древняго русскаго эпоса и вмѣстѣ о пути международнаго взаимодѣйствія: кромѣ Кіева и Новгорода, это былъ очагъ западно-русскій, въ Смоленскѣ и Полоцкѣ. Изложивъ различные историческіе и сказочные намеки западнаго сказанія, г. Веселовскій заключаетъ: „Все это даетъ поводъ къ нѣкоторымъ предположеніямъ. Нѣмецкіе люди, заходя въ Двинскую область, застали тамъ „великую сагу“ (allmikill saga), какія-то преданія о вильтипахъ, еще и теперь доживающіе въ „волотахъ“ мѣстныхъ (западно-русскихъ) легендъ; могли слышать и сказы-пѣсни о „старомъ“ Владимирѣ и Ильѣ, заходившія вверхъ по долинѣ Днѣпра, черезъ „черныя грязи смоленскія“ и „хоробру Литву“. Еще въ XVI вѣкѣ помнили въ Бѣлороссіи Илью Муромца и Соловья Будимировича: *bo priidet czas, koli budiel nadobe Ilii Murgawlenina i Solowia Budimirowicza* ¹⁾, — писалъ въ 1574 году изъ Орши

¹⁾ „Соловей Будимировичъ (говоритъ г. Веселовскій) въ сообществѣ съ Ильей могъ бы возбудить вопросъ о причинахъ такого сопоставленія, если бы не представилась возможность естественной догадки, что имя перваго явилось *случайно*, на мѣсто любого другого богатыря и вѣнъ внутренней связи съ значеніемъ Ильи. Въ самомъ дѣлѣ, Соловей Будимировичъ не радѣтель о русской землѣ, онъ—богатырь прѣзвѣій, и соединеніе его съ кievскимъ цикломъ чисто внѣшнее“. (Южно-русскіе былины, II).

Но г. Вс. Миллеръ сомнѣвается въ *случайномъ* сопоставленіи именъ. „Мнѣ кажется (говоритъ онъ), что такое соединеніе именъ Ильи и Соловья Будимировича не въ такой степени случайно, какъ предполагаетъ акад. Веселовскій. Это соединеніе дано было въ томъ сказаніи объ Ильѣ, которое при писаніи письма пришло на умъ Кмитѣ Чернобыльскому, и его ошибка состоитъ лишь въ томъ, что онъ на одну доску поставилъ обонхъ богатырей. Конечно, Соловей Будимировичъ, связанный въ похожденіяхъ съ Ильей, не тотъ заважій женихъ, котораго знаютъ современные былины. Соловей Будимировичъ не кто иной, какъ нашъ былинный Соловей-разбойникъ. Этотъ персонажъ въ былинахъ старой записи дѣйствительно носитъ такое отчество (см. въ сборникѣ Тихонравова, № 222). Въ другомъ сказаніи (сборникъ Тихонравова, № 361) мы читаемъ: Илья Муромецъ поѣхалъ на рѣку Смородину, на мосты каменные; а та уже дорога залегла ровно 30 лѣтъ отъ Соловья-разбойника Мировича. Итакъ мы можемъ заключить на основаніи свидѣтельства двухъ старинныхъ записей былинъ и письма Кмиты, что нѣкогда, въ XVI и XVII вѣкахъ, нашъ былинный Соловей носилъ отчество Будимировича, которое лишь впоследствии было окончательно усвоено другому Соловью, прѣзвѣжу жениху Запавы Путятичынъ“. (Очерки рус. нар. словесности, 397—398).

староста Филонъ Кмита Чернобыльскій Остафью Воловичу; бѣлорусскія сказки объ Ильѣ, можетъ быть, послѣдніе, хотя и подновленные, слѣды развитія, прерваннаго историческими отношеніями и смѣшеніемъ народностей. Такія-то преданія застали въ Двинской области нѣмецкіе купцы или шпильманы и дали имъ окраску недавнихъ мѣстныхъ событій, въ которыхъ Владиміръ Полоцкій, Полоцкъ и Смоленскъ стояли на первомъ мѣстѣ. Такъ получился разсказъ о Вильгинѣ и вильгинахъ и ихъ борьбѣ съ Русью, которой также дали княжескую родословную ¹⁾“...

„Затѣмъ, болѣе позднее, опять иностранное, извѣстіе объ Ильѣ принадлежитъ нѣкому Эриху Лассотѣ, который въ 1594 г. путешествовалъ къ запорожскимъ казакамъ и, описывая Киевъ, замѣчаетъ, что въ одноѣмъ придѣлѣ св. Софіи была гробница „Ильи Моровлина“: „Онъ былъ знатный герой или, какъ говорятъ, богатырь (Bohater). о немъ разсказываютъ много басенъ“. Какіе „басни“, не говорится; но чрезвычайно любопытно, что въ концѣ XVI вѣка Илью еще помнили въ Киевѣ. гдѣ потомъ эпическія сказанія о немъ были совсѣмъ забыты, и притомъ, что его помнили съ прозваніемъ „Моровлина“, безъ сомнѣнія, болѣе подлиннымъ, чѣмъ „Муромецъ“. Еще долго спустя встрѣчаемъ извѣстіе объ Ильѣ у южно-русскаго писателя XVII вѣка, Калнофойскаго; одинъ благочестивый странникъ около 1701 г. видѣлъ въ Киевѣ храбраго воина Илью Муромца „въ нетлѣніи, подъ покровомъ златымъ, ростомъ яко нынѣшніе крупныя люди; рука у него лѣвая пробита копьемъ, язва вся знаетъ, а правая его рука изображена крестнымъ знаменіемъ“ и пр. (См. *Питинъ*, И. Р. Л. III. 36—38).

Изъ этихъ скудныхъ историческихъ свѣдѣній можно сдѣлать только слѣдующіе выводы:

- 1) Первоначальное прозвище Ильи — *Муравленинъ* или *Моровлинъ*.
- 2) Сказанія о немъ еще раньше XIII вѣка были извѣстны даже въ западной Руси.
- 3) Въ этихъ сказаніяхъ Илья представлялся не крестьянскимъ сыномъ, а богатыремъ-княжичемъ.

Но когда и гдѣ сложились первоначальныя сказанія объ Ильѣ Моровлинѣ и относятся ли они къ какому-нибудь историческому лицу,—объ этомъ мы ничего не знаемъ. Произвище „Моровлинъ“ даетъ, впрочемъ, поводъ г. Веселовскому сдѣлать на этотъ счетъ нѣкоторыя предположенія. Въ житіи св. Стефана сурожскаго говорится, между прочимъ, что вскорѣ послѣ смерти угодника († 766) напала на Сурожъ русская рать подъ начальствомъ князя *Бравлина*. Но „византийцы (говоритъ г. Веселовскій) называли племена, поочередно являвшіяся на югъ Россіи, *мирмидонами*. *Μιρμιδών* было бы эпонимомъ ²⁾ народности; въ русской передачѣ, определенной традиціонной этимологіей (*Μορμυτῆς*=муравей), Мравлинъ; Бравлинъ было бы искаженіемъ. Мравлинъ—это Моровлинъ, Муровецъ, древнее произвище Ильи; позже—Муромлянъ, Муромецъ, въ прижизненіи къ Мурому“ ³⁾.

Если принять предположеніе г. Веселовскаго, то остается допустить, что сказанія объ Ильѣ Муромцѣ могли зародиться, еще въ очень отдаленное время, на крайнемъ югѣ Руси, и оттуда—черезъ Киевъ—распространились на западъ и востокъ—постепенно измѣняясь въ своемъ характерѣ согласно съ историческими условіями.

Во всякомъ случаѣ можно почти съ увѣренностью сказать, что демократизація богатыря принадлежитъ сравнительно позднему времени, и произошла главнымъ образомъ благодаря созвучію его имени съ именемъ высокочтимаго на Руси пророка. Въѣстъ съ тѣмъ личность богатыря начинаетъ облекаться легендарными сказаніями, которыми сопровождается и начало и конецъ его богатырской дѣятельности.

¹⁾ *А. Веселовскій*. „Уголокъ русскаго эпоса въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ“. Ж. М. Н. Пр. 1896 г. № 8.

²⁾ Т. е. прозвищемъ

³⁾ Ж. М. Н. Пр. № 3.

11 Добрыня Никитичъ.

(Добрыня и Змѣй.—Женитьба Добрыни.—
Добрыня въ отъѣздъ).

Добрынь говорила роднѣ матушка:
„А что молодъ началъ ѣздить во
чисто поле,

А топтать-то младыхъ змѣенныхъ:
Выручать-то полоновъ да русскіихъ.
Не купились Добрыня во Пучай рѣки,
Пучай рѣка да есть великая,
Средняя струя-то какъ огонь свѣ-
чать“¹⁾.

А Добрыня матушки не слушался,
Онъ зашелъ-то въ конюшенку стоялую,
Онъ и взялъ себѣ да коня добраго,
Онъ сѣдлалъ во сѣделышко черкас-
ское,

Онъ потнички-то клалъ на потнички,
А на потнички-то клалъ вѣдь вой-
лочки,

Онъ на войлочные черкасское сѣде-
лышко,

И натягивалъ двѣнадцать тугихъ
подпруговъ,

А тринадцатый то клалъ для-ради
крѣпости,

Чтобы добрый конь съ (изъ) сѣдла
не выскочилъ,

Добра молодца съ сѣдла не вырutilъ.
Подпруги-то были шелковыя,

¹⁾ Варіантъ: Добрыня на пиру у Влади-
мира красна-солнышка

Говорить таковы слова:

— Ахъ ты, князь, ты, князь да вѣдь Вла-
димірской!

А спусти-ко вѣдь меня да во чисто поле,
А во то ли поле во широкое,

А ко той рати да ко Пучай рѣки,
Обвалить тамъ сила все татарская,

А татарская то сила все уланская. —
Говорить-то князь тутъ Владимірской:

«Молодой воробыкъ не вылетывай,
Молодой Добрыня не выскакивай».

(Г. 1320—21).

А шпеньки-то были булатніи,
Пряжи у сѣдла да красна золота.
Вотъ какъ шелкъ не рвется, а бу-
латъ не трется,

Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ - не ста-
рѣетъ.

Онъ поѣхалъ во далече во чисто поле
На тѣ горы сорочинскіи.

Притопталъ всѣхъ младыхъ змѣ-
енныхъ;—

Богатырское его сердце разгорѣлося,
Разгорѣлося да распотѣлося.

Онъ правилъ коня ко Пучай рѣки,
Снимаетъ платице онъ цвѣтное,
Забрелъ онъ за струечку за первую,
Забрелъ онъ за струечку среднюю,
Самъ говорить таково слово:

— Мнѣ Добрынь матушка говорила,
Мнѣ Никитичу матушка наказы-
вала:

Не купились Добрыня во Пучай
рѣки!

А Пучай рѣка да есть свирѣпая,
Средняя струя какъ огонь свѣчать;

А Пучай рѣка да есть смиръна
крута.

Какъ будто лужа вѣдь дождевая.—
Вотъ какъ вѣтру нѣтъ и тучу под-
несло.

Тучи нѣтъ, да будто громъ гремитъ,
Грому нѣтъ, да искры сыплются,—
Налетѣло змѣячицо Горынчицо
О двѣнадцати змѣя хоботахъ.

„А теперь Добрыня во моихъ ру-
кахъ,

Я теперь Добрыню съѣмъ-сожру;
Съ конемъ съѣмъ сожру, а захочу
въ полонъ возьму!“

Какъ не было у Добрыни да добра
коня,

Да не было у Добрыни платя цвѣт-
наго,

Да не было меча да бурзоцепаго,
А Добрыня-то плавать гораздъ онъ
былъ.

Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Перенырнетъ на бережекъ на здѣш-
ный.

А только лежалъ да пуховъ колпакъ.
Насыпанъ колпакъ да земли грече-
ской¹⁾,

Вѣсомъ колпакъ ровно три пуда.
Онъ ударилъ во змѣю да во про-
клятую,

Отбилъ двѣнадцать хоботовъ.
Тутъ упала змѣя да во ковыль
траву.

А Добрыня да на ножку повертокъ;
Онъ скочилъ змѣи да на бѣлы груди,
Вотъ какъ тутъ змѣя да возмоли-
лася:

„Ай же ты, Добрыня сынъ Ники-
тиничъ!

Мы положимъ съ тобой заповѣдь
великую,

Чтобъ не ѣздить-бы тебѣ во да-
лече чисто поле,

Не топтать-то вѣдь молодыхъ змѣе-
нышевъ,

А моихъ-то вѣдь рожденныхъ ма-
лыхъ дѣтушекъ, —

А мнѣ не летать больше на свя-
тую Русь,

Не носить-то людей да во полонъ
къ себѣ“.

А и та змѣя да вѣдь проклятая,
Поднялась она да вѣдь подъ облаку.
Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ
градъ,

Захватила тутъ князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну.

Солнышко Владиміръ стольне-кѣв-
скій,

Онъ и клязалъ вѣдь былицъ да вол-
шебницъ,

Кто-бы могъ достать Забаву дочь
Путятичну:

Какъ проговорить Алешенька Ле-
вонтьевичъ:

— Ай ты, солнышко Владиміръ
стольне-кѣвскій!

Ты накинъ-ка эту службу на
Добрынюшку,

На молода Добрынюшку Ники-
тинича.

У него-то со змѣей заповѣдь
положена

А не ѣздить боли(ѣ) во чисто поле,
На тны горы сорочинскія,

Не топтать-то вѣдь молодыхъ змѣе-
нышевъ,

А змѣи не летать да на святую
Русь,

Не полонить ей да людей рус-
скихъ.

Такъ онъ можетъ достать безъ
бою, драки-кровапролитія. —

Какъ пошелъ Добрыня, закручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову,

Утупилъ онъ ясны очи во сыру землю.
Какъ проговорила Добрынина ма-
тушка,

Пречестна вдова да Мальфа Тимо-
феевна:

„Ай же ты, Добрынюшка Микити-
ничъ!

Что же ты, Добрыня, закручинился?
Али мѣсто тебѣ было не по чину,

Али чарой на пиру тебя пообнесли,
Дуракъ на пиру да насмѣялся-де?“

Испроговорить Добрыня родной ма-
тушкѣ:

— Мѣсто мнѣ вѣдь было по чину,
Чарой меня да не пообнесли,

А дуракъ-то на пиру не на-
смѣялся-де.

¹⁾ Колпакъ (шляпа) земли греческой — изъ
земли греческой, греческаго покроя.

Какъ солнышко Владиміръ столь-
не-кіевской
Онъ накиннулъ мнѣ да службу вѣдь
великую,
Съзвездить мнѣ далече во чисто поле,
На тьи горы сорочинскіи,
Во тую нору во глубокую,
А достать князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну!
Проговорить Добрынюшкина мату-
шка:
„Молись-ко Богу и ложись-ко спать:
Утро будетъ мудрое,
Мудренѣ оно вечера“.
Попутру онъ вставалъ ранешенько,
Умывался водушкой бѣлешенько,
Подкрутился вѣдь да хорошохонько.
Онъ зашелъ во конюшеньку стоялую,
Онъ сѣдлалъ вѣдь коня дѣдушкова,
Онъ сѣдлалъ да во сѣделышко чер-
каское,
Потнички онъ клалъ на потнички,
Онъ на потнички клалъ вѣдь вой-
лочки,
А на войлочки черкасское сѣделышко.
Онъ натягивалъ двѣнадцать тугихъ
подпруговъ,
А тринадцатой-то клалъ для-ради
крѣпости:
Чтобы добрый конь съ сѣдла не
выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырुтилъ.
Подпруги-то были шелковыя,
А шпеньки-ты были булатніи,
Пряжки у сѣдла да красна золота.
Вотъ какъ шелкъ не рвется, а бу-
латъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ не-ста-
рѣетъ.
Онъ прощался съ родной матушкой,
Пречестной вдовой да Мальфой Ти-
мофеевнѣй.

Она на прощаньице ему да плетку
подала,
Сама говорила таково слово:
„Когда будешь далече да во чи-
стой поли
На тьихъ горахъ да сорочинскихъ,
А притопчешь-то ты всѣхъ мла-
днихъ змѣенышевъ,
Подточать у бурука они щоточки,
Такъ возьми ты плеточку шелковую,
Бей бурушки промежду ушей...
Станетъ бурушка-кавурушка под-
скакивать,
А змѣенышевъ отъ ногъ да оттря-
хивать,
Притопчетъ всѣхъ да до одинаго“.
Онъ пріѣхалъ-то во чисто поле,
На тьи горы сорочинскіи,
Притопталъ-то онъ младыхъ змѣе-
нышевъ.
Подточили да змѣи коню подъ що-
точки:
Не можетъ бурушка болѣй да под-
скакивать,
Змѣенышевъ отъ ногъ да вѣдь от-
тряхивать.
Добрынюшка Микитяничъ
Онъ взялъ плеточку шелковую,
Сталъ бить бурушка промежду ушей...
Сталъ бурушка-кавурушка подскаки-
вать,
А змѣенышевъ отъ ногъ да вѣдь
оттряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ да до одинаго.
Какъ изъ норы да изъ глубока
Выходило змѣищо Горынищо,
Выходила змѣя да та проклятая,
Сама говорить да таково слово:
— Какъ у насъ съ тобой была за-
повѣдь положена,
Чтобъ не ѣздить тебѣ болѣ во
чисто поле,

Не топтать-то молодых змѣ-
нышевъ,
Монхъ-то роженныхъ малыхъ дѣ-
тушекъ. —

Испроговорить Добрыня сынъ Ни-
китиничъ:

„Ай же ты, змѣя да ты проклятая!
А черти-ль тебя несли да черезъ
Кіевъ!

Зачѣмъ ты взяла князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну?
Ты отдай безъ брани, безъ бою-
кровапролитія!“

Испроговорить змѣя та проклятая:
— Не отдамъ тебѣ безъ брани-кро-
вапролитія! —

Они тутъ дрались да цѣло по три
дня.

А Добрыня сынъ Никитиничъ
Отшибъ у ей двѣнадцать хоботовъ,
Убилъ змѣю да ту проклятую.
Сошелъ во нору во глубокую:
Тамъ много князей-боярровъ,
И много русскіихъ могучіихъ бога-
тырей,

А мелкой силы и смѣты нѣтъ.
Испроговорить Добрыня сынъ Ни-
китиничъ:

„Теперь вамъ да воля вольная!“

Онъ взялъ князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Онъ отдалъ Алешенькѣ Поповичу
Свести ее да во Кіевъ градъ,
Ко солнышку ко князю ко Владимиру,
А самъ увидѣлъ лошадиный бродъ:
По колѣнъ-то у бурки да ноги
грязнули.

Онъ наѣхалъ паляницу женщину
великую,

Онъ ударилъ своей палицей бу-
латнею

Да тую паляницу въ буйну голову, —
Паляница назадъ не оглянется;

Добрыня на конѣ да приужахнется.
Воротился Добрыня да ко сыру дубу,
Толщину дубъ шести сажень.

Онъ ударилъ своей палицей булат-
нею во сырой дубъ,
И расшибъ-то дубъ да весь по ла-
стиньямъ,

Самъ говоритъ таково слово:

„Какъ сила у богатыря по старому,
А смѣлости у богатыря не по ста-
рому“.

Онъ догналъ-то паляницу женщину
великую,

Онъ ударилъ своею палицею булатнею
Тую паляницу въ буйну голову.

Паляница-то назадъ да не огля-
нется,

Добрыня на конѣ да приужахнется.
Воротился Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ сажень двѣнадцати.

Онъ ударилъ своей палицей булат-
ною во сырой дубъ,

Онъ расшибъ-то дубъ весь по ла-
стиньямъ,

Самъ говоритъ таково слово:

„Какъ сила у богатыря по старому,
„А смѣлость у богатыря не по ста-
рому“.

Онъ догналъ-то паляницу женщину
великую,

Онъ ударилъ своей палицей булатнею
Тую паляницу въ буйну голову.

Паляница та назадъ да приоглянется,
Сама говоритъ таково слово:

— Я думала, козарики покусывають,
Ажно русскіи могучіи богатыри
пошалкивають! —

Ухватила Добрыню за желты кудри,
Посадила Добрыню во глубока кар-
манъ,

А везла Добрыню цѣло по три дня.
Испроговорить паляницынъ конь
человѣческииъ голосомъ:

„Ай же ты, хозяйшка любимая!
Не могу я васъ везти съ богаты-
ремъ.

Конь у богатыря супротивъ меня,
А сила у богатыря супротивъ тебя!“
Испроговорить паляница женщина
великая:

— Если старъ богатырь, я голову
срублю,
Если младъ богатырь, я въ полонъ
возьму;
Если ровня богатырь, я замужъ
пойду! —
Повыкинетъ Добрыню изъ карман-
чика.

Тутъ ей Добрыня вѣдь понравился.
Поѣхали ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру
Принимать съ Добрыней по злату
вѣнцу.

Побыло три дня у нихъ да пирова-
ваньице.

Говорить Добрыня своей родной ма-
тушкѣ

Пречестной вдовѣ да Мальфѣ Ти-
мофеевнѣ:

„Ты почто меня Добрынюшку не-
счастливаго породила?

Ты-бы лучше меня, матушка, споро-
дила

Бѣлыми горючимъ камешкомъ,
Завернула-бы во тонкій бѣлый ру-
кавичекъ,

А спустила-бы меня во сине море.

Я-бы вѣкъ тамъ Добрыня во морѣ
лежалъ,

Я не ѣздить-бы далѣе во чисто
поле,

Не проливалъ-бы я напрасно крови
человѣчя,

Не слезилъ-бы я Добрыня отцовъ-
матерей,

Не вдовилъ-бы я Добрыня молоды-
ихъ женъ,

Не сиротались-бы да малы дѣ-
тушки!“

Испроговорить да пречестна вдова
Мальфа Тимофеевна:

— Ай же ты, Добрыня свѣтъ Ни-
китиничъ!

Я-бы рада тебя, дитяtko, спородити
Я таланомъ-участью въ Илью Му-
ромя,

Я-бы силой въ Святогора бога-
тыря,

Я-бы смѣлостью въ Олеша да По-
повича,

Красотою во Осифа Прекраснаго,
А походкою щепетливою во того-
ли Чурилушку Пленковича,

Я-бы вѣжествомъ въ Добрынюш-
ку Никитича,

Только ты статьи есть, другихъ
Богъ не далъ,

Богъ не далъ, не пожаловалъ. —
Провожала Добрыню родна матушка.

Какъ простилася — воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,

Стала по покоймъ похаживать,
Стала голосомъ она да поваживать,

Жалобнѣшенько она да вѣдь съ при-
четью:

— Какъ у тня было стреми у
правня,

Провожала-то Добрыню любима
семья,

Молода дочь Настасья Никулична.
Провожаючи она да стала спра-
шивать,

Стала спрашивать, да выговари-
вать:

— „Ты когда Добрынюшка домой бу-
дешь,

Когда Добрыню ждать да изъ чиста
поля?“ —

Испроговорить. Добрыня сынъ Ни-
китичъ:

— „Когда ты меня стала спраши-
вать,

Я тебѣ буду наказывать:

Ты прожди Добрыню цѣло три
году,

Черезъ три года не буду — жди
и друго три.

Когда исполнится времечки шесть
годовъ,

Я не буду домой да изъ чиста
поля,

Поминай меня Добрынюшку уби-
таго,

А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля воль-
ная:

Хоть вдовой живи, да хоть за-
мужъ поди,

Хоть за князя поди, хоть за
боярина,

Хоть за русскаго могучаго бога-
тыря,

Только не ходи за моего брата
названаго,

За смѣлаго Олешу за Поповича,
А Олеша-то Поповичъ мой кре-
стовный братъ!“ —

Вотъ какъ день за днемъ будто
дождь дождить,

Недѣля за недѣлей какъ трава ра-
стетъ,

Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло тому времечки цѣло три

года,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.

И день-то за днемъ будто дождь
дождить,

Недѣля за недѣлей какъ трава ра-
стетъ,

Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло тому времечки друго три

года.

Когда исполнилось времечки шесть
годовъ,

Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Какъ во ту пору во то время

Приѣхалъ Олешенька Левонтьевичъ
изъ чиста поля.

Привезъ онъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрынюшки Ни-

китича,
Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ

полѣ,
Буйна голова его да испроломана,

Мугучи плечи его да испрострѣлены.
Головой лежитъ да чрезъ ракитовъ

кусть.
Пречестна вдова Мальфа Тимофеевна

Жалобнешенько она по немъ запла-
кала,

Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лицо бѣлое

По своему по рожиномъ по де-
тяти,

По молодомъ Добрынюшкѣ Мики-
тичѣ.

Какъ во ту пору во то время
Сталъ соляншко Владиміръ князь

похаживать,
Сталъ похаживать да выговаривать:

„Ай же ты, Настасья дочь Нику-
лична!

Да какъ тебѣ жить да молодой
вдовой,

Молодой свой вѣкъ коротати?
Ты поди замужъ — хоть за князя

поди, хоть за боярина,
Хоть за русскаго могучаго бога-

тыря,
Хоть за смѣлаго Олешу за Попо-

вича!“
Испроговорить Настасья дочь Ни-

кулична:
— Я исполнила-то заповѣдь муж-

нюю:

Я ждала Добрыню цѣло шесть
 годовъ,
Я исполню свою заповѣдь жен-
 скую:
Я прожду Добрыню друго шесть
 годовъ!
Когда исполнится времечки двѣ-
 надцать лѣтъ,
А не будетъ Добрыни изъ чиста
 поля,
Я поспѣю и тогда замужъ пой-
 ти.—
Вотъ какъ день за днемъ будто
 дождь дождить,
Недѣля за недѣлей какъ трава ра-
 стетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣ-
 жить.
Прошло тому времечки друго шесть
 годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
А тутъ солнышко Владиміръ князь
Сталъ похаживать да выговаривать:
„Ай же ты, Настасья дочь Ни-
 кулична!
Какъ же тебѣ жить да молодой
 вдовой,
Молодой свой вѣкъ да корѣтати?
Ты поди замужъ — хотъ за князя
 поди, хотъ за боярина,
Хотъ за русскаго могучаго бога-
 тыря,
Хотъ за смѣлаго Олешу за Попо-
 вича!“
Не пошла замужъ ни за князя, ни
 за боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Оле-
 шу за Поповича.
Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ да
 по третій день,
А сегодня имъ итти да ко Божьей
 церкви

Принимать съ Олешей по злату
 вѣнцу.
А Добрыня случился во Царѣградѣ.
Добрынинъ конь да спогыкается.
Испроговорять Добрыня сынъ Ни-
 китиничъ:
— Ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!
Ты зачѣмъ сегодня потыкаешься?—
Какъ проговорить Добрыня конь
 человѣческимъ голосомъ:
„Ай же ты, хозяинъ мой любимый,
Добрыня сынъ Микитиничъ!
Какъ ты ѣдишь да забавляешься,
Надъ собой незгодушки не вѣ-
 даешь:
Какъ твоя да любима семья
Молода Настасья дочь Никулична
Замужъ пошла за смѣлаго Олешу
 за Поповича,—
Вотъ пиръ у нихъ идетъ да по
 третій день,
Сегодня имъ итти да ко Божьей
 церкви
Принимать съ Олешей по злату
 вѣнцу“.
Богатырское его сердце разгорѣлося;
Взялъ онъ плеточку шелковую,
Сталъ онъ бурушка бить да про-
 между ушей...
Сталъ онъ бурушко-ковурушка по-
 скакивать,
Съ горы на гору да съ холма на
 холму,
Рѣки-озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пу-
 щать.
Что не ясенъ соколъ перелетѣть ле-
 титъ,
Добрый молодецъ да перегонѣть го-
 нить.
Онъ пріѣхалъ ко граду Києву.
Не воротами ѣхалъ, чрезъ стѣну
 городовую,
11*

Мимо тую башню наугольную,
Ко тому-ли ко подворью ко вдови-
ному.

Онъ поставилъ своего добра коня,
Добра коня среди бѣла двора
Не привязана да не приказана.
Какъ пошелъ во палаты бѣлока-
менны,

Онъ не спрашивалъ у воротъ да
приворотниковъ,

У дверей не спрашивалъ придвер-
никовъ,

Онъ всѣхъ въ зашей прочь оттал-
кивалъ.

Онъ зашелъ въ палаты бѣлокаменны,
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому,
Онъ на всѣ на четыре на стороны,
Пречестной вдовѣ да Мальфы Ти-
мофеевны въ особину.

А вслѣдъ идутъ придвернички, да
приворотнички,
Сами всѣ идутъ да жалобу тво-
рятъ:

— Ай же ты, пречестна вдова да
Мальфа Тимофеевна!

Какъ сей удалый добрый молодецъ,
Онъ наѣхалъ изъ поля скорымъ
гонцомъ,

Онъ не воротами ѣхалъ, черезъ
стѣну городовую,

Мимо тую башню наугольную.

Онъ не спрашивалъ насъ приво-
ротниковъ,

Онъ не спрашивалъ насъ при-
дверниковъ,

Онъ всѣхъ въ зашей насъ да прочь
отталкивалъ. —

Какъ проговорить честна вдова да
Мальфа Тимофеевна:

„Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій
дворъ,

Да въ палаты идешь бездокла-
дочно,

Въ покои идешь да безобсмыслочно,
А не спрашиваешь у воротъ да
приворотниковъ,

У дверей не спрашиваешь да при-
дверниковъ,

Въ зашей прочь да всѣхъ оттал-
киваешь?

Какъ бы было рожоно мое дитятко,
Молодой Добрыня сынъ Никити-
ничъ,

За твои поступки не умильни
Отрубилъ бы тебѣ буйну голову“.

Какъ проговорить Добрыня сынъ
Никитиничъ:

— Не напрасно-ли вы да согрѣ-
шаете?

И вчера съ Добрыней поразѣ-
хался,

Добрыня - то поѣхалъ ко Царю-
граду,

И поѣхалъ ко Кіеву.

Велѣлъ спросить про его любиму
семью,

Про молодую Настасью да Нику-
личну! —

Испроговорить да Мальфа Тимо-
феевна:

„Какъ его Добрынина да любима
семья,

Настасья дочь Никулична замужъ
пошла

За смѣлаго Олешу за Поповича;
Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ да

по третій день,
Сегодня имъ итти да ко Божьей

церкви
Принимать съ Олешей по злату

вѣнцу.
Какъ исполнилось времечки шесть

годовъ,
Приѣхалъ Олеша изъ чиста поля

И привезъ онъ вѣсточку нера-
достну:
Что нѣтъ жива Добрынюшки Ни-
китича,
Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ
поли,
Буйна голова его да испроломана,
Могучи плечи его да испрострѣ-
лены,
Головой лежитъ черезъ ракутовъ
кусть.
Жалобненько о немъ я да по-
плакала,
Слезила я свои очи ясныя,
Скорбила я свое лицо бѣлое
По своему рожономъ по дитятѣ
По молодомъ Добрынюшкѣ Никити-
чѣ:
Стала я по покоямъ похаживать,
Стала голосомъ я вѣдь поважи-
вать,
Жалобненько я да и съ при-
честью“.
Какъ проговорилъ удалый добрый
молодецъ:
— Мнѣ наказывалъ Добрыня сынъ
Никитичъ:
Какъ есть въ горенки, да во спа-
ленки,
А во спаленки есть на столики
Гуслицы его есть да яровчаты,
Платице его да скоморошское.—
Одѣвался молодецъ да скоморошиной,
Пошелъ онъ на тотъ на почестный
пиръ,
Онъ не спрашиваетъ у воротъ да
приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придвер-
никовъ,
И всѣхъ въ зашей прочь да онъ
отталкивалъ.
И заходить во палаты княжене-
ція,

Крестъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому.
На всѣ на четыре на стороны.
А князю Владимиру въ особину.
— Здравствуй, князь Владиміръ
стольне-кѣвскій
Со своей княгиней со Опраксией?—
Какъ вслѣдъ идутъ придвернички
да приворотнички,
Сами идутъ жалобу творять:
„Какъ сей удалый добрый молодецъ.
Онъ не спрашивалъ у воротъ насъ
приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ при-
дверниковъ,
Онъ всѣхъ въ зашей прочь да насъ
отталкивалъ“.
Скоморошина къ рѣчамъ не прини-
мается,
Скоморошина къ рѣчи не вчуется,
Испроговорить удаля скоморошина:
— Ай ты, солнышко Владиміръ
стольне-кѣвскій!
А гдѣ вѣдь наше мѣсто скомо-
рошино?—
Испроговорить съ сердцемъ князь
Владиміръ стольне-кѣвскій:
„Ваше мѣсто скоморошино
На той-то печкѣ на запечки,
На запечки печки муравленой!“
Онъ скоро скочилъ на мѣсто пока-
заное,
Онъ натягивалъ тетивочки шел-
ковые
На тьи-ли на струночки да золо-
ченны,
Сталъ онъ по струночкамъ похаживать,
Сталъ онъ голосомъ-то вѣдь пова-
живать.
А какъ играетъ во Царѣградѣ,
Онъ выигрышъ беретъ да все по
Кіеву,

Онъ отъ стараго всѣхъ да до ма-
лаго ¹⁾).

Только вси на пиру да призамолок-
нули,

Сами говорятъ да таково слово:

— Это не быть удалой скоморо-
шинъ,

А какому либо русскому могучему
богатырю.—

Испроговорить Владиміръ стольне-
кѣвскій:

„Ай же ты, удала скоморошина!

За твою игру да за веселую

Опущайся-ко съ пѣчки съ запечки,

Выбирай-ко себѣ три мѣста лю-
бимыхъ:

Первое мѣсто подли меня,

А другое мѣсто супротивъ меня,

Третье мѣсто кѣда самъ захошь,

Кѣда самъ захошь, еще пожа-
луешь!“

Не садилась скоморошина подли
князя,

А садилась скоморошина супротивъ
княжны да порученны,

Противъ молодой Настасьи Нику-
личной.

И проговорить удала скоморошина:

— Ай ты, солнышко Владиміръ
стольне-кѣвскій!

Ты позволь мнѣ налить чару зе-
лена вина,

А поднести-то чару кому я знаю,

Кому я знаю, еще пожалуй! —

¹⁾ Вар. 1-й: Тонцы повелъ отъ Нова-
города.

Другіе повелъ отъ Царя-града. (Г. 356).
Вар. 2-й:

Играхъ онъ во гуселышка тутъ яровчатые,
А все наигрища приводить онъ Добрынины.

Играетъ-то онъ вѣдь во Кіевѣ,

А на выигрышъ беретъ во Цари-градѣ,

Онъ повиыгралъ воо градъ во Кіевѣ,

Онъ во Кіевѣ да всѣхъ поименно

Онъ отъ стараго да всѣхъ до малого. (Г. 757).

Наливалъ онъ чару зелена вина,

Опустилъ онъ въ чару свой злаченъ
перстень,

Подносилъ онъ чару молодой княжнѣ,

Молодой княжнѣ Настасьѣ Нику-
личнѣ,

А самъ онъ говорилъ да таково
слово:

— Ай же ты, Настасья Никулична!

Ты прими-тко чару единой рукой,

Выпей чару единымъ духомъ.

А какъ выпьешь до дна, увидишь
добра,

А не выпьешь до дна, не уви-
дишь добра.

Молода Настасья Никулична,

Принимала-то чару единой рукой,

Выпила чару единымъ духомъ,

Увидала въ чарѣ свой злаченъ пер-
стень,

Которымъ съ Добрыней обручались.

Испроговорить Настасья Никулична:

„А не тотъ мой мужъ, который под-
ли меня сидитъ,

А тотъ мой мужъ, который супро-
тивъ меня сидитъ!“

Она скочила черезъ дубовый столъ

И упала къ Добрынѣ ко рѣзнымъ
ногамъ.

„Ты прости, прости, Добрынюшка
Никитиничъ,

А во той меня вины прости во
глупости,

Что не по твоему наказу вѣдь я
сдѣлала:

Я за смѣлаго Олешенку замужъ
пошла!“

И проговорилъ Добрыня сынъ Ни-
китиничъ:

— Не дивую я разуму женскому:

У нихъ волосъ дологъ, умъ ко-
ротокъ,

Ихъ кѣда ведутъ, они туда идутъ,

Ихъ куда везуть, они туда ѣдутъ.
 А дивую я князю Владиміру,
 Что князь-то Владиміръ ходилъ
 свататься,
 А княгиня-то Опраксія да свахою,
 У живого мужа жену просватали! —
 Тутъ князю Владиміру ко стыду
 пришло.
 Испроговорить Олешенка Леонтье-
 вичъ:
 „Ты прости, прости, крестовый братъ,
 Добрынюшка сынъ вѣдь Никити-
 ничъ!
 Что я подли твоей посидѣлъ да
 любимой семьи,
 Подлѣ молодой Настасьи Нику-
 личной!“
 Испроговорить Добрынюшка Ники-
 тиничъ:
 — Какъ во этой винѣ, братецъ, те-
 бя Богъ простить,
 А въ этой винѣ, братецъ, тебя
 не прошу!
 Вы пріѣхали изъ чиста поля че-
 резъ шесть годовъ,
 Привезли вы моей матушкѣ вѣ-
 сточку нерадостну,
 Что нѣтъ жива Добрынюшки Ни-
 китинича:
 Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ
 поли,
 Буйна голова его да испроломана,
 Могучи плечи его да испрострѣлены,
 Головой лежитъ черезъ раки товъ
 кусть.

Тутъ родитель моя матушка
 Пречестна вдова да Мальфа Ти-
 мофеевна
 Жалобнешенько она по мнѣ по-
 плакала,
 Слезила свои очи ясныя,
 Скорбила свое лицо бѣлое
 По своему по рожономъ по дитяткѣ
 По молодомъ Добрынюшкѣ Ники-
 тиничъ! —
 Тутъ схватилъ Олешу за желты кудри,
 Да выдернулъ Олешу чрезъ дубо-
 вый столъ,
 Бросилъ Олешу о кирпиченъ полъ,
 Выхватилъ шалыгу подорожную,
 Онъ сталъ шалыжищемъ охаживать,
 А что хлопанья, что оханья не
 слышно вѣдь.
 Что не два-ли ясныхъ сокола сле-
 тались,
 Два сильныхъ могучихъ богатыря
 Стѣзжались на смертный бой.
 А всякъ-тѣ, братцы, женится,
 А не всякому женитьба удавалась.
 А не дай Богъ женитьбы Олешу
 Поповича,
 Только Олеша и женатъ бывалъ....
 Вотъ тутъ вѣкъ про Добрыню ста-
 рину поютъ,
 Синему морю на тишину —
 Вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на
 послушанье.
 (Г. 799—811).
 (Записана въ Петровзаводск. у. Оленецк.
 губ.).

Примѣчанія къ былинѣ: „Добрыня Никитичъ“.

„Добрыня Никитичъ (говоритъ г. Вс. Миллеръ) постѣ Ильи Муромца—самый популярный богатырь нашего эпоса. Цѣна въ Ильѣ, своему представителѣ, мужицкую простоту и грубоватость, любясь его мощною силою, беззаветной храбростью, а иногда и безшабашнымъ разгуломъ, сказители былинъ съ эпической объективностью любятъ болѣе утонченнымъ представителемъ высшаго сословія — Добрынею, этимъ

придворнымъ богатыремъ съ его *съжестовомъ*, рожденнымъ и ученымъ. Добрыня представляется ближайшимъ лицомъ къ князю Владимиру, называется даже его племянникомъ. Низведенный кое-гдѣ и въ торговое сословіе, онъ все же является сыномъ богатаго гостя (Никиты Романовича) и получаетъ соответственное воспитаніе—учится читать и писать“.

Эту двойственность въ происхожденіи нашего былиннаго богатыря нѣкоторые изслѣдователи склонны объяснять подведеніемъ подъ одно имя двухъ историческихъ личностей. Г. Халанскій говоритъ: „Въ виду довольно определенныхъ указаній Тверской лѣтописи на *Тимоню-Золотой поясъ*, храбра, товарища Олеси Поповича; въ виду того, что та же личность въ Никоновскій лѣтописи называется *Добрыня Рязаничъ-Золотой поясъ*, я присоединяюсь къ мнѣнію гг. Буслаева, Майкова и др., что въ былевомъ Добрынь Никитичѣ, племянникѣ князя Владимира, соединены два образа: кievскаго Добрыни, дяди Владимира, и какого-то сѣверно-русскаго, мѣстнаго, рязанскаго богатыря, м. б. Тимони. Произошла взаимная ассимиляція эпическихъ сказаній: рязанскій храбрый привлекся къ Владимиру и породнился съ нимъ; кievскій сподвижникъ Владимира получилъ мѣстную рязанскую окраску“.

Былины о Добрынь можно раздѣлить на слѣдующія группы:

а) *Добрыня-змѣборецъ*. „Исходя изъ яркой аналогіи въ нѣкоторыхъ деталяхъ, представляемой былиною о Добрынь-змѣборцѣ съ духовными стихами о святыхъ змѣборцахъ Георгии и Θεодорѣ Тиронѣ (говоритъ г. Вс. Миллеръ), я поставилъ вопросъ ¹⁾, почему нашъ эпосъ сдѣлалъ змѣборцемъ богатыря, носящаго *историческое* имя, и не представляется ли возможнымъ объяснить змѣборство Добрыни какъ эпическій отголосокъ какихъ-нибудь народныхъ преданій объ историческомъ Добрынь, дядѣ кн. Владимира. Приводя примѣры тому, что въ народныхъ сказаніяхъ историческій подвигъ какого-нибудь лица иногда впоследствии облекался въ фантастическую оболочку борьбы со змѣей, и воспользовавшись аналогіей змѣборства св. Георгия, въ легендѣ о которомъ змѣй является представителемъ сокрушеннаго язычества, я обратилъ вниманіе на роль историческаго Добрыни въ дѣлѣ сокрушенія язычества, въ Новгородѣ, изображенную весьма ярко въ отрывкѣ изъ такъ наз. Якимовской лѣтописи и увѣковѣченную старинной пословицей: „Путята крести мечомъ, а Добрыня огнемъ“....

б) *Добрыня-сватъ*. „Въ современныхъ былинахъ о Добрынь и Владимирѣ (говоритъ г. Халанскій) трудно указать, какія—остатокъ кievской старины, а какія возникли специально на сѣверѣ. Можно съ большою достовѣрностью полагать лишь, что былина о женитьбѣ Владимира представляетъ древне-кievское наслѣдство. Въ болѣе древней формѣ она является въ извѣстномъ лѣтописномъ сказаніи о женитьбѣ Владимира на Рогнѣдѣ-Гориславѣ, записанномъ со словъ „вѣдущихъ“, т. е. пѣснотворцевъ. Не сохранивъ въ себѣ пѣсеннаго склада, оно интересно, какъ отраженіе ходившихъ въ народѣ разсказовъ на тотъ же мотивъ“.

в) *Добрыня и Марина*. „Въ настоящее время (говоритъ г. Вс. Миллеръ) всѣ изслѣдователи былевого эпоса согласны въ томъ, что былина о Добрынь и Маринѣ представляетъ былинную обработку очень распространенной сказки о женѣ-волшебницѣ“. Г. Вс. Миллеръ не признаетъ за этой былиной большую древность. „Мнѣ кажется (говоритъ онъ), что, отрѣшившись отъ предвзятаго мнѣнія о домонгольскомъ происхожденіи разсматриваемой былины, слѣдуетъ въ наличныхъ текстахъ ея искать хронологическихъ указаній. А такими датами иногда въ нашемъ эпосѣ служатъ собственныя имена. Въ данномъ случаѣ упорно во всѣхъ вариантахъ былинь волшебница носитъ историческое имя XVII вѣка Марины, и въ текстахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, позволяющихъ предполагать, что это имя вытѣснило какое-нибудь другое, болѣе раннее, и что оно не существовало въ первоначальномъ изводѣ былинь“.

¹⁾ „Экскурсы“. Гл. II.

12. Алеша Поповичъ.

Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ.
(Сводная).

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясныхъ сокола вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,
Что по имени Алешенька Поповичъ

и младъ
А со молодомъ Якимомъ Ивано-
вичемъ...

..Поѣхали они ко городу ко Кіеву.
(Кирша, 123—124).

Подъ стольнымъ городомъ подъ Кіе-
вомъ
При ласковомъ князѣ Владиміръ
Объявилось новое чудовище:
Наѣзжалъ Тугаринъ Змѣевичъ.

(Р. III, 95).

Въ вышину-ли онъ Тугаринъ трехъ
сажень,

Промежъ плечей косая сажень,
Промежду глазъ—калена стрѣла;
Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь:
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.

(Кирша, 125).

Солнышко Владиміръ-стольно-кіевскій
Заводилъ свой хорошъ почестенъ пиръ
И зазвалъ Тугарина на почестный
пиръ.

Ставили столы ему дубовые,
Наливали питьица медвяныя,
Полагали ему ѣства сахарныя.—
Садился Тугаринъ за дубовый столъ:
Онъ по бѣлой лебедушкѣ заразъ гло-
талъ.

И сидѣлъ тутъ Алешенька Поповичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:

„Какъ у моего государя было ба-
тющки,

У Левонтья попа было ростовскаго,
Было псище-то старое,
Старое псище-то сѣдатое,
Хватило костице великое,
Гдѣ онохватило, подавилосѣ:
Подавиться Тугарину Змѣевичу
Отъ меня Алешки отъ Поповича“.
Сталъ Тугаринъ пить зелено вино:
По цѣлой чары заразъ глоталъ.
Говорить Алеша таковы слова:
„Какъ у моего родителя было ба-
тющки,

У Левонтья попа было ростовскаго,
Было коровище великое,
Выпило питьица лоханище,
Гдѣ оно выпило, тутъ и треснуло.
И треснетъ Тугаринъ-отъ Змѣе-
вичъ

Отъ меня Алешки отъ Поповича“.
Эти ему рѣчи не слюбилися:

Хватилъ на столъ ножище булатное
И шибнетъ въ Алешку во Попо-
вича,—

Пролетѣлъ ножъ мимо Алешу По-
повича.

Какъ у той было у печки мур-
веной

Стоялъ его слуга Акимъ паробокъ,
Налету онъ ножъ подхватывалъ,
Самъ къ ножу приговаривалъ:

„Ахъ ты ей, Алешенька Левонтье-
вичъ!

Самъ - ли ты пойдешь, али меня
пошлешь

Съ Тугариномъ супротивиться?“
Говорить Алешенька Левонтьевичъ:

— Не куда уйдетъ гагара безно-
гая.—

(Р. III, 95—96).

Втапору Тугаринъ взвился и вонъ
ушелъ,

Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ
подъ небёсю летать...

...Алеша... звился съ товарищи и
вонъ пошелъ.

Садилися на добры кони,
Поѣхали ко Сафатъ рѣкъ,
Поставили бѣлы патры,
Стали опочивъ держать,
Коней спустили въ зелены луга.
Тутъ Алеша всю ночь не спалъ,
Молился Богу со слезами:

„Создай, Боже! тучу грозную,
А и тучи-то, съ градомъ дождя“.
Алешины молитвы доходны ко Хри-
сту:

Даетъ Госнодь Богъ тучу, съ гра-
домъ дождя;

Замочило Тугарина крылья бумаж-
ныя,—

Падаеть Тугаринъ, какъ собака, на
сыру землю.

Приходилъ Екимъ Ивановичъ,
Сказалъ Алешѣ Поповичу,
Что видѣлъ Тугарина на сырой
землѣ.

И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взялъ одну сабельку острую
И поѣхалъ къ Тугарину Змѣевичу.
И увидѣлъ Тугаринъ Змѣевичъ
Алешу Поповича,

Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Хошь-ли я тебя огнемъ спалю,
Хошь-ли, Алеша, конемъ стопчу,
Али тебя, Алѣшу, копьемъ заколю“.
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
„Гой ты еси, Тугаринъ Змѣевичъ
младъ!

Бился ты со мною о великъ закладъ,
Биться-драться единъ на единъ,
А за тобою нынѣ силы смѣты нѣтъ

На меня Алешу Поповича“.

Оглянется Тугаринъ назадъ себя,—
Втапоры Алеша подскочилъ, ему го-
лову срубилъ,—

И пала глава на сыру землю, какъ
пивной котелъ¹⁾.

Алеша скочилъ со добра коня,
Отвязалъ чембуръ отъ добра коня
И прѣкололъ уши у головы Ту-
гарина Змѣевича,

И привязалъ къ добру коню,

¹⁾ Рассказывается (Кирша, XIX, 123 и сл.) и иначе объ истребленіи Тугарина: Алеша Поповичъ встрѣчается съ „каликкой переходжею“ и узнаетъ отъ него о Тугаринѣ Змѣевичѣ. Помѣнявшись съ каликой платьемъ и взявъ „шелепугу дорожную, которая была въ пятьдесятъ пудъ“, онъ „пошелъ за Сафатъ рѣку“.

Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ.

Подрогнула дубровушка зеленая,
Алѣша Поповичъ едва живъ идетъ.—
Говоритъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:

„Гой еси, калика переходжа!
А гдѣ ты слыхалъ и гдѣ видалъ
Про млада Алѣшу Поповича?

А и я-бы Алѣшу копьемъ закололъ,
Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ“.

Говоритъ тутъ Алѣша каликою:

— А и ты ой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
Поѣзжай поближе ко мнѣ,
Не слышу я, что ты говоришь.—

И подѣхалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ
младъ.

Сверстался Алѣша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлестнулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Расшибъ ему буйну голову,—

И упалъ Тугаринъ на сыру землю.

Скочилъ ему Алѣша на черну грудь.

Втапоры взмолился Тугаринъ Змѣевичъ
младъ:

„Гой еси ты, калика переходжа!

Не ты-ли Алѣша Поповичъ младъ?

Только ты Алѣша Поповичъ младъ,

Семь побратуемся съ тобой“.

Втапоры Алѣша врагу не вѣровалъ:

Отрѣзалъ ему голову прочь,

Платье съ него снималъ цѣльное

На сто тысячей — и все платье на себя на-
дѣвалъ.

(Кирша, 125—126).

Последнее обстоятельство едва не погу-
Алешу: Екимъ Ивановичъ принялъ его за
Тугарина, бросилъ въ него „палицу боевую“
и чуть не убилъ своего „братца родимаго“.

И привезъ въ Кіевъ на княженецкій
дворъ,
Бросилъ среди двора княженецкаго.
И увидѣлъ Алешу Владиміръ князь,
Попелъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убранны столы,—
Тутъ для Алеши и столъ попелъ.
Сколько времени покушавши,
Говорилъ Владиміръ князь:
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!

Чась ты мнѣ свѣтъ далъ,
Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,
Служи мнѣ князю Владиміру,
До любви тебя пожалую“.
Втапоры Алеша Поповичъ младъ
князя не ослушался,—
Сталъ служить ему вѣрою и прав-
дою...
(Кирша, 131—132).

Примѣчанія къ былинѣ: „Алеша Поповичъ“.

„Лѣтописныя сказанія объ Александрѣ Поповичѣ не разъ останавливали на себѣ вниманіе изслѣдователей; однако отношеніе ихъ къ былинамъ про Алешу Поповича осталось недостаточно выясненнымъ.

Тверской лѣтописецъ, излагая „Повѣсть о Калкацкомъ побойѣ, и о князехъ русскихъ, и о храбрыхъ 70“, сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ Александрѣ или Олешкѣ Поповичѣ на основаніи „описаній“ подвиговъ этого хоробра въ Ростовской землѣ... Отсюда мы узнаемъ, что Александръ Поповичъ былъ ростовскій житель и сначала служилъ в. кн. Всеволоду Юрьевичу, затѣмъ принималъ участіе въ усобицахъ его сыновей и наконецъ порѣшилъ отъѣхать въ Кіевъ „служити единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ“. Въ 1224 году онъ убитъ былъ въ битвѣ съ татарами на Калкѣ.

И такъ, былевой Алеша Поповичъ въ дѣйствительности назывался Александромъ (уменьш. Олешей) Поповичемъ, жилъ въ XIII вѣкѣ и былъ хоробромъ въ дружинѣ ростовскаго князя. Пользуясь принадлежавшимъ дружинникамъ правомъ перехода отъ одного князя къ другому, Алеша, по смерти рост. князя Константина, отъѣхалъ съ нѣкоторыми товарищами изъ Ростова въ Кіевъ. На службѣ кіевского князя онъ и умеръ; можетъ быть убитъ въ битвѣ съ татарами на Калкѣ, если только не домыселъ книжника лѣтописное сообщеніе: „и Александръ Поповичъ ту убиенъ бысть съ нѣмъ 70 храбрыхъ“.

О подвигахъ Александра Поповича на службѣ у кіевского князя мы узнаемъ изъ лѣтописи Никоновской (XVII в.); извѣстія, очевидно, вымышлены, составлены по народнымъ пѣснямъ. Они служатъ однако очевиднымъ доказательствомъ, что въ XVI и XVII вв. Олеша Поповичъ въ народной поэзіи еще не имѣлъ характера богатыря-представителя духовнаго сословія; онъ представлялся еще какъ дружинникъ, хоробрь. Да и въ теперешнихъ былинахъ образъ его двоятъ: то онъ смѣлый—нѣтъ смѣлѣе его во всемъ Кіевѣ; то онъ насмѣшникъ женскій, хвастунъ и коварный человекъ“ (Халанскій. „Великорусскія быliny кіевского цикла“. 1885 г.)

13) Отчего перевелись богатыри на
святой Руси?

Возгордились богатыри своими по-
бѣдами и до того расхвастались,
что стали вызывать на бой силу
небесную:

„Не намахалися наши могутныя
плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булат-
ные!“
И говорилъ Алеша Поповичъ младъ:

„Подавай намъ силу неадѣшную—
Мы и съ тою силою, витязи, справ-
вимся!“

Какъ промолвилъ онъ слово пера-
зумное,

Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
„А давайте съ нами, витязи, бой
держать—

Не глядите, что насъ двое, а васъ
семеро“.

Не узнали витязи воителей,
Разгорѣлся Алеша Поповичъ на
ихъ слова,

Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего
плеча:

Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего
плеча:

Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего
плеча:

Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи:
Стали они силу колоть-рубить...

А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Бились витязи три дня, три часа,
три минуточки,

Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупилися мечи ихъ булатные...
А сила все растеть,

Все на витязей съ боемъ идетъ...
Испугалися могучіе витязи:
Побѣждали въ каменные горы, въ
темныя пещеры...

Какъ побѣжитъ витязь къ горѣ,
такъ и окаменѣтъ;
Какъ побѣжитъ другой, такъ и
окаменѣтъ;

Какъ побѣжитъ третій, такъ и
окаменѣтъ...
Съ тѣхъ поръ и перевелися витязи
на святой Руси!

(О. Миллеръ. Хр. 181).

Примѣчаніе. „Былина о гибели русскихъ богатырей не стоитъ особнякомъ въ славянской народной поэзіи. Мотивъ о появленіи въ бою силы небесной, воскреше-
ніе побитыхъ воиновъ въ возрастающей прогрессіи и бѣгство изъ битвы витязей,
устрашенныхъ грознымъ движеніемъ противъ нихъ силъ земныхъ и небесныхъ, вы-
званныхъ ихъ гордостью и высокомеріемъ,—встрѣчается и въ южно-славянскихъ пѣс-
няхъ. Пѣсни эти приурочиваются къ нашествію турокъ на Балканскій полуостровъ
и паденію передъ грубой ордой разныхъ центровъ прошлой исторической жизни—
болгаръ и сербовъ... Сказанія объ участіи небесныхъ силъ, ангеловъ, въ битвахъ
людей нерѣдко встрѣчаются и въ древней письменности. Вѣроятно, возникшій изъ
такихъ книжно-церковныхъ мотивовъ какой-либо цѣльный апокрифъ легъ въ осно-
ваніе южно-славянскихъ пѣсенъ и русскихъ былинъ...“

Проф. Дашкевичъ пытается приурочить былины о гибели богатырей къ Кал-
кинской катастрофѣ. Но несомнѣнно существовали народныя пѣсни о гибели хра-
бровъ въ бою съ татарами не только на Калкѣ, но и на Сити и на другихъ мѣстахъ.
Въ народномъ сознаніи была подготовлена почва для воспріятія литературныхъ ска-
заній, книжныхъ образовъ, объ участіи и небесной силы въ битвахъ смертныхъ, о
наказаніи возгордившихся своею силою людей. Усвоенное литературное сказаніе,
ассимилировавшись съ туземными пѣснями, возродилось въ художественной былинѣ

о гибели витязей на Сафать-рѣкѣ. Разлитый въ пѣснѣ трагизмъ положенія витязей въ борьбѣ съ рокомъ, силой небесной, ставитъ ее въ рядъ прекрасѣйшихъ произведеній безыскусственного народнаго творчества“.

(Халанскій. „Великорус. былины кievскаго цикла“. 1895 г.).

2. Историческія пѣсни.

Различіе между историческими пѣснями и былинами. „Въ нашей литературѣ, особенно учебной, различаются собственно былины и историческія пѣсни,—что имѣетъ свое основаніе: и былины, правда, въ значительной степени основываются на историческихъ фактахъ, но эта историческая основа ихъ сильно затемнена посторонними наслоеніями и элементомъ сверхъестественнаго, фантастическаго; восходя многими своими чертами къ отдаленнѣйшимъ вѣкамъ русской исторіи, помня еще Владимира Святого, а можетъ быть—и его предковъ, былины въ сознаніи послѣдующихъ поколѣній являлись отзвукомъ славнаго былого, минувшаго величія, приобрѣтали особую цѣну, рѣдкое обаяніе; утративъ живую, непосредственную связь съ событіями, вызывавшими ихъ появленіе, былины приобрѣтали болѣе спокойный величавый характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ становились доступнѣе для вѣншихъ воздѣйствій и позднѣйшихъ бытовыхъ наслоеній. Въ историческихъ пѣсняхъ сильнѣе и рельефнѣе выступаетъ элементъ историческій—въ опредѣленныхъ историческихъ событіяхъ, лицахъ, обстановкѣ; пѣсня историческая болѣе устойчива и не такъ спокойна и объективна, какъ былина; звуки исторической пѣсни слышатся въ былинѣ о Калинѣ, собственно же историческая пѣсня начинается съ такихъ пѣсенъ, какъ о Щелканѣ и др.“.

(А. М. Лобода. Русскій богатырскій эпосъ. Стр. 4—5).

1. Калинъ царь.

(Осада Кіева).

Да изъ Орды, Золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатня,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ царь Калиновичъ,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою съ поганою;
Не дошелъ онъ до Кіева за семь
верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,

Сбиралося съ нимъ силы на сто
верстъ,

Во всѣ тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать-сыра земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?

А отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяць-солнце померкнуло.
Не видитъ ¹⁾ луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ
быть.

¹⁾ Не видать.

Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
 Писалъ ярлыки скорописчаты
 Ко стольному городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю Владиміру,—
 Что выбралъ татарина выше всѣхъ:
 А мѣрю тотъ татаринъ трехъ са-
 жень,
 Голова на татаринѣ съ пивной ко-
 тель,
 Которой котель сорока ведеръ,
 Промежъ плечами косая сажень;
 Отъ мудрости слово написано:
 Что возметъ Калинъ царь стольной
 Кіевъ градъ,
 А Владиміра князя къ полонѣ по-
 лонитъ,
 Божьи церкви на дымъ пуститъ.
 Даетъ тому татарину ярлыки ско-
 рописчаты,
 И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
 Садился татаринъ на добра коня,
 Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю Владиміру;
 А и будетъ онъ татаринъ въ Кіевѣ.
 Среди двора княженецкаго
 Скакалъ татаринъ съ добра коня,
 Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
 Бѣжитъ онъ во гридню во свѣтлую,
 А Спасову образу не молится,
 Владиміру князю не кланяется,
 И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
 Бросалъ ярлыки на круглой столъ
 Передъ великаго князя Владиміра.
 Отшедъ татаринъ, слово выговорилъ:
 „Владиміръ князь стольной кіевской!
 А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ
 Безъ бою, безъ драки великія,
 И безъ того кроволитія напраснаго“.
 Владиміръ князь запечалился,
 А наскорѣ ярлыки распечатывалъ
 и просматривалъ,
 Глядячи въ ярлыки — заплакалъ
 свѣтъ. —

По грѣхамъ надъ княземъ учини-
 лоса,
 Богатырей въ Кіевѣ не случилось.
 А Калинъ царь подъ стѣною стоитъ,
 А съ Калиномъ силы написано
 Ни много, ни мало—на сто верстъ
 Во всѣ четыре стороны.
 Еще со Калиномъ сорокъ царей со
 царевичемъ,
 Сорокъ королей съ королевичемъ.
 Подъ всякимъ царемъ силы по три
 тмы, по три тысячи ¹⁾.
 Кирша, 165—167.

2. Щелканъ Дудентьевичъ.

(Управленіе. Данъ. Расправа съ татарами).

А и дѣялося въ Ордѣ,
 Передѣялося въ Большой,—
 На стулѣ золотѣ,
 На рытомъ бархатѣ,
 На червчатой камѣ
 Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
 Азвякъ Тавруловичъ:
 Суды разсуживаетъ
 И рады разряживаетъ,
 Костылемъ размахиваетъ
 По бритымъ тѣмъ усамъ,
 По татарскимъ тѣмъ головамъ...
 Шурьевъ царь дарилъ,
 Азвякъ Тавруловичъ,
 Городами стольными:
 Василья на Плесу,
 Гордѣя къ Вологдѣ,

¹⁾ Калину не удалось взять Кіева: на выручку явился Илья Муромецъ. Схватилъ Илья татарина за ноги, Которой ѣздивъ въ Кіевъ градъ, И зачалъ татаринѣмъ помахивати: Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежать, Куды отвернетъ—съ переулками. Разогнавъ татарскія силы, онъ схватилъ Калина царя, «согнулъ его корчагою и расшибъ его въ крохи».

Кирша, 170—171.

Ахрамѣя къ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ, —
Его дома не случилось:
Уѣзжалъ то младъ Щелканъ
Въ дальнюю землю Литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ младъ Щелканъ,
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ, —
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани, выходы,
Царскія невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ—цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога; —
Царское жалованье;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать; ни промѣнять
И друга дарить ¹⁾,
Щелкана Дудентьевича.
Проговорить младъ Щелканъ, —
Младъ Дудентьевичъ:
„Гой еси, царь Азвякъ,...

¹⁾ И только можно друга дарить.

(Ты пожаловалъ шурьевъ своихъ разными городами)

Пожалуй ты, царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи“.
Проговорить царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
„Гой еси, шурина мой
Щелканъ Дудентьевичъ,
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимаго,
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячія;
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою...

(Щелканъ такъ и сдѣлать и получилъ Тверь).

И втѣпоры младъ Щелканъ
Онъ судьбою насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А немного онъ судьбою сидѣлъ...
Надо всѣми наругатися, ¹⁾
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе —
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ, —
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли съ честными подарками —
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домъ у себя
Щелкана Дудентьевича;

¹⁾ ... Сталъ наругатися.

Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Втапоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загординился,
И они съ нимъ раздорили —
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскался.

Кирша, 21—24.

3. Михайло Казариновъ.

(Полоняники).

Михайло Казарининъ
Поѣхалъ на гору высокую,
Смотрѣлъ раздолья широкія,
И увидѣлъ въ полѣ три бѣла шатра.
Стоитъ бесѣда — дорогъ рыбій зубъ,
На бесѣдѣ сидятъ три татарина,
Три собаки наѣзники,
Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
Руская дѣвица полоняночка,
Молода Марѣя Петровична,
Во слезахъ не можетъ слово мол-
вити,

Добрѣ жалобно причитаючи:
„О злочастная моя буйна голова!
Горе горькая моя руса коса,
А вечеръ тебя матушка расчесы-
вала,

Расчесала матушка, заплетала;
Я сама, дѣвица, знаю, вѣдаю,
Расплетать будетъ моя руса коса
Тремъ татарамъ наѣзникамъ“.
Они тѣ-то рѣчи татары договари-
ваютъ,

А первой татаринъ проговорить:
„Не плачь, дѣвица, душа красная,
Не скорби, дѣвица, лица бѣлаго,
Асделу ¹⁾ татарину достанешься,

¹⁾ А съ дѣлу (съ дѣлажа)?

Не продамъ тебя дѣвицу дешево,
Отдамъ за сына за любимого,
За мирнаго сына въ Золотой Ордѣ“.
Со тѣя горы со высокія
Какъ ясенъ соколъ напускается
На синемъ морѣ на гуси и лебеди,
Во чистомъ полѣ напускается
Молодой Михайло Казарининъ,
А Казарининъ душа Петрови-
чъ младъ;

Приправилъ онъ своего добра коня,
Принастегивалъ богатырскаго —
И въ рукѣ копьѣ мурзамецкое:
Перваго татарина копьемъ скололъ,
Другого собаку конемъ стопталъ,
Третьяго о сыру землю;
Скочилъ Казарининъ съ добра коня,
Сохватилъ дѣвицу за бѣлы ручки
Руску дѣвицу полоняночку...

(Въ полоняникѣ онъ узналъ свою сестру).

„Гой еси, душа красная дѣвица,
Молода Марѣя Петровична!
А ты по роду мнѣ родна сестра,
И ты какъ татарамъ досталася?
Ты какъ тремъ собакамъ наѣзни-
камъ?“

Говорить ему родная сестра:

„Я вечеръ гуляла въ зеленомъ саду,
Со своей сударынею матушкой,
Какъ издадеца, изъ чиста поля,
Какъ черны вороны налетывали,
Набѣгали тутъ три татарина на-
ѣзника,

Полонили меня красну дѣвицу,
Повезли меня во чисто поле:
А я такъ татарамъ досталася,
Тремъ собакамъ наѣзникамъ“.
Молодой Михайло Казарининъ
Собираетъ въ шатрахъ злата, се-
ребра,

Онъ кладетъ во тѣ сумы перемет-
ныя,

Переметныя, сыромятины,
И беретъ бесѣду — дорогы рыбій
зубъ,
Посадила дѣвицу на добра коня,
На рускаго богатырскаго,
Самъ садился на татарскаго —
Какъ бы двухъ коней въ поводу
повелъ —
И поѣхалъ къ городу Кіеву.
Кирша, 143—145.

4. Царь Бахметъ и Авдотья Рязаночка.

(Выкупъ полоняниковъ).

Подступалъ тутъ царь Бахметъ ту-
рецкій,
И разорялъ онъ старую Казань ¹⁾
городъ подлѣсную,
И полонилъ онъ народу во полонъ
сорокъ тысячей,
Увелъ весь полонъ во свою землю.
Оставаласи въ Казанѣ одна женка
Рязаночка,
Стосковаласи женка, сгореваласи:
У ней полонилъ три головушки:
Милаго-то братца родимаго,
Мужа вѣнчальнаго,
Свекра любимаго.
И думаетъ женка умоу-разумомъ:
„Пойду я во землю турецкую
Выкупать хотя единныя головушки
На дороги хорошіе на выкупы“...

Съ великимъ трудомъ добралась она
до Бахмета: на пути были рѣки-озера
глубокія, звѣри лютые, разбойники. Уди-
вленный поступкомъ Рязанки,

Говорить ей царь Бахметъ турецкій:
— Ты Авдотья, женка Рязаночка!
Когда ты умѣла пройти путемъ да
и дорогою,

¹⁾ Дѣло идетъ, вѣроятно, о Рязани, по-
тому что женка называется Рязаночкой.
Прим. Р.

Такъ умѣй-ка попросить и голо-
вущка
Изъ трехъ единныя;
А не умѣешь ты попросить голо-
вущки,
Такъ я срублю тебѣ по плечъ буйну
голову. —
Стоячись женка пораздумалась,
Пораздумалась женка, порасплака-
лась:

„Ужъ ты, батюшка царь Бахметъ
турецкій!

Я въ Казани-то была женка не
последняя,

Не последняя я была женка, первая:
Я замужъ пойду, такъ у меня и
мужъ будетъ,

Свекра стану звать батюшкомъ;

Приживу я сына любезнаго,

Такъ у меня и сынъ будетъ;

Приживу я себѣ дочку любезную.

Воспою-вскормлю, замужъ отдамъ,

Такъ у меня и зять будетъ.

Не видать мнѣ буде единныя го-
ловушки,

Мнѣ милаго братца родимаго,

Да не видать вѣкъ да и по вѣку“.

Сижучись да царь пораздумался,

Пораздумался царь, порасплакался:

— Ты, Авдотья женка Рязаночка!

Когда я разорялъ вашу сторону,

Казань городъ подлѣсную,

Тогда у меня убили милаго-то братца
родимаго:

Не видать буде вѣкъ да и по вѣку.

За твои-то рѣчи разумныя,

За твои-то слова за хорошія,

Ты бери полону, сколько надобно:

Кто въ родствѣ, въ кумовствѣ,

въ крестномъ братовствѣ. —

Начала женка ходить въ землѣ ту-
реціи,

Выбирать полонъ во свою землю.

Она выбрала весь полонъ земли ту-
репкѣя,
Привела да полонъ въ свою Казань
городъ подлѣсную,
Разселила Казань городъ по ста-
рому,
По старому да по прежнему.

Рыбн. III. 227—229.

(Записана въ Пудожск. у Олонецк. губ.).

У

5. Взятіе Казани.

Вы, молодые ребята, послушайте,
А мы, стары старики, да будемъ
сказывать
Про грозного царя Ивана Василье-
вича,
Какъ государь царь Иванъ Василье-
вичъ,

Казань городъ покорилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку онъ под-
копы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ поро-
хомъ катилъ,
А онъ пушки и снаряды въ чи-
стомъ полѣ разставлялъ:
А татаре-то по городу похаживаютъ,
Они грозному царю да насмѣхаются:
„Не бывать пашей Казани да за
бѣлымъ царемъ!“

Какъ тутъ государь царь Иванъ
Васильевичъ

Государь царь поразгнѣвался,
Что подрывъ-то такъ долго медлится,
Приказалъ тутъ онъ да пушкарей
казнить,

Всѣхъ подкопщиковъ да и зажи-
гальщиковъ.

Какъ тутъ всѣ пушкари призаду-
мались,

Призадумались да запечалились,
А одинъ пушкарь поотважился,

Говорить пушкарь да таково слово:
;Ты позволь, государь, слово выго-
ворить!“¹⁾

Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Какъ тутъ догорѣли зажигальныя
свѣчи,

Вдругъ разорвало бочки съ порохомъ:
Стѣны-крѣпости бросало за Сулай
за рѣку.

Татарье тутъ всѣ устрашилися,
Они бѣлому царю да покорилися²⁾.
Говорятъ они татаре таково слово:
— Вѣчно быть нашей Казани подъ
святой Русью,

Подъ святой Русью непобѣдимую,
Непобѣдимую, Богомъ любимую!

Г. 827.

(Записано въ Петербургѣ).

У

6. Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

(Никитѣ Романовичу дано село).

Когда-то возсіяло солнце крас-
ное
На тоѣмъ-то небушѣ на ясноѣмъ,
Тогда-то воцарился у насъ Гроз-
ный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ по-
честный пиръ:

Вси-то на пиру да наѣдалися,
Вси-то на почестномъ напивалися
И вси на пиру порасхвастались.

¹⁾ «Не вели ты насъ канонеровъ казнить:
Что на вѣтрѣ свѣча горить скорѣе,
А въ землѣ-то свѣча идетъ тише».
Кириша, 195.

²⁾ Иванъ В. взялъ съ казанскаго царя
Симеона царскую корону,
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царскій мостыль въ руки принялъ.
И въ то время царь воцарился
И послалъ въ Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И съ тѣхъ поръ великая слава.

Кириша, 196.

Иный хвастаетъ села со присел-
ками,

А иный хвалитъ города съ при-
городками,

Иный хвалится да золотой казной,
Умный хвалится родной матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой.

Изъ-за того стола да изъ-за ду-
бова

Не золота звонка труба вытрубила,
Испроговорилъ Грозный царь Иванъ
Васильевичъ,

Испроговорилъ онъ таково слово:
„Есть и мнѣ царю тецерь похва-
стати:

Я повynesъ-то царенье изъ Царя-
града,

Царскую порфиру на себя надѣлъ,
Царскій костыль я себѣ въ руки
взялъ,

И повыведу измѣну съ каменной
Москвы!“

Съ-по тыя было палаты бѣлока-
менной

Тутъ не красное-то солнышко ка-
талоса,

А не скатный жемчугъ разсыпается,
Ходитъ маленькой Иванушко ца-
ревичъ-государь,

Сынъ ¹⁾ говорилъ да таково слово:
— Ты эй, государь мой родной ба-
тюшка!

Не вывести измѣны съ каменной
Москвы:

Сидитъ-то измѣна за однимъ сто-
ломъ,

Исъ-пьетъ измѣна одни кушанья,
Платьи носить однодѣтныя,
Да сапожни на ножкахъ одно-
личныя. —

Тутъ не мутное око помутилось,

Его царское сердце разгорѣлося
И сговорилъ Грозный царь Иванъ
Васильевичъ:

„Ахъ ты, маленькой Иванушко ца-
ревичъ-государь!

Ты подай мнѣ измѣнника да на
очи:

Я измѣннику голову срублю“.

Испроговорилъ Иванушко царевичъ
государь:

— Ужъ я глупымъ-то разумомъ
промолвился, —

Какъ на братца мнѣ сказать, такъ
мнѣ-ка братца жаль,

На себя мнѣ-ка сказать, такъ
мнѣ-ка живу не бывать;

А буде сказать мнѣ на братца
своего,

На того на Ѳедора Ивановича.

Ей ты, государь родной батюшка!
Когда жъ мы брали съ тобой цар-
скій градъ,

Когда ты-то ѣхалъ да по краечку,
А я-то ѣхалъ да по другому,

А братецъ мой ѣхалъ по середочки.
Мы съ тобою, государь, да все ѣхали,

Мы все казнили, да все вѣшали,
А Ѳедоръ братецъ ѣхалъ по се-
редочкѣ,

Напередъ пословъ да онъ пораз-
сылалъ,

Чтобы удалые да поразбѣгались,
А которые по кувиль-траву да
развалялися,

А которые при домахъ оставалися.
Теперича измѣна вся повыста-
ла. —

Тутъ не мутное око помутилось,
Ево царское сердце разгорѣлося:

„Ай вы ей, палачи да немилос-
тивы!

Вы возмите-ка Ѳедора Ивановича
За тѣя за рученьки да бѣлья,

¹⁾ Самъ?

За тые за перстни за злаченые,
Сведите-ка Өедора въ чисто поле
А на тое болотцо-то на Житное,
А на тую на плашку на липову,
Отрубите ему буйну голову
За него поступки неумильные!
Тутъ всѣ палачи поразбѣгались,
Которые разумны, растулялися;
Одинъ остался Малютка воръ Ску-
ратовъ сынъ.

А самъ говорилъ таково слово:
— „Я много вѣдь казнилъ царей,
царевичевъ,
И безъ счету королей да королевичей;
А тебя-ко-ва я Өеодора да не
спущу!“ —
Онъ беретъ его за ручки за бѣ-
лые,

За тые за перстни да за злаченые,
Повелъ Өеодора да въ чисто поле
На тое болотечко на Житное,
На тую плашечку на липову
Срубить Өеодору да буйну голову
За него поступки неумильные.

Во тую ль было пору да во то
время

Услыхала Авдотья ¹⁾ Романовна,
Его государыня да родна матушка,
Она чеботы обула да на босу ногу,
Кунью шубу-то одѣла на одно
плечо,

Побѣжала-то на горку да на Вши-
вую ²⁾,

А ко своему ко братцу ко роди-
мому,

Ко тому Никиты-то Романовичу.
А орѣзатъ ю брата-отъ ей ро-
диннй,

А самъ говоритъ таково слово:

„Что же ты, сестрице, да не въ-
покрутъ,
А въ одной ты шубы черныхъ
соболей?“

Говорить Авдотья да Романовна:
— Ты ей же, братецъ мой родимый,
Знать ты надъ собой невзгодушки
не вѣдаешь:

Вѣдь нѣтъ жива твоего любимого
племянничка,
Тотъ воръ Малютка Скуратовъ
сынъ

(Увелъ его да во чисто поле) ¹⁾
На тое болотце да на Житное,
На тую плашку на липову
Срубить Өеодору буйну голову.—
Онъ кидается, скоро бросается,
Беретъ узду въ руки тесмянную,
Бѣжалъ на конюшню на стоялую,
Одѣвалъ на мала бурушка да ка-
вурушка,

Садился скоро на добра коня,
Не на сѣдлана, да не на уздана,
Городомъ ѣдетъ и да голосомъ кри-
читьъ,

Голосомъ кричать, да самъ рукой
машить:

„Ты ей, воръ Малютка Скуратовъ
сынъ!

Ты не тотъ кусъ съѣшь, самъ за-
давишься,

Не казни-тка млáда царевича,
Ай того жъ-де Өеодора Ивановича“.
Малютка того и не пытаючи,
Беретъ Өеодора да за желты кудри,
Клонитъ на плашку на липову,
Хочетъ срубить да буйну голову.
А наѣхалъ Никита Романовичъ,
Смахнулъ своей саблей да востроей,
Отнесъ Малютки буйну голову,

¹⁾ Настасья. Г. 142 и въ больш. ч. вар.

²⁾ Известная мѣстность въ Москвѣ.

¹⁾ Въ скобкахъ поставленъ видимо про-
пущенный стихъ.

За него поступки неумильные.
 А онъ взялъ де Ѳедора Ивано-
 вича,
 Увозилъ на горку да на Вшивую.
 Сегодня день былъ суботній,
 Завтра день да воскресный де,
 Ъхать намъ ко ранней ко заутрени.
 Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Ва-
 сильевичъ,
 Что нѣтъ жива молодого царевича,
 Сокрутился онъ во платьѣ во опаль-
 ное,
 Заложилъ лошадей да вороненныхъ
 Подъ ты (кареты) подъ черныя,
 Поѣхалъ ко ранней ко заутрени.
 А тотъ Никита да Романовичъ
 Заложилъ онъ лошадей да все ры-
 жихъ
 Одѣлъ на себя платьѣ цвѣтное,
 Платьѣ цвѣтное, самолучшее,
 Поѣхалъ ко ранней ко заутрени.
 Крестъ кладетъ по писаному,
 Поклонъ ведетъ по ученому
 На всѣ три-четыре стороны,
 А Ивану Васильевичу въ собину:
 „Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ
 Васильевичъ,
 Со своей со любимой семьей,
 Со молодой со Авдотьей со Ро-
 мановной,
 Со своими со малыми со дѣтушками,
 Со тѣмъ со Иваномъ Ивановичемъ!“
 И сговорилъ Грозный царь Иванъ
 Васильевичъ:
 — Ай ты же, шуринъ мой люби-
 мыя,
 Ты ей, Никита да Романовичъ!
 Знать ты надъ собой невзгодушки
 не вѣдаешь?
 Вѣдь нѣтъ жива твоего люби-
 маго племянника,
 Ай того де Ѳедора Ивановича,

Вѣдь увелъ воръ Малиутка Скура-
 товъ снѣгъ
 На тое болотцо да на Житное,
 Да на тую на плашку да на липову
 Срубилъ Ѳедору буйну голову
 За него поступки неумильные.—

Во второй и, наконецъ, въ третій разъ
 обратился съ такимъ же привѣтствіемъ Ни-
 кита Романовичъ, поздравствовалъ вмѣстѣ
 съ Иваномъ Ивановичемъ и Ѳедора Ива-
 новича.

Тутъ не мутное око помутилось,
 Его царское сердце разгорѣлось:
 — Ахъ ты ей же, шуринъ мой лю-
 бимый,

Ахъ ты ей же, Никита Романо-
 вичъ!

Знать, ты надо мной насмѣха-
 ешься!

Отстою какъ я раннюю заутрению.
 Прикажу тебѣ Никиты голову сру-
 битъ.—

И самъ заплакалъ горькимъ дяде-
 лемъ (птица).

— Какъ по ворахъ было—по разбой-
 никахъ,

По разбойникамъ—по ворахъ есть
 заступники;

По моему роженое (мѣ) по дѣтатки,

По тоѣмъ Ѳедоръ Ивановичъ,

По немъ не было никакого зату-
 пушки!—

Говорить Никита Романовичъ:

„Бываетъ ли грѣшному прощенье-то?“

Говорилъ Грозный царь Иванъ Ва-
 сильевичъ:

— Хоть бываетъ-то прощенье, те-
 перь взять негдѣ.—

Говорить Никита Романовичъ:

„Не отрублена есть Ѳедору да буйна
 голова,

А отрублена да буйна голова
А тому Малюты да Скурлатову“.
Тутъ Грозный царь Иванъ Василье-
вичъ,

Онъ кидается скорѣ, бросается
Не кидается за Ѳедора Ивановича ¹⁾,
Кидался за Никиту за Романовича,
Береть его за ручки за бѣлья,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Самъ говорить таково слово:

— Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори по-
жаловать?

Ты ей, шуринъ мой любимыя,
Дать тебѣ села съ приселками,
Али дать тебѣ да золотой казны?—
Говоритъ Никита Романовичъ:

„Есть у меня села съ приселками,
А и то мнѣ молодцу не похвальба.
Есть у меня города съ пригород-
ками,

А и то мнѣ молодцу не похвальба.
Есть у меня и золотой казны,
И то мнѣ молодцу не похвальба.
А ты дай-ка мнѣ Микитину да
вотчину:

Что хотъ съ петли уйди, хотъ
коня угони,
Хотъ коня угони, хотъ жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину
вотчину,—

Того добраго-то молодца да Богъ
простить“.

Онъ пожаловалъ Микитиною его
вотчиной:

Что хотъ съ петли уйди, да хотъ
коня угони,
Хотъ коня угони, да хотъ жену
уведи,

Столько ушелъ бы въ Микитину да
вотчину,—

Того добраго-то молодца да Богъ
простить.

¹⁾ Къ Ѳедору.

Тутъ вѣкъ про Микиту старину
скажутъ,

Синему морю на тишину,
Вамъ добрымъ людямъ на послу-
шанье.

Г. 784—789.

(Записана въ Повѣнецк. у. Олонек. губ.).

✓ 7. Покореніе Сибири.

Ермакъ.

Какъ на славныхъ на степяхъ
было Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались козаки, други, люди
вольные.

Собирались они, братцы, во единъ
кругъ,

Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яцккіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ сынъ Тимо-
феевичъ,

Есаулъ у нихъ Асташка сынъ Ла-
вrentьевичъ.

Они думали думушку всё единую:
„Ужъ какъ лѣто проходить, лѣто
теплое,

А зима настаетъ, братцы, холодная:
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зи-
мовать будетъ?

На Яикъ намъ иттить,—да пере-
ходъ великъ;

Да на Волгѣ ходить намъ,— всё
ворами слытъ;

Подъ Казань градъ иттить,—да
тамъ царь стоитъ,

Какъ Грозной-то царь Иванъ Ва-
сильевичъ,

У него тамъ силы много множество:
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ по-
вѣшену,

А намъ, козакамъ, быть перело-
вленнымъ,

Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ
поразоженнымъ“.

Какъ не золотая трубушка вос-
трубила,
Не серебряная—рѣчь громко воз-
говорить,
Рѣчь возговорить Ермакъ сынъ Ти-
мофеевичъ.

„Гей вы думайте, братцы, вы по-
думайте,
И меня, Ермака, братцы, послу-
шайте:

Зазимуемъ мы, братцы, всё въ
Астрахани,

А зимою мы, братцы, поиспра-
вимся;

А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во по-
ходъ пойдёмъ,

Мы заслужимъ передъ грознымъ
царемъ вину свою:

Какъ гуляли мы, братцы, по синю
мору,

Да по синему морю по Хвалын-
скому,

Разбивали мы, братцы, бусы-ко-
рабли,

Какъ и тѣ-то корабли, братцы,
не орленые,

Мы убили посланника все цар-
скаго,

Какъ того-то вѣдь посланника
Персидскаго“.

Какъ во славномъ было городѣ
во Астраханѣ,

На широкой на ровной было пло-
щади,

Собирались козаки, други, во еди-
ный кругъ,

Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:

„Какъ зима-то проходить всё хо-
лодная,

Какъ и лѣто настанетъ, братцы,
лѣто теплое:

Да пора ужъ намъ, братцы, въ
походъ иттить“.

Рѣчь возговорить Ермакъ Тимо-
феевичъ:

Ой вы гой еси, братцы, атаманы
молодцы!

Эй вы дѣлайте лодочки-коломенки,
Забивайте вы кочета ¹⁾ еловые,
Накладайте бабаички ²⁾ сосновые,
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей
помощью,

Мы пригрянемте, братцы, вверхъ
по Волгѣ по рѣкѣ,

Перейдемте мы, братцы, горы кру-
тыя,

Доберемся мы до царства бусур-
манскаго,

Завоюемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, Царю

Бѣлому,
А царя-то Кучума во полонъ возъ-
мемъ:

И за то-то государь-царь насъ
пожалуетъ;

Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу
Царю,

Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ

мышечку,

Принесу я Царю Бѣлому повинную:
— „Ой ты гой еси, надежа-право-

славный царь!

Не вели меня казнить, да вели рѣчь
говорить:

Какъ и я-то, Ермакъ сынъ Ти-
мофеевичъ,

Какъ и я-то, воровской донской
атаманушка,

¹⁾ Вбитые въ бортъ колышки, на которые
надѣваютъ весла. — ²⁾ Весла.

Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю
 морю,
 Что по синю морю по Хвалын-
 скому,
 Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы-
 корабли,
 Какъ и тѣ-то корабли все не
 орленне;
 А теперича, надежда, православ-
 ный Царь,
 Приношу тебѣ буйную головушку
 И съ буйной головой царство Си-
 бирское! —
 Рѣчь возговорить надежа православ-
 ный Царь,
 Какъ и Грозной-то царь Иванъ
 Васильевичъ:
 „Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Ти-
 мофеевичъ,
 Ой ты гой еси, войскою ¹⁾ дон-
 ской атаманушка!
 Я прощаю тебя да и со войскомъ
 твоимъ,
 Я прощаю тебя да за твою службу,
 За твою-то ли службу мнѣ за вѣр-
 ную,
 И я жалую тебѣ, Ермакъ, слав-
 ный-тихой Донъ!“

Кирѣевск. ч. II, в. 6, стр. 39—41.

8. Смерть Грознаго царя Ивана Ва- сильевича.

Охъ вы, горы, горы крутыя!
 Охъ вы, головы златыя православ-
 ныхъ церквей!
 Охъ, косящеты окошки царскихъ те-
 ремовъ!
 Какъ въ теремѣ живеть православ-
 ный Царь,

Православный Царь Иванъ Василье-
 вичъ.
 Онъ грозѣтъ, батюшка, и мило-
 стивъ,
 Онъ за правду милуетъ, за неправду
 вѣшаетъ.
 Ужъ настали годы злые на москов-
 ский народъ,
 Какъ и сталъ православный Царь
 грозный прежняго:
 Онъ за правду — за неправду дѣлалъ
 кѣзни лютыя.
 Какъ восплачется народъ русскій
 на Грознаго Царя:
 Переставился Грозный Царь на
 восьмидесятомъ году,
 А сынъ его Ѳеодоръ сталъ Русью
 управлять.

Кирѣевск., ч. II, вып. 6, 205.
 (Тульск. губ. Чернского у.).

9. Семейная жизнь Петра I.

Ишше было въ славной матушки да
 въ камянной Москвы,
 Ай вѣдь по небу-то было по голѣ-
 бому
 Выкаталась-то луна, да луна свѣтлая,
 Луна свѣтла, опекало сонце крас-
 ное.
 Шьчо во ту вѣдь всё пору было,
 во то время,
 Зародился ¹⁾ у насъ младенкой ца-
 ревичъ ²⁾ - отъ
 Шьчо по имени Петръ да Алексѣй-
 вичъ.
 Ночку нѣ спали премудры разны
 плотниччи,
 Колыбельчку царевичу готовили,
 Украшали вѣдь они да краснымъ
 золотомъ;

¹⁾ Зародилсѣ.

²⁾ Царевичъ.

¹⁾ Выше «воровской».

Какъ втору-то ночку они не спали
 Всё вѣдь нянюшки да ихны мамушки,
 А сѣнны-ти всё у нихъ да красны
 дѣвушки,
 Всё окуточки-ти младому царевичу
 готовили,
 Шьчо окуточки-ти шили дорогого-то
 атласу бѣлого,
 Рошивали всё они да краснымъ
 золотомъ,
 Ай садили-то они да сватна жемчугу.
 Шьчо на радости всё молодого ца-
 ревича
 Шьчо по имени Петра да Олексѣвича,
 Собирали на радости почёсёнъ пиръ,
 Пиръ почёсёнъ собиралъ ¹⁾ да всё
 навёсели,
 На князей-то собиралъ да онъ на
 бояръ-то,
 Онъ на русьскихъ на могучихъ на
 богатырей,
 Собиралъ-то всѣхъ солдатъ нове-
 бранныхъ,
 Собиралъ-то всѣхъ хрестьянъ-то про-
 житочныхъ ²⁾,
 Собиралъ-то онъ вѣдь вдовъ, си-
 ротъ-то всё бѣдныхъ.
 Говорилъ-то всё нашъ царь да та-
 ковы слова:
 „Я кого забылъ позвать, дакъ пуш-
 шай такъ идѣть“.
 Собиралися этотъ пиръ вѣдь трои
 суточки,
 Было дано знать по всемъ землямъ
 да по всемъ городамъ;
 Отовсюль многы цари съѣзжались,
 Отовсюль-то изъ земель да королѣ
 всё разные.
 А тотъ пиръ-то у ихъ вѣлся трои
 суточки;
 На такой-то было большой радости,

¹⁾ Царь Алексѣй Михайловичъ.

²⁾ Зажиточныхъ?

Не видали, какъ прошло-то время,
 прокатилось,
 Прокатилось-то время трои суточки.
 Иише стали тутъ вси гостьи розѣж-
 жаться,
 Розѣжжались гостьи, расходитися.
 Иише сталъ-то росъти младъ царе-
 вичъ-отъ;
 Онъ вѣдь скоро-то возростаётъ тутъ,
 Возростаётъ онъ да какъ скорѣхонько.
 Иише сталъ у насъ да Петръ-отъ
 Первый-отъ,
 Сталъ семи годовъ — да ёму отъ роду;
 Какъ премудрой былъ царевичъ-отъ
 хитрой мудрой;
 Изучился-то онъ скоро Вожьей гра-
 мотъ,
 Ко всёму онъ изучился, чему надобно.
 Иише сталъ-то у насъ Петръ всё
 Олексѣвичъ,
 Приходить-то стало время какъ же-
 нитбы тутъ.
 Говорилъ-то ёму царь-отъ, государь
 всё нашъ,
 Олексѣй-отъ говорилъ да свѣтъ Ми-
 хайловичъ:
 „Ты женись-ко-ся, женись ты, младъ
 царевичъ-отъ,
 Ты женись-ко-ся у меня, да гдѣ тѣ
 хочетца“.
 Отвѣчаетъ царевичъ Петръ мой
 Олексѣвичъ:
 — Я женитца не хочу да въ ка-
 мянной Москвы;
 Ты построй-ко мнѣ-ка, батюшко, да
 славный городъ-отъ,
 Питенбурхъ-отъ ты мнѣ зыдѣлай
 славнымъ городомъ;
 Я уѣду, тамъ дакъ буду жить-то я,
 Буду жить-то я, владѣть своимъ
 дворцомъ.—
 Ай послушалъ-то ево всё рѣдной ба-
 тюшко;

Говориль-то самъ ёму да такovy рѣчи:
„Ты, премудрой, ты, прехитрой ты
царевичъ мой!

Ужъ ты ладно-то всё у мня умѣ-
дрился.

Мы зачнёмъ-то дѣлать, убирать-то
славный Питенбургъ-городъ;

Ты уѣдѣшь во готовы во полатушки,
Со своей тогда уѣдѣшь съ молодой
женой“.

Жениль-то своего сына любимого,
Шьчо того-ли все Петра да ишше
Первого,

Онъ жениль-то вѣдь ево во земли
невѣрною,

Во богатой онъ земли у короля
швецкого;

Онъ вѣдь браль-то тутъ Настасью
Королевисьню,

Онъ привѣзъ-то все ей въ матушку-
ту въ камяннѣ Москву.

Посылъ этово-то было посылъ времени,
Тамъ росстроили вѣдь Питенбургъ-
городъ,

Они здѣлали дворець всё госуда-
рѣвъ-отъ;

Уѣжалъ-то со своей онъ молодой
женой,

Съ молодой женой съ Настасей съ
Королевисьней.

Они съ той жили хорошо да бесъ лиха;
Ихъ какъ жись-та вѣдь была, да

какъ цвѣтъ цвѣли,
Какъ цвѣты-то цвѣли у ихъ ла-
зурѣвъ;

Какъ катился ихной вѣкъ, да какъ
рѣка текла.

Въ этой радости Господь имъ далъ
ишѣ радость:

Какъ родился-то у ихъ да всё вѣдь
милой сынъ,

Всё вѣдь милой-отъ сынъ у ихъ
царевичъ-отъ;

Нарекли имя царевичу-ту Ѳеодоромъ.
Собираль-то онъ на радости весѣ-
лой пиръ

Для своего онъ для молодого царе-
вича.

Тутъ звонили-то вездѣ да во вси
колоколы,

Шьто молили-то Бога за царевича.
Ишше сталъ у ихъ царевичъ подро-
стать онъ вѣдь,

До тово-то онъ у ихъ-то,—сталъ
большой у ихъ;

Называть-то стали тутъ наслѣднич-
комъ,

Ишше тѣмъ-то стали звеличать-то
Ѳеодоромъ Петровичемъ.

Онъ ¹⁾ почасти собираль всё веселы
пиры.

Говорили тутъ ему люди премудрые:
„Ужъ ты гой еси, да нашъ бѣлой
царь,

Ужъ ты, бѣлой нашъ царь да Петръ
ты Первой нашъ!

Хошь росытѣть-то у тебя твоѣ-то чадо
милоѣ,

Твоѣ мило росытѣть чадышко люби-
моѣ,—

Онъ вѣдь здѣлать-то тебѣ, вѣрно,
изымѣнушку,

Онъ изымѣнушку тебѣ да онъ твоей
вѣры,

Онъ вѣдь будѣтъ править вѣрушку
старинную,

Онъ старинну будѣтъ вѣру бого-
мольною,

Богомольню хранить вѣрушку спа-
сеную“ ²⁾).

Удостоверившись въ справедливости
доноса, Петръ такъ разгнѣвался на ца-
ревича, что чуть не отсѣкъ ему „буину
голову“. Тогда

¹⁾ Т. е. царь.

²⁾ Пѣсня сложилась въ сѣверномъ краѣ,
среди людей, склонныхъ ко старовѣрию.

Ужаснулся вѣдь нашъ молодой ца-
ревичъ-отъ,
Ужаснулся-то онъ, скоро помираётъ
тутъ.

Царицу, которая заступалась за сына,
Петръ постригаетъ „во монашины“; а
самъ три года вдовствуетъ:

Повѣлась-то ёго жисьть все не на
радосоти,

Не на радосоти пошла, не на ве-
сельици.

Наконецъ царь, подъ видомъ плот-
ника, женится на „прекрасной вдовѣ
Екатериинѣ Алексѣевнѣ“, которая

Пекла на нихъ (т. е. на плотниковъ),
варила имъ все кушанье.

(А. Маркозъ. Бѣломорскія былинны. 1901 г.
№ 60).

3. Духовные стихи.

„На Руси стихи духовные возникли со времени уже христіанской религіи изъ стремленія разяснить себѣ новые и неясные вопросы, предложенные народу религіей, которая не могла сразу найти себѣ полное и вѣрное объясненіе въ грубыхъ умахъ еще язычествующаго по убѣжденіямъ народа, представляя разрушеніе его старыхъ идеаловъ. Выходъ былъ вполне естественный: народъ обратился къ книгамъ, не найдя въ нихъ многого интереснаго, пустилъ въ дѣло свою фантазію. Вотъ начало апокрифическихъ сказаній, на которыхъ основывались и духовные стихи...

Духовные стихи есть явленіе не исключительно русской жизни; но наши духовные стихи, сходясь въ сюжетахъ съ произведеніями другихъ народовъ, рѣзко отличаются отъ нихъ въ обработкѣ этихъ сюжетовъ. Во всѣхъ нашихъ духовныхъ стихахъ представляется смѣшеніе чисто народнаго элемента съ книжнымъ: съ одной стороны они повторяютъ языческія преданія, вносятъ въ себя міровоззрѣніе до-христіанскаго народа, съ другой—служатъ отраженіемъ книжной и преимущественно апокрифической литературы. Основой нашихъ стиховъ были книжныя, апокрифическія сказанія; но обработка этихъ сказаній шла чисто народнымъ, безыскусственнымъ путемъ, — что сближаетъ наши духовные стихи съ народными русскими произведеніями до-христіанской эпохи: въ нихъ мы видимъ тѣ же предметы, тѣ же воззрѣнія и представленія, какія намъ хорошо знакомы изъ русскихъ былинъ“.

(Будде. „Мѣсто и значеніе духовныхъ стиховъ“).

1. Иерусалимская бѣсѣда.

Бѣсѣда царя Давида Исеевича с царемъ Волотомъ Волотовичемъ на синайстей горѣ, посторонѣ града Иерусалима, у дуба Маврейскаго, у креста лифанидова, у главы адамовы. В великую было субботу: съезжались к церкви к литургіи 42 царя, большой у нихъ былъ царь

Волоть Волотовичъ, второй у нихъ царь Моисей Моисеовичъ, трети у нихъ былъ царь Елисей Елисеевичъ, четвертые у нихъ былъ царь Давидъ пророкъ Иессеовичъ. И онѣ тѣ всѣ цари в литургіи приѣхали, і отслушали литургию. Рече имъ царь болшой Волоть Волотовичъ: ой вы, цари і князи благовѣрные! скажите вы мнѣ не утайте: ночесь вамъ кому что и каковъ сонъ видѣлся? Не можете вы утайть от меня: мнѣ повѣдайте. И всѣ цари молчатъ; и рече царь Волоть; а мнѣ ночесь много видѣлось, и вы про тотъ сонъ скажите, і добромъ ево осудите. С тое страны восточныя восходить луча солнца краснаго, освѣтила всю землю свѣторусскую, а в другую сторону полуденную выросло древо кипарисъ, серебряное кореніе, і вѣтви у древа все золото бумажное; поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлой, на ногахъ у него колокольчикъ: кто мнѣ про сей сонъ можетъ сказать и его отгадать? И тутъ цари умолчали всѣ, единъ от нихъ выступалъ царь Давидъ пророкъ Иессеовичъ и заговорилъ таково слово: государь ты нашъ первый царь Волоть Волотовичъ! далече намъ грѣшнымъ до Рима и до Иякова брата Господня; тотъ бы сонъ твой отгадалъ; і азъ тебѣ про нево скажу; и тотъ твой сонъ сбудется во второмъ на десять году. У меня, царя Давыда, родитца сынъ Соломонъ, а у тебя родитца дщерь Соломонида Волотовна, а еще нынѣ въ утробѣ нѣтъ; а что с тое страны восточныя восходить лучъ солнца краснаго, освѣтитъ всю землю свѣторусскую, то будетъ на Руси градъ Иерусалимъ начальныи, і в томъ градѣ будетъ соборная и апостольская церковь Софіи премудрости Божия о семидесяти верхахъ, сирѣчь святая святыхъ; а что у древа вѣтвие золотое, то будутъ паникадилы поставлены; а вѣтвие бумажное, то свѣщны на паникадилахъ поставлены будутъ пречуднымъ образомъ; а что съ тое страны полуденныя выросло древо кипарисъ, кореніе серебряное, то у меня будетъ сынъ, царь Соломонъ премудры; а онъ сожидетъ святая святыхъ, то есть кречетъ бѣлы; а что у кречета колокольчикъ золотой, у твоей царицы родитца дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитца. і твоимъ царствомъ ему владѣть будетъ. И отвѣща ему царь Волоть Волотовичъ: исполать тебѣ, царь Давидъ, что ты гораздъ сны-загадки отгадавать, и досужъ доброе слово молвить. И рече ему царь Давидъ: а ты мнѣ, болшой царь Волоть Волотовичъ, про то скажи: отчево у насъ свѣтъ свѣтитца? і отчево сонце сияетъ? і отчево заря занимаетца? на чемъ у насъ небо ходитъ? на чемъ земля стоитъ? Отвѣща болши царь Волоть Волотовичъ царю Давыду; я тебѣ про то скажу: свѣтъ у насъ свѣтится от Господнихъ очей, а сонце сияетъ от святые ризы ево, а заря занимаетца от сонца краснаго, а небо ходитъ на воздухѣхъ, а земля стоитъ на осмидесятъ китахъ рыбахъ меншихъ да на трехъ рыбахъ болшихъ; а ты мнѣ, царь Давидъ, про то скажи: кой градъ градомъ мать? и коя церковь церквамъ мать? кое древо древомъ мать? і коя глава главамъ мать? кой камень камнемъ мать? коя трава травамъ мать?

коя птица птицамъ мать? кой звѣрь звѣрямъ мать? кое озеро озеромъ мать? кое море морямъ мать? И рече царь Давидъ: я тебѣ про то скажу. Первы градомъ мать градъ Іерусалимъ; ево пасхалия азбучная во всю землю свѣторускую; а церковь церквамъ мать соборная Софія премудрости Божия, да в той же церкви стоитъ гробъ Господень: потому церковь церквамъ мать; а рѣка рѣкамъ мать Иорданъ, потому что она течетъ из рая Едемскаго, а в ней крестился Господь нашъ Іисусъ Христосъ: потому рѣкамъ мать; а глава главамъ мать адамова глава: коли сотворилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ небо и землю, і вся, яже на земли, и начерта на земли по образу своему челоуѣка, и нарече ему имя Адамъ, і вынулъ у него ребро, і сотворилъ ему жену Еву, и от нихъ поидоша цари і князи, потому адамова глава главамъ мать; а древо древомъ мать древо кипарисъ, пѣвга, кедръ, потому что от нихъ идетъ благоухание, от нихъ же родитца ладонъ, идетъ во всю землю свѣторускую: потому древомъ мать; а трава травамъ мать плакунъ-трава; какъ жиуде Христа распинали, і Богородица на ту траву уканула слезу: потому травамъ мать; а птица птицамъ мать таврукъ-птица, невелика, с рускую галку, а живетъ она у гремичева кладезя, у теплаго моря; а звѣрь звѣрямъ мать единърохъ; коли на земли была засуха і в тѣ поры дождя на землю не было, тогда в рѣкахъ і в озеряхъ воды не было, только в единомъ езерѣ вода была, і лежалъ великій змиі, и не давалъ людямъ пить, и никакому протекуему звѣрю, ни птицѣ полетучей; и коли побѣжить единорогъ воды пить и змиі люты заслышитъ и побѣжить отъ звѣря того за три дни, і в ту пору запасаютца водою люди; а озеро езерамъ мать Илѣмень озеро, что подъ Кіевомъ градомъ, потому что взяла в себя триста рѣкъ; а море морямъ мать акиянъ море великое, потому что в немъ стоитъ церковь Клементя, папы римскаго; а рыба рыбамъ мать китъ рыба великая: какъ та рыба китъ взыграетца и поидетъ въ глубину морскую, тогда будетъ свѣту преставленіе; а гора горамъ мать фаворская да сионская. И глагола ему царь Давидъ: а ты миѣ, царь Волотъ Волотовичъ, про то скажи: кому на второмъ пришеествіи не быть и лица Божия не видать и суда Божия імъ не будетъ? И отвѣща ему царь Волотъ Волотовичъ: азъ тебѣ про то скажу: всякому челоуѣку на второмъ пришеествіи быть и судъ ихъ будетъ по дѣломъ ихъ, а еретикамъ і чародѣемъ тѣмъ суда Божия не видать; без суда Божия посланы будутъ въ муку вѣчную, нынѣ и присно і во вѣки вѣковъ, аминь.

2. Голубиная книга.

(Происхождение міра — Мировой порядокъ).

Изъ-подъ той страны изъ-подъ восточныя
выставала туча темная, грозная;

да изъ той изъ тучи грозной, темныя,
выпадала книга голубиная.

На славную она выпала на Оаворь-
гору,

ко чудну кресту къ животворящему,
ко тому ко камню ко бѣлатырю,

ко честной главы ко адамовой.
 Ко этой книги голубинья
 собирались къ ней, соѣзжались
 сорокъ царевъ, все царевичи,
 и премного князей, много князевичей;
 изъ нихъ было пять царевъ наибольшихъ:

былъ Исай царь, другой царь Константинъ,

былъ Василей царь сынъ Акульевичъ,

Волотоманъ царь былъ Волотомановичъ,

нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.

Возговорить Волотоманъ царь Волотомановичъ:

„Государи, братцы, сорокъ царей,
 кто изъ насъ, братцы, гораздъ по памяти,

кто прочелъ бы намъ книгу голубиную;

какъ бы намъ узнать, во книгѣ что написано,

въ голубиной напечатано“.

Тогда всѣ цари тутъ приумолкнули.

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:

„Государи, братцы, сорокъ царей,
 я вамъ такъ скажу, братцы, по памяти,

по памяти, какъ по грамоты,

про эту книгу голубиную!

Великая книга голубиная!

Вдолину книга сорока локотъ,

поперегъ книга тридцати локотъ.

въ толщину книга десяти локотъ.

Не узнать намъ, во книгѣ что написано;

на рукахъ держать намъ книгу,
 не удержать будеть,

умомъ намъ сей книги не сосмѣтити,
 и очамъ намъ книгу не обозрити.
 Великая книга голубиная!

Писалъ эту книгу святъ Исай про-
 рокъ,

читалъ эту книгу Иванъ Богословъ.

Онъ читалъ эту книгу ровно три года,
 прочиталъ во книгѣ только три листа“.

Ему вси цари поклонилися:

„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премуд-
 рый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.

Хорошо сказалъ, сударь, намъ по памяти.

Ты еще, государь нашъ, намъ про-
 то скажи:

отчего начался у насъ бѣлый свѣтъ;

отчего у насъ солнце красное;

отчего у насъ младъ свѣтѣль мѣсяцъ;

отчего у насъ звѣзды частныя;

отчего у насъ зори свѣтлыя?“

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
 мудрый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:

„Начинался бѣлъ свѣтъ отъ Свята
 Духа,

Отъ Свята Духа, самого Христа,

Самого Христа, Царя Небѣснаго.

Солнце красное отъ лица Божья,

Младъ свѣтѣль мѣсяцъ отъ груди

Божьихъ,

звѣзды частныя — оны отъ ризъ

Божьихъ,

зори свѣтлыя отъ очей Божьихъ,

Самого Христа, Царя Небѣснаго“.

Ему вси цари поклонилися:

„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премуд-
 рый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.

Хорошо сказалъ, сударь, намъ по
памяти
про эту книгу голубиною.

Ты еще, государь нашъ, намъ про
то скажи:

отчего цари зачѣдилися,
и отчего князья со боярами;
отчего крестьяне православныя?“
Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ:

„Зачѣдилися цари со царицами
отъ честной главы отъ адамовой;
зачѣдилися князья со боярами
отъ честныхъ мощей отъ адамовыхъ;
завелось крестьянство православное
отъ того колѣна отъ адамова“. ¹⁾
Ему всѣ цари поклонилися:

„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премуд-
рый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ.

Хорошо сказалъ, государь нашъ,
намъ по памяти
про эту книгу голубиную.

Ты еще, государь нашъ, намъ про
то скажи:

который у насъ городъ городамъ
мать;

и которая церква надъ церквами
мать;

и который царь надъ царями царь?“
Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь:

„Иерусалимъ-городъ городамъ мать“.
— Почему Иерусалимъ-городъ горо-
дамъ мать?—

„А стоитъ Иерусалимъ-городъ по-
среди земли,

посреди земли, во ней пупъ земной,
Во начальномъ градѣ, въ Иеруса-
лимѣ,

тутъ построена церковь соборная;
во этой церкви во соборныя,
въ ней содержится гробница Гос-
подняя.

Она на воздусяхъ, сама на воз-
несяхъ.

Тутъ темьянъ и ладонъ рядомъ
күрятся,

свѣча теплится неугасимая:
потому Иерусалимъ - городъ горо-
дамъ мать,

потому эта церква надъ церквами
мать.

А нашъ бѣлый царь надъ царями царь.
(Какъ у нашего царя бѣлаго
въ его царствѣ вѣра благовѣрная,
благовѣрная, благучестивая,
высокая его рука царская
по всей земли, всей подселенныя:
потому нашъ бѣлый царь всимъ
царямъ царь“). ¹⁾

Ему вси цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премуд-
рый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ.

Хорошо сказалъ, государь нашъ, намъ
по памяти

про эту книгу голубиную.

Ты еще, государь нашъ, намъ про
то скажи:

которая у насъ земля всимъ зем-
лямъ мать,

и которая гора всимъ горамъ мать,
и которое древо всимъ древамъ мать?“

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,

¹⁾ Ср. индйское вѣрованіе о происхо-
жденіи главнѣйшихъ частей изъ устъ, изъ
рукъ изъ ногъ Браны.

¹⁾ Стихи, поставленные въ скобкахъ, см.
Варенц., стр. 33.

нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:

„Государи, братцы, сорокъ царей:
Свята Русь-земля — всѣмъ землямъ
мать“.

— Почему свята Русь-земля —
всѣмъ землямъ мать?

„Изукрашена свята Русь-земля Вош-
имъ церквамъ;

на ней строятся церкви соборныя:
потому она всѣмъ землямъ мать.

А Оаворъ-гора всѣмъ горамъ мать“.

— Почему жъ Оаворъ-гора надъ го-
рами мать?—

„На славной было на Оаворъ-горы
преобразился на горы самъ Иисусъ
Христосъ

со двумъ-на-десятью со апостоламъ;
потому Оаворъ-гора надъ горами
мать.

Кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мать.“

— Почему-жъ кипарисъ-древо всѣмъ
древамъ мать?

„Изъ того изъ древа кипариснаго,
изъ него былъ вырѣзанъ пречудный
крестъ;

на томъ крестѣ животворящимъ—
на немъ былъ роспать Самъ Иисусъ

Христосъ:

потому кипарисъ-древо всѣмъ дре-
вамъ мать“.

Ему вси цари поклонилися:

„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премуд-
рый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ.

Хорошо сказалъ, государь нашъ,
намъ по памяти

про эту книгу голубиную.

Ты еще, государь нашъ, намъ про
то скажи:

которое у насъ море надъ морями
мать,

и которое озеро озерамъ мать,
и которая рѣка всѣмъ рѣкамъ мать?“

Имъ отвѣтъ держалъ на то премуд-
рый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ:

„У насъ киянь-море всѣмъ морямъ
мать“.

— Почему киянь-море надъ морямъ
мать?—

„Обошло киянь-море вокругъ земли,
вокругъ земли, всей подселенныя:

потому киянь-море надъ морямъ мать.
А Ильмень-озеро надъ озерамъ мать.

Да не тотъ Ильмень, кой подъ Но-
вымъ градомъ,

и не тотъ Ильмень, кой во Боль-
шой Орды,

а есть тотъ Ильмень, кой въ Ту-
рецкой земли;

Изъ того Ильменя изъ озера
протекаетъ матушка Иорданъ-рѣка:

потому Ильмень-озеро — озерамъ
мать,

а Иорданъ-рѣка — надъ рѣками
мать,—

во славной матушки во Иорданъ-
рѣки

окрестился въ ней Самъ Иисусъ Хри-
стосъ:

потому Иорданъ-рѣка надъ рѣкамъ
мать.“

Ему всѣ цари поклонилися:

„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премуд-
рый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ.

Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
намъ про эту книгу голубиную.

Ты еще, сударь, намъ про то скажи:
которая у насъ рыба надъ рыбамъ

мать,

и которая птица надъ птицамъ мать,

и который звѣрь надъ всѣмъ звѣ-
рямъ звѣрь?“

Имъ отвѣтъ держалъ на то премуд-
рый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ:

„У насъ китъ-рыба надъ рыба-
мамъ“.

— Почему жъ китъ-рыба надъ ры-
бамъ мать? —

„На трехъ китахъ, на рыбахъ,
на тридцати было на малыхъ,
основана на нихъ вся сыра-земля
и содержится вся подселенная:
потому китъ-рыба надъ рыба-
мамъ мать.“

А стрепиль-птица надъ птица-
мамъ.

— Почему жъ она надъ птица-
мамъ? —

„Сидитъ стрепиль-птица посре-
дѣ моря;
она плодъ плодитъ во синѣ море,
а полетъ сама держитъ по подне-
бесью.“

Послѣ полуночи во второмъ часу,
какъ стрепиль-птица—она трепѣх-
нется,

запоютъ куры у насъ по всей земли;
просвѣщается тогда вся вселенная:
потому стрепиль-птица всѣмъ пти-
цамъ мать.

Единорогъ-звѣрь надъ всѣмъ звѣ-
рямъ звѣрь“.

— Почему единорогъ надъ всѣмъ
звѣрямъ звѣрь? —

„Живетъ единорогъ во Святой
горы,
онъ проходъ имѣетъ по подземелью,
прочищаетъ всѣ ключи источные.
Когда единорогъ-звѣрь поворотится,
воскипятъ ключи всѣ подземельные:
потому единорогъ-звѣрь всѣмъ звѣ-
рямъ звѣрь“.

Ему всѣ цари поклонилися:

„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премуд-
рый царь.“

Хорошо сказалъ, сударь, по па-
мяти.

Ты еще, сударь, намъ про то скажи:
который у насъ камень каменямъ
мать;

и которая трава всѣмъ травамъ мать;
и которымъ грѣхамъ покаяныя есть,
и которымъ грѣхамъ покаяныя нѣтъ“.
Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ:

„Бѣлатерь-камень каменямъ мать“.

— Почему бѣлатерь каменямъ мать?
„На томъ камнѣ бѣлатерь,
на немъ бесѣдовалъ самъ Иисусъ
Христосъ“

со двумъ-на-десяти со апостоламъ.
Утверждали вѣру христіанскую;
роспущали книгу голубиную
по всей земли подселенная:
потому бѣлатерь каменямъ мать.

А плакунъ-трава надъ травамъ
мать“.

— Почему плакунъ-трава надъ тра-
вамъ мать? —

„Когда былъ распятъ Иисусъ Хри-
стосъ,

Тогда шла Мать Пресвятая Бого-
родица

ко своему Сыну ко распятому.
Она рдѣла свои слѣзы пречистыя
на матушку на сыру-землю, —
отъ еѣныхъ слѣзъ отъ пречистыхъ
зарождалась на земли плакунъ-тра-
ва.“

Изъ того коренія изъ плакунова
вырѣзаютъ у насъ въ Руси креста
чудные,
ино тѣмъ у насъ люди спасаются—

всѣ монахи и старцы, и всѣ юноши:
потому плакунъ-трава надъ травамъ
мать.

Братцы, всѣмъ грѣхамъ покаянье
есть;

а этнимъ грѣхамъ покаянья нѣтъ:
который бранить, братцы, Свята
Духа;

и который бранить отца со матерью;

.

этимъ грѣхамъ покаянья нѣтъ“.

Ему всѣ цари поклонилися:

„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премуд-
рый царь.

Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
намъ про эту книгу голубиную“.

Возгворить Волотоманъ царь Воло-
томановичъ:

„Государи, братцы, сорокъ царей,
что случилось въ моемъ во чистомъ
полѣ:

быть два зайчика собѣгалися —
одинъ сѣреный былъ, другой бѣ-
ленькій,—

и промежду собой оны подрѣлися.

Быть какъ сѣрый бѣлаго приоби-
дѣлъ же:

пошелъ бѣленькій во чисто поле,

пошелъ сѣреный во темны лѣса“.

Тогда всѣ цари приумолкнули.

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣвичъ:

„То не зайчики въ полѣ собѣгалися:
тутъ сошлася кривда со правдою,
и промежду собою оны подрѣлися.
Нонѣчь кривда правду приобидѣла:
пошла правда она на вышнія нѣ-
беса,

а кривда оставалась на сырой земли,

по всему народу православному.

Она пала намъ всѣмъ на ретиво
сердце:

оттого у насъ въ мірѣ стало прав-
ды нѣтъ;

стали беззаконія великія“.

Ему всѣ цари поклонилися:

„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премуд-
рый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣвичъ.

Хорошо сказалъ, сударь, по памяти“.

Возгворить Волотоманъ царь Во-
лотомановичъ:

Государи, братцы, сорокъ царей,
мнѣ ночесе-ночь мало спалоса;

мнѣ предивный сонъ во снѣ при-
видѣлся:

быдто въ моемъ саду во зеленыхъ
вырастало тутъ древо сахарное;

на мое древо на сахарное

прилетала пташечка малѣшенька,

распушала перья до сырой земли.

Ино кто сказалъ бы, братцы, про
мой дивный сонъ,—

я-бъ того, сударь, много по жало-
вать“.

Тогда всѣ цари приумолкнули.

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣвичъ:

„Отъ моей царицы отъ благовѣрныхъ
народится сынъ царь Соломонъ;

а отъ его царицы отъ благоче-
стивыхъ

народится дочь Соломонида.

Мому сыну, царю Соломону

на его на дочери быть женитися.

Черезъ тридцать лѣтъ этотъ сонъ
разсудится“.

Примѣчанія. „Стихъ о Голубиной книгѣ“ имѣетъ космогоническій характеръ: въ немъ рѣшаются вопросы о началѣ міра, происхожденіи и первенствѣ разныхъ предметовъ въ мірѣ. Колоритъ стиха христіанскій: и вопросы рѣшаются и всѣ предметы въ мірѣ оцѣниваются съ точки зрѣнія христіанской: все въ мірѣ производится отъ Христа, Царя небеснаго. Обстановка стиха также христіанская; дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ; дѣйствующія лица: пророкъ Давидъ и русскій князь Владиміръ. Но въ то же время видно, что стихъ составилъ не подъ вліяніемъ только чистаго церковнаго ученія, но преимущественно подъ вліяніемъ апокрифическихъ сочиненій и народныхъ сказаній; потому, при христіанскомъ содержаніи, въ стихѣ много старой космогонической примѣси. Изъ апокрифовъ всего болѣе имѣли вліяніе на „стихъ о Голубиной книгѣ“ „Бесѣда трехъ святителей“ и „Іерусалимская бесѣда“. Изложенныя въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, онѣ дали стиху и ту форму, какую онъ имѣетъ, и большую часть тѣхъ вопросовъ, которые въ немъ рѣшаются. „Іерусалимская бесѣда“, которая составила уже подъ вліяніемъ „Бесѣды трехъ святителей“; такъ близка къ „стиху о Голубиной книгѣ“, что одни считаютъ ее переходнымъ звеномъ отъ „Бесѣды трехъ святителей“ къ стиху, а другіе первымъ видомъ или первою редакціею стиха. Вѣсто трехъ святителей, разсуждающихъ въ апокрифѣ, въ „Іерусалимской бесѣдѣ“ разсуждаютъ царь Давидъ и царь Волотъ Волоотовичъ, въ присутствіи двухъ другихъ царей, Моисея Моисеевича и Елисея Елисеевича. Они предлагаютъ другъ другу тѣ же почти вопросы, которые рѣшаются въ „стихѣ о Голубиной книгѣ“.—Изъ „Іерусалимской бесѣды“ царь Волотъ перешелъ и въ „стихъ о Голубиной книгѣ“, гдѣ онъ въ нѣкоторыхъ спискахъ замѣняетъ собою имя Владиміра. „Слово *Волотъ*“, говоритъ Буслаевъ, и въ древнемъ и въ народномъ русскомъ языкѣ означаетъ великана; слѣд. Волотъ принимался народомъ въ смыслѣ героя, полубога, существа сверхъестественнаго, какими обыкновенно въ мѣологіи разумѣются великаны“. Вошедшій изъ народной космогоніи въ „Іерусалимскую бесѣду“, а отсюда въ первую редакцію „стиха о Голубиной книгѣ“, Волотъ однакожъ не удержался въ немъ, но измѣнился сначала въ *Волотомана*, *Волотомина*, потомъ *Волотоміра* и наконецъ *Володимера*. Но эта замѣна Волота Володимеромъ произошла, конечно, не случайно и не вслѣдствіе только созвучія именъ, а потому, что народу былъ извѣстенъ князь Владиміръ, какъ просвѣтитель Россіи ¹⁾. Весьма естественно было народу вопросы о началѣ міра вложить въ уста своего князя-просвѣтителя, а разрѣшителемъ этихъ вопросовъ представить царя и пророка Давида, который болѣе всѣхъ другихъ лицъ былъ извѣстенъ ему по своей премудрой книгѣ Псалтырь.

Въ большей части списковъ стиха о происхожденіи „книги Голубиной“ говорится просто:

Восходила туча сильная, грозная;
Выпадала книга Голубиная.

Но въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавляются еще такія подробности, что это было „съ зачатія свѣту бѣлаго, въ городѣ Іерусалимѣ, упала книга на горѣ Фаворской, ко чудному кресту Леванитову, ко Латырю бѣлу камени, ко святой главѣ ко Адамовой“. Эти подробности взяты изъ „Іерусалимской бесѣды“, въ которой почти такимъ же образомъ описывается мѣстность, гдѣ происходила бесѣда царя Волота съ другими царями; а въ „Іерусалимскую бесѣду“ они вошли изъ другихъ апокрифовъ и народныхъ сказаній ²⁾.

¹⁾ По мнѣнію позднѣйшихъ изслѣдователей, *Волотоманъ*, или *Волотоминъ*—слово книжнаго происхожденія (испорченное—*Птоломей*). Попытки осмыслить это слово привели съ одной стороны къ *Волоту*, а съ другой—къ *Володимеру*. В. Я.

²⁾ Выраженіе о *главѣ Адамовой* взято изъ апокрифическаго сказанія о „Крестномъ древѣ“. *Леванитовъ* крестъ—крестъ, сдѣланный изъ дерева, выросшаго на горахъ Ливанскихъ. *Латырь*, или *алатырь*—камень собственно означаетъ *алтарь* (олтарь, алатырь, алатырь).

Потомъ описывается самая книга Голубиная:

Долины книга сороку сажень,
Поперечины двадцати сажень...
На рукахъ держать, не сдержать будетъ;
На налой положить Божій, не уложится.

Такой огромный размѣръ Голубиная книга получила, можетъ быть, въ подобіе тѣмъ книгамъ, о которыхъ въ „Вопросахъ Іоанна Богослова“ сказано: „видѣхъ книги лежаща, яко мню, ровно 7 горъ толщина ихъ, долготы же ихъ умъ чловѣчь не можетъ разумѣти“; а можетъ быть и просто фантазія народная такимъ размѣромъ хотѣла выразить важность книги, которая содержитъ въ себѣ всю премудрость ¹⁾).

3. О Георгіѣ Храбромъ.

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ,
Ѳеодора благовѣрнаго
Жена Софія премудрая
Породила Ѳеодору три дочери,
Четвертаго сына Георгія.
Изъ того царства Вавилонскаго
Поднимался царь Дектіанъ
На той святой Іерусалимъ градъ;
Полонилъ у Ѳеодора три дочери,
Четвертаго сына Георгія.
Сталъ онъ Георгія допрашивать:
„Ты которую, Георгій, вѣру вѣруешь:
Которому Богу молишься?“
— „Я вѣрую вѣру крещеную, —
Въ Мать Божию Богородицу,
Въ Троицу нераздѣлимую“.
А злодѣй-царище Дектіанище:
„Ты увѣруй, Георгій, мою вѣру
Поклоняйся, Георгій, моимъ идоламъ!
Я устрою тебѣ свѣтлую свѣтлицу,
Дамъ тебѣ слугу вѣрную,
Дамъ тебѣ злата-серебра,
Драгоценная камня“.
Святой Георгій проговаривалъ,
Святой храбрый проглаголовалъ:
— „Злодѣй-царище Дектіанище!
Мнѣ пенадо отъ тебя злата-серебра,
Ненадо свѣтла свѣтлица,
Ненадо слуга вѣрная.“

Пропадешь на семъ свѣту на бѣ-
лоѣмъ

Со златомъ, со серебромъ,
Съ драгоценнымъ каменемъ:
Велика наша вѣра крещеная,
Мать Божія Богородица,
Еще Троица нераздѣлимая!“
Злодѣй-царище Дектіанище,
На святого Георгія зло-паляюще,
Повелѣлъ Георгія на мученье взять,
На мученье взять на великое:
Приказалъ Георгія въ топоры ру-
бить во желѣзные.

У топорьевъ по обухъ лезвію об-
ломалось, —

Ничѣмъ святого Георгія не вредить.
Георгій гласы гласитъ до небесъ своихъ:
„Велика наша вѣра крещеная,
Мать Божія Богородица,
Еще Троица нераздѣлимая“.
Злодѣй-царище Дектіанище ¹⁾

Приказалъ Георгія во пилы пилить
во желѣзныя.

У пилъ зубѣе обломалось, —
Ничѣмъ святого Георгія не вредить ²⁾).

¹⁾ Опушены, какъ и въ слѣдующихъ за тѣмъ мѣстахъ:

На святого Георгія зло-паляюще,
Приказалъ Георгія на мученье взять на великое.

²⁾ Опушены (см. прим. 1-е):
Онъ гласы гласитъ до небесъ своихъ:
„Велика наша вѣра и пр.

¹⁾ Нѣкоторые сближаютъ ее съ апокрифическою *Глубиною* и тѣми *Глубинными* книгами, о которыхъ упоминается въ житіи Авраамія Смоленскаго.

Злодѣй-царище Дектіанище
Приказалъ Георгія въ печи жечь
въ огнѣ-въ пламени.

Георгій стоитъ на вѣздусѣ,—
Святого Георгія ничѣмъ не вредить.
Злодѣй-царище Дектіанище
Приказалъ Георгія въ сапоги ко-
вать въ желѣзные,
Разжигать жаромъ, огнемъ-пламе-
немъ.

Ковали сапоги желѣзные,
Поджигали огнемъ-пламенемъ;
Въ сапогахъ гвозди трех-верховые!
Повелѣлъ Георгію въ сапоги вста-
вать

Во желѣзные, во калѣные,—
Святого Георгія ничѣмъ не вредить.
Злодѣй-царище Дектіанище
Приказалъ Георгія на водѣ топить
на синемъ морѣ.

Святой Георгій поверхъ воды пла-
ваетъ,—

Ничѣмъ святого Георгія не вредить.
Злодѣй-царище Дектіанище,
На святого Георгія зло-паляюще,
Приказалъ Георгія на мученье взять
на великое,

Приказалъ наледники копать пре-
глубокіе—

Въ глубину копать 60 сажень,
Въ ширину копать 40 сажень,
Обшивать шитвомъ дубовымъ,
Закрывать крышкой желѣзною,
Засыпать песками рудожелтыми.

Копали наледники глубокіе,
Въ глубину 60 сажень,
Въ ширину 40 сажень,
Обшивали шитвами дубовыми,
Закрывали крышею желѣзною,
Засыпали песками рудожелтыми.

Святого Георгія посажаючи
На тридцать лѣтъ и на три-года,
Самъ злодѣй пескомъ притоптывалъ,

Самъ злодѣй приговаривалъ:

„Не бывать бы Георгію на бѣломъ
свѣту,

Не видать бы Георгію свѣту бѣлаго,
Не узрѣть бы Георгію солнца крас-
наго,

Что на тридцать лѣтъ на три-года“.

Въ то время проходяючи,
Ровно тридцать лѣтъ и три-года.

Георгій возмолился:

— „Услышь, Господи, мое моленіе,
Услышь, Господь Богъ, мое терпѣніе,
Сошли съ небесъ погодушку

Со восточной сторонюшки;

Раскрой крыши желѣзныя,

Разнеси пески рудожелтые,

Разбей шитвы дубовыя“.

По Георгіеву моленію,

По его святому терпѣнію

Поднималась погодушка со вихоремъ

Со восточной сторонюшки,

Разнесло пески рудожелтые,

Раскрывало крыши желѣзныя,

Расшивало шитвы дубовыя.

Увидалъ Георгій свѣту бѣлаго,

Возвидѣлъ Георгій солнце красное,

Выходилъ Георгій изъ той ямы
глубокія

На землю сѣвоторусскую.

Георгій походяючи,

Святую вѣру утверждаючи,

Видитъ вдалечѣ, въ чистомъ полѣ—

Стоитъ одна церковь соборная.

Георгій входилъ въ церковь собор-
ную,

Поклонился Георгій чудному образу.

И стоитъ тутъ одна женщина,

Богу молится, Спасову образу,—

Его мать Софія премудрая.

Поклонился Георгій родной матери
въ рѣзвы ноги:

— „Гой еси, мать моя Софія пре-
мудрая!

Гдѣ, мой конь богатырскій?
 — „Твой конь въ чистомъ полѣ;
 На немъ вся сбруя цѣлымъ-цѣла,
 Сбруя несмятая, булатная“. —
 Поклонился Георгій чудному образу.
 Георгій походяючи
 Изъ тоя церкви изъ соборныя,
 Богатырска коня искаючи,
 На богатырска коня сажаячись,
 Георгій поѣзжаячи,
 Святую вѣру утверждаячи,
 Святый Георгій наѣхавши
 На то на стадо на звѣриное —
 На сѣрыхъ волковъ:
 Волкъ съ волкомъ сойдутся и не
 разойдутся.
 Нельзя Георгію проѣхати,
 Нельзя святому подумати.
 Святый Георгій проговариваль,
 Святый храбрый проглаголивалъ:
 — „Гой еси вы, волки сѣрые!
 Разойдитесь по всему свѣту по бѣ-
 лому
 По два, по четыре и по единому,
 Пейте, ѣшьте посуленное и благо-
 словленное“. —
 По Георгіеву по моленію,
 По его святому терпѣнію
 Расходились волки по всему свѣту
 по бѣлому
 По два, по четыре и по единому.
 Георгій проѣзжаячи,
 Святую вѣру утверждаячи,
 Святый Георгій наѣхавши
 На тѣ горы на толкучія:
 Гора съ горой сойдутся
 И гора съ горой не разойдутся.
 Нельзя Георгію проѣхати,
 Нельзя святому подумати.
 Георгій проговариваль,
 Святый храбрый проглаголивалъ:
 — „Разойдитесь, горы, по всему свѣту
 по бѣлому!

Я на васъ, горы, буду строиться,
 Буду строить церкви соборныя и
 богомольныя“. —

По Георгіеву по моленію,
 По его святому терпѣнію
 Расходились горы по всему свѣту
 по бѣлому.

Георгій проѣзжаячи,
 Святую вѣру утверждаячи,
 Святый Георгій наѣхавши
 На тѣ лѣса на дремучіе:
 Къ сырой землѣ лѣса клонятся,
 Отъ сырой земли не отдѣляются.
 Нельзя Георгію проѣхати,
 Нельзя святому подумати.
 Георгій проговариваль,
 Святый храбрый проглаголивалъ:
 — „Гой еси, лѣса дремучіе!
 Отдѣлитесь, лѣса, отъ сырой земли!
 Я изъ васъ, лѣса, буду строиться,
 Строить буду церкви соборныя, бого-
 мольныя“. —

По Георгіеву по моленію,
 По его святому терпѣнію
 Отдѣлились лѣса отъ сырой земли.
 Георгій проѣзжаячи,
 Святую вѣру утверждаячи,
 Святый Георгій наѣхавши
 На то стадо на змѣиное,
 На лукавое, окаянное.
 Нельзя Георгію проѣхати,
 Нельзя святому подумати.
 Строгалъ Георгій стружки дубовыя,
 Самъ къ стружкамъ приговариваль:
 — „Обращайтесь, стружки, въ каленны
 стрѣлы,

Прибейте стадо змѣиное,
 Змѣиное стадо лукавое, окаянное!“ —
 По Георгіеву моленію,
 По его святому терпѣнію
 Обращались стружки въ каленны
 стрѣлы,
 Прибили стадо змѣиное,

Лукавое, окаянное.
 Святой Егорій проѣзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 Пріѣзжалъ Егорій
 Къ тому ко городу Кіеву.
 На тѣхъ вратахъ на Херсонскіихъ
 Сидитъ Черногарь-птица,
 Держитъ въ когтяхъ Осетра рыбу.
 Святому Егорію проѣхать не будетъ.
 Святой Егорій глаголетъ:
 „Охъ ты, Черногарь-птица!
 Возвейся подъ небеса,
 Полети на Океанъ-море:
 Ты и пей и ѣшь въ Океанъ-морѣ,
 И дѣтей производи на Океанъ-морѣ!“
 По Божьему повелѣнію,
 По Егорьеву моленію,
 Поднималась Черногарь-птица подъ
 небеса,
 Полетѣлъ онъ на Океанъ-море,
 Онъ пьетъ и ѣсть въ Океанъ-морѣ,
 И дѣтей выводитъ на Океанъ-морѣ.
 Георгій проѣзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 Георгій наѣхавши на трехъ пасту-
 ховъ,
 Пастухи—красныя дѣвицы.
 Георгій проговаривалъ,
 Святой храбрый проглаголивалъ:
 „Гой еси, пастухи-красныя дѣвицы!
 Вы скажитесь, не утайтеса,
 Котораго вы сами города,
 Котораго отца-матери!“
 — „Мы—города Іерусалимскаго,
 Отца-Федора благовѣрнаго,
 Мать у насъ—Софія премудрая“.
 — „Ахъ вы, пастухи-красныя дѣ-
 вицы,
 Мои вы родныя сестрицы!
 Вы змѣйнаго духа нахваталися,
 И на васъ тѣло, какъ дубовая кора.
 Вы сходите въ Іорданъ рѣку, ис-
 купайтеса“.—

По Георгіеву моленію,
 По его святому терпѣнію
 Сходили онѣ—въ Іорданѣ искупа-
 лися,
 Приходятъ въ царство Вавилонское.
 Георгій проѣзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 Святой Георгій доѣхавши
 До того царства до дальняго,
 До того царства Вавилонскаго,
 Ко тому ли царищу Дектіанищу.
 Зашипѣлъ онъ, злодѣй, по змѣиному,
 Заревѣлъ по звѣриному.
 Устрашился у Георгія богатырскій
 конь,
 Палъ конь на сыру землю;
 Вынимаетъ Георгій палицу боѣвую,
 Бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
 Пробиваетъ у него кожу дѣ-маса,
 Мясо пробиваетъ дѣ-костей,
 Пробиваетъ кости дѣ-мозгу.
 Отвѣчалъ ему конь человѣчьимъ го-
 лосомъ:
 „Гой еси, Георгій святой храбрый!
 Вынимай свой тугой лукъ
 И вкладывай калену стрѣлу,
 Пускай злодѣю въ челюсти,
 Отбей у него легкое съ печенью,
 Пролей кровь за батюшку и за ма-
 тушку
 И за родныхъ сестеръ!“
 Вынималъ Георгій тугой лукъ,
 Вкладывалъ калену стрѣлу,
 Пускалъ злодѣю въ челюсти,
 Отбивалъ легкое со печенью,
 Проливалъ кровь за батюшку,
 Проливалъ кровь за матушку,
 Проливалъ кровь за родныхъ се-
 стеръ.
 Одолѣла кровь Георгія бусурман-
 ская, окаянная;
 Стоялъ онъ въ крови не по ко-
 лѣни, не по поясъ,

А стоялъ онъ въ крови по бѣлы
груди:

Вынимаетъ онъ копье долгомѣрное,
Ударилъ въ мать во сыру землю:
„Разступися, мать-сыра земля!
Пожри кровь бусурманскую и ока-
янную!“

По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію
Раступилася мать-сыра земля,
Пожрала кровь бусурманскую, ока-
янную.

Георгій проѣзжаючи,

Святую вѣру утверждаючи,
Георгій въѣхавши въ тое царство
Вавилонское,
Сколь народу Георгію поклонилися,
Ко святому Георгію обратилися.
И стали они святую вѣру вѣровать—
Во Мать Божию Богородицу,
Въ Троицу нераздѣлимую.
И сдѣлали Георгію въ году два
праздника.

Во вѣки. Аминь.

Варенцовъ, 100—110.

(Записана въ Нолинскѣ, Вятск. губ.).

Примѣчаніе 1. „Стихъ о Георгіи Храбромъ“, подобно „стиху о Голубиной книгѣ“, имѣетъ также космогоническій характеръ; но въ немъ говорится уже не о началѣ всего міра, какъ въ „Голубиной книгѣ“, а только о началѣ устройства и просвѣщенія русской земли, которое приписывается св. Георгію. Въ стихѣ о Георгіи можно различать двѣ части. Въ первой части описываются происхождение и мученія Георгія. Сказаніе о происхожденіи Георгія представляетъ странное, противорѣчащее исторіи, смѣшеніе времени, мѣстъ и лицъ. Св. Георгій (по житію) жилъ при Діоклетіанѣ и отъ него принялъ мученическую кончину; имя Діоклетіана сохранилось, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ спискахъ: въ другихъ же его замѣнили царице *Демьяницею*, *Дектіаницею*, *Даріаницею* и др. Подъ этими именами, очевидно, изображается языческій царь или вообще язычество, гнавшее Христіанство. Родился Георгій, по сказанію стиха, въ Іерусалимѣ, который оказывается въ Россіи; отецъ и мать Георгія не названы въ житіи; но фантазія народная матерью его сдѣлала *Софію премудрую*, которая породила *три дочери*, разумѣя подъ ними, вѣроятно, знаменитую мученицу Софію и трехъ ея дочерей—Вѣру, Надежду и Любовь. Но всего страннѣе въ этомъ разсказѣ изображеніе самого Георгія:

По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорія вся жемчужная,
По всемъ Егоріѣ части звѣзды.

Такими же точно словами въ народныхъ сказкахъ описываются разные богатыри и герои, и потому очень можетъ быть, что народъ смѣшалъ Георгія съ какимъ-нибудь древнимъ богатыремъ или божествомъ, мѣсто котораго онъ и замѣнилъ въ его представленіи, подобно тому, какъ св. Власій замѣнилъ собою Волоса, св. Ілья-пророкъ—Перуна, св. Іоаннъ Предтеча—Купалу; во второй части стиха онъ, дѣйствительно, изображается въ видѣ богатыря, разѣзжающаго по русской землѣ. Но можетъ быть также и то, что такое изображеніе Георгія снято просто съ какой-нибудь церковной иконы Георгія въ серебряной и позолоченной ризѣ, усыпанной звѣздами и украшенной жемчугомъ. За разсказомъ о происхожденіи слѣдуетъ изображеніе мученій Георгія. Кромѣ житія, принятаго церковью, въ которомъ изображаются мученія Георгія ¹⁾, ходили еще апокрифическія сказанія о Георгіи: подъ влияніемъ такихъ сказаній, вѣроятно, и составилось въ стихахъ изображеніе мученій Георгія. „На городъ Іерусалимъ напустилъ Господь царице Діоклеціанице. безбожнаго пса

¹⁾ Четьи-Миней 23-го апрѣля.

басурманища“. Онъ умертвилъ благовѣрнаго царя Теодора, взявъ въ плѣнъ Георгію и трехъ его братьевъ и трехъ сестеръ, увезъ въ свою землю невѣрную и здѣсь началъ ихъ мучить... Братья и сестры Георгія, убоявшись мученій, отказались отъ вѣры христіанской; но Георгій остался непоколебимъ. Царь приказалъ мучить его „муками разнообразными“...

Георгію не вредили никакія муки. Наконецъ царь велѣлъ посадить его въ глубокій погребъ, закрыть досками желѣзными и засыпать песками рудожелтыми. Здѣсь Георгій сидѣлъ тридцать лѣтъ. Когда исполнилось тридцать лѣтъ, явилась Георгію пресв. Богородица и сказала:

Ты за это ли претерпѣніе

Ты наслѣдуешь себѣ царство небесное.

И поднялись вѣтры буйные, разнесли пески рудожелтые, разметали доски желѣзныя.—и Егорій вышелъ на святую Русь и пришелъ въ городъ Іерусалимъ.

Мать снаряжаетъ въ путь Георгія, какъ настоящаго богатыря. Далѣе слѣдуетъ самое путешествіе Георгія по землѣ русской, которое можно назвать второю частью стиха. Земля русская представлялась Георгію совершенно дѣвственною и дикою, ненаселенною и невоздѣланною: повсюду лѣса дремучіе, горы толкучія, звѣри рыскачіе и змѣи огненныя: нельзя ни пройти, ни проѣхать.—Наконецъ онъ доѣхалъ до города Кіева. Внутри города онъ нашелъ палаты бѣлокаменны, гдѣ жилъ царь Діоклетіанище. Описаніе встрѣчи съ нимъ Георгія очень напоминаетъ встрѣчу Ильи Муромца съ Соловьемъ-разбойникомъ въ былинахъ. Увидѣвъ Георгія, царище, подобно Соловью, кричитъ по звѣринному, визжитъ по змѣинному, такъ что конь Георгія упалъ на сыру землю. Егорій убилъ царища, разрушилъ его жилище, утвердилъ въ Кіевѣ вѣру самому Христу, Царю небесному. Потомъ взялъ своихъ сестеръ, привелъ ихъ къ Іордань-рѣкѣ и велѣлъ имъ умыться и окреститься: „камышъ-трава съ нихъ свалилася и еловая кора опустилася“. Онъ возвратилъ ихъ своей матери.

Такимъ образомъ, изъ мученика за вѣру, какимъ Георгій изображается въ первой части стиха, онъ превращается во второй части въ учредителя порядка, устроителя и просвѣтителя русской земли. Черты, въ какихъ онъ изображается, очевидно, сняты съ какого-нибудь древняго богатыря, хотя его дѣятельность не имѣетъ вполне богатырскаго характера. Онъ ѣздитъ на богатырскомъ конѣ, съ вострымъ копьемъ богатырскимъ, но ни разу не употребляетъ его въ дѣло. Только уже въ Кіевѣ, лицомъ къ лицу встрѣтившись съ Діоклетіанищемъ, своимъ врагомъ и врагомъ христіанства, онъ пустилъ въ него калену стрѣлу и разрушилъ палицей его палаты; но все путешествіе онъ совершаетъ необыкновенно мирнымъ образомъ. Землю русскую онъ устрояетъ тѣмъ, что распространяетъ вѣру христіанскую, строитъ церкви соборныя и богомольныя, ѣздитъ повсюду съ книгою евангеліемъ. Такимъ именно въ высшей степени мирнымъ способомъ, путемъ распространенія христіанской вѣры, дѣйствительно, и происходило устроеніе и просвѣщеніе земли русской. Въ Георгіи, можно думать, народъ представилъ вообще типъ тѣхъ духовныхъ богатырей, героевъ вѣры и просвѣщенія, которые въ древнія времена повсюду являлись въ одеждѣ инока и мірянина, въ санѣ князя и епископа, просвѣщали дикія племена Руси, распространяя между ними вѣру, строя города, церкви, монастыри и пустыни ¹⁾).

Примѣчаніе 2. Мать и сестры Георгія. „Мать Георгія въ житіи или вовсе остающаяся безъ имени, или носящая другое имя, въ стихѣ называется Софіею-Премудростію. Источникъ ея имени уже давно указанъ (П. А. Безсоновъ и О. Ѳ. Миллеромъ) въ художественномъ преданіи. Съ VI вѣка по всей Византійской имперіи строятся соборные храмы Софій Премудрости Божіей, и, что замѣчательно, въ очень многихъ случаяхъ такой соборный храмъ поминается рядомъ съ другимъ уважаемымъ храмомъ—св. Георгія. То же находимъ мы и на Руси...

¹⁾ И. Порфирьевъ. Ист. рус. словесности. I т. 318—322.

Достаточно было явиться Софін, чтобы вызвать къ жизни ея дочерей: Вѣру, Надежду и Любовь. Но откуда авторъ стиха взялъ ихъ податливость мучителю? Житіе святыхъ сестеръ, разумеется, безусловно противорѣчитъ этому. За неимѣніемъ литературнаго источника, мы можемъ удовлетвориться такимъ объясненіемъ: поэтъ, объединивъ гоненіе Діоклетіана съ погромомъ татарскимъ, вспомнилъ и о томъ ужаснѣйшемъ съ нравственной точки зрѣнія бѣдствіи земли русской, что люди русской крови поневолѣ татарились и въ глазахъ православнаго христіанина теряли человѣческій образъ до такой степени, что очистить ихъ, вполнѣ могли только родъ вторичнаго крещенія и тяжкій подвигъ паломничества въ Святую Землю. Кромѣ того, твердость многомученика рѣзче выдѣлялась при указаніи на слабость его ближнихъ, и свѣтлость лица всепретерпѣваго мученика прекрасно отгѣняется полувѣриннымъ видомъ неударжавшихся въ вѣрѣ¹⁾.

Примѣчаніе 3. Препятствія. „Мнеологи считаютъ своею безспорною собственностью основное препятствіе—горы *толкучія*, и въ этомъ они до извѣстной степени правы. Горы толкучія встрѣчаются безпрестанно въ сказкахъ и очень часто въ такой обстановкѣ, которая указываетъ на ихъ несомнѣнно *облачное* значеніе. И такъ, о первоначальномъ значеніи горъ толкучихъ не можетъ быть спора; но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы авторъ стиха, обдѣлавшій житіе Георгія во вкусѣ героическаго эпоса, понималъ подъ горами облака; какой смыслъ имѣло бы въ такомъ случаѣ обѣщаніе Егорія построить на этихъ горахъ церковь?

Лѣса *дремучіе* появились въ параллель горахъ *толкучимъ*.

Волки или звѣри и стадо змѣиное, какъ препятствія на пути героя, объясняются, по моему мнѣнію, тѣмъ представленіемъ, которое составилъ себѣ о Георгіи народъ подъ вліяніемъ его апрѣльскаго праздника.

Когда Дюкъ Степановичъ собирается ѣхать въ Кіевъ, мать пытается удержать его, указывая ему на неодолимые препятствія:

Первая застава—горы толкучія,
Вторая застава—птицы клевучія,
Третья застава—Змѣй Горыныще.

Былина не могла пользоваться стихомъ, такъ какъ въ послѣднемъ этихъ препятствій больше и, кромѣ одного варіанта, въ немъ являются не птицы, а одна птица въ эффектной обстановкѣ. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ двумя пересказами литературнаго преданія. Что это за преданіе? Какова его исторія? Былина или стихъ ближе къ нему? Все это вопросы, на которые я отвѣчать не могу; но считаю не лишнимъ замѣтить, что въ препятствіяхъ, предстоящихъ Дюку, нельзя не видѣть поразительнаго сходства съ Симплегадами, Стиμφалидами и дракономъ Аргонавтовъ“.

Близкую аналогію представляетъ также рассказъ Шахъ-Намѣ о подвигахъ Исфендіара. „Молодой Исфендіаръ, сынъ Густаспа, отправляется по приказанію отца освободить двухъ принцессъ, похищенныхъ туранцами, своихъ родныхъ сестеръ. Ему говорятъ, что къ желѣзному замку ведутъ три дороги; онъ избираетъ кратчайшую, но исполненную опасностей. Тамъ ему встрѣчаются два *волка* съ рогами, левъ и львица, *драконъ*, отъ крови и яда котораго онъ падаетъ безъ чувствъ, прекрасная волшебница. Птица Семургъ хочетъ со своими птенцами преградить ему путь; онъ ранитъ ее колесницей съ мечами, вслѣдствіе чего вся долина покрывается ея *кровью* и перьями. Кромѣ того, ему мѣшаютъ проѣхать страшный снѣгъ, боло-~~тныя~~ дороги и потоки. Проникши въ замокъ туранскаго царя, онъ находитъ, что сестры его принуждены заниматься *черными работами*. Герой въ заключеніе убиваетъ врага своего рода“²⁾.

¹⁾ А. Кирпичниковъ. Св. Георгій и Егорій Храбрый. 1879 г.

²⁾ А. Кирпичниковъ. Св. Георгій и Егорій Храбрый. 1879 г.

III. ПѢСНИ ЛИРИЧЕСКІЯ.

I. ДѢТСКІЯ.

а) Колыбельныя.

1.

Тоню тяну,
Рыбу ловлю,
Въ кошель кладу,
Домой несу.
Щучки въ кучки,
Плотички на полочки;
Одинъ ершокъ
Да ѣ тотъ въ горшокъ.
Щей наварю,
Николая накормлю,
Спать положу.
Спите-тко, ребята, не чухайте.

Учитель. 1863, стр. 289.

(Петроваводск. у. Олонецкой губ.)

2.

Баю—баюшки баю,
Бай голубушку мою,
Сонъ ходитъ по лавки,
Дрема по сѣнямъ.
Сонъ говорить:—усыплю, усыплю,
А дрема говорить:—удреплю, удре-
млю.

Оны ищутъ дитю,
Усыпить-бы ею.
Я убайкаю дитю,
Убаюкаю ею.

1б.

3.

Ужъ ты, котинька—котокъ,
Котя, миленькой дружокъ,
Приди, котя, ночевать,
Моего дитя качать.
Я тебѣ ли котичу
За труды заплачу:
Кочергой по плечу (2)
Сама въ дверь погоню.

4.

У кота-кота
Была люлька хороша;
У нашего Колиньки
Лучше его:
Была выточена
Сверху вызолочена.
Спи-тко, Колинька, усни,
Спи, хорошенькой, усни!
Выспишься, дитя,

Не куражишься;
Выстанешь—пойдешь,
Разгуляешься.
Ужъ ты вырастешь большой—
Будешь въ золоти ходить,
Чисто серебро носить:
Нянькамъ да мамкамъ
Подарочки дарить.
Байки—побайки
Матери—китайки,
Отцу—молодцу
Хоть на ластовицу.

1б.

5.

Котинька—котокъ,
Котя, сѣреный хвостокъ,
Приди, котикъ, ночевать,
Мово Лешиньку качать,
Прибаюкивати!
Я тебѣ коту
За работу заплачу:
Бѣленькій платочикъ
На шею навяжу,
А другой, голубой,
Въ ручки подарю.
А еще тебѣ коту
За работу заплачу:
Въ Великій Постъ
Рѣдьки хвостъ,
Склянку вина
И конецъ пирога.

Шейнь. I, 7.

(Тула).

6.

По горамъ, горамъ
По высокимъ,
По раздольицамъ
По широкимъ,

Тутъ огни горять
Негасимые.
Злы татарове
Тутъ полонъ дѣлать.
Доставалася
Теща зятю въ плѣнь;
Онъ отвезъ ее
Къ молодой женѣ.
„Ахъ, и вотъ тебѣ,
Молода жена,
Полоняночка
Съ Руси русская!
Ты заставь ее
Три дѣла дѣлатъ :
Что и первое—
То дитя качать,
А другое то—
Тонкій кушель прастъ,
Что и третіе—
То цыплятъ пасты.—
„Ты баю, баю,
Мое дитяtko:
Ты по батюшкѣ
Злой татарченкокъ,
Ты по матушкѣ
Милъ внученкокъ.
Вѣдь твоя-то мать
Мнѣ родная дочь;
Семи лѣтъ она
Во полонъ взята,
На правой рукѣ
Нѣтъ мизинчика,
Ты баю, баю,
Мое дитяtko!“
Какъ услышала
Тутъ татарочка,
Она кинулась,
Она бросилась
На бѣлы руки
Къ своей матушкѣ:
„Ахъ, родимая
Моя матушка!
Выбирай себѣ

Ужъ вы, нянюшки!
 Ужъ вы, мамушки!
 Водитесь, не лѣнитесь,
 Старыя старушки,
 Укачивайте,
 Красныя дѣвицы,
 Убаюкивайте!
 Спи съ Богомъ, со Христомъ,
 Спи со ангелами,
 Спи, дитя, до утра,
 До солнышка!
 Будетъ пора,
 Мы разбудимъ тебя.
 Сонъ ходитъ по лавкѣ,
 Дремота по избѣ;
 Сонъ говоритъ:
 Я дремать хочу.
 По полу, по лавочкамъ
 Похаживаютъ,
 Ванюшкѣ въ зыбочку
 Заглядываютъ,
 Спать укладываютъ.

Шейнъ, I, 6.

(Тверск. губ.)

б) Забавныя.

9.

Скокъ, поскокъ,
 Молодой дроздокъ,
 По водичку пошелъ,
 Молодичку нашелъ.
 Молодиченька
 Не величенька,
 Сама съ вершокъ,
 Голова съ горшокъ,
 Шу! (вы) полетѣли,
 На головушку сѣли.

Шейнъ, I, 13.

(Тверь).

10.

Донъ, донъ, донъ!
 Загорѣлся кошкѣнъ домъ:
 Бѣжить курица съ ведромъ
 Заливать кошкѣнъ домъ.

Иб. 14.

11.

Тень, тень, потетень!
 Выше города плетень.
 Садись, галка, на плетень!
 Галки хохлушки,
 Спасенныя душки.
 Воробьи пророки,
 Шли по дорогѣ,
 Нашли книгу;
 Въ этой книгѣ:
 Зюзюка, зюзюка,
 Куда намъ катиться?
 Вдоль по дорожкѣ,
 Коротеньки ножки,
 Овсяны сапожки.

Иб. 15.

(Крапивенск. у. Тульск. губ.).

12.

Сорока, сорока!
 Гдѣ была? Далеко.
 На порогъ скакала,
 Гостей созывала:
 Гости не бывали,
 Каша пригорѣла.

Потомъ, указывая на каждый палецъ руки, начиная съ большого, приговариваютъ:

И этому дала,
 И этому дала, и пр.

И, останавливаясь на мизинцѣ, добавляютъ:

А ты малъ-малешенекъ,
За водицей не ходилъ,
Дровъ не носилъ,
Кашки не варилъ.
Шу! полетѣли,
На головушку сѣли.

Ив. 19—20.
(Москва).

13.

Галки, вороны,
Сбирайтесь къ намъ!
Варите кутью,
Поминайте Кузьму!
За рѣкой въ кусту
Кузьма денежки куетъ,
Всѣмъ по денежкѣ даетъ:
Тюшѣ-Матюшѣ (Матвѣю)
И бабушкѣ горбушѣ,
Еще трехъ Матренѣ,
Да Луку съ Петромъ.

(Тверь).

Ив. 20.

14.

Ладушки, ладушки,
Гдѣ были? У бабушки.
Что ѣли? Кашку.
Что пили? Бражку.
Кашка сладенька,
Бражка пьяненька.
Шу! полетѣли.

(Москва).

Ив. 21.

15.

Куледа, куледа,
Гдѣ ты была?
За воротами.
Гдѣ ворота?
Водой снесло.
А гдѣ вода?

Быки выпили.
А гдѣ быки?
За горы ушли.
А гдѣ горы?
Черви выточили.
А гдѣ черви?
Гуси выклевали.
А гдѣ гуси?
Въ тростникѣ ушли.
А гдѣ тростникѣ?
Дѣвки выломали.
А гдѣ дѣвки?
За мужья ушли.
А гдѣ мужья?
На печи сидятъ,
Калачи пекутъ
И намъ дадутъ.

Ив. 26—27.

(Москва).

16.

Туру, туру, пастушокъ,
Калиновый подошокъ,
Гдѣ ты былъ, побывалъ?
Отъ моря до моря
До Кіева города,—
Тамъ моя родина.
На родинѣ дубъ стоитъ,
На дубу сова сидитъ.
Сова-то мнѣ теща,
Воробушекъ шуринъ,
Васька Батуринъ,
На грамотку пишетъ,
На дѣвушку дышетъ.
Дѣвица, дѣвица,
Сходи по водицу.
— Я волка боюсь,—
Волкъ на болотѣ,
Коза на работѣ.

Учитель, 1863, стр. 144.

17.

Лучина, лучина, /
Гори, гори жарко!
Прѣдетъ Макарка,
Самъ на лошадекъ,
Жена на коровкѣ,
Слуга на собачкахъ,
Дѣти на теляткахъ.

Шейнъ. I. 36—37.

(Тверь).

18.

Татарки, татарки,
Взяли по палкѣ,
Ударили по доскѣ,
Поѣхали по Москвѣ.

Ів. 38.

(Крапивенск. у. Тульск. губ.).

19.

А дуду, дуду, дуду!
Потерялъ мужикъ дугу
На солдатскомъ на дугу:
Онъ шарилъ—не нашелъ,
Къ государынѣ пошелъ.
Государыня, боярыня,
Роди ты мнѣ сына
Въ четыре аршина;
Бабушка Арина,
Подай полотенце
Накрыть младенца!
Младенецъ не великъ —
Во всю лавушку лежитъ;
Онъ сталъ на дыбокъ,—
Досталъ потолокъ.

Ів. 41.

(Крапивенск. у. Тульск. губ.).

20.

Какъ у насъ козелъ
Что-та умный былъ,
Самъ и по воду ходилъ,
Самъ и кашу варилъ,
Дѣда съ бабкою кормилъ.
Какъ пошелъ нашъ козелъ
Онъ во темный лѣсъ;
Какъ навстрѣчу возлу
Да семь волковъ:
Какъ одинъ-то волкъ —
Онъ голодный былъ,
Онъ три года ходилъ ¹⁾,
Все козлятины просилъ.

Ів. 50—51.

в) Обрядовыя. Игровыя

21.

Дождикъ, дождикъ, перестань!
Я поѣду въ (во) Врестань ²⁾
Богу молиться,
Царю поклониться.
Я, убогій сирота,
Растворяю ворота
Ключикомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.

Ів. 58.

(Чебоксары, Казанск. губ.).

22.

Дождикъ, дождикъ, припусти!
Я поѣду межъ кусты
Богу молиться,

¹⁾ Вариантъ:

Онъ три года болѣлъ,
Все козлятинки хотѣлъ.
Хватилъ козелка
Поперекъ живота,—
Его ноги—на дорогъ,
Голова его въ кустъ,
Борода его въ гнѣздъ.

Ів. 50.

²⁾ Вариантъ:

„Во Ристанъ“, „во Рязанъ“.

Христу поклониться;
Богова сирота,
Отворяю ворота
Ключикомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.

Ив. 54.

(Бѣльск. у. Орловск. губ.).

23.

Дождикъ дождикъ!
На дядину пшеницу,
На нашъ ячмень
Поливай весь день!
На Иванову рожь
Поливай, какъ хошь!

Ив. 55.

(Москва).

24.

Солнышко, солнышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣти плачутъ,
Сыръ колупаютъ,
Кошкѣмъ бросаютъ,
Намъ ѣсть не даютъ,
Коромыслами бьютъ.

Ив. 55.

(Тобольскъ).

25.

Катилось яблочко
Вокругъ огорода;
Кто его подыметъ,
Тотъ вонъ выдетъ ¹⁾.

Учитель, 1863, стр. 145.

26.

Первички,
Другички,

¹⁾ На комъ изъ играющихъ придется последнее слово, тотъ долженъ отходить, ему не досталось *водить* въ игру (начинать, вести коня, коноводить).

Трички,
Волячки,
Пятанъ
Ладанъ,
Дикинь
Выкинь.

Ив. 145

27.

Зайчикъ бѣленькій,
Гдѣ ты былъ?
~~Въ лѣсѣ.~~
Что дѣлалъ?
Лыжи дралъ.
Куды ихъ клалъ?
Подъ колоду.
Кто бралъ?
Родивонъ.
Поди вонъ.

Шейнъ, 59.

28.

Михайла-корта
Пожарная голова,
Еловая кожа,
Сосновая рожа.

Ив. 66.

29.

Косой бѣсъ
Пошелъ въ лѣсъ,
Срубилъ палку,
Убилъ галку.
Галка плачетъ,
Косой скачетъ.

Ив. 67.

30.

Дядя Тарасъ
Не доѣхалъ до насъ,
Твоя дочка у насъ

Плетеночки плететь,
Въ кошелечки кладесть.

Ив. 69.

(Четыре послѣднія записаны въ Крапивенск.
у. Тульск. губ.).

31.

Ты куколка,
Я куколка;
Ты маленькая,
Я маленькая.
Гдѣ ты была?
У вечерни пробыла.
Что ты въ гости не пришла?
Побоялась тиуна.
Тиунъ тебѣ не судья,
Судя—Владыка.
Владыковы дѣти
Хотятъ улетѣти.
Шипемъ вышель,
Вонъ пошелъ.

Ив. 35—36.

II. Пѣсни про любовь.

а) Одиночество.

1.

Какъ у ключика у гремучева,
У колодезя у студенова
Добрый молодецъ самъ коня поилъ,
Красна дѣвица воду черпала;
Почерпнувъ воды, поставила;
Какъ поставивши, призадумалась,
А задумавшись, заплакала,
А заплакавши, слово молвила:
„Хорошо тому жить на семь свѣтѣ,
У кого есть отецъ и мать,
Отецъ и мать, и братъ—сестра,
Ахъ, и братъ—сестра, что и родъ
—племя.
У меня-ль у красной дѣвицы
Ни отца нѣту, ни матери,
Какъ ни брата, ни родной сестры,

Ни сестры, ни роду—племени,
Ни того ли мила друга“.

Сахар. I, 3, 204.

б) Любовь и мучения.

2.

— Не сиди, мой другъ, поздно вече-
ромъ;

Ты не жги свѣчу воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи.
Ахъ, прошли, прошли наши красны
дни,

Наши радости буйный вѣтръ унесъ
И разеѣялъ ихъ по чисту полю!
Сонизволил такъ родной батюшка,
Приказала мнѣ родна(я) матушка,
Чтобъ женился я на иной женѣ!
Не горять въ небѣ по два солнышка,
Не свѣтять по два мѣсяца,
Не любить два раза добру молодцу!
Ужъ я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,
Обвѣнчаюсь я со иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью ран-
нею,

Съ смертью раннею и насильною! —
Залилась слез(а)ми красна дѣвица,
Во слезахъ она слово молвила:
„Ахъ ты, милой мой, ненаглядной
мой!

Не жилища я на бѣломъ свѣтѣ
Безъ тебя, моя надеженька!
Нѣтъ у горлинки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедиковъ,
У меня не быть двумъ милымъ
друзьямъ!“

Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго,
На столѣ стоитъ новъ тесовый
гробъ,

Во гробу лежитъ красна дѣвица.

Ив. 208—209.

3.

Ты трава ль моя,
Ты шелковая!
Ты весной росла,
Лѣтомъ выросла,
Подъ осень, травка,
Засыхать стала,—
Про мила дружка
Забывать стала;
Милъ сушиль, крушилъ,
Сердце высушилъ,
Онъ и свель меня
Съ ума-разума.

Шейнъ. I. 292.

(Великолуцк. у. Псковск. губ.).

4.

Охъ, матушка, тошно мнѣ,
Голова болить!
Болить больно головушка....
Полюбился мнѣ боярскій сынъ.
Молодой боярскій сынъ
Меня высушилъ
Суше вѣтра, суше вихря,
Суше травушки подкошеной.
Я сама же на грѣхъ ваступлю,
Я сама же его высушу,
Сдѣлаю его, какъ былочку,
Какъ былочку въ чистомъ полѣ:
Я не зельями, не кореньями,
Я своими горячими слезами
Сдѣлаю, какъ былочку,
Какъ былочку, въ чистомъ полѣ.

Іѣ. 327.

(Веневск. у. Тульск. губ.).

5.

Кручинушка ты моя, кручинушка
великая!
Никому ты, моя кручинушка, не-
извѣстна,

Извѣстна ты, моя кручинушка, ре-
тивому сердцу,
Покрыта ты, моя кручинушка, бѣ-
лой грудью,
Запечатана ты, моя кручинушка,
крѣпкой душой.
Заной-ко, заной, мое сердечушко,
заной, ретивое!
Заслышь-ко, моя любезная, заслышь
мой голосочикъ!
Ужъ выдь, моя раздушенька, на
красный крылечикъ!
Погляди-ко, моя разлапенька, во
чистое поле:

Не бѣлы-то снѣжки во чистомъ полѣ
забѣлѣлися,
А забѣлѣлися дружка милаго бѣлыя
палаты,
Во палатахъ раскинуты шатры шел-
ковые,
Во шатрахъ-то стоять три столিকা
дубовые,
На столахъ-то пораскинуты скатер-
ти бранны,
За столами-то сидятъ три молодца
бравы.

Іѣ. 290.

(Корсунск. у. Симбирск. губ.).

6.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ стыда въ глазахъ.
Ни стыда въ глазахъ, ни совѣсти,
Никакой нѣтъ заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки!
У меня ли у молодешеньки,
Есть и горе и заботушка,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушка:
Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
Зазнобивши, онъ повысушилъ.
Я сама дружка повысушу,
Я не зельями, ни кореньями,

14*

Я своими горячими слезами:
И ты кань, кань, горяча слеза,
Къ милу дружку на бѣлую грудь,
На бѣлую грудь, въ ретиво сердце!

Гл. 326.

(Тульск. губ. и у.).

7.

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взшла, когда выросла?
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
Я весной взшла, лѣтомъ выросла,
Я весной цвѣла, лѣтомъ вызрѣла.
Подъ тобою ли рябинушкой,
Что не макъ цвѣтетъ, не трава
растетъ,

Не трава растетъ, не огонь горитъ,
Не огонь горитъ—ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое.

Ахъ, горитъ, горитъ, какъ смола
кипитъ,

По душѣ-ль, душѣ, по лебедушкѣ,
По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
По голубушкѣ, красной дѣвицѣ.

Ты душа ль, душа красна дѣвица!
На зарѣ ль, зарѣ, зарѣ утренней,
При восходѣ ли свѣтла солнышка,
Не простившись съ отцомъ, съ ма-
терью,

Не выдавшись съ добрымъ молод-
цомъ,

Жизнь оставила, скончалася.

Ой вы, вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, вы осенние!

Вы не дуйте здѣсь, васъ не на-
добно.

Прилетайте вы, вѣтры буйные,
Что со сѣверной со сторонки,
Вы развѣйте здѣсь мать-сыру землю,
И развѣявши по чисту полю,
По чисту полю, по широкому,

Вы раскройте мнѣ гробову доску,
Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній
разъ

Распрощатися съ моею милою,
Съ моею милою, съ душой дѣвицей!
Окропивъ ее горячей слезой,
Я вздохну, умру подлѣ ней тогда.

Сахар. I, 3, 203—204.

8.

Что-то не павушка по дворику гу-
ляла,

Красная дѣвушка по сѣнчикамъ хо-
дила,

Ена нянюшекъ и мамушекъ будила:
Вы вставайте, няньки-мамки, про-
бужайтесь!

Иль да вы ли, души красны дѣ-
вицы!

Вы подумайте мнѣ, младенькой, при-
гадайте,

Что за что меня вечеръ отецъ и
мать бранили,

На весь-то на родъ-племя меня хо-
рошую, журили,

Не велѣли мнѣ по миленькомъ пла-
кать,

Не велѣли мнѣ по хорошему то-
сковать.

Ужъ вы сами, добрые люди, раз-
судите, (2)

Ино какъ же мнѣ по миломъ не
тосковать?

Ужъ какъ же мнѣ по хорошему не
плакать?

Какъ енъ хорошъ-пригожъ мой ми-
ленькій уродился:

Вышелъ мой миленькій родствомъ¹⁾—
пригожествомъ,

Вышелъ мой миленькій всею кра-
сотою,

¹⁾ „Ростомъ“.

Вышелъ мой миленькій всею молодецкою поступкою.

Шейнъ. 299.

(Валд. у. Новгородск. губ.).

в) Разлука.—Прощаніе.

9.

Долина ль ты моя, долинушка,
Долина ль ты моя широкая!
На той ли на долинь
Выростала калина;
На той ли на калинь
Кукушка вскуковала:
Ты объ чемъ, моя кукушечко,
Объ чемъ кукуешь?
Ты объ чемъ, моя горемычная,
Объ чемъ горюешь?
Ужъ и какъ же мнѣ, кукушечки(ѣ),
Какъ не куковать?
Ужъ и какъ же мнѣ, горемычной,
Какъ не горевать?
Одинъ былъ зеленый садъ,—
И тотъ засыхаетъ,
Одинъ былъ у меня милый другъ,—
И тотъ отъѣзжаетъ,
Одное меня, младшеньку,
Одное меня повидаетъ.

Ів. 310.

(Крив. у. Тульск. губ.).

10.

Не соколъ летитъ по поднебесью,
Не соколъ ронитъ сизы перушки,
Скачетъ молодецъ по дороженьки,
Горьки слезы льетъ изъ ясныхъ очей:
Распрощался онъ съ своей родиной,
Со сторонешкой понизовою,
Гдѣ течетъ въ красѣ Волга матушка;
Распрощался онъ съ красной дѣвицей;
Онъ оставилъ ей на поминъ себѣ
Дорогой перстень съ алмазами,

На обидѣнъ же взялъ отъ красавицы
Золото кольцо обручальное,—

При разидѣнъ самъ приговаривалъ:

„Не забудь меня, моя милая,
Не забудь меня, задумевный другъ,
Чаще взглядывай ты на перстень мой,
Чаще стану я цѣловать кольцо,
Къ ретиву сердцу прижимаючи,
Объ тебѣ, мой другъ, вспоинаючи.
Коль подумаю я о другой любви,—
Золото кольцо распаяется,

Если ты съ другимъ подѣ вѣнецъ
пойдешь,—

Камень выпадетъ вонъ изъ перстена“.

Ів. 302—303.

(Епиф. у. Тульск. губ.).

11.

Ахъ ты, солнце, ты, солнце красное!
Ты къ чему рано за лѣсъ катишься?
У меня въ глазахъ сердечной другъ,
Не гостить онъ, не жалуетъ,
Все домой снаряжается.
Провожу ли я друга милаго
Чрезъ два поля чистыя,
Чрезъ три луга зеленые,
Чрезъ матушку каменну Москву.
Я тутъ съ другомъ разставалася,
Я слезами обливалася,
Во слезахъ ему слово молвила:

Коли лучше меня найдешь,— поза-
будешь,

Коли хуже меня найдешь,— вспо-
мянешь.

Сахаровъ, I, 3, 205.

12.

Не спала-то я, младшенька, не дре-
мала,

Я ни думала, младшенька, ни га-
дала.

Съ правой руки яснаго сокола опу-
стила;

Подымался младъ-ясенъ соколъ выше
лѣсу,

Выше лѣсу, выше зеленой дубровы!
Опускался младъ-ясенъ соколъ на
сине море,

Онъ садился младъ-ясенъ соколъ
на корабликъ.

По кораблику гостинный сынъ гуляетъ,
Во звончатые онъ гусельки играетъ,
Онъ душу красну дѣвицу утѣшаетъ:
Ты не плачь, не плачь, душа красна
дѣвица,

Наживай себѣ друга милаго, много.
Буде лучше меня найдешь—поза-
будешь;

Буде хуже найдешь—вспомынешъ,
Вспоманувъ меня, душа моя, запла-
чешь.

Иъ.

г) Разжолыва.—Измѣна.—Ревность.—
Месть.

13.

Ужъ вы, да ночи, ночи темныя,
Вечера ли мои веселыя!

Всѣ ноченьки просиживала,
Всѣ я думушки продумывала.

Какъ одна мнѣ дума съ ума не идетъ,
Съ ума не идетъ, съ великаго ра-
зума:

Тутъ проторилъ милый другъ до-
роженьку

Мимо садика, садика зеленого;
Я сама-то, дѣвка, глупо сдѣлала,
Своего дружка прогнѣвала,
Назвала я дружка горькой пьяницей.

Шейнъ. 319.

(Тульск. губ.).

14.

Ахъ вы, вѣтры, вѣтры буйные,
Вы буйные—вѣтры осенне!
Потяните вы во ту сторону,
Во ту сторону, во восточную,
Отнесите вы къ другу вѣсточку,
Что нерадостную вѣсть, печальную:
Какъ вѣчоръ-то молодешенькѣ
Мнѣ мало спалось, много видѣлось,
Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Ужъ кабы у меня у младешеньки,
На правой рукѣ на мизинчикѣ
Распаялся мой золотъ перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Подареньице друга милова,
Свѣтъ дорожна добра молодца.

Сахаровъ. I, 3. 204—205.

15.

—Неси, дѣвушка, поздновечеромъ,
Ты не жги, не жги восковой свѣчи,
Восковой свѣчи, воску ярова!
Ты не жди, не жди дорога гостя,
Дорога гостя, дружка милова!
Я не гость пришелъ, не гоститися,
Пришелъ (я) къ дѣвушкѣ доложи-
тиса,

Всѣмъ подарочкомъ разиѣняться:
Ты возьми, возьми свой тальянскій
платъ,

Ты отдай, отдай (мое) золото кольцо!
Тебѣ тѣмъ платкомъ жениха дарить,
А мнѣ этимъ кольцомъ обручатися.
Позволь, милая, мнѣ женитися! —
Залилась дѣвица горячимъ слезамъ,
Во слезахъ дѣвица слово молвила,
Слово молвила, рѣчь говорила:

„Ты женись, женись, разбессовѣстный!
Ты не будь, миленькій, насмѣхате-
лемъ,
Красной дѣвицѣ поносителемъ“.

Шейнъ. I, 305—306.
(Осташковск. у. Тверск. губ.).

16.

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты дуброва моя, зеленая!
Ты къ чему рано зашумѣла,
Приклонила свои вѣточки?
Изъ тебя ли изъ дубровушки
Мелки пташечки вонъ вылетали,
Одна пташечка оставалася,
Горемышная кукушечка.
Что кукуетъ она день и ночь,
Ни на малой часъ перемолку нѣтъ:
Жалобу творить кукушечка
На залетнова ясна сокола:
Разорилъ онъ ее тепло гнѣздышко,
Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ кукунатушекъ,
Что по ельничку, по березничку,
По часту лѣску, по орѣшничку.
Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
Что въ высокомъ сидитъ красная,
Подъ косящетымъ подъ окошечкомъ;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдастъ, что ключи кипятъ.
Жалобу творить красна дѣвица
На завѣжева добра молодца:
Что сманилъ онъ красну дѣвицу
Что отъ батюшки и отъ матушки,
И завезъ онъ красну дѣвицу
На чужу-дальню сторону,
На чужу-дальню, незнакомую,
Что завезши, хочетъ (по)кинути.

Сахаровъ. I, 3, 202.

17.

Полнынь ты моя, полнынюшка, горь-
кая трава,
Полынь горькая трава, шелковая!
Не я ли тебя, полнынюшка, сѣяла,
Не сама ли ты, полнынюшка-злодѣй,
уродилася,
По зеленому по садику, злодѣй, рас-
плодилася?
Заняла ты мнѣ, полнынюшка, въ
саду мѣстечко,
Въ саду мѣсто доброе, хлѣбородное;
Во саду ли во садикѣ виноградъ
растетъ,
Виноградъ растетъ, черносливъ цвѣ-
тетъ.
Свѣти-ко, свѣти, ты, свѣтель мѣ-
сацъ,
Чтобы было видно мнѣ, куда мнѣ
пошелъ!
Пошелъ мой миленькій изъ улицы
въ край,
Во крайній во дворъ, ко вдовушкѣ
въ домъ,—
У вдовушки дочушка была, дочь
одна,
Ложилаcь спать подъ окошечкомъ,
Открывала окошечко немножечко,
Говорила съ милымъ потихонечку.

Шейнъ. I, 321.
(Тверск. губ.).

18.

Ужъ какъ полно, красна дѣвица, ту-
жити,
Не наполнишь ты синя моря слезами,
Не воротишь друга милаго словами!
Говорила я милому, говорила,
Я въ упрось ли друга милаго про-
сила:

Не женися ты, мой милой, не же-
 нися!
 Не послушался, душа моя, женился!
 Онъ присыпалъ во бѣдну сердцу
 печали,
 И онъ налилъ очи ясныя слезами,
 Запечаталъ уста алыя онъ кровью.

Сахаровъ, I, 3, 202.

19.

Какъ по крутому, по красному бе-
 режку,
 Что по желтому сыпучему песочку,
 Какъ ходила тутъ, гуляла красна
 дѣвица,
 Она рыла себѣ кореньица, зелье
 лютое,
 Натопила она кореньица въ меду,
 въ патоку,
 Напоила добра молодца до-пьяна,
 Напоивши, положила спать;
 Положивши, красна дѣвица насмѣ-
 халася:
 „Ты спишь ли, моя надежда, или такъ
 лежишь?“
 — Я не сплю, не сплю, душа моя,
 едва живъ лежу:
 Ты умѣла, красна дѣвица, отравить
 меня,
 Ты умѣй, душа, и схоронить меня;
 Не клади меня, красна дѣвица, у
 Божьей церкви,
 Положи меня, красна дѣвица, въ
 чистомъ полѣ,
 При широкой, дальней при доро-
 женькѣ;
 Въ головахъ поставь, красна дѣ-
 вица, золотой крестъ,
 На груди поставь, душа моя, ка-
 лену стрѣлу,
 Подъ бока клади звончатые гусли,

Въ ногахъ поставь, красна дѣвица,
 моего коня.
 Буде старъ человѣкъ пойдетъ—по-
 молится,
 Моему ли тѣлу грѣшному поклонится;
 Какъ охотники пойдутъ—такъ на-
 стрѣлятся;
 Буде младъ человѣкъ пойдетъ—въ
 гусли наиграется;
 Какъ пойдутъ мои друзья, братья
 и товарищи—
 На моемъ добромъ конѣ наѣздятся.
 Сахаровъ, I, 3, 206—207.

д) Восталанная доля дѣвушки.

20.

Куда мнѣ красной дѣвицѣ отъ
 горя бѣжать?
 Пойду отъ горя въ темный лѣсъ—
 За мной горе съ топоромъ бѣжить:
 Срублю-срублю сыры дубы,
 Сыщу-найду красну дѣвицу.
 Бѣгу отъ горя въ чисто поле —
 За мной горе съ косою бѣжить:
 Скошу-скошу чисто поле,
 Сыщу-найду красну дѣвицу.
 Куда жъ мнѣ отъ горя бѣжать?
 Я отъ горя брошусь въ сине море—
 За мной горе бѣлой рыбой:
 Выпью-выпью сине море,
 Сыщу-найду красну дѣвицу.
 Я отъ горя замужъ уйду—
 За мной горе въ приданое;
 Я отъ горя въ постелюшку слегла—
 У меня горе въ головахъ сидитъ;
 Я отъ горя въ сыру землю пошла—
 За мной горе съ лопатой идетъ;
 Стоить горе—выхвывается:
 Вогнало-вогнало я дѣвицу въ сыру
 землю!

Шейнъ, I, 322.

(Данковск. у. Рязанск. губ.).

III. Свадебныя пѣсни ¹⁾.

1. Сватовство (рукобитье) ²⁾.

а) Во время рукобитья (запорученья).

1*.

На сегодняшній бѣлой день
Выпала роса холодная,
Ознобила мое сердце ретивое.

¹⁾ Терещенко, Б. Р. Н. Ч. П. Свадебн. пѣсни Олонецк. губ., стр. 207—229. Отсюда же и описаніе свадебн. обрядовъ. Пѣсни, не входящія въ кругъ олонецкихъ, обозначены звѣздочкой.

²⁾ „Парень, соскучивъ одиночествомъ, проситъ у своихъ родителей дозволенія жениться. — Желанный родители! говорить онъ, отпустите меня на чужую чужбину: я до стану себя молодцу красну дѣвицу. — Его отпускаютъ съ благословеніемъ. — Иди съ Богомъ, дитятко, говорятъ родители, иди, рожене!“

„Онъ идетъ искать невесту вдалекѣ отъ своего селенія или деревни. Избравъ для этого друзей своихъ и двухъ сватовъ, въ которые беретъ изъ родственниковъ, онъ отправляется съ ними въ то мѣсто, гдѣ у него на примѣтѣ дѣвица. Они не входятъ прямо въ домъ, а стучатъ въ окно, спрашивая: можно ли войти? Имъ отвѣчаютъ: милости просимъ. — Войдя въ избу, они молятся сначала образамъ, а послѣ кланяются родителямъ невесты; родители просятъ гостей садиться; они благодарятъ, говоря: „намъ некогда сидѣть, мы пришли за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ.“ — Гости упрасиваютъ сѣсть, и начинаютъ потчивать яичницею и пряженными пирогами. Въ то время зажигаютъ свѣчу предъ образомъ, и если невеста не понравится жениху, то она гаситъ свѣчу. — Это отказъ. — Когда просятъ невесту, тогда она плачетъ. Въ то время накрываютъ ее фатою и сватамъ объявляютъ приказъ, т. е. когда будетъ порученье (обрученье), а когда свадьба. Приказъ сопровождается звономъ въ колокольчикъ, рукобитіемъ и благословеніемъ. Сватъ бьетъ по рукамъ со всеми родными невесты, захвативъ полу своей сибирки.“

Послѣ совершения рукобитья, помолвленная произноситъ съ плачемъ: „Улетѣла моя любимая, вольная волюшка за горюшки высокія, за лѣсушки темныя, за озерушки широкія! Обневолили меня желанныя родители за чужого чужанина, на чужую сторону. Какъ то будетъ привыкать мнѣ къ чужому чужанину, къ чужимъ родителямъ, къ чужой

Бласлови, Боже истинный,
Божья мать-Богородица,
Запѣвать пѣсню новую,
Новую нешѣванную.
Что не ключики брякнули,
Да не замочки щелкнули,—
По рукамъ приударили.
Запоручилъ сударь-батюшка
И родимая матушка
Да меня молодешеньку
За поруки за крѣпкія
Да за заряды великія.

Терещ. 232—233.

сторонѣ? Мнѣ ужъ не долго красоваться волюшкой у своихъ родителей и у братьевъ, ясныхъ соколовъ. Видно, я имъ наскучила видно, была имъ не работница и не заботница. Видно, приустали мои родители, меня поючи, кормючи, узки плечики одѣваючи, рѣзвы ножки обуваючи! Выйду я бѣдна дѣвушка въ зеленую дубравушку, посмотрю на всѣ четыре стороны: не увижу ли я, гдѣ летаетъ моя любимая волюшка? Обернусь я красная дѣвица къ косяцету окошечку, посмотрю на широкую улицу: исполна ли печетъ красное солнышко, свѣтитъ свѣтель мѣсяцъ? Погляжу я красная дѣвушка на брусовую гладкую лавочку: исполна ли сидятъ мои родители на брусовой красной лавочкѣ? Исполна, исполна: лишь нѣтъ моей любимой волюшки! Ахъ, любимыя подруженьки! У васъ цвѣтутъ желанныя волюшки на буйныхъ головушкахъ; у меня у бѣдной горюшницы распущена косанька, нѣтъ моей вольной волюшки! Не держите вы ее по рядовымъ денечкамъ, а держите по годовымъ праздничкамъ. Поднимись, ручка правая, на буйную головушку! Опустись, ручка правая, противъ вдоха тяжелаго. Первый поклонъ за кормильца батюшку, второй поклонъ за родитель-матушку, третій поклонъ за крестнаго батюшку, четвертый поклонъ за крестную матушку. И еще поднимись, ручка правая, на горемычную головушку. Ты, Покровъ Богородица! покрой меня дѣвушка пеленой своей нетлѣнною иди на чужую сторону! Введеніе мать Богородица! введи меня на чужую сторонушку! Стрѣтеніе мать Богородица! встрѣть меня на чужой сторонушкѣ!“

„Невеста ходитъ ежедневно, рано по утру, въ дома родныхъ и поетъ причитанье плачевное. Если нѣтъ у нея родителей, то ходитъ на ихъ могилу и тамъ рыдаетъ. Таковыя причитанія она распѣваетъ до самой свадьбы.“

Терещенко. 207—209.

б) Встрѣча свата.

2*.

Государь ты мой батюшка
И родимая матушка,
Ужъ вы всѣхъ потчуйте;
Одного гостя не потчуйте,
Ужъ вы свата лесливаго. —
Ходилъ же лесливый свать
Не путемъ, не дороженькой, —
Онъ по зайчьимъ тропочкамъ,
По собачьимъ лазеечкамъ,
Онъ полями по запольицамъ,
Деревнями по задворьяцамъ.
Истопталъ же лесливый свать
Трои лапти березовы;
Исподпиралъ же лесливый свать
Онъ три банные ожога ¹⁾.
(Въ первый разъ поколотился, —) ²⁾
Высокъ теремъ пошатился;
Въ другой разъ поколотился, —
Зауголки отпадали;
Въ третій разъ поколотился, —
Всѣ оконенки выпали.
Привелась-то я молода
Я у печки *воляшныя*,
Да у песточка кирпичнаго.
Покатилась у меня
Моя буйная голова;
Опустились у меня
Мои бѣлыя рученьки;
Подогнулись у меня
Мои рѣзвыя ноженьки.
Государь ты, мой батюшка,
Ты возьми свата за воротъ,
Поведи свата за двери,
Повали его на дровни,
Да повези его на поле.
Ты подай свату борону,

¹⁾ Деревянная палка, которая служить выѣсто кочерги.

²⁾ Такъ слѣдовало бы по смыслу.

Чтобъ разчесалъ буйну голову.
Уже дай, Боже, сватушку
Ему за эту за выслугу:
На печи бы заблудиться,
Сквозь папыльникъ провалиться,
Да во щахъ ему свариться,
На поваренкѣ бы свата выняли.
Киселемъ бы подавиться,
Да молокомъ бы захлебнуться.
Еще дай, Боже, сватушку
Ему за эту за выслугу:
Ему сорокъ бы сыновей,
Да пятьдесятъ ему дочерей, —
Сыновей бы не женить,
Дочерей не выдаивать.

Терещ. 234—235.

2. Отъ заporученья (рукобѣтъ) до
свода.

а) Плачи.

3.

а. Плачъ невесты по дѣвичьей волѣ.

Скучно мнѣ, дѣвушкѣ-сиротинушкѣ,
Безталанной, бѣдной головушкѣ.
При отцѣ росла я при родимомъ,
И у матушки у сударины
Сиживала подъ окошечкомъ,
Почесывала буйну головушку,
Поплетывала трубчатую косу.
Теперь батюшка да какъ чужъ чу-
жанинъ,
Родная матушка хуже мачехи.
До зореньки красныя понаѣлися,
До свѣту Божьяго понапилися —
Пропили меня дѣвушку-сироти-
нушку,
Пропили головушку безпріютную;
Не глядя на слезы, на жалѣныце,
Забросили дѣтище въ нелюбиму сто-
рону
Да на горюшко, на кручинушку,
Да на плаканье, да на вѣчное.

4.

6. *Плачъ невесты на могилъ родныхъ.*

Не пила млада и не ѣла я,
Мнѣ не спалося, не дремала я;
Тошно дѣвушка мнѣ, тошненько,
Больно сердечку и больненько.
Разступись ты, мать-сыра земля!
Подымись—вскройся, гробова доска!
Встань ты, братецъ мой, встань родименькой,

Пріюти меня безпріютную,
Приголубь меня позабытую;
Роду-племени я чужой стала,
Отцу-матери я покидышемъ.

5.

Что на горѣ-то дубъ стоитъ,
Онъ безъ вѣтра мотается,
Безъ дождя увивается.
Много, много у сыра дуба,
Много вѣтвей и повѣтей,
Много листу зеленого.
Только нѣтъ у сыра дуба,
Золотой нѣтъ вершиночки,
Позолоченной маковки,—
Что теперь было надобно,
Что къ этому то времячку,
Что къ лѣту ко красному,
Ко веснѣ ко разливной.

Много, много у дѣвушки,
Много ближнихъ пріятелей,
Только нѣту у дѣвушки,
Нѣту родителя-матушки,
Что теперь было надобно,
Что ко этому ко времячку,
Ко благословенію великому.
Снарядить младу есть кому.
Благословить младу некому:

Благословляютъ чужи люди,
Чужи люди посторонніе,
Всѣ сосѣды нарядовые.—

6.

в. *Плачъ невесты утромъ, на крыльцѣ ея дома. Такъ-же она плачетъ и въ домъ своихъ родственниковъ.*

Грустно сердечку, нудно бѣдному!
Ахъ, знобитъ его да невзгодушка:
Отца-батюшки приказаньице,
Родной матушки повелѣньице.
Куда ни брошусь я, куда ни взгляну я,

Ахъ! вездѣ тоска неусыпучая,
Вездѣ невзгодушка неминуемая.
Оглянуся я на далекій лѣсъ:
Во сосновенькомъ да темненькомъ,—
А въ груди моей еще темнѣй.
Оглянуся я на широкій дворъ:
Ахъ! на дворикѣ да грушнехонько,—
А на сердцѣ мнѣ еще грустнѣй.

б) Пѣсни, во время приготовления приданого ¹⁾, въ честь невесты, жениха, его родныхъ и товарищей.
Прощаніе съ родителями.

7.

— Не чаяла меня матушка вѣкъ сбыти,
Меня вѣкъ сбыти, со двора изжити,
Изжила меня матушка во единый часъ,
Во единый часъ, во минуточку.—
Жарко, жарко въ теремѣ свѣчи горятъ,
Все горятъ свѣчи воску яраго!
Жалко, жалко плакала красная дѣвица

¹⁾ Подруги невесты, принимая въ ней участіе, проводятъ съ нею время до свадьбы и утѣшаютъ ее. Во все это время онѣ готовятъ ей свадебные уборы и поютъ съ нею пѣсни, по большей части грустныя.

По своей косѣ русой....
(Унималъ ее родной батюшка,
Уговаривала родитель-матюшка:
„Ты не плачь, наша умная!
Не тужи, душа разумная!
Ужъ вѣдь мы тебя невѣ половъ дадимъ,
Ужъ вѣдь мы тебя замужъ выдадимъ:
Отдаемъ тебя за умнаго,
Что за умнаго за разумнаго.
Ужъ какъ мы тебя одну спустимъ,—
(Мы тебѣ дадимъ провожатн(и)хъ“.
— Ты не тѣшъ, не тѣшъ, родной ба-
тюшка!
Не уговаривай, родимая матушка!
Провожатне всѣ разѣдутся,—
Я одна молодешенька остануся
Съ удалымъ добрымъ молодцемъ.

8.

Жениху:

Желтые кудри за столъ пошли,
Русу косу за собою повели;
Желтые кудри—доброй молодецъ,
Русая коса—красная дѣвица.
На улицѣ дождикъ накрапливаетъ,
Доброй молодецъ у красной дѣвушки
выспрашиваетъ:
„Ты скажи, скажи, красная дѣвица!
Кто тебѣ изъ роду милъ?“
— Милъ мнѣ милешенекъ
Батюшка родной.—
„Красная дѣвица моя!
Это неправда твоя, не истинная;
Свое сердце тѣшишь, а мое гнѣвишь“.
На улицѣ дождикъ накрапливаетъ,
Доброй молодецъ у красной дѣвушки
выспрашиваетъ:
„Кто тебѣ изъ роду милъ?“
— Милъ мнѣ милешенекъ доброй
молодецъ.—
„Красная дѣвица душа!

Это правда твоя истинная,—
Свое сердце тѣшишь, мое веселишь.

9.

Невѣстѣ:

—Ты скажи-ка, чужой чужбининъ!
Ужъ ты гдѣ меня повысмотрѣлъ?
Ужъ ты гдѣ меня повыглядѣлъ?
На горкѣ катаючись,
О Христовомъ дни качаючись,
Аль на тихой смиренной бесѣдуешь?
И тогда у меня молодешенькой
Было туку ¹⁾ принабавлено,
Было росту принаставлено;
Накладно да лицо бѣлое:
И бѣлымъ ²⁾ было набѣленное,
Алымъ ³⁾ да нарумянено.

10*.

Невѣстѣ:

Что вчера о эту пору,
Поранѣ малешенько,
Мимо батюшкинъ широкій дворъ,
Мимо матушкинъ-то высокъ теремъ,
Мимо мой темный кутничекъ ⁴⁾
Пролетѣлъ младъ-ясенъ соколъ.
Онъ махнулъ правымъ крылышкомъ,
Онъ черкнулъ левымъ перышкомъ:
Ты не плачь, не плачь, дѣвица,
Не плачь, дочь отецкая!
На чужой-то на сторонѣ
И повадно и весело,
Всѣ добры да и ласковы
До тебя молодешеньки;
На чужой-то на сторонѣ

¹⁾ Полноты.

²⁾ Бѣлами.

³⁾ Румянами.

⁴⁾ Часть избы, которая отъ печи до
липевой стороны дома отдѣляется ворон-
комъ, загородною, а иногда занавѣскою.

Три поля проса насѣяны,
Три горы изначочены,
Зеленымъ виномъ поливаны,
Весельемъ огорожены,
Радостью исподпираны.
И соколу не облетѣти,
И конному не объѣхати,
А пѣшему не подумати.—

Что вчера о эту пору,
Поранѣе малешенько,
Мимо батюшкинъ широкій дворъ,
Мимо матушкинъ новъ-высокъ те-
ремъ,

Мимо мой темный кутничекъ
Пролетала лебедушка.
Она махнула правымъ крылышкомъ,
Она чернула бѣлымъ перышкомъ:
— Ты поплачь, поплачь, дѣвица,
Поплачь, дочь отецкая!
На чужой-то на сторонѣ
Не повадно, не весело;
Всѣ не добры и не ласковы
До тебя молодешеньки.
На чужой-то на сторонѣ
Надо жить-то умѣючи,
Говорить разумѣючи,—
Голову держать поклончиву,
Ретиво сердце покорчиво,
Молодому поклониться,
Старому покориться.—
На чужой-то на сторонѣ
Растутъ лѣса-то вилявые,
Да живутъ люди лукавые,
Продадутъ да и выкупятъ,
Проведутъ да и выведутъ,
Они тебя молодешеньку.

Терещ. 241—242.

11*.

Ужъ я что сижу, задумавшись,
Чужихъ басенъ заслушавшись?
Говорятъ мои подруженьки,

Говорятъ мои голубушки,
Про питье, да про браньице,
Про чистое да подѣльице,
Ужъ какъ я про ся ¹⁾ подумаю,
Про свою буйну голову.
Мнѣ ништо-то на умъ не идетъ!
Ни питьице и не браньице,
Ни чистое руководѣльице.
Дума душу ²⁾ побиваетъ,
Одна дума съ ума не идетъ—
Чужа дальняя сторона,
Да чужой отецъ съ матерью,
Да дородный-то молодецъ.—

Гл. 243—244.

12*.

На проходѣ у насъ бѣлый день,
На закатѣ красно солнышко,
На разлетѣ красны соколы,
На разѣздѣ добры молодцы,
Да на расходѣ пошли подру-
женьки.

Я прошу васъ, подруженьки,
Я прошу васъ, голубушки,
На роду-то впервые,
Да на вѣку-то впослѣднѣе:
Посидите, подруженьки,
Посидите, голубушки,
Цѣлый день да до вечера,
Съ вечера до полуночи.
Ужъ дамъ вамъ провожатаго
Я родимаго батюшку;
Буде мало покажется,—
Голубочка мила братца
И сестрицу лебедушку;
Буде мало покажется,—
Такъ и сама пойду молода.
И пошли мои подруженьки
Всѣ по высокимъ по теремамъ,
Да по отцамъ да по матерямъ,

¹⁾ Ся—себя.

²⁾ Думу?

Мнѣ куда будетъ дѣваться?
 Мнѣ куда притулиться
 Да отъ темныя ноченьки?
 Ужъ я стану молиться
 Я родимому батюшкѣ,
 У рѣзвыхъ ногъ кататися:
 Мы поидемъ, сударь-батюшка,
 Мы на тихія тишины,
 Гдѣ бы вѣтры не вѣяли,
 Гдѣ бы люди не видѣли—
 Съ чужи-дальнія стороны.—
 Терещ. 245—240.

3. Сводъ жениха и невѣсты ¹⁾.

13.

Не дари-ка, чужой чужбининъ,
 Ты нищенскими подарками,—
 На церковномъ крыльцѣ вступи.
 Ужъ я жила молодешенька
 У родимаго у батюшки:
 Я носила молодешенька

¹⁾ „Въ опредѣленный день прѣзжаетъ женихъ со сватами и свахами, которые *сводятъ* жениха съ невѣстою. Жениха ставятъ въ большой уголъ подъ иконы, а невѣсту въ малый уголъ близъ печи. По обѣ стороны жениха стоятъ двѣ сватьи, а по обѣ стороны невѣсты двѣ брудги ¹⁾. Невѣста держитъ въ рукахъ тарелку, на коей лежитъ фата, сложенная нѣсколько разъ въ средину углами. Сватьи бьютъ въ воронецъ²⁾, приговаривая брудгѣ: „ну, сватьюшка, поворачивайся! давай невѣсту, женихъ скушаетъ“.—Жениха и невѣсту ведутъ медленно. Приведа на средину избы, сводятъ жениха съ невѣстой, т. е. ставятъ другъ подлѣ друга.

„Женихъ разгибаетъ углы фаты и при каждомъ углу, имъ разогнутомъ, цѣлуетъ свою невѣсту. Когда разогнетъ всѣ углы, тогда накрываютъ невѣсту фатою, даютъ ей въ руки поднось съ виномъ, и потому она начинается потчивать всѣхъ гостей, изъ коихъ каждый кладетъ на поднось деньги, сколько кто можетъ. Вслѣдъ за невѣстой ходятъ проводница и плакальщица; послѣдняя неумолчно оплакиваетъ ее. Обнеся всѣхъ, невѣста подноситъ вино жениху, который

¹⁾ Брудги, корельское слово, значить сваха, или сватьи. Название брудгъ носятъ одѣ свахи со стороны невѣсты.

²⁾ Въ доску, прибитенную къ перекладнѣ потолка.

По Христовымъ воскресеньцамъ—
 Я башмачки козловые,
 Чулочки бумажные;
 По годовымъ по праздничкамъ—
 Я чулочки шелковые
 И башмачки сафьяные.
 Ты послушай, чужой чужбининъ!
 Съ моимъ родомъ спознаться—
 Прозакладать все житье-бытье
 И хоромное строенье.
 Какъ дарить тебѣ, отдаривать
 Мой родъ-племя великое?
 У меня родня ширская:
 Сорокъ тетушекъ, сорокъ дядюшекъ.
 Въ моемъ-де роду-племени
 Все попы, отцы духовные,
 И причетники церковные;
 По губернямъ губернаторы,
 По городамъ городничіе,
 По уѣздамъ исправники,
 По правленьямъ славны головы,
 Да по земскимъ пятисотскіе.

4. Дѣвичинъ ¹⁾.

14.

Сборы, сборы широкіе,
 Широкіе сборы, дѣвичи!

(имя и отчество невѣсты)

Сбирала подружекъ за свой столъ,

дарить ей, между прочими вещами, (башмаки; но она, взявъ ихъ, бросаетъ, а плакальщица поетъ укоризны. Иногда поютъ брудги:

„Не дари-ка, чужой чужбининъ
 Ты нищенскими подарками“ и пр.

Терещ. 214.

„Обойдя всѣхъ съ подносомъ, невѣста останавливается у стола: дружки снимаютъ съ нея фату концами платя“.

¹⁾ „Послѣ свода, или порученья, наступаетъ *дѣвичинъ*; но наканунѣ его брудги топятъ баню, въ которую водятъ невѣсту ея подружки, при пѣніи заунывномъ. Тамъ не поютъ льномъ, изъ котораго потомъ дѣлаютъ шкурки для новаго платя жениха“.

Терещ. 214—215.

Садил подружекъ высоко;
Сама садилась выше всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ:
Какъ будетъ придти въ чужи люди?
Какъ будетъ назвать люта свекра?
Батюшкѣмъ назвать не хочется,
Свекромъ назвать — разсердится.
Убавлю спеси-гордости,
Прибавлю ума разума,
Назову свекра батюшкою,
Люту свекровушку матушкою.
Съ этого я худа не буду,
Съ бѣлаго лица не спаду,
Съ алыхъ щечекъ румянцомъ не
сойду.

„Сестра или подруга зоветъ невесту въ баню и причитаетъ:

Подыми съ, моя родна сестру,
Что идт и-то въ парну баенку,
Что смыватъ-то волю вольную
Да крас у-то свою дѣвичью!

Шейнъ. I. 495.

„Невеста встаетъ, подходитъ къ отцу и причитаетъ:

„Благослови, кормилецъ-батюшка,
Что идти-то въ парну баенку,
Что смывать свою волю вольную,
Да красу-то свою дѣвичью!“

„Съ этими же словами обращается она и къ матери.

„Сейчасъ же послѣ этого дѣвушки покрываютъ невесту платкомъ, ведутъ ее въ баню и поютъ:

Растопися, парна баенка,
Раскалися, въ банѣ каменка,
Поразсыпся, крупный жемчугъ,
По столамъ, столамъ дубовымъ;
Порасплачъся, невеста душа,
Передъ своимъ кормильцемъ-батюшкой:
— Ты, кормилецъ родной батюшка!
Для чего ты рано поутру встаешь,
Для чего ты пиво пьяное варишь? —
Для того поутру рано встаю,
Для того я пиво пьяное варю,
Что твоихъ поѣзжанъ поить,
Что твоего-то свѣта суженаго“.

„Невеста въ это время тихо плачетъ.

Ib.

„Въ банѣ она угощаетъ подругъ лакомствами.

15 ¹⁾.

Охъ-ты (охти) мнѣ, да охъ-ты мнѣ-
шинько,

Хоть мнѣ долго издѣваться,
Будетъ бѣдной покориться!
Подойти да молодешенькѣ
Ко столу да ко княжескому,

„По выходѣ изъ бани, только что невеста станетъ подходить къ дому, не входя въ него, останавливается съ своими подругами и начинаетъ плакать въ голосъ:

Я иду, родимый батюшка,
Со своимъ милымъ подруженькамъ
Ужъ по новымъ-то по снѣжкамъ;
Я вхожу, кормилецъ-батюшка,
Что во новую во горенку,
Что во свѣтлую во свѣтлицу
Я изъ парной только баенки,
Пообмывши волю вольную,
Порастерявши красу дѣвичью,
По полямъ-то да по чистымъ,
По лужкамъ-то по зеленымъ.

Ib. 496.

„Входя въ избу, вмѣстѣ съ подругами, невеста, поклонившись отцу, причитаетъ:

Тебѣ спасибо, родимый батюшка,
Что за парную баенку;
Лишь попеняю тебѣ, батюшка:
Какъ здынулись твои рученьки
Благословить меня молодешеньку?
Теперь благослови меня, родной батюшка,
Что садиться за дубовый столъ,
Со своимъ милымъ подруженькамъ!

Ib.

„На дѣвичникъ собирается, со стороны помолвленныхъ, вся родня. Жениха и невесту заводятъ за столъ; противу невесты садятся ея подружки, а противу жениха его поѣзжанные и тысящій, набираемый изъ крестныхъ отцовъ и заступающій мѣсто посаженнаго отца.

„Молодыхъ потчиваютъ прежде всѣхъ, и въ то время, когда подносятъ невестѣ вино, она встаетъ и кланяется будущимъ своимъ роднымъ. Дѣвушки поютъ:

„Сборы, сборы широкіе“ и пр.

„Молодыхъ заставляютъ поцѣловаться, и послѣ ихъ поцѣлуя раздается общее одобреніе. Женихъ подноситъ подарки своей невестѣ, которая отдариваетъ его платкомъ и уходитъ въ особую комнату; гости садятся за столъ“.

¹⁾ Эта пѣсня сопровождаетъ состояніе между жениховъ и невестою.

Ко кругу да молодецкому,
Поклонится да низешенько,
Ужъ мнѣ снять фату алую.—
Не помни, чужой чужбининъ,
Ты не лихой моей (лихости),
Да не грубой моей грубости.
Ты гляди, чужой чужбининъ,
Господишъ души, отецкой сынъ,
Мнѣ прямо въ бѣло лицо,
Въ точъ ясны очи.
Я дѣвушка не корыстная!
Тебѣ братъ, чтобы не каяться,
Мнѣ бы жить, чтобы не плакаться
На чужой дальней сторонущкѣ!...

„Невѣста наливаетъ рюмку вина и подноситъ своему жениху; женихъ наливаетъ другую рюмку и подноситъ ей. Каждый изъ нихъ первымъ старается влить вино въ рюмку другъ друга, и кто успеетъ это сделать прежде, тотъ будетъ первенствовать; зрители одобряютъ радостнымъ крикомъ. Если женихъ успеетъ налить первымъ, то невѣста оборачивается къ нему и поетъ съ покорностію. Тогда поѣзжанные съ жениховой стороны вскакиваютъ изъ-за стола и кричатъ: покорилась—наша взяла! наша взяла! Тутъ начинается снова потчиванье, а невѣста, сопровождаемая дѣвущками и женщинами, собираетъ пособъ: она подходитъ къ каждому мужчине и каждой женщинѣ съ приличной пѣсней, которую поетъ со свахами или свѣдущими женщинами, или только благодарить ихъ причитаніемъ:

Спасибо, доброй молодецъ,
На приносъ, на подносъ,
На дорогихъ твоихъ подаркахъ.

„Причитая то же самое каждой женщинѣ и дѣвущкѣ, она говорить первой: спасибо, добрая тетюшка! а второй: спасибо, моя сестричка! и потомъ заключаетъ поклономъ“.

Терещ. 218.

„Если же лицо, которому спѣта пѣсня, не положить на тарелку денегъ, то дѣвущки поютъ ему новую — *корительную пѣсню*... Вотъ эта корительная пѣсня на скупого, напр., тысяцкаго:

Какъ на спицѣ-то не безмѣнъ-ли —
У насъ тысяцкой-то не обмѣнъ ли? ¹⁾
Какъ на спицѣ-то не кушакъ-ли —
У насъ тысяцкой-то не дѣшакъ ли?
Какъ на полицѣ-то не треухъ-ли—

¹⁾ „Не обмѣнянъ-ли?“.

16.

Прости, красно мое солнышко,
Желанный кормилецъ-батюшка
И родительница моя матушка!
Охъ-ти мнѣ, да охъ-ти мнѣшненько,
Дочь кручинная головушка!
По послѣднему денечку
Я сидѣла молодешенька,
Я во свѣтлой своей свѣтлицѣ,
Во высокой новой горницѣ.
Ужъ я шила волю золотомъ,
Обшивала чистымъ серебромъ;
Я смотрѣла молодешенька
Изъ косящата окошечка
На озеро на Онежское:
Изъ-за озера за Онежскаго
Летятъ птицы заморскія:
Соловей — птица свистущая,
Орелъ — птица говорящая:
Орелъ сѣлъ да на окошечко,
Соловей сѣлъ подъ окошечкомъ.
Орелъ сталъ да выговаривать,
Соловей сталъ да высвистывать:
«Не сиди, наша голубушка,
Подъ косящатымъ окошечкомъ,
Ты не трать чиста серебра
И не порти красна золота.
По сегодняшнему денечку
Быть саду да полоненному,

У насъ тысяцкой-то не глухъ-ли?
Тысяцкой-то воевода какъ похвалять вое-
вати—

Среди печи на лопатѣ,
Съ большимъ братомъ—со ухватомъ.
Со сестрою—кочергою:
Кабы сѣры кошки не подоспѣли,
То бы тысяцкаго мыши съѣли.
Ужъ ты, тысяцкой, нашъ воевода!
Тебѣ живота не скопяти,
Своей женѣ тебѣ башмаковъ не купити!
Пора тебѣ (имя лица) догадаться—
За золоту казну да принимать;
Пора тебѣ дѣвицъ подарити...

Пермск. Сб., кн. I, отд. II, 57—58.
(Свадебн. обр. г. Чердыни).

Всему роду покоренному;
 Волюшкѣ быть во неволюшкѣ,
 Дѣвушкѣ быть во заботушкѣ“.
 Не за долго поры времени
 Проскрипѣли дубовы сани.
 Пробрянчала золота узда,
 Просвистала шелкова плетъ:
 Пріѣзжалъ злодѣй большой свать,
 Насулили онъ батюшкѣ
 Много пива, много пьянаго.
 Говорилъ желанный батюшка:
 „Мнѣ-ка пить, да не запиваться;
 Не промѣняю любви дочери
 Я за винную за рюмочку“.
 Выводилъ да злодѣй большой свать
 Много злата, много серебра,
 Много скатнаго жемчугу.
 Говорить родина матушка:
 „Серебромъ-то не шлюзы шлюзить,
 Золотомъ-то не тыны тынить,
 Жемчугомъ да не сады садить“.
 Пропились да промотались
 Желанные мои родители;
 Пропили мою головушку ¹⁾

¹⁾ *Обрядъ пропиванія невесты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершается слѣдующимъ образомъ: „Съ большимъ подносомъ, уставленнымъ рюмками по количеству гостей, является подружье; дружка наливаетъ вино, привезенное имъ отъ жениха, вмѣстѣ съ подарками невестѣ, и, пригласивъ все, передаетъ подносъ жениху; женихъ вмѣстѣ съ невестою принимаютъ его и держатъ среди комнаты. Затѣмъ дружка торжественно беретъ подъ руки и подводитъ къ подносу, по старшинству, всю родню и всѣхъ гостей невесты, не исключая и подружку ея—дѣвушекъ. Сначала, конечно, подводятъ тестя—отца невесты; женихъ проситъ его кушати, говоря: „изъ всей пожалуйте“ (т. е. пейте всю рюмку до дна)—и лишь только тестъ принимаетъ рюмку, дѣвушки заунывнымъ тономъ поютъ ему пропойную пѣсню:*

Сине море на волнахъ стоитъ—
 Красна дѣвица на думахъ стоитъ.
 Думавши, она слово вымолвила:
 Батюшко, пей—да меня не пропей!
 Пропьешь ты меня—не выкупишь,
 Пропьешь ты меня—не выручишь.
 Пропей, пропей, батюшко, кафтанъ-отъ
 съ себя!

Не за пивную за кружечку,
 Не за винную за рюмочку.
 Вѣрно, я молодешенька
 Надобла да наскучила!
 Видно, бѣдная я напрокучила
 Своимъ долгимъ дѣвичествомъ,
 Глупымъ малымъ ребячествомъ!
 Я пріѣла молодешенька
 Всѣ я стоги пятигодные
 Да засѣлки неисходныя!
 Проносила молодешенька
 Всѣ я цвѣтныя платица!
 Придержала молодешенька
 Всю безсѣтную золоту казну!
 Какъ при мнѣ да молодешенькѣ
 У моихъ свѣтъ у родителей
 Ужъ какъ въ полѣ не родился,
 На дворѣ да не плодился,
 На столѣ да не спорился!
 Изживають меня бѣдную,

Ты его пропьешь—ты и выкупишь,
 Ты его пропьешь—ты и выручишь;
 А меня-то младу на выкупъ не дадутъ.
 За эту чару за зеленое вино,
 Увезутъ меня на чужу сторону,
 Ко чужому отцу, къ чужой матери.

„Затѣмъ, съ той же церемоніей, подводятъ тещу; за ней прочіихъ родственниковъ невесты, по старшинству, и наконецъ дѣвушекъ. Пѣсня для всѣхъ поется одна и та же, съ тою только разницею, что тещѣ, вмѣсто кафтана, котораго она не носить, рекомендуется пропить шамшуру: *) „пропей, пропей, матушка, шамшуру-ту съ себя!“ а дѣвушкамъ—косу: „пропейте, пропейте косу-ту съ себя, косу-ту съ себя съ алой ленточкою!“

„Когда, такимъ образомъ, всѣ пропьютъ невесту, женихъ передаетъ подносъ съ пустыми рюмками дружкѣ, а самъ, схвативши невесту за руку, стремглавъ тащитъ ее за порогъ, вонъ изъ комнаты. Дѣвушки бросаются отнимать ее, хватаются за нее и едва-едва удерживаютъ жениха, приговаривая: „сегодня она наша, а завтра будетъ ваша...“. Тогда женихъ отдаетъ имъ невесту, прощается съ нею, хозяевамъ и гостямъ, и со всѣмъ своимъ поѣздомъ отправляется домой“.

Пермск. Сб. I, П, 60—61.

*) Шамшуру называютъ головной уборъ замужней женщины.

Будто ворага изъ города,
 Люта звѣря изъ темна лѣса.
 Погоди, родима матушка!
 Схватись да догадаешься,
 Какъ не будетъ меня бѣдной,
 И по бережку находишься,
 Камешковъ наприбираешься
 И въ сердцу наприжимаешься.
 Рада будешь, красно солнышко,
 Черезъ поле въ глаза видѣти,
 Черезъ лѣсъ да голосъ слышати,
 Черезъ рѣку рѣчь говорити.
 У меня, у молодешеньки,
 Будетъ волюшка спрошенная,
 Красота да доложеная.
 Мнѣ захочется тошненько
 На родимую сторонущу,
 Да отхочется скорощенько:
 У м(е)ня день пройдетъ спрашаючи,
 Другой день да вздоложаючись.
 Недѣлку снаряжаючись
 На родимую сторонущу:
 Осенью да бездорожьеце,
 А весною да безпольице,
 Лѣтомъ лѣтнія работушки,
 Зимой зимушка студеная.
 И не спустятъ меня, бѣдную,
 На родимую сторонущу...
 Ужъ мы свидимся—поплачемся,
 Разойдемся—натоскуемся.

Терещ. II. 217—221.

5. Обрядъ предвѣнчальный ¹⁾.

а) Одѣваніе невесты.

17.

По послѣднему донечку
 Нанесло тучку черную
 Со громами со трескучими,

¹⁾ „Въ день поѣзда молодыхъ въ церковь, женихъ пріѣзжаетъ за невестой съ своими друзьями и сватьями. Его сажаютъ за столъ въ кутнѣмъ углу, подъ образами;

Съ молніями со сверкучими
 На батюшковъ высокъ теремъ,
 На матушкину горенку.
 Пріѣзжалъ чужой чужбининъ
 Съ храбрыми своимъ поѣздомъ,
 Съ поѣзжанами молодыми.
 Гдѣ-то есть у молодешеньки
 Соколъ-братецъ, братецъ родимень-
 кой,

Голубчикъ златокрыленькой,
 Запонка да воротовая,
 Сердоликъ, дорогой камень.
 Наряжу я молодешенька
 Службицу я не великую,
 Да работку не тяжелую:
 Ты сходи-ка, братецъ-соколъ мой,
 Въ постоялую конюшеньку,
 Ты возьми-ка, братецъ-соколъ мой,
 Что ни лошадь саму лучшую;
 Запряги-ка, братецъ-соколъ мой,
 Въ саночки да въ самокаточки;
 Поѣзжай-ка, братецъ-соколъ мой,
 Въ славный городъ Вытегру,
 Въ лавочки торговныя,
 Закупи-ка, братецъ-соколъ мой,
 Горнитуру мнѣ чернаго
 И шелковъ семи разны(х)хъ.
 Гдѣ-то есть у молодешеньки
 Тайны, милныя подруженьки,
 Дорогія поровеночки (однолѣтки).—
 Вы повышейте, голубушки,
 Заузорчатую занавѣсь:
 Вы на первомъ углу вышейте
 Вы Литву да со татарами;
 На другомъ углу вышейте
 Вы Москву да со боярами;
 Вы на третьемъ углу вышейте

по правую его руку садятся дружки, а по лѣвую сватьи. Въ то время дѣвушки одѣваютъ въ другой избѣ невесту и кладутъ ей за пазуху крайчикъ посоленого хлѣба и шнурокъ, сплетенный изъ того льна, которымъ она мылась въ банѣ. При одѣваніи поютъ дѣвушки, а иногда сама невеста“.

Терещенко. II, 221.

Царя да со царицею;
 На четвертомъ углѣ выйдите
 Короля со королицею.
 На середочкѣ же выйдите
 Красно солнышко со мѣсяцемъ,
 Да со частыми звѣздочками.
 Ты повѣсь-ко, братецъ-соколъ мой,
 Заузорчатую занавѣсь
 Ко крыльцу да ко перильному
 И ко столбику точеному,
 Ко колечку золоченому.
 Какъ поѣдетъ да чужой чужбининъ,
 Въ городахъ овъ не бывающій,
 Мудрости мало выдающій:
 Разглядится да рассмотрится
 На узорчатую занавѣсь
 И оставитъ молодешеньку
 На родимой на сторонущѣ,
 У желанныхъ у родителей. —
 Глупая я красна дѣвица,
 Неразумная головушка!
 Какъ поѣдетъ чужой чужбининъ:
 Впереди его вожатые,
 Позади же провожатые,
 По сторонѣ да сбережатые,
 Въ городахъ ови бывалые,
 Много мудрости видалые, —
 Не отпустить молодешеньку
 На родимую сторонущу.
 Не пускай-ка, братецъ-соколъ мой,
 Безъ допросу на крыто крыльцо,
 Безъ доклада красной дѣвицѣ.

Ів. 222—223.

б) Расплетаніе косы ¹⁾.

18.

Я не знала, не вѣдала,
 Когда сваха пріѣхала,
 Спесивая, гордливая.

¹⁾ Когда невеста совершенно готова, тогда крестный отецъ, занимающій мѣсто посаженаго, сажаетъ ее на кваши. Сватья

Она ступить не ступила,
 Слова не смолвила;
 Хотя жъ она ступила,
 Хотя жъ она смолвила:
 „Снаряжайся-ка, умная!
 Снаряжайся, разумная!
 Что въ ту-ль Божію церковь,
 Что къ тому-ль Божьему суду“.
 Отойди же прочь, обманщица!
 Отойди, подговорщица!
 Мнѣ и такъ ужъ тошненько
 Разставаться со родителями:
 У суда вѣдь ноги ломить,
 Подъ вѣнцомъ голова болитъ.

в) Благословеніе.

19.

Благослови, батюшка, матушка,
 Къ Божьей церкви ѣхати,
 Подъ золотымъ вѣнцомъ стояти,
 Законъ Божій принять.

Терещ. II, 348.

и дружки отправляются за невестою. Дружки получаютъ отъ невесты въ подарокъ ленточные банты, а сватья начинаютъ расплетать косу. — Дѣвушки поютъ. Расплетши косу, сватья надѣваютъ на голову невесты *волю* *). Въ то время дарятъ сваху чѣмъ нибудь. Потомъ сватья, взявъ невесту за руку, подводятъ къ жениху и сажаетъ рядомъ съ нимъ на подушкѣ. Крестный отецъ невесты разставляетъ на всѣ четыре стороны иконы: Покровъ Пр. Богородицы, Срѣтеніе Пр. Богородицы, Введеніе Пр. Богородицы и благословенную икону, которую несутъ съ невестою въ церковь. Жениха и невесту выводятъ изъ-за стола и подводятъ подъ благословеніе родителей, которые стоятъ у стола на разостланной шубѣ шерстью вверхъ; воцѣлн ихъ стоитъ крестная мать невесты, держа въ рукахъ хлѣбъ, съ посыпанной на немъ солью. Невѣста снимаетъ съ головы своей *волю* и отдаетъ родной сестрѣ, а если нѣтъ сестры, то кому либо изъ подругъ, и поетъ „плачь“, тотъ же самый, какъ и во время *запорученія* (См. выше, стр. 217).

*) *Волосникъ* — то же, что *повойникъ*, только нѣсколько меньше его.

20.

Разодвиньтесь вы, люди добрые,
На всѣ четыре сторонушки!
Допустите вы меня горькую
До батюшкиныхъ до рѣзвыхъ ногъ.
Не бѣлая березынька къ землѣ кло-

нится,

А я горькая кланяюсь батюшкѣ
Къ рѣзвымъ ногамъ.

Упадаетъ въ ноги отцу и продол-
жаетъ рыдать у ногъ, говоря:

Не злата я у тебя, батюшка, прошу,
Ни злата, ни серебра,—

Прошу я у тебя, батюшка, благо-
словенья.

Благослови-ка ты меня, батюшка,
Во чужи люди, во незнамые,
Въ незнамые-незнакомые.

Какъ-то мнѣ, батюшка,

Во чужихъ людяхъ будетъ жить?

Какъ-то мнѣ, родимой,

Чужимъ людямъ будетъ служить?

Во чужихъ людяхъ жить горько-
хонько,

Во чужихъ-незнакомыхъ

Служить тяжѣлехонько.

Терещ. II. 352—353.

6. Обрядъ вѣнчанія и встрѣчи мо-
лодыхъ.

„При вѣнчаніи замѣчаютъ горѣніе
брачныхъ свѣчей: если чья либо погас-
нетъ неожиданно, тому неминуемо уме-
реть скоро.

„По совершеніи вѣнчанія провожа-
ютъ новосочетавшихся въ домъ жениха.
Невѣсту моютъ, а иногда бѣлятъ и ру-
мянятъ, затѣмъ *переодѣваютъ* ее ¹⁾
въ платье молодухи и выводятъ покры-
той фатою. Тогда свать, ударивъ три

¹⁾ Въ свадебныхъ обрядахъ г. Чердыни
(Пермск. губ.) переодѣвание извѣстно подъ
именемъ „окручиванья“, т. е. переряживанья—обрядъ, символически изображающій
переходъ невѣсты изъ состоянія дѣвушки

раза на-крестъ по столу новой плетью,
чтобы отогнать всякія чары, говорить:
„Какова-то наша добыча?“—и концомъ
кнутовища сбрасываетъ съ невѣсты фату.
Всѣ кричатъ: „Молода и хороша!“

„Тогда всѣ садятся за *княжій столъ*
прежде молодыхъ; родные обходятъ три
раза вокругъ стола.

„Одинъ изъ дружекъ привозитъ въ
домъ новобрачнаго, во время обѣда, все

въ состояніе женщины. Свахи берутъ не-
вѣсту отъ жениха за руку и уводятъ ее
въ другую комнату, снимаютъ съ головы
уборъ и трубчатую косу расплетаютъ и
раздѣляютъ на двѣ косы, какъ носятъ обык-
новенно косу замужнія женщины... При
совершеніи этого обряда свахи, при помощи
другихъ женщинъ, поютъ обыкновенно слѣ-
дующія пѣсни:

Трубыла трубонька съ-по зарѣ—

Плакала (пня молодой) съ-по косѣ:

Вечоръ мнѣ-ка косыньку

Дѣвушки плели,

Сегодня мнѣ-ка косыньку

Свашеньки плетутъ,—

Расптели косыньку трубчатую,

Заптели косыньку двойчатую.

Ты, труба ли моя, трубонька,

Ты, труба ли моя золотая!

Воструби, трубонька, поранѣ,

Что по раннему утру по утреннему,

Чтобы чула и слышала

Свѣтъ (имя матери молодой),

Матушка моя родимая.

Она гдѣ трубоньку слышала,

Тутъ слезно заплакала:

— „Отъ меня ли дитя везутъ,

Отъ меня ли везутъ милое,—

Передъ ей образа везутъ,

Образа все пречудные,

По-за ей сундуки везутъ,

Сундуки все окованные,

Ларцы кипарисовые“.—

Ты, труба ли моя, трубонька,

Ты, труба ли моя золотая!

Воструби, трубонька, поранѣ,

Что по раннему утру по утреннему,

Чтобы чула и слышала

Свѣтъ (имя матери молодой),

Моя матушка родимая.

Она гдѣ трубу слышала,

Тутъ и радовалася:

— „Что ко мнѣ ли дитя везутъ,

Что ко мнѣ ли везутъ милое,—

Передъ ей образа везутъ,

Образа все пречудные,—

По-за ней сундуки везутъ,

Сундуки окованные,

Ларцы кипарисовые“.

Пермск. Сб., I, II, 89—91.

приданое новобрачной.—Въ числѣ при-
даного находится новыя рубашки для
подарка мужниной роднѣ.—Послѣ обѣда
ставятъ свать передъ молодою тарелку
съ рюмкою, наливаетъ вина и, поднимая
кнутовищемъ каждую рубашу, выкликаютъ
по имени и отчеству родныхъ молодого:
они подходятъ, пьютъ вино, берутъ ру-
баху и кладутъ на тарелку деньги.

„На другой день отецъ новобрачной
дѣлаетъ обѣдъ, называемый *хлѣбинами*,
къ которому приглашаетъ всю свою родню.
Тутъ пляшутъ и поютъ. По окончаніи
стола молодой приглашаютъ къ себѣ всѣхъ
гостей на обѣдъ, *отворотинный столъ*
(*отхлѣбины*, Пермск. губ.). На третій
день разѣзжаютъ молодые по роднымъ
и знакомымъ, которые угощаютъ ихъ за-
кускою и виномъ, и этимъ оканчивается
свадьба. Между тѣмъ каждый изъ уча-
ствовавшихъ въ свадьбѣ даетъ отъ себя
вечеринку или обѣдъ для молодыхъ.

Терещ. II. 227—229.

IV. Пѣсни про семейную жизнь.

(Радости и горе семейной жизни).

А. Молодая въ семьѣ мужа.

1.

Отдаютъ мя молоду на чужую сто-
рону ¹⁾).

На чужую сторону, въ небольшую
семью:

Только свекоръ да свекруха, да че-
тыре деверья,

Да четыре деверья, двѣ золовухи
Двѣ золовухи, да двѣ тетухи,

¹⁾ Варианты:

а) Отдавали молоду
За сѣдую бороду,
Въ небольшую семью...

Шейнъ I. 332.

б) Отдалъ меня батюшка
Не въ малую деревню, (2)
Не въ согласную семью...

ib. 334.

Да двѣ тетухи, двѣ голубушки.

А какъ свекоръ говоритъ: „людо-
ѣдицу ведутъ“,

А свекруха говоритъ: „къ намъ
медвѣдицу ведутъ“,

А деверья говорятъ: „къ намъ не-
ряху ведутъ“,

А золовки говорятъ: „къ намъ не-
прыху ведутъ“,

А тетухи говорятъ: „къ намъ раз-
лучницу ведутъ“.

Ужъ я ли молода очень бойка была,
Очень бойка была, всѣмъ отвѣтъ
отдала:

—Сударь-батюшко, ты позволь-ка мнѣ
Вдоль по горенкѣ пройти, словцо
выговорить,

Словцо выговорить, словцо вымо-
лить.

Во темномъ-то лѣсу—тамъ медвѣ-
дицы живутъ,

Во сыромъ-то бору—людоѣдицы
живутъ;

А деверья-соколы,—у васъ жены
таковы;

Золовухи-голубушки, вамъ самимъ
замужъ итти;

А тетухекъ-голубушекъ поставимъ
на порогъ,

Мы поставимъ на порогъ да ука-
жемъ семь дорогъ,

Да въ притолочку, да въ выво-
лочку!—¹⁾

Рыбн. III, 446.

(Черниговск. губ.)

¹⁾ Вариантъ:

Мужъ на лавкѣ сидитъ,
На жену косо глядитъ:
— Ты косись, не косись, —
Не боюсь я тебя,
Не боюсь я тебя,
Не ударишь ты меня!—
Мужъ руку отвелъ —
Жену по уху оплегъ;
Жена руку отвела —
По всей хартѣ оплегла.

Шейнъ. I, 335.

2

Спится мнѣ младешенькой, дремлется,
Клонить мою головушку на поду-
шечку.

Свекоръ-батюшка по сѣнничкамъ по-
хаживаетъ,

Сердитый по новымъ погуливаетъ.

хоръ.

Стучить-гредить, стучить-гредить,
Снохъ спать не даетъ:

— Встань, встань, встань, ты сон-
ливая!

Встань, встань, встань, ты дре-
мливая!

Сонливая, дремливая, неурядли-
вая!—

Спится мнѣ младешенькой, дре-
млется,
Клонить мою головушку на поду-
шечку.

Свекровь-матушка по сѣнничкамъ по-
хаживаетъ,

Сердитая по новымъ погуливаетъ.

хоръ.

Стучить-гредить, стучить-гредить,
Снохъ спать не даетъ:

— Встань, встань, встань, ты сон-
ливая!

Встань, встань, встань, ты дре-
мливая!

Сонливая, дремливая, неурядливая!

Спится мнѣ - младешенькой, дре-
млется,

Клонить мою головушку на поду-
шечку.

Милъ-любезный по сѣнничкамъ по-
хаживаетъ,

Легохонько, тихохонько поговари-
ваетъ:

хоръ.

— Спи, спи, спи, ты моя умница!
Спи, спи, спи, ты разумница!

Загонена, забронена, рано выдана.

Шейтъ. I, 336—337.

(Тверск. губ.).

Б. Неудачный бракъ. — Семейный
разладъ.

а) Нежный мужъ, неровня. — Жало-
бы женщины. — Нелюбимая жена.

3.

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали!

Ахъ, кабы на меня да не кручина,

Ни о чемъ бы я не тужила,

Не сидѣла бы я подпершия,

Не глядѣла бы я въ чисто поле.

И я батюшки(ѣ) говорила:

„Не давай меня, батюшка, замужъ,

Не давай, государь, за неровню;

Не мечись на большое богатство,

Не гляди на высоки хоромы:

Не съ хоромами жить — съ чело-
вѣкомъ,

Не съ богатствомъ жить мнѣ —
со свѣтомъ“.

Я по сѣнямъ шла, я по новымъ шла,

Подняла шубку соболиную,

Чтобъ моя шубка не прошумѣла,

Чтобъ мои пуговицы не прозвѣ-
нули, —

Не услышалъ бы свекоръ-батюшка,

Не сказалъ бы онъ своему сыну,

Своему сыну — моему мужу.

Сахар. I. 3. 212.

4.

Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ,
Въ помысленѣ того не было,
Чтобъ красной дѣвицѣ замужъ идти.
Соизволилъ такъ сударь-батюшка,
Похотѣла такъ моя матушка,
Ряди ближнева перепутьница:
И я въ торгъ пойду—побывать зайду,
Изъ торгу пойду—ночевать зайду.
Я спрошу у своей дитятки:
— Каково жить въ чужихъ лю-
дяхъ?—

„Государыня моя матушка!
Отдавши въ люди, стала спраши-
вать:

Во чужихъ людяхъ жить умѣючи,
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное.

Ахъ, вечеръ меня больно свекоръ
билъ,

А свекровь, ходя, похваляется:
— „Хорошо учить чужихъ дѣтей,
Нероженныхъ, нехоженныхъ,
Невсвоенныхъ и не вскормлен-
ныхъ“.—

Сахар. I. 3. 212.

5.

Калину съ малиною вода поняла:
На ту пору матушка меня родила;
Не собравшись съ разумомъ, замужъ
отдала

На чужедальнюю на сторонку.
Чужая сторонка безъ вѣтра су-
шить;

Чужой отецъ съ матерью безвинно
крушить.

Не буду я къ матушкѣ ровно три
годка,

На четвертой къ матушкѣ пташкой
полечу,

Горемышной пташечкою, кукуше-
чкой.

Сяду я у матушки во зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ из-
сушу,

Слезами горючими весь садъ по-
топлю,

Родимую матушку сердцемъ надорву.

Матушка по сѣнничкамъ похажи-
ваетъ,

Невѣстукѣ-ластукѣ побужива-
етъ:

„Вы встаньте, невѣстухи, голубки
мои!

Что у насъ за пташка въ зеленомъ
саду?“

Большая невѣстка велитъ застрѣ-
лить,

Меньшая невѣстка проситъ погодить;

Родная сестрица, залившись слезами,
Молвила: „Не наша-ль горюша сюда
прилетѣла

Пташкой съ чужой стороны?“

ib. 208.

6.

Спасибо-то, спасибо-то, синему кув-
шину,

Разогналъ-то—раскачалъ всю тоску-
кручину!

Не тоска-ли — не кручина по сѣ-
нямъ гуляла,

У молодца—у дѣтнки женка уми-
рала:

Умирай-ка-сь—истывай, женка, по-
скорѣ!

А свезу-ли, я свезу, во мхи — во
болото,

Положу-то, положу я, въ гнилую
кожоду,

Схороню-то, схороню подъ бѣлую
(подъ) березу,

Пойду-ли я, пойду молодецъ на
волю,
Я пойду-ли, я пойду въ города
новые,
Я куплю-то, я куплю топоры во-
стрные,
Я пойду-ли, я пойду во лѣса тем-
ные,
Нарублю-то, нарублю лѣсу ровнова,
Напилю-то, напилю тесу гладкова,
Я срублю-то—я поставлю горницу
новую,
Приведу-то, приведу, женку моло-
дую,
А своимъ-то я дѣтямъ мачеху
лихую ¹⁾.
Шейнъ. I. 359.
(Новоторжск. у. Тверск. губ.).

б) Лихая жена.

7.

Во лѣсахъ было во дремучихъ,
Что брала-то дѣвка грибы, ягоды,
Что она, брам(в)ши, въ лѣсу за-
блудилася,
Заблудимшись, дѣвка слезно пла-
кала:
— Что ау-то, ау, милъ сердечный
другъ!
Что нельзя-то ли мнѣ, нельзя,
Нельзя милой отаукнуться,
Что глядятъ-то, смотреть
На меня трое сторожевъ:
Какъ первый-то сторожъ — тестъ-
батюшка,
Что другой-ли сторожъ — теща-ма-
тушка,

¹⁾ Вариантъ:
И дѣти ему на отвѣтъ сказали:
— Сгорѣ наша горенка новая!
И помри наша мачеха лихая!
И встань ты, наша матушка родная!
Шейнъ. I. 358.

Какъ третій-то сторожъ — молода
жена.
Ты найди-ка, ты найди, туча грозная,
Ты убей-ка, ты убей тестя-батюшку,
Ты громи-ка, ты громи тещу-ма-
тушку,
А молодую-то жену я и самъ убью.
Шейнъ. I, 341.
(Москва).

8.

Я у батюшки—у матушки глупе-
шенекъ родился,
Я у батюшки—у матушки младе-
шенекъ женился,
Ужъ и взялъ-ли я жену молодую,
Во саду-ли вишенку наливную.
Какъ жена мужа не влюбила,
Повела негодая къ тещѣ въ гости,
Къ тещѣ въ гости въ зеленую рощу,
Привязала негодая къ бѣлой березѣ,
А сама пошла — загуляла,
Загуляла—пировала девять дене-
чковъ,
На девятой на денечекъ встоскова-
лась;
Встосковалась, пошла къ негодаю,
Не дошедши негодая, становилась,
Не дошедши негодая, поклонилась:
„Хорошо тебѣ, негодаю, пиръ пи-
ровати?“
— Государыня жена! А мнѣ не до
пиру:
Мнѣ соловушки головушку пробили,
Мнѣ комарики всѣ плечики ску-
сали,
Мнѣ мурашки всѣ ноженьки сто-
чили.—
„Ужъ ты будешь, негодай, кор-
мить меня хлѣбомъ?“
— Государыня жена! Буду кала-
чами.—

„Ужъ ты будешь, негодяй, поить
меня квасомъ?“

— Государыня жена! Я сытою,
Я сытою, я сытою медовою.—

„Ужъ ты будешь, негодяй, пущать
меня въ гости?“

— Государыня жена! Ступай хоть
вовсе!—

Рыбн. III. 448.

(Черниговск. губ.).

9.

Вы раздайтесь, распатнитесь, доб-
рые люди,

Ужъ вы дайте мнѣ младенекъ по-
гуляти,

Поколь батюшка-сударь замужъ не
выдалъ

За того ли за дѣтинку за невѣжу!

Со двора идетъ невѣжа — скачетъ-
пляшетъ,

Съ кабака идетъ невѣжа — кричитъ-
вопить:

„Ужъ ты дома ли, жена молодая,
Отворяла бѣ поскорѣича ворота?“

Какъ слышала невѣжинъ голосище,
Потихохоньку съ постели я вставала,

На босу ногу башмачки одѣвала,
Ко воротамъ спѣхомъ поспѣшала,

Поскорѣ я ворота затворяла,
Покрѣпчѣ я ворота запирала,

Посмѣлѣ со невѣжей говорила:
— Ты ночуй-усни, невѣжа, за во-

ротмы:

Тебѣ мягкая перина — бѣлая по-
роша,

Высоко ли изголовье — подво-
ротня,

Соболино одѣяло — лютые морозы,

Шитый бранный положечекъ — ча-
сты звѣзды ¹⁾.

Какое тебѣ, невѣжа, спать за
вороты,

Таково-то мнѣ младенекъ жити за
тобою,

За тобою, за твоею за удалой голо-
вою. —

Рыбн. III. 449—450.

(Черниговск. губ.).

в) Мужъ учитъ жену.

10.

Какъ подѣ яблонью, подѣ кудрявою,
Ай люли, люли, подѣ кудрявою ²⁾,

Подѣ кудрявою, кучерявою,
Ай люли, люли, кучерявою,

Мужъ жену училъ, мужъ угрюмую,
Мужъ угрюмую, неразумную.

Какъ жена мужу не покорилася,
Свекру-батюшкѣ взмолилася,

Низко въ ножки поклонилася:

„Свекоръ-батюшка, отыми меня

Отъ негоднаго, отъ непутнаго!“

Свекоръ говоритъ: — Воля не моя,
Воля не моя, воля сынная. —

Какъ подѣ яблонью, подѣ кудря-
вою, и пр.

Свекрови-матушки(ѣ) покорилася,

Покорилася, низко въ ножки по-
клонилася:

„Свекровь-матушка, отыми меня

Отъ негоднаго, отъ непутнаго!“

Свекровь говоритъ: — Воля не моя,
Воля не моя, воля сынная. —

¹⁾ Вариантъ: Шитый браный положе-
чекъ — часты звѣзды,

Тебѣ часты поцѣлуй — сѣры
волки.

Рыбн. III. 433.

²⁾ Последнее слово стиха повторяется
вмѣстѣ съ припѣвомъ.

Какъ подъ яблонью, подъ кудря-
вою, и т. д.

Жена мужу покорилася.

Низко въ ноги ему поклонилася.

Рыбн. III. 448—449.

(Черниговск. губ.).

В. Разрывъ.

11.

Молодость ты моя молодецкая!

Не видалъ я тебя, когда ты про-
шла, прокатилася,

Со худою женой, съ непокорною!

Мнѣ худую жену все ни сжить, ни
сбыть,

Все ни другу подарить, ни товарищу,
Какъ пойду молодецъ на сине море,
Закуплю жъ я женѣ смоляной ко-
рабль

О двѣнадцать гребцовъ, тонкихъ
парусовъ,
Объ шестнадцать добрыхъ молод-
цовъ ¹⁾).

Какъ пойду молодецъ на круту
гору,

Посмотрю на море, какъ корабль
бѣжить,—

Корабль то бѣжить, какъ соколъ
летить,

Жена жъ то сидитъ, какъ боярыня,
Дѣтя жъ то дяржитъ, какъ свѣча
горить.

Какъ крикнулъ молодецъ гром-
кимъ голосомъ.

—Воротися, жена, жена—барыня!—
„Не порой солнце свѣтитъ, не по-
лѣтнему,—

Не любить мнѣ мужа все по преж-
нему!—

Шейнъ. I. 351.

(Суражск. у. Витебск. губ.).

¹⁾ У Шейна: „бѣлыхъ молодцевъ“.

У. Причитанья „по по- койнику“.

„Такъ называются тѣ печальныя пѣсни, или плачи, которые поются, или—вѣрнѣе сказать—воются, голосятся, съ рыданіемъ, воплями и всѣми признаками убивающей скорби, лицами по преимуществу женскаго пола при погребеніи или поминкахъ какого нибудь близкаго родственника. Женщина, или дѣвушка, обливаясь слезами о потерѣ дорогаго сердцу предмета, убитая горемъ, не въ состояніи будучи вынести тяжелаго душевнаго волненія, упадаетъ на гробъ или могилу, скрывшіе въ себѣ дорогіе останки родного человѣка, ударяетъ руками въ „мать-землю“ или безотвѣтную крышку гроба и на-распѣвъ причитаетъ одну изъ нижеслѣдующихъ плачей“.

1. Дочь по отцѣ.

Со восточной со сторонущи
Подымалися да вѣтры буйныя
Со громами да со гремучими,
Съ молоньями ¹⁾ да со палючими;
Пала, пала съ небеси звѣзда
Все на батюшкову на могилушку...
Расшиби-ко ты, громова стрѣла,
Еще матушку да мать-сыру землю!
Развалися-ко-ся ты, мать-земля,
Что на всѣ четыре стороны!
Скройся-ко ²⁾, да гробова доска,
Распахнитеся, да бѣлы саваны,
Отвалитесь, да ручки бѣлыя,
Отъ ретиваго отъ сердечушка,
Разожмитеся, да уста сахарныя!
Обвернись-ко-ся ³⁾, да мой родимой
батюшко,
Перелетнымъ ты да яснымъ соко-
ломъ!
Ты слетай-ко-ся да на сине море,
На сине море на Хвалынское;
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,

¹⁾ Молонья—вм. молнія.

²⁾ Скройся-ко—вм. вскройся-ко.

³⁾ Обвернись ко-ся—вм. обернись, прими образъ, видъ.

Со бѣлова лица ржавщину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой-ѣть да на высокъ теремъ,
Все подъ кутнее да подъ окошеч-
ко—

Ты послушай-ко, родимой батюшко,
Горе-горькихъ нашихъ пѣсенокъ.

2. Молодуха по мужѣ.

Начало этого причитанья до словъ:
„разожмитесь, да уста сахарныя“—то же,
что и въ первой плачѣ; вмѣсто словъ:
„все на батюшкову на могилушку“—
поютъ: „все на ладушкову на могилуш-
ку“; а окончаніе причитанья слѣдующее:

Обвернись-ко-ся, мой милый ла-
душко,

Перелетнымъ ты да яснымъ соко-
ломъ!

Ужъ и выйду на широку я на
улочку:

Посмотрю я горе-горькая
На всѣ на четыре стороны—

Не летитъ ли моя мила пташечка,
Не несетъ ли мнѣ вѣсточку-гра-
мотку?

Ужъ мнѣ ждать будетъ — не до-
ждатися,

Мнѣ глядѣть—не наглядѣтися:

Ну, нѣтъ мнѣ отъ милова ладушки,

Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,

Ни словястнаго челобитьица!

А какъ безъ мово-то мила ладушки
Наносятъ на меня люди добрые!..

Послѣ этого причитанья горемычная
вдова часто голосить и другое:

Пришла весна красная;

Выѣзжаютъ всѣ люди добрые

На работушку на тяжелую—

У меня-то горе-горькія

Нѣтъ милова ладушки...

А придетъ страда сѣнокосная—

И затупится коса моя булатная...

И тогда-то горе-горькая

Сяду я подъ ракушечку кустъ,

Помяну-то я горе-горькая

Свое мила ладушку:

Затупилась у меня-то коса да бу-
латная

Не по старому да не по прежнему...

А какъ былъ бы ты, милый ла-
душко,

Ты направилъ бы мнѣ косу булат-
ную

По старому да по прежнему...

Хожу-то я горе-горькая

По лугамъ-то да по зеленымъ;

Смотрю-то я горе-горькая

По добрымъ-то да по людямъ,

И примѣчу я, сирота горькая,

Свое мила ладушку:—

Какова была у него походочка,

Какова была у него поступочка,

Каково у него было лицо бѣлое,

Каковы у него были очи ясныя,

Каковы были кудри русыя...

Не могла-то я узрѣть-высмотрѣть

По его-то частой походочкѣ,

По его-то русымъ кудерцамъ,

По его-то яснымъ очикамъ—

Свое мила ладушка...

3. Старуха по старикѣ.

На кого ты, милой мой, обнадѣялся?

И на кого ты ополѣбился?

Оставляешь ты меня горе-горькую

Безъ теплова своего гнѣздышка!..

Ни отъ кого-то горе-горькой

Нѣту мнѣ слова ласкова,

Нѣтъ-то мнѣ слова привѣтлива.

Нѣтъ-то у меня горе-горькія

Ни роду-то, ни племени,

Ни поильца мнѣ, ни кормильца...

Остаюсь-то я горе-горькая

Старымъ-то я старешенька,
Одна да одинешенька.
Работать мнѣ—изможенья нѣтъ.
Нѣтъ-то у меня роду-племени,
Не съ кѣмъ мнѣ думу думати,
Не съ кѣмъ мнѣ слово молвити:
Нѣтъ у меня милова ладушки.

(Всѣ записаны въ Кунгурск. у. Пермск. губ.).
Пермск. Сб. кн. 2, отд. II, стр. 128—131.

VI. Пѣсни, сопровождающія игры, развлечения, бесѣды (посидѣлки, су- прядки).

а) Святочныя, подблюдныя и игорныя.

1.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ!
Слава! ¹⁾
Чтобы нашему государю не ста-
рѣться,
Его цвѣтному платью не изнаши-
ваться,
Его добрымъ конямъ не изъѣжи-
ваться,
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣни-
ваться.
Чтобы правда была на Руси
Краше солнца свѣтла;
Чтобы царева золотая казна
Была вѣкъ полнымъ полна;
Чтобы большимъ-то рѣкамъ
Слава неслась до моря,
Малымъ рѣчкамъ до мельницы.
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.
Старымъ людямъ на потѣшеніе,
Добрымъ людямъ на услышаніе.
Слава!

¹⁾ Въ этой и слѣд. пѣсняхъ (2—16)
послѣ каждого стиха повторяется „Слава“.

2.

Катилось зерно по бархату,
Еще ли то зерно бурмитское,
Прикатилось зерно ко яхонту.
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,—
Хорошъ женихъ со невѣстою.

3.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Шубенка на немъ худенька:
Одна пола во сто рублей,
Другая пола во тысячу,
А всей то шубенкѣ цѣны нѣтъ.
Цѣна ей у царя въ казнѣ,
У царя въ казнѣ, въ золотомъ ларцѣ.

4.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Несетъ кузнецъ три молота.
„Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣ-
нецъ,
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и
новъ,
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Изъ обрѣзочковъ булавоčku.
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчаться,
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обрачатся,
Мнѣ тою булавкою убрѣсь приты-
кать“.

5.

Летитъ соколъ изъ улицы,
Голубушка изъ другой,
Слетались, цѣловались,
Сизыми крыльями обнимались,—
Ужъ и имъ добрые люди дивовались,
Какъ соколъ съ голубушкой ужи-
вались.

6.

Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Ищетъ груздочекъ бѣляночку;
Не груздочекъ скачетъ, а боярскій
сынъ,
Не бѣляночку ищетъ, а боярышню.

7.

Щука пла изъ Новгорода,
Она хвостъ волокла изъ Бѣлаозера;
Какъ на щуку чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченая;
Какъ у щуки спина жемчугомъ сплетена,
Какъ головка у щуки унизаная,
А на мѣсто глазъ дорогой алмазь.

8.

Ахъ, ты сѣй, мати, мучицу, пеки
пироги,
Какъ къ тебѣ будутъ гости не-
чаянные,
Какъ нечаянные и незваные.
Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ же-
нихи,
Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко
мнѣ въ сапогахъ.

9.

Жемчужина окатная,
До чего тебѣ докатится?
Пора тебѣ выкатиться
Князьямъ и боярамъ на шапочку.

10.

Покачу я колечко кругомъ города,
А за тѣмъ колечкомъ я сама пойду,
Я сама пойду, суженаго найду.

11.

Ласточка-касаточка,
Не вей гнѣзда во высокомъ терему;
Вѣдь не жить тебѣ здѣсь и не
лѣтовати.

12.

Курочка-погребушечка!
Да греблася она на завалеику,
Еще выгребла золотъ перстень,
Золотъ перстень о трехъ ставоч-
кахъ,—
Да кому перстнемъ обручатися?
Обручатися отроку съ отрочицею,
Еще молодцу со дѣвицею.

13.

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги,
А у богатаго мужика двѣ радости;
Что первая-то радость — сына же-
нить,
Что другая-то радость — дочь за-
мужъ отдаетъ.
Ужъ какъ за сыномъ корабли бѣгутъ,
А за дочерью сундуки везутъ.

14.

Пойду млада къ вереюшкѣ,
Брякну млада во колечушко;
Какъ колечко скажется,
Такъ суженой откликнется.

15.

Сидитъ воробей на перегородѣ,
Глядитъ воробей на чужу сторону.

16.

За столомъ сажу,
Я на чашу гляжу,
Я пятернею вожу,
Золото кольцо ищу;
Я еще посижу,
Я еще повожу,
И суженаго найду.

17.

Катилоса одонье ржи,
Слава!
Кому прикатится, тому добро.
Слава!
Сахар. 1. 3, 11—15.

18.

Исусъ Христосъ
У воротъ стоитъ,
Онъ съ хлѣбомъ, съ солью,
Со скатертью,
Съ скотинкою,
Съ животинкою.
Слава Дѣвы(ѣ)!
Кому вынется,
Тому и сбудется,
Не минуется. Слава!
Шейнъ, 374.

19.

Разсыплю я монисто по закрому,—
Съ кѣмъ монисто собирать будетъ?
Собирать монисто съ милымъ друж-
комъ.

Кому вынется,
Тому и сбудется,
Не минуется. Слава!
1b. 375.

20.

За рѣкой мужики живутъ богатые,
Гребутъ жемчугъ лопатами.
Кому вынется,
Тому и сбудется,
Не минуется. Слава!
1b. 380.

21.

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню;
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, въ вы-
сокомъ.

Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай,
красная!

Въ коей рукѣ былица!
И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, кабы вѣдала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ первиваючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ вы, кумушки, вы, голу-
бушки!

Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте;
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.

Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,

Въ черную смородину.
Очутися перстень
Да у боярина, да у молодого,
На правой на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.

Еще дѣвицы гадали,
Да не отгадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло, призаплѣсневѣло.

Молодайка, отгадай-ка!

Сахар. I, 3, 15.

б) Хороводныя пѣсни.

1. Наборныя.

~~А.~~

Вхали бояре изъ Новгорода,
Сѣкли рябинушку подъ самый ко-
решокъ,

Кололи досочки тоненькія,
Дѣлали гусельцы звончистыя.
Кому эти гусельцы разыгрывать?
Играть ли, не играть ли Лукинушеѣ,
Тѣшить ли, не тѣшить ли Авдо-
тьюшку?

Я тебя, Авдотьюшка, не силою бралъ,
Я у твоего батюшки сватался,
Я у твоей матушки кланялся.

Шейнъ. I, 81.

(Островск. у. Псковск. губ.).

2.

Около города Казани ¹⁾
Молодой король гуляетъ,
Королеву выбираетъ:
Растворяйтесь, ворота,

¹⁾ Последний стихъ поется безъ повто-
ренія, предпоследній повторяется пять разъ,
всѣ остальные—по два.

Ты войди, король, во городъ,
Подойди, король, поближе,
Поклонись, король, пониже,
Поцѣлуйся помилѣе;
Ты возьми ее за ручку,
Поведи ее съ собою,
Назови ее слугою.

Иб. 87.

(Осташк. у. Тверск. губ.).

3.

Какъ на тоненькій ледокъ
Выпалъ бѣленькій снѣжокъ;
Выпалъ снѣжокъ бѣленькій,
Пришелъ ко мнѣ миленькій,
Приносилъ подарочекъ,
Петербургскій пряничекъ,
Въ косу ленту алую,—
Бери дѣвку бравую!

Иб. 109.

(Весьегонск. у. Тверск. губ.).

4.

Какъ на улицѣ дождикъ накрапы-
ваетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвушекъ при-
бываетъ.

Охъ, вы, дѣвушки, поиграйте!
Ужъ какъ вы, холостые, не глядите:
Вамъ глядѣнницею дѣвушекъ не
взяти,

Ужъ какъ взять ли, не взять ли
по люб(о)ви,

Что по батюшкину повелѣнью,
Что по матушкину благословенью.

Сахар. I, 3, 27.

2. Игровыя.

5.

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой Дидь-ладо, сѣяли, сѣяли!

А мы просо вытопчемъ, вы-
топчемъ,
Ой Дидъ-ладо, вытопчемъ, вы-
топчемъ!
А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоп-
тать?
Ой Дидъ-ладо, вытоптать, вытоп-
тать!
А мы коней выпустимъ, вы-
пустимъ,
Ой Дидъ-ладо, выпустимъ, вы-
пустимъ!
А мы коней перейдемъ, перейдемъ,
Ой Дидъ-ладо, перейдемъ, перей-
демъ!
А чѣмъ же вамъ перенять,
перенять?
Ой Дидъ-ладо, перенять, пе-
ренять!
Шелковымъ поводомъ, поводомъ,
Ой Дидъ-ладо, поводомъ, поводомъ.
А мы коней выкупимъ, выку-
пимъ!
Ой Дидъ-ладо, выкупимъ, вы-
купимъ!
А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ-ладо, выкупить, выкупить!
А мы дадимъ сто рублей, сто
рублей,
Ой Дидъ-ладо, сто рублей,
сто рублей!
Не надо намъ тысячи, тысячи,
Ой Дидъ-ладо, тысячи, тысячи!
А что же вамъ надобно, надобно?
Ой Дидъ-ладо, надобно, на-
добно!
Намъ-(то) надобно дѣвицу, дѣвицу,
Ой Дидъ-ладо, дѣвицу, дѣвицу!
А нашего полку убыло, убыло,
Ой Дидъ-ладо, убыло, убыло!
А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дидъ-ладо, прибыло, прибыло!

1б. 27.

6.

Ай на горѣ маекъ, маекъ,
Подъ горою такъ, такъ, такъ!
Маки, маковочки!
Золотныя головочки!
Станьте вы въ рядъ,
Спросите про маекъ.

1б.

7.

Ужъ какъ звали молодца,
Позывали удальца,
На игрище поглядѣть,
На Ярылу посмотриѣть.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Одѣвался молодецъ,
Убирался удалецъ,
Въ рудожелтъ кафтанъ,
Въ шапку мурмолку.
Ты, Дунай мой, Дунай.
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Выходилъ нашъ молодецъ,
Вдоль улицы на конецъ,
Къ хороводу подходилъ,
Низко кланялся.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Какъ садился молодецъ
Противъ вдовы на конецъ,
Просилъ вдову погулять,
Его рѣчей послушать.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Не раба, сударь, твоя,
Я не слушаю тебя,
Не хочу съ тобою жить,
Не хочу тебѣ служить.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Какъ садился молодецъ

Противъ дѣвки на скамью:
Ужъ ты, дѣвушка душа,
Ты послухай, другъ, меня!

Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!

Снималъ шапку съ головы,
Бросалъ дѣвкѣ подъ ноги:
Ты раба, дѣвка, моя,
Такъ послушай, другъ, меня!

Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!

Я раба, сударь, твоя,
Я послушаю тебя,
Буду вмѣстѣ съ тобой жить,
Стану вѣкъ тебѣ служить.

Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!

Шейнъ. I, 186.

(Тульск. губ.).

8.

Посмотрите, добрые люди,
Какъ жена меня молодца не любить,
Душа-сердце мое ненавидитъ!
Я поѣду въ Китай городъ гуляти,
Молодой женѣ покупку закупати:
Саму, саму предиковинну юпку,
Саму, саму предиковинну кофту.

Жена моя, женушка,
Сердитое мое сердце!
Ты постой-ка, жена,
Я примѣрю на тебя,
Я примѣрю, приложу,
Я на женушку погляжу.

Посмотрите, добрые люди,
Какъ жена меня молодца не любить,
Душа сердце мое ненавидитъ!
Я поѣду въ Китай городъ гуляти,
Молодой женѣ покупку закупати:
Саму, саму предиковинну плетку.

Жена моя, женушка,
Сердитое мое сердце!

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ.

Ты постой-ка, жена,
Я примѣрю на тебя,
Я примѣрю, приложу,
Я на женушку погляжу.

Посмотрите, добрые люди,
Какъ жена меня молодца любить,
Душа-сердце мое поцѣлуешь.

Сахар. I, 3, 29.

9.

Чрезъ кругъ летитъ утка,
Калина, малина моя!

Чрезъ нашъ хороводецъ.
Калина, малина моя!

Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!

Пора красныхъ замужъ,
Калина, малина моя!

За крестьянскаго-ль сына?
Калина, малина моя!

У крестьянскаго сына

И толочь, и молоть,
Рѣшетомъ подсѣвать.

Калина, малина моя!

Чрезъ кругъ летятъ утка,
Калина, малина моя!

Чрезъ нашъ хороводецъ.
Калина, малина моя!

Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!

Пора красныхъ замужъ,
Калина, малина моя!

За боярскаго-ли сына?

Калина, малина моя!

У боярскаго сына

Окошки косыя,

Лакеи босые,

Собаки борзныя.

Калина, малина моя!

Чрезъ кругъ летитъ утка,

Калина, малина моя!

Чрезъ нашъ хороводецъ.

Калина, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!
Пора красныхъ замужъ,
Калина, малина моя!
За старостина-ль сына?
Калина, малина моя!
У старостина сына
Прянички сладенькіе,
Медъ сыченой.

Калина, малина моя!
А мы съѣли, да съѣли.
Калина, малина моя!

Гв. 31.

10.

Ай, вдоль да по улицѣ,
Ай, вдоль да по широкой,
Ой люли, ой люли, по широкой!
Шли тутъ дѣвушки,
Шли тутъ молодухи,
Ой люли, ой люли, молодухи!
Меня младу съ собой звали,
Меня младу со двора кликали,
Ой люли, ой люли, кликали!
Вы постойте, подождите,
Бѣлы руки подождите,
Ой люли, ой люли, подождите!
Я пойду-ль, я спрошаю-ль
У матушки, у свекра-батюшки:
Ой люли, ой люли, батюшки!
„Свекоръ-батюшка, пусти погулять,
Свекровушка-матушка, пусти погу-
лять!“

Ой люли, ой люли, погулять!
— Хотя пустимъ погулять,
Да безъ мужа не ходи.—
Ой люли, ой люли, не ходи!
Ужъ мойли мужъ—старой старичища,
Не пускаетъ одну на игрища!
Ой люли, ой люли, на игрища!
Я пойду-ли, я спрошусь

Своего старого мужа:

Ой люли, ой люли, старого мужа!
„Пусти на улицу погулять,
Съ ребятами поиграть“.
Ой люли, ой люли, поиграть!
— Хотя я отпущу гулять,
Прежде шкуру дай содрать.—
Ой люли, ой люли, содрать!

Гв. 32.

Ахъ, и по морю! ахъ, и по морю!
Ахъ, и морю, морю синему!
Плыла лебедь, (2)
Лебедь бѣлая со лебедушками ¹⁾,
Со малыши со дитятими,
Ни трахнется, ни ворохнется;
Плывши, лебедь встрепенулася,
Подъ ней вода всколыхнулася;
Плывши, лебедь вышла на берегъ.
Гдѣ ни взялся, (2)
Гдѣ ни взялся младъ-ясень соколъ;
Убилъ-ушибъ, (2)
Убилъ-ушибъ лебедь бѣлую;
Онъ кровь пустилъ по синю морю;
Онъ пухъ пустилъ, (2)
Онъ пухъ пустилъ по-подъ небесью;
Сорилъ перья, (2)
Сорилъ перья по чисту полю.
Гдѣ ни взялась, (2)
Красна дѣвица душа;
Брала перья, (2)
Брала перья лебединныя,
Клала въ шапку, (2)
Клала въ шапку соболиную,
Милу дружку, (2)
Милу дружку на подушечку,
Родну батюшкѣ, (2)
Родну батюшкѣ на перинушку.
Гдѣ ни взялся, (2)

¹⁾ Слѣдовало бы: „Плыла лебедь съ лебедятами“.

Гдѣ ни взялся добрый молодецъ.
Богъ на помочь, (2)
Богъ на помочь, красна дѣвица
душа!

Она жъ ему, (2)
Она жъ ему не поклонится.
Грозилъ парень, (2)
Грозилъ парень красной дѣвицъ:
Добро, дѣвка, (2)
Добро, дѣвка, дѣвка красная!
Зашлю свата, (2)
Зашлю свата, за себя возьму;
Будетъ время, (2)
Будетъ время—и поклонисься мнѣ;
Будешь, дѣвка, (2)
Будешь, дѣвка, у кроватушки стоять,
Будешь, дѣвка, (2)
Будешь, дѣвка, бѣлы руки, руки цѣ-
ловать;
Будешь держать, (2)
Будешь держать шелкову плетъ въ
рукахъ.

Я думала, (2)
Я думала, что не ты идешь,
Что не ты идешь, не мнѣ кла-
няешься;

Я думала, (2)
Я думала, что поповскій сынъ,
Что поповскій сынъ, воръ Але-
шенька!
Иб. 32.

12.

Чрезъ рѣченку лежала,
Чрезъ рѣченку лежала
Тонка, гибка жердиночка,
Что никто по той жердиночкѣ не
пройdetъ.
Только шли-прошли стары бабы,
Стары бабы старобразы.
Еще смѣть ли спросить старыхъ
бабъ,

Еще что въ городѣ вздорозало?
Вздорозали, вздорозали молоды
бабы:

На овсяный блинъ по три бабы,
А четверта провожата,
А пятая на придачу.

Чрезъ рѣченку лежала,
Чрезъ рѣченку лежала
Тонка, гибка жердиночка,
Что никто по той жердиночкѣ не
пройdetъ.

Только шли-прошли молоды бабы,
Молоды бабы пригожія.

Еще смѣть ли спросить молодыхъ
бабъ,

Еще что въ городѣ вздорозало?
Вздорозали, вздорозали добры мо-
лодцы:

Еще восемь молодцевъ на полденьги.

А девятый провожатый,

А десятый на придачу.

Чрезъ рѣченку лежала,

Чрезъ рѣченку лежала

Тонка, гибка жердиночка.

Что никто по той жердиночкѣ не
пройdetъ.

Только шли-прошли добры молодцы.
Еще смѣть ли спросить добрыхъ
молодцовъ,

Еще что въ городѣ вздешевѣло?

Вздешевѣли, вздешевѣли красны дѣ-
вушки:

По сту рублей красна дѣвица,
А по тысячѣ дѣвицъ на косицу.

Иб. 40.

13.

На горѣ калинушка стояла,
Разноцвѣтомъ расцвѣтала;
На калинушкѣ сидитъ соловейка,
Веселыя пѣсни распѣваетъ,
Холостому молодцу вѣсть подаетъ:

Пора тебѣ, молодецъ, жениться.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ набольшему тамъ атаману, —
Чѣмъ меня государь-батюшка по-
даруетъ?

Подарилъ меня государь-батюшка
женою,

Глупою женою, неразумной:
Я за гудокъ, а она за прялку;
Я въ гудокъ играть, а она мотати,
Незачѣмъ въ люди на кручину, —
Дома кручинушки довольно.
На горѣ калинушка стояла,
Разноцвѣтомъ расцвѣтала;
На калинушкѣ сидитъ соловейка,
Веселыя пѣсни распѣваетъ,
Холостому молодцу вѣсть подаетъ:
Пора тебѣ, молодецъ, жениться.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ набольшему тамъ атаману, —
Чѣмъ меня государь-батюшка по-
даруетъ?

Подарилъ меня государь-батюшка
женою,

Умною женою и разумной:
Я за гудокъ, а она за пѣсни,
Я въ гудокъ играть, а она плясати.
Незачѣмъ въ люди по веселье, —
Дома весельица довольно.

1b. 41.

14.

По широкой по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ,
Плыветъ селезень.

Люли, люли, селезень!
Ты стой, стой,
Ты стой, стой,
Хохлатый селезень.

Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому

Повернулось по бревну,
По бревну, по сосновому.

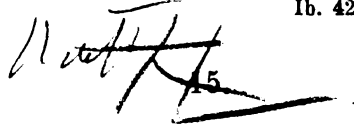
Люли, люли, селезень!
По широкой по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ,
Плыветъ суденышко.

Люли, люли, селезень!
На суденышкѣ дѣтинушка,
На дѣтинушкѣ рубашечка,
Подъ сердечушкомъ зазнобушка.

Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому
Сочинилася бѣда, —
Измѣнила молода.

Люли, люли, селезень!

1b. 42.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ озеро воды.

Ой люли, ой люли,
Стоитъ озеро воды!
Молодецъ коня поилъ,
Къ воротичкамъ приводилъ.
Ой люли, ой люли,
Къ воротичкамъ приводилъ!
Къ веревушкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ приказалъ:

Ой люли, ой люли,
Красной дѣвкѣ приказалъ!
Красна дѣвица душа!

Сбереги добра коня,
Ой люли, ой люли,
Сбереги добра коня!

Сбереги добра коня,
(Коня) семитысячнаго,
Ой люли, ой люли
(Коня) семитысячнаго!

Не сорвалъ бы поводъ,
Не сломилъ бы удила,
Ой люли, ой люли,
Не сломилъ бы удила!

Красна дѣвица идетъ,
Словно павушка плыветъ.

Ой люли, ой люли,
Словно павушка плыветъ!
На ней платье голубое,
Лента алая въ косѣ.
Ой люли, ой люли,
Лента алая въ косѣ!
На головушкѣ перо
Хоть пятьсотъ рублей дано.
Ой люли, ой люли,
Хоть пятьсотъ рублей дано!
Хоть пятьсотъ рублей дано,
Стоитъ тысячи оно,
Ой люли, ой люли,
Стоитъ тысячи оно!

1б. 45.

16.

По-за городу
Царевъ сынъ, (2)
(Одинъ ходитъ за хороводомъ).
Что ни царскій-етъ сынъ,
Вонитель, (2)
Выбиралъ себѣ невѣсту, (2)
Распрекрасную королеву. (2)
(Выбираетъ одну изъ дѣвушекъ).
Что не та ли моя невѣста, (2)
Среди города стояла, (2)
Золотымъ вѣнцомъ блистала, (2)
Бриліантами освѣщала.
Вы сѣкитесь ворота, (2)
(Двое изъ стоящихъ въ хороводѣ разни-
маютъ руки).
Поклоняйтесь низенько, (2)
Вы пожалуйте, княжна, праву руч-
ку! (2)
(Кланяются всѣ).
Шейнъ. I, 120.
(Кашинск. у. Тверск. губ.).

17.

Свѣти, свѣтель мѣсяцъ,
Не низко, высоко,
Не близко, далеко,
Семь верстъ за Московю,
За быстрой рѣкою:
Тамъ живетъ моя сестрица,
Тамъ живетъ моя родима.
Захотѣлось братцу
Къ сестрицѣ въ гости.
— Здорово, сестрица,
Здорово, родима! —
„Не больно я здорова, —
Есть четыре горя,
Пятая кручина:
Напервое горе —
Свекоръ-то грозливый,
Надругое горе —
Свекровь воркотлива,
Натретье-то горе —
Деверекъ насмѣшникъ.
Начетвертое горе —
Золовка смутьянка,
Напятое горе —
Мужъ жену не любить“.
— Потерпи, сестрица,
Потерпи, родима,
Всѣ четыре горя,
Пятую кручину.
Свекоръ-то грозливый
Скоро въ землю пойдетъ:
Свекровь воркотлива —
У ней добра много;
Деверекъ насмѣшникъ —
Самъ онъ въ люди пойдетъ;
Мужъ жену не любить, —
Другую не возьметъ,
Тебя поцѣлуетъ. —
„Спасибо, мой братецъ,
На твоёмъ раздумьи!
Разсудилъ, мой братецъ,

Всѣ четыре горя,
Пятую кручину“.

Шейнь. I, 128—129.
(Тверск. губ.).

18.

Хмель, мой хмелюшко,
Хмелевое перушко,
Перевайся, мой хмелюшко,
На мою сторонушку:
На моей сторонушкѣ
Приволье великое,
Раздолье широкое;
По тому раздольицу
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Ходилъ пригорюнившись,
Ходилъ опечалившись.
Завидѣла матушка
Съ высокаго терема:
—Дитя мое милое,
Что ты угорюнилось,
Что ты опечалилось?
Женись, женись, дитятко,
Женись, женись, милое,
Возьми, возьми, дитятко,
Княжну, боярыню!—
„Сударыня, матушка,
Та мнѣ не жена будетъ,
Тебѣ не невѣстушка,
Въ полѣ не работница,
Въ домѣ не кукобница ¹⁾,
Гостямъ не привѣтница,
Ко мнѣ не привернется“..
—Возьми жъ, возьми, дитятко,
Въ (у) сосѣдушки дѣвушку!—
„Та мнѣ женой будетъ,
А тебѣ невѣстушкой,
Во полѣ работница,
Во дому кукобница,

¹⁾ Кукобницей называютъ хорошую хозяйку, умѣющую въ особенности ухаживать за скотиной. Шейнь.

А гостямъ привѣтница,
И ко мнѣ привернется“.

Иб. 130—131.
(Дмитр. у. Орловск. губ.).

19.

Родимая матушка!
Не женать хожу,
Ой люли, люли, люли,
Не женать хожу!
Не женать хожу,
Холостъ гуляю.
Ой люли и пр.
Поди, поди, молодецъ,
Въ хороводъ къ дѣвкамъ!
Ой люли и пр.
Бери, бери, молодецъ,
Самъ себѣ лучшую!
Ой люли и пр.
Самъ себѣ лучшую,
Дочь дворянскую!
Ой люли и пр.
Дочь дворянская
Низко кланялась,
Ой люли и пр.
Низко кланялась,
Мнѣ не нравилась:
Ой люли и пр.
„Я тебѣ, молодецъ,
Въ полѣ не работница,
Ой люли и пр.
Твоимъ ручушкамъ
Не замѣнушка“.
Ой люли и пр.

(И вторая строфа такъ же, только парень выбираетъ себѣ дочь купеческую; потомъ, въ третій разъ, выбираетъ себѣ дочь крестьянскую, которая и говорить:

„Я тебѣ молодецъ,
Въ полѣ работница,
Ой люли и пр.

Твоимъ ручушкамъ
Я замѣнушка“.

Ой люди и пр.

Шейнъ. I. 219—220.

(Новоторжск. у. Тверск. губ.).

20.

Изъ лѣсика, лѣсу темнаго,
Изъ садика, саду зеленаго,
Тамъ шло-прошло два молодца,
Оба холосты, неженаты.
Они, идучи, думу думали,
Думу думали, рѣчь говорили,
Рѣчь говорили объ одной души(ѣ),
Объ одной души, красной дѣвуш-
ки(ѣ);

Пораздорились, разбранились(я).
Красна дѣвица выходила къ нимъ:
Вы не ссорьтесь, не бранитесь,
А по совѣсти разойдитесь,—
Я не обонимъ вамъ достануся:
Я достанусь либо бѣлому,
Либо бѣлому, бѣлъ-кудрявому,
Либо черному, чернобровому.
Доставалась я парню бравому,
Парню бравому и бѣлъ-кудрявому,
Брала его за рученьку,
Брала его за правую.
Попелъ молодецъ, самъ заплакалъ,
Самъ заплакалъ, про себя думу ду-
малъ:

„Безсчастна меня молодца
Матушка родила,
По что меня молодца
Красны дѣвушки не любятъ!“

Ив. 205—206.

(Псковск. у.).

3. Разводныя.

21.

Рука за руку взялись,
Познакомились:
„Не ты ли мнѣ кумъ,

Не я ль тебѣ кума?
Гдѣ ни сойдемся—
Поклонимся,
Гдѣ ни свидимся—
Поцѣлуемся“.

Шейнъ. I. 226.

(Тверск. губ.).

22.

Изъ-за лѣсу, изъ-за лѣсика темнаго
Ясенъ соколъ вылетаетъ,
Бѣлу лебедь выкликаетъ:
„Будь же, дѣвушка, будь же, красная,
за мною!“

— Ясенъ соколъ, не въ чемъ выйти,
Не въ чемъ выйти, шубки нѣту,
Шубки штофной,
Душегрѣйки парчевой.—
„Бѣла лебедь, я тебя люблю,
Тебя люблю, шубку куплю,
Шубку штофную, душегрѣйку пар-
чевую,

Въ косу ленту алую,—
Я милую подарю,
Подарю, поцѣлую“.

Ив. 231.

(Тверск. губ.).

23.

Ужъ ты, вѣнчикъ, мой вѣночекъ,
Ай да вѣночекъ!
Вѣнокъ синенькій цвѣточекъ,
Ай да цвѣточекъ!
Кому вѣнчикъ подарити?
Ай да подарити!
На ково жъ мнѣ положить?
Ай да положить!
Положу ль я на головку,
Ай да на головку!
Что на красную на дѣвицу,
Ай да на дѣвицу!
Что ни кумъ съ кумой покумился,

Ай да покумилися!
Молодецъ съ дѣвицей подружилися,
Ай да подружилися!
Гдѣ ни сойдемся—пріобоймемся,
Ай да пріобоймемся!
Пріобоймемся, поцѣлуемся,
Ай да поцѣлуемся!
Разойдемся, распростимся,
Ай да распростимся!

Шейнъ. I, 240.
(Тверск. губ.).

в) Плясовые пѣсни.

1.

Ай, вдоль по улицѣ молодчикъ
идеть,
Ай, вдоль по широкой удаленькой.
Ой жги, ой жги! говори!
Вдоль по широкой удаленькой
идеть.

Какъ на молодцѣ-то смуръ кафтанъ,
Опоясочка-то шелковая;

Ой жги, ой жги! говори!

Опоясочка-то шелковая.

Кавички-то барановныя,

Сапожки-то сафьяновые;

Ой жги, ой жги! говори!

Сапожки-то сафьяновые.

На немъ шапочка-то бархатная,

А околышекъ черна соболя.

Ой жги, и пр. ¹⁾

Подъ полою у молодца дуда,

Подъ другой-то онъ гусли несетъ.

Какъ струна-то загула, загула,

А дуда-то выговаривала:

Пора молодцу женитьбу давать,

Холостому время свататься.

Стару бабу за себя-бъ ему взять,

Стару бабу на печи бы держать;

Стару бабу киселемъ бы кормить,

Сытой бабу припаивати.

¹⁾ После каждыхъ двухъ стиховъ при-
пѣвъ „ой жги“ и пр. и повтореніе послед-
няго стиха.

Кабы бабѣ калача, калача:
Стала-бъ баба горяча, горяча.
Кабы бабѣ киселя, киселя:
Стала-бъ баба весела, весела.
Кабы бабѣ молока, молока:
Стала-бъ баба молода, молода.
Кабы бабѣ сапоги, сапоги:
Пошла-бъ баба въ три ноги, въ
три ноги;

Затянула-бъ баба пѣсенку
Тонкимъ, звонкимъ голосочкомъ.

Ты любимая ль пѣсня моя,
Я любила тебя въ дѣвкахъ пѣвать;
Я люблю тебя и замужемъ,
У мила дружка въ очахъ живучи.
Ой жги! ой жги! говори!
У мила дружка въ очахъ живучи.
.

Сахар. I, 3. 84.

2.

Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла,
Люли, люли, стояла!
Люли, люли, стояла!
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати,
Люли, люли, заломати! (2)
Я пойду погуляю, (2)
Люли, люли, погуляю! (2)
Бѣлую березу заломаю, (2)
Люли, люли, заломаю! (2)
Срѣжу съ березы три пруточка. (2)
Люли, люли, три пруточка! (2)
Сдѣлаю три гудочка, (2)
Люли, люли, три гудочка! (2)
Четвертую балалаечку. (2)
Люли, люли, балалаечку! (2)
Вы, гудки, не гудите, (2)
Люли, люли, не гудите, (2)
Стара мужа не будите, (2)
Люли, люли, не будите! (2)
Старой спитъ со похмелья, (2)

Люли, люли, со похмеля! (2)
Пойду ль я на новы сѣни, (2)
Люли, люли, на новы сѣни! (2)
Стану ль я старова будити, (2)
Люли, люли, будити! (2)
Встань, мой старой, пробудися! (2)
Люли, люли, пробудися! (2)
Вотъ тебѣ помоя—умойся, (2)
Люли, люли, умойся! (2)
Вотъ тебѣ рогожка—утрися! (2)
Люли, люли, утрися! (2)
Вотъ тебѣ борона—расчешися! (2)
Люли, люли, расчешися! (2)
Вотъ тебѣ лапотки—обуйся! (2)
Люли, люли, обуйся!
Вотъ тебѣ шубенька¹⁾—одѣнься! (2)
Люли, люли, одѣнься! (2)
Вотъ тебѣ дорожка—прогуляйся! (2)
Люли, люли, прогуляйся! (2)
Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла,
Люли, люли, стояла! (2)
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати,
Люли, люли, заломати! (2)
Я пойду погуляю, (2)
Люли, люли, погуляю! (2)
Бѣлую березу заламаю, (2)
Люли, люли, заламаю! (2)
Срѣжу съ березы три пруточка, (2)
Люли, люли, три пруточка! (2)
Сдѣлаю три гудочка, (2)
Люли, люли, три гудочка! (2)
Четвертую балалаечку, (2)
Люли, люли, балалаечку! (2)
Пойду ль я на новы сѣни, (2)
Люли, люли, на новы сѣни! (2)
Вы, гудки, загудите, (2)
Люли, люли, загудите! (2)
Встань, мой милый, пробудися! (2)
Люли, люли, пробудися! (2)

¹⁾ Шубѣнка.

Вотъ тебѣ водица—умойся, (2)
Люли, люли, умойся! (2)
Вотъ тебѣ полотенцо—утрися, (2)
Люли, люли, утрися! (2)
Вотъ тебѣ гребень—расчешися, (2)
Люли, люли, расчешися! (2)
Вотъ тебѣ башмачки—обуйся, (2)
Люли, люли, обуйся! (2)
Вотъ тебѣ кафтанчикъ—одѣнься, (2)
Люли, люли, одѣнься! (2)
Войди въ теремъ—веселися! (2)
Люли, люли, веселися! (2)

Сахар. I, 3, 85—86.

3.

Ахъ вы, сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои!
Сѣни новыя, кленовыя,
Рѣшетчатныя!
Ужъ какъ знать-то мнѣ по сѣнич-
камъ

Не хаживати,
Мнѣ мила дружка за рученьку
Не важивати.

Выходила молода
За новыя ворота,
За новыя кленовыя
За рѣшетчатныя,
Выпускала сокола
Изъ правого рукава:
Ты лети, лети, соколикъ,
Высоко и далеко!
И высоко, и далеко—
На родиму сторону;
На родимой на сторонкѣ
Грозенъ батюшка живетъ;
Онъ грозенъ, сударь, грозенъ,
Да не милостивый,—
Не пускаетъ молоду
Поздно вечеромъ одну!
Я не слухала отца,
Потѣшала молодца!

Я за то его потѣшу,
Что одинъ сынъ у отца,
Онъ одинъ сынъ у отца,
Уродился въ молодца,
Зовутъ Ванюшкою—
Пивоварушкою!
Пивоваръ пиво варилъ,
Зелено вино курилъ,
Зелено вино курилъ,
Красныхъ дѣвушекъ манилъ:
„Вы пожалуйста, дѣвицы,
На поварню на мою!
На моей ли пивоварнѣ
Пиво пьяно на ходу,
Пиво пьяно на ходу,
Сладка водка на меду!“

Полн. р. пѣсен., стр. 347—348.

4.

Я вѣчеръ млада
Во пиру была,
Во бесѣдушкѣ,
Не у батюшки,
Не у матушки:
Я была млада
У мила дружка—
У сердечнаго.
Я не медъ пила
И не полпивцо,—
Я пила млада
Сладку водочку,
Сладку водочку,
Все вишнебочку;
Я не рюмочкой,
Не стаканчикомъ,—
Я пила млада
Изъ полуведра,
Изъ полуведра
Черезъ край пила.
И я полемъ шла,—
Не валялася,
И я лѣсомъ шла,—

Не шаталася,
Ко двору пришла,—
Попатнудася,
За веревку
Ухватиася:
Веревка-ль моя,
Веревка!
Поддержи меня,
Бабу пьяную—
И похмельную;
Не увидѣлъ бы
Свекоръ-батюшка,
Не сказалъ бы онъ
Своему сыну,
Моему мужу.
У меня-ли мужъ
Горькой пьяница;
Онъ вина не пьетъ,
Съ воды пьянъ живетъ;
Надо мной, молодой,
Онъ ломается.
У меня-ль молодой,
Въ домѣ убрано:
Ложки вымыла,—
Во щи вылила.—
Порогъ вымыла;
Въ горохъ вылила;
Чашу вымыла,—
Въ кашу вылила;
Косачки скребла,—
Пирогъ пекла.

Сахар. I 3. 88.

5.

Полоса-ль моя, полосынька,
Полоса-ль моя непахана,
Непахана, нескорожена!
Заросла-ль моя полосынька
Частымъ ельничкомъ,
Ельничкомъ, березничкомъ,
Молодымъ, горькимъ осинничкомъ.
Я, гуляючи по ельничку,

По ельничку, по березничку,
 Брала грибки рыжечки,
 По березничку бѣляночки.
 Я брала, брала, аукалась:
 Ау, ау, пастушки-дружки!
 Ау, ау, пастушки-дружки!
 Никто въ лѣсѣ не откликнется,
 Никто въ темномъ не аукнется!
 Откликались молодцы,
 Государевы охотнички,
 Моего батюшки работнички!

Сахар. I. 3. 89.

6.

За рѣченькой яръ хмель,
 Яръ, яръ хмель! ¹⁾
 Вкругъ кустика вьется.
 Перевейся, нашъ яръ хмель,
 На нашу сторонку!
 На нашей сторонкѣ
 Удача большая,
 Тычья золотья,
 Вѣтъ шелковья.
 Я выщуплю хмелю,
 Хмелю яраго,
 Позову я гостя,
 Гостя дорогого,
 Батюшку родного.
 Мой батюшка пьетъ, вѣстъ,
 Домой вхаты хочетъ;
 А я молодешенька
 Горе горевати:
 Вѣдь я не умѣю
 Горе горевати;
 Только я умѣю
 Скакати, плясати.

Иб. 92—93.

¹⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ
 каждаго стиха.

7.

— Молодка, молодка молодая,
 Солдатка, солдатка полковая!
 Ужъ полно по улицѣ ходити,
 Ужъ полно по миленькомъ ту-
 жити!—

„Ахъ, какъ мнѣ по миломъ не тужити?
 Такого друга не нажити:
 Хорошъ-пригожъ милый уродился,
 Что ростомъ-дородствомъ, красотою,
 Своей молодецкой поступкой.
 Вечоръ я со милымъ побранилась.
 Побранка была небольшая;
 Не знаю, какъ со милымъ поми-
 риться?“

Самой покориться—негодится,
 Людей посылати—мнѣ нестати.
 Дождуся я, млада, поры-времи,
 Что поры-ли-времи, темной ночи,
 Что темныя ноченьки осенней,
 Сама я къ милому побываю,
 Въ глаза дорогомъ попеняю:
 Ахъ, любчикъ, мой миленькой го-
 лубчикъ!

Не слушай ты разума чужого,
 Чужихъ, моя радость, наговоровъ:
 Люди-то смущаютъ, разлучаютъ,
 Людямъ-то завидно, что совѣтно“.

Сахар. I. 3. 94.

8.

— Пряди, моя пряха,
 Пряди, не лѣнися.—
 „И я рада-бъ пряха,
 Меня въ гости звали,
 Звали—позывали
 Къ сосѣду въ бесѣду
 На пиръ пировать ¹⁾“.

¹⁾ Въ Полн. р. пѣсен. этого стиха нѣтъ;
 въ двухъ слѣдующихъ стихахъ—милый вмѣ-
 сто милъ.

У сосѣда будетъ
Мой милъ(ый) хорошій,
Мой милъ(ый) пригожій,
Холость—не женатый,
Бѣлый, кудреватый.
Вотъ ѣдетъ мой милый
На ворономъ конѣ,
Въ бѣломъ балахонѣ,
Шапочка съ углами,
Головка съ кудрями.
Къ двору подъѣзжаетъ,—
Дѣвица встрѣчаетъ,
За ручки хватаетъ,
За столикъ сажаетъ.

Сахар. I. 3. 95.

9.

Ты поди, моя коровушка, домой,
Ты поди, моя недоеная!
Ахъ! ти ли, ли, калинка моя,
Въ саду ягода, малинка моя! ¹⁾
Ты поди, моя недоеная,
У насъ горенка нетопленая!
У насъ горенка нетопленая,
Малы дѣти ненакормленны!
Малы дѣти ненакормленны,
И телята ненапоенные!
Ужъ какъ всѣ мужья до женъ добры,
Покупили женамъ бобры!
А мой мужичокъ—дурачокъ
Онъ купилъ мнѣ коровушку,
Онъ купилъ мнѣ коровушку,
Загубилъ мою головушку!

Полн. р. пѣсен. 93—94.

10.

Сговорила меня мать
За крестьянина отдать:
„Не йду, не йду, матушка,

¹⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ
каждыхъ двухъ стиховъ.

Замужъ за крестьянина,—
Крестьянинъ-то, матушка,
Много земли пашетъ,
Деньги пропиваетъ“.
Сговорила меня мать
За подъячаго отдать:
„Иду, иду, матушка,
Замужъ за подъячаго,—
Какъ подъячій-то писать,
А я денежки считать“.

(Новоторжск. у. Тверск. губ.).

Шейнъ. I. 256.

11.

Ходили дѣвушки по Волгѣ по
рѣкѣ,
Добрые молодчики другою стороною.
Сѣяли дѣвушки ярый хмель,
Сѣяли онѣ, приговаривали:
„Рости, хмель, по тычинѣ вверхъ;
Безъ тебя, безъ хмелинушки, не
водится,—

Добрые молодцы не женятся,
Красныя дѣвушки замужъ не йдутъ“.
Вздумала Паранюшка, замужъ по-
шла.

Теща про зятя пирогъ пекла:
Соли да муки на четыре рубли,
Масла, крупъ на цѣлковый-рубль,
Сахару, изюму на восемь рублей,—
Сталъ ей пирогъ въ тринадцать
рублей.

Думала-гадала: семерымъ не съѣсть.
Теща зятюшку въ гости звала,
Теща роднаго зятя потчивала:
„Сядь-ка ты, зятюшка, покушай-ка?“
Зять былъ смѣлъ, — за присѣдъ
пирогъ съѣлъ.

Теща по горенкѣ похаживаетъ,
Косо на зятюшку поглядываетъ,
Потихоньку зятюшку побраниваетъ:
„Какъ тебя, зятюшка, не розорвало?“

— Лучше бы ты, теща, не потчивала?
Я жъ тебѣ, теща, честь воздамъ,
Позову я въ гости объ масляницѣ,
Я жъ тебя, теща, употчиваю—
Въ четыре дубины березовыя,
Пятый кнутъ по заказу свить.—
Рвалась, рвалась, насили вырвалась,
Бѣжала, бѣжала, насили ушла;
Прибѣжала теща къ своему двору,
У воротъ теща грохнулась:
„Экой воръ да вѣдь зять-то мой!
Бѣжала, бѣжала, насили ушла!“

(Тверск. губ. и у.).

Шейнъ, I. 303—304.

12.

Я посѣю лебеду на берегу,
Свою крупную разсадушку.
Погорѣла лебеда безъ воды,
Моя крупная разсадушка.
Пошлю казака по воду,—
Ни воды нѣтъ, ни казаченьки.
Кабы мнѣ, молодой, ворона коня,
Я бы вольная казачка была,
Скакала, плясала по лугамъ
Съ донскимъ съ молодымъ каза-
комъ,
Съ удалымъ добрымъ молодцомъ.

Иб. I, 318.

13.

„Загадать ли тебѣ, дѣвица, пять
загадокъ?“
— Отгадаю, сынъ купеческій, хоть
десятокъ! —
„Ужъ и что это, дѣвица, краше лѣта?
Ужъ и что это, дѣвица, выше лѣса?
Ужъ и что это, дѣвица, чаще рощи?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ ко-
ренья?“

Ужъ и что это, дѣвица, безъ умолку?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ отвѣту?“

— Краше лѣта, сынъ купеческій,
красно солнце,
Выше лѣса, сынъ купеческій, свѣ-
тель мѣсяца,
Чаще рощи, сынъ купеческій, часты
звѣзды,
Безъ коренья, сынъ купеческій,
крупень жемчугъ,
Безъ умолку, сынъ купеческій, те-
четъ рѣчка,
Безъ отвѣту, сынъ купеческій, судъ-
ба Божья!—

„Отгадала ты, дѣвица, отгадала,
Ужъ и быть за мною, быть моею
женою“.

Шейнъ, I, 333—334.

(Московск. у.).

Причеты во время плясокъ, когда пля-
сунъ или плясунья приходятъ въ восторгъ.

1.

Разсыпсы, горохъ,
На двѣнадцать дорогъ!

2.

Ходи, барыня, смѣлѣй,
Музыканту веселѣй!

3.

Я пошла бѣ за торгоша,—
Нѣту денегъ ни гроша!

4.

Ходи, изба, ходи, печь,
Хозяину негдѣ лечь:
На печи широко,
Растянешься далеко!

Шейнъ, I, 320—321.

г) Весѣдныя пѣсни (на супредѣлахъ,
посидѣлкахъ).

1.

Собирались дѣвки на супретку,
Задумали дѣвки пиво варить:
Кая хмелю, кая солоду мѣшокъ,
Наварили дѣвки пива горшокъ;
Пошли дѣвки гостей зазывать.

Шейнъ. I, 239.

(Псковск. губ.).

2.

Не ахонтикъ по горницы катался,
Не скатенъ жемчугъ по блюду раз-
сыпался,
Добрый молодецъ жениться собирався
На душечкѣ на красной на дѣвицы.
Его матушка провожала,
Государыня родима снаряжала,
Хорошо ему кудерки расчесала,
На поѣздѣ таково слово сказала:
„Ты поѣдешь, мое дитяtko, жениться
На душечкѣ на красной дѣвицы:
Тобѣ будутъ дѣвицы пѣсни пѣти,
Ко тобѣ, сударь, невѣсту припѣвати,
Тобя умицей называти,
Разумницей звеличати;
Не дари-тко ихъ рублемъ и не пол-
тиной,
А унижайся своимъ низкими по-
клономъ,
Еще паче того поцѣлуетъ“.

Рыбн. III, 430.

3.

Ты почто, мати, хорошу родила,
Хорошую, счастливую,
Гладко голову расчесывала,
Ко обѣднѣ огняживала?
Мнѣ нелзя, мати, къ обѣденкѣ идти,

Мнѣ нелзя, матъ, Богу кланяться,—
Весь народъ-люди зарятся;
„Это чья это хорошая—баска?“
Напогощаны пуще всѣхъ:
Попъ—тотъ запѣвается,
Дьякопъ въ книгу зачитается,
Пономарь звонить—мѣшается,
Добрый молодецъ про то же говорить:
—Это чья это хорошая—баска?
Взялъ бы дѣвушку замужъ за себя.—

Иб. 431.

4.

Прялюшки, попрядалюшки!
А что же вамъ, прялюшки,
Прясть-то будетъ?
Старымъ старушкамъ—охлопочковъ,
Молодымъ молодушкамъ—чесаный
лепъ,
Краснымъ дѣвушкамъ—бумажки ¹⁾
куделя,
Молодцамъ-щегольцамъ—омяльница.
Прялюшки, попрядалюшки!
Что же вамъ, прялюшки,
Вѣсть-то будетъ?
Старымъ старушкамъ—хлѣбъ да вода,
Молодымъ молодушкамъ—кисель да
сыта,
Краснымъ дѣвушкамъ—калачики,
Молодцамъ-то щегольцамъ—дурин-
ды ²⁾ кусокъ.
Прялюшки, попрядалюшки!
А гдѣ-же вамъ, прялюшки,
Спать-то будетъ?
Старымъ старушкамъ—на печи въ
углу,
Молодымъ молодушкамъ—на вой-
лочкѣ,
Краснымъ дѣвушкамъ—на перинѣ
пуховой,

¹⁾ Бумажная?

²⁾ Выбонны отъ коноплянаго масла.

Молодцамъ-то щегольцамъ — со
свиньями въ хлѣву.

Прялюшки попрадальюшки!

Чѣмъ-то васъ, прялюшки,

Будеть-то будить?

Молодцовъ-то щегольцовъ — полѣ-
номъ по патамъ ¹⁾,

Красныя дѣвушки — пусть онѣ спятъ:

Въ люди-то выйдутъ — намаются,

Всякой-то заботы напримаются.

Шейнъ. I, 242—243.

(Тверь).

5.

Сижу я, млада,

На печкѣ одна,

Заплатки плачу,

Приплачиваю,

Я мужа браню,

Прибраниваю:

„Продай, мужъ, корову

Съ лошадушкою,

Купи, мужъ, саянъ —

Широкій подоль,

Душегрѣйку

Камчатненькую!

Купи, мужъ, кокошникъ,

Косой, золотой,

Еще онжерелье

Жемчужненькое!

Молода снаряжуся,

Къ обѣднѣ пойду.

Ахъ, люди-то скажутъ:

Чья это така?

— Купецка жена! —

Обѣдня отходить,

Мой милый идетъ,

Саночки везетъ (2)

И хомутикъ несетъ:

¹⁾ Молодыхъ молодушекъ — плеточкой,
Молодцовъ-то щегольцовъ — по бокамъ ко-
лемъ.

Шейнъ. I, 243.

Младая жена,

Впрягайся сама,

Да въ лѣсъ по дрова;

Заѣхалъ въ цѣликъ,

Наклатъ возъ великъ;

На горку онъ ѣдетъ —

Прихлыстываетъ,

Подъ горку онъ ѣдетъ —

Присвистываетъ.

Не то мнѣ досадно,

Что везъ великъ,

А то мнѣ досадно,

Что мужъ на возу —

Объ одномъ глазу.

Шейнъ. I, 246—247.

(Тверь).

6.

Какъ вздумалъ грибъ,

Возгадалъ дубовикъ,

Подъ дубомъ сидючи,

На всѣ грибы глядючи,

Грибовъ приглашаючи,

На войну воевать.

Отказались опенки:

„У насъ ноги очень тонки, —

Неповинны тому,

Мы не идемъ на войну“.

Какъ вздумалъ грибъ и пр.

Отказались волнушки:

„Мы, де, старыя старушки, —

Неповинны мы тому,

Мы не идемъ на войну“.

Какъ вздумалъ грибъ, и пр.

Отказались волуи:

„Мы господски холоуи, —

Неповинны мы тому,

Не идемъ на войну“.

Какъ вздумалъ грибъ, и пр.

Отказались чернушки:

„Насъ заѣли мушки, —

Не повинны мы тому,

Не идемъ мы на войну“.

Какъ вздумалъ грибъ, и пр.
Какъ сказали грузди:
„Мы ребята дружны,—
Повинны тому,
Мы идемъ на войну“.

Шейнъ. I, 256—258.

(Москва).

VII. Пѣсни, обусловли- ваемые различными осо- бенностями быта.

а) Солдатынѣ.

1.

У отца было
У матери
Три сына любимыхъ.
Отецъ съ матерью
Всю ночь не спать,
Всю ночь не спать,
За столомъ сидятъ,
За столомъ сидятъ.
Думу думаютъ:
— „Намъ котораго сына
Въ солдаты отдать?
Большого-то отдать, —
Дѣтей много;
Средняго отдать, —
Жена хороша,
Жена хороша,
Больно услужлива.
Ужъ отдать ли, нѣтъ ли
Сына малаго,
Сына малаго,
Неженатаго“.
А меньшей-отъ сынъ
Расплакался,
Отцу съ матерью
Разжаловался:
„Государь ты мой
Родной батюшка,
Государыня

Моя матушка!
Или я вамъ
Не тотъ же сынъ?
Или я вамъ
Не кормилецъ былъ?“
— Ужъ вы, дѣти
Мои милыя!
Ужъ вы всѣ-то мнѣ
Милехоньки,
Милехоньки
И больнехоньки!
Вы возьмите-ка
По ножичку,
Ужъ вы сръжьте-ка
По прутику;
Сами сдѣлайте
По жеребью,
И метните-ка
По жеребью,
Что которому
Достанется. —
Доставалось
Большому брату.
Большой братъ
Расплакался,
Передъ батюшкой съ матушкой
Стоючи.
— „Государь ты мой
Родной батюшка,
Государыня
Моя матушка!
Не покиньте мою
Молоду жену,
Молодую жену,
Малыхъ дѣтушекъ! ¹⁾

Варенцовъ. Сб. п. 189—192.

¹⁾ Сравнить:

Какъ у ласточки, у касаточки,
На лету крылья примахалися!
Какъ у душечки красной дѣвцы
На ходу ноги подломилися!
У дороднаго добра молодца
Въ три ряда кудри завивалися,
Въ четвертой рядъ по плечамъ лежать,
Ой во пятой рядъ съ плечъ вывалилися.

2.

„Ужъ какъ шли-прошли солдаты,
Они шли-прошли слободкой,
Во слободѣ остановились,
У вдовушки попросились:
„Ты вдова, вдова Наталья!
Пусти, вдова, ночевати,
Ночевати, постояти!
Насъ немнож(еч)ко, маленько:
Полтораста насъ на коняхъ,
Полтретьяста пѣшеходовъ“.
А вдова имъ отвѣчала,
Ночевать ихъ не пушала:
— У меня дворокъ маленекъ,
А горенка не величка;
У меня дѣтей семейка!—
Они силой ворвались,
Во горенку вобрались.
Пѣшеходы всѣ по лавкамъ,
А конница по скамейкамъ,
А большой гость впереди сѣлъ,
Впереди сѣлъ подъ окошкомъ.
А вдова стоитъ у печки,
Поджавъ свои бѣлы ручки,
Стоитъ она, слезно плачетъ.
А большой гость унимаетъ:
„Не плачь, вдова молодая!
Ты давно-ль, вдова, овдовѣла?“
— И я въ горѣ позабыла.—

Ой почували черны кудри
Что невагодушку великую,
Что служить службу государеву.
Повели тутъ добра молодца
Въ канцелярію государеву,
Записали добра молодца
Въ драгуны государевы.
Ой не жаль-то мнѣ черныхъ кудрей,
Только жаль мнѣ своей стороны:
На сторонущихъ три зазнобушки.
Ой какъ первая зазнобушка —
Разставался я съ отцемъ, съ матерью,
Съ отцемъ, съ матерью,
Съ молодой женой,
Съ сиротами, ребятами,
Съ моими малыши дѣтками.

Сахар. I, 3. 233—234.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ.

„Ужъ и много-ль, вдова, дѣтокъ!“
— У меня дѣтокъ четверо.—
„Ужъ и много-ль, вдова, хлѣба?“
— У меня хлѣба осьмина.—
„Ужъ и много-ль, вдова, денегъ?“
— У меня денегъ полтина.—
„Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мнѣ пониже!
Ты скинь, вдова, съ меня киверъ—
Во киверѣ полотенце:
Не твое ли рукодѣль(и)ца?
На правой рукѣ колечко —
Не твое ли обрученья?“
А вдова-то испугалась,
Во новы сѣни бросалась,
Малыхъ дѣтушекъ будила:
— Вы вставайте, мои дѣти!
Вы вставайте, мои малы!
Не свѣтель-то мѣсяцъ свѣтитъ,
Не красное солнце грѣетъ,—
Пришелъ батюшка родимый!—
А большой гость отвѣчаетъ:
„Не буди ты малыхъ дѣтокъ!
Я пришелъ къ вамъ не надолго:
На одинъ я на денечекъ,
Что на еднѣй на часочекъ!“

Сахар. I, 3. 236.

б) Казацкія.

3.

„Какъ ты, батюшка славный тихій
Донъ,
Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивано-
вичъ!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ бывало ты все быстеръ бѣ-
жишь,
Ты быстеръ бѣжишь, все чистехо-
некъ;
А теперъ ты, кормилецъ, все му-
тень течешь,

Помутился ты, Донъ, съ верху до
низу“.

Рѣчь возговорить славный тихій
Донъ:

— Ужъ какъ-то мнѣ все мутну не
быть, —

Распустилъ я своихъ ясныхъ соко-
ловъ;

Ясныхъ соколовъ, донскихъ казаковъ;

Размываются безъ нихъ мои круты
бережки,

Высыпаются безъ нихъ косы жел-
тымъ пескомъ.

Сахар. I. 3. 239.

4.

За славной за рѣченькой Утвою,
По горамъ было Утвинскимъ,
По раздольицамъ по широкимъ,
Распахана была пашенка яровая;
Не плугомъ была пашня пахана,
не сохою,

А вострыми мурзавецкими копьями;
Не бороною была пашенка взборно-
вана,

А коновыми рѣзвыми ногами;
Не рождю посѣяна была пашенка,
не пшеницей,

А посѣяна была пашенка яровая
Казачьими буйными головами;
Не поливой она всполивана,
Не осеннимъ сильнымъ дождичкомъ,
Всполивана была пашенка
Казачьими горючими слезами.

Сахар. I, 3. 342.

5.

Не травушка, не кавылушка въ
полѣ шаталася,
Какъ шатался, волочился удалъ-доб-
рый молодецъ,

Въ одной тоненькой въ полотняной
во рубашечкѣ,

Что во той-то было во кармазин-
ной черкесочкѣ;

У черкесочки ракавчики назадъ за-
кинуты,

И камчатны его полочки назадъ
застегнуты,

Бусурманскою онѣ кровію позабрыз-
ганы.

Онъ идетъ удалъ-добрый молодецъ,
самъ шатается,

Горючей онъ слезою обливается,
Онъ тугимъ-то своимъ лукомъ опи-
рается, —

Позолотушка съ туга лука долой
летитъ.

Какъ никто-то съ добрымъ молод-
цемъ не встрѣчается, —

Лишь встрѣчалась съ добрымъ мо-
лодцемъ родна(я) матушка:

„Ахъ, ты, чадо мое, чадушко, чадо
милое мое!

Ты зачѣмъ такъ, мое чадушко, на-
пиваешься?

До сырой-то до земли все прикло-
няешься,

И за травушку, за кавылушку все
хватаешься?“

Какъ возговорить добрый молодецъ
родной матушкѣ:

— Я не самъ такъ, добрый моло-
децъ, напиваюсь,

Напоилъ-то меня турецкой царь
тремя пойлами,

Что тремя-то было пойлами, тремя
разными:

Какъ и первое-то его пойло—сабля
острая,

А другое его пойло—копье жѣткое
было,

Его третье-то пойло—пуля свинчатая.

Сахар. I, 3. 240.

в) Вурлацкія.

6.

Не вечерняя заря, братцы, при-
тухала,
Полунощная звѣзда, братцы, восхо-
дила.
Что во славномъ городѣ было Ка-
зани,
Что на крутенькомъ, на красномъ
бережочкѣ,
Что на желтомъ, на сыпучемъ на
песочкѣ,
Тутъ не черныя вѣроны солетались,
Собирались понизовые бурлаки, —
Они думали крѣпкую думушку за-
едино:
„Ахъ, состроимъ мы, ребятушки,
гребной стружокъ,
И подѣлаемъ залючепки кленовыя,
Изнавѣсимъ мы веселочки ветловыя,
Что мы грянемъ, ребятушки, внизъ
по Волгѣ,
Остановимся, ребятушки, среди Волги,
Сопротивъ того стольникова дому, —
Что у стольничья приказчика дочь
хороша.
Что просилася дочь у батюшки по-
гуляти:
— „Ай, пусти, пусти меня, батюшка,
погуляти,
На низовыхъ-то бурлаковъ погля-
дѣти!“ —
Понизовые бурлаки злы, лукавы, —
Напоили красну дѣвицу до пьяна.
Да что возговоритъ поволжской ата-
манъ:
— И мы грянемте, ребятушки, внизъ
по Волгѣ,
Чтобы не было отъ стольника по-
гоня. —
Ого сна ли красна дѣвица пробу-
дилась,

И за очи съ отцомъ, съ матерью
простилась:
„Ты прости, прости, батюшка ро-
димой,
Ты скажи отъ меня матушкѣ чело-
бить!“

Сахар. I, 3. 229.

7.

Ты, безчастный добрый молодецъ,
Безталанная твоя головушка,
Что ни въ чемъ то мнѣ, братцы,
талану нѣтъ.
Ни въ торгу, братцы, ни въ то-
варищахъ, —
Что ссылаютъ меня съ корабля долой!
— Ты сойди, сойди съ корабля до-
лой!

Отъ тебя ли, отъ безчастнова,
Сине море взволновалось¹⁾,
(Всѣ) волны въ морѣ разыгрались! —
Ужъ какъ возговоритъ безчастной
молодецъ:

„Мы пригрянемте всѣ въ веселочки,
Мы причалимте ко бережку,
Ко частому кусту ракитову,
И мы сръжемте по прутіку,
И мы сдѣлаемте по жеребью,
Ужъ мы кинемте во сине море“.
Ужъ какъ всѣ жеребьи поверхъ
воды,

А безчастнова — какъ ключъ ко дну.

Сахар. I, 3. 229.

8.

Путру - то было раннѣ-рано,
На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
Что не гуси, братцы, и на лебеди

¹⁾ Ср. Садко, стр. 99—106.

Со лузей, озеръ подымались,
Подымались добрые молодцы,
Добрые молодцы, люди вольные,
Все бурлаки понизовые,
На канавушку на Ладожску,
На работушку государеву.
Провожаютъ ихъ, добрыхъ молод-

цовъ,

Отцы, матери, молоды жены,
И со малыи со дѣтками.

Сахар. I, 3. 234.

г) Разбойничьи.

9.

Ахъ, туманы вы, туманушки,
Вы, туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска ненавистны(е)!
Изушили туманушки молодцовъ,
Сокрушили удалыхъ до крайности!
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Надъ горой взойди надъ высокою,
Надъ дубровушкой надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добра молодца,
Что Степана свѣтъ Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ людей бѣдны(и)хъ:
Мы не воры и не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички;
Мы весломъ махнемъ — корабль
возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ — караванъ возъ-
мемъ,
Мы рукой махнемъ — дѣвицу возьмемъ.

Сахар. I, 3. 227.

10.

Не шуми, мати зеленая дубро-
вушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу,
думу думати, —

Какъ завтра мнѣ, доброму молодцу,
во допросъ иди,
Передъ грознаго судью, самого царя.
Еще станеть меня царь - государь
спрашивать:

„Ты скажи, скажи, дѣтинушка,
крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ,
съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было то-
варищей?“

— Я скажу тебѣ, надежда право-
славный царь,

Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:
Что товарищей у меня было четверо, —
Ужъ какъ первой мой товарищъ —
темная ночь,

А второй мой товарищъ — булатный
ножъ,

А какъ третій товарищъ мой —
добрый конь,

А четвертой мой товарищъ — тугой
лукъ,

Что разсылыщики мои — калены
стрѣлы. —

Что возговорить надежда православ-
ный царь:

„Исполать тебѣ, дѣтинушка, кре-
стьянскій сынъ,

Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ
отвѣтъ держать!

Я за то тебя дѣтинушку пожалуй
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекла-
диною“.

Сахар. I, 3. 227.

д) Раскольничьи стихи.

11.

Послушайте, мои свѣты:
Послѣднія пришли лѣта.
Народился злой антихристъ,
Напустилъ онъ свою прелесть

По городамъ и по селамъ,
Наложилъ печать свою на людей,
На главы ихъ и на руки,
Что на руки и на персты.
Кто его печать принимаетъ,
Тому житіе пространно;
А кто его печать не принимаетъ,
Тому житіе гонимо.
Убирайтесь, мои свѣты,
Во лѣса, въ дальныя пустыни,
Засыпайтесь, мои свѣты,
Рудожелтыми песками,

Вы песками, пепелами!
Умирайте, мои свѣты,
За крестъ святой, за молитву,
За свою брану честную,
За мою вѣру Христову.
Избавлю васъ, моихъ свѣтовъ,
Отъ злой и превѣчной муки;
Отворю вамъ, мои свѣты,
Врата пресвѣтлаго рая,
Преславнаго моего рая,
Небеснаго моего царства!

Варенцовъ, 197—198.

IV. ОБРЯДЫ И ПѢСНИ, ИХЪ СОПРОВОЖДАЮЩІЯ.

(Чествованіе природы).

1. Жертвоприношеніе.

а) Опахиваніе.

„Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ во время скотскаго падежа (коровьей смерти) прибѣгаютъ къ опахиванію. Женщины, собравшись въ деревнѣ, даютъ знать, чтобы въ то время никто изъ мужчинъ не смѣлъ показываться на улицѣ. Одна изъ молодыхъ дѣвицъ беретъ образъ св. Власія и начинаетъ ходъ около деревни; за дѣвицею идутъ въ чинномъ порядкѣ женщины. Въ первомъ ряду идутъ женщины съ вѣниками, пучками соломы и сѣна; во второмъ ѣдетъ старая женщина на помелѣ, въ одной рубахѣ, съ распущенными волосами; ее окружаютъ бабы и пожилыя дѣвицы съ ухватами и кочергами; въ третьемъ ряду бьютъ въ сковороды съ изступленнымъ крикомъ, пляшутъ и вертятся. Старухи съ зажженными лучинами окружаютъ обнаженную и запряженную въ соху старуху, при коей находятся дѣвицы съ серпами и косами; обкуриваютъ ихъ разными знахарскими травами и *опахиваютъ* вокругъ деревни три раза сохою, въ которую запряжена старуха. Въ то время машутъ на перекресткахъ серпами и косами, думая этимъ дѣйствіемъ пресѣчь путь коровьей смерти. Неистовая толпа останавливается передъ каждымъ дворомъ и стучитъ въ ворота при страшномъ трескѣ и звонѣ, происхо-

дящемъ отъ удара въ заслонки, сковороды и горшки; бѣшено ревутъ и кричатъ: „ай! ай! сѣки, руби смерть коровью! Ай! ай! сѣки, руби! Вотъ она! ай! ай!“ Если при ихъ крикѣ выбѣжить отъ испуга собака или кошка, то имъ смерть неизбежная.—По совершеніи опахиванія крѣпко вѣрятъ, что смерть не воротится.

„Другой обрядъ, похожій на коровью смерть, совершается во время сильныхъ повальныхъ болѣзней.—Женщины и дѣвицы выносятъ въ полдень назѣмъ (навозъ) за село или за деревню и складываютъ его въ кучу съ двухъ противоположныхъ селенію концовъ, а потомъ зажигаютъ въ полночь. Къ одной зажженной кучѣ везутъ соху дѣвицы, въ бѣлыхъ рубахахъ и съ распущенными волосами, а одна несетъ за нимъ образъ. Къ другой кучѣ несутъ женщины, въ черныхъ юбкахъ и гризныхъ рубахахъ, черного пѣтуха. Пришедши къ мѣсту, онѣ обносятъ пѣтуха вокругъ кучи три раза. Потомъ одна женщина, схвативъ пѣтуха, бьжитъ съ нимъ на противоположный конецъ селенія, и въ то время забѣгаетъ къ каждому дому; остальные женщины бѣгутъ за нею и кричатъ: „а, ай! ату! згинь, пропади, черная немочь!“ Добѣжавши до конца селенія, она бросаетъ пѣтуха въ тлѣющей назѣмъ. Дѣвицы бросаютъ сухія листья и хворостъ; потомъ, схватясь за

руки, скачутъ вокругъ огня, приговаривая: „сгинь, сгинь, пропади, черная немочь!“ По сожженіи пѣтуха впрягаются женщины въ соху, а дѣвицы, неся предъ ними образъ, опахиваютъ селеніе три раза.

„Были примѣры самоотверженія: бросали жребій между мужчинами, и на кого онъ падалъ, того зарывали живьемъ въ яму, съ пѣтухомъ и черною кошкою, въ полномъ убѣжденіи, что прекратится моровое повѣтріе 1)“.

Во время шествія поютъ слѣдующую пѣсню:

Отъ Океанъ моря глубокаго,
Отъ лукоморья ли зеленаго,
Выходили дванадесять дѣвъ.
Шли путемъ-дорогою немалою
Ко крутымъ горамъ, высокимъ,
Ко тремъ старцамъ старымъ.
Молились, печаловались,
Просили въ упросъ
Дванадесять дѣвъ:
„Ой вы, старцы старые!
Ставьте столы бѣлодубовые,
Стелите скатерти бранныя,
Точите ножи булатные,
Зажигайте котлы кипучіе,
Колите, рубите намертво
Всякъ животъ поднебесной“.
И клали великъ обѣтъ
Дванадесять дѣвъ—
Про животъ, про смерть,
Про весь родъ человѣчъ.
Во ту пору старцы старые
Ставятъ столы бѣлодубовые,
Стелятъ скатерти бранныя,
Колятъ-рубятъ намертво
Всякъ животъ поднебесной.
На крутой горѣ, высокой
Кипятъ котлы кипучіе,

1) Терещ. Б. Р. Н. ч. VI, стр. 40—43. (Въ извлеченіи допущены незначительныя, преимущественно грамматическія, измѣненія подлинника).

Въ тѣхъ котлахъ кипучіихъ
Горитъ огнемъ негасимымъ
Всякъ животъ поднебесной.
Вокругъ котловъ кипучіихъ
Стоятъ старцы старые;
Поютъ старцы старые
Про животъ, про смерть,
Про весь родъ человѣчъ.
Кладутъ старцы старые
На животъ обѣтъ великъ,
Сулятъ старцы старые
Всему міру животы долгіе;
Какъ на ту ли злую смерть
Кладутъ старцы старые
Проклятыице великое.
Сулятъ старцы старые
Вѣковѣчну жизнь
На весь родъ человѣчъ 1).

Сахар. II, 7. 13.

б) Жертвоприношеніе Водяному.

Угощеніе Водяного происходитъ 2) слѣдующимъ образомъ. Рыбаки „покупаютъ у цыганъ самую негодную лошадь, не торгуясь, ровно за три дня (до угощенія). Въ эти три дня стараются откормить ее хлѣбомъ и конопляными жмыхами. Въ послѣдній вечеръ вымазываютъ у лошади голову медомъ съ солью, въ гриву вешаютъ множество красныхъ лентъ, ноги спутываютъ веревками, на шею навязываютъ два старыхъ жернова. Ровно въ полночь отправляются къ рѣкѣ. Если еще ледъ не прошелъ, то связанную лошадь опускаютъ въ прорубь; если же рѣка очистилась отъ льда, то, сами сяды на лодки, стараются утопить лошадь середъ рѣки. Въ это время старшій изъ рыболововъ находится на берегу рѣки, прислушивается къ водѣ и даетъ знакъ другимъ, когда можно утопить лошадь. Большое несча-

1) См. Коляда, см. 274 и сл.

2) Такъ бывало у рыбаковъ, на Окѣ, съ 3-го на 4-е апрѣля. На 3-е апрѣля примѣта: „если ледъ не пройдетъ въ этотъ день, то рыбный ловъ будетъ самый худой“.

Сахар. II, 7. 21.

стіе бываетъ для рыболововъ, если Водяной не жалуетъ угощенія, или онъ перешелъ на другую усадьбу. По ихъ замѣчанію, Водяной всю зиму лежитъ въ водѣ и спитъ крѣпкимъ сномъ. Съ 1-го апрѣля онъ просыпается голоднымъ и сердитымъ. Съ досады и голода онъ ломаетъ ледъ, замучиваетъ мелкую рыбу до смерти, а большія сами убѣгаютъ въ другія рѣки. Когда же рыболовы задобрятъ его добрымъ гостинцемъ—лошадкою, то онъ смиряется, стережетъ рыбу, переманиваетъ къ себѣ большихъ рыбъ изъ другихъ рѣкъ, спасаетъ рыболововъ отъ бури и потопленія, не рветъ неводоу и бред-

ней. Во время своего гнѣва и голода Водяной три дня дожидается гостинца, и если рыболовы не поспѣютъ съ приносомъ, то онъ, по истребленіи рыбы, удаляется въ сосѣдную усадьбу. Желаніе Водяного получить гостинецъ узнается по сильному колыханію воды и глухому подземному стону. Когда надѣлать Водяного гостинцемъ, то старшій рыболовъ, выливая въ рѣку масло, говоритъ: „вотъ тебѣ, дѣдушка, гостинцу на новоселье. Люби да жалуй всю нашу семью“. Возвратившись съ этой „тризны“, рыбаки проводятъ цѣлую ночь въ пирушкѣ.

Сахар. II, 7. 21.

2. Закликаніе и окликаніе.

А. Встрѣча и проводы солнца.

а) Играніе солнца.

„Въ первый день Святой недѣли поселяне Тульской губерніи выходятъ смотрѣть на *играніе солнца*. Взрослые мужчины выходятъ смотрѣть на колокольни, какъ будетъ играть солнце; а женщины и дѣти наблюдаютъ появленіе его на пригоркахъ и крышахъ домовъ. При появленіи солнца дѣти поютъ:

Солнышко ведрышко,
Выгляни въ окошечко и пр. ¹⁾

„По замѣчаніямъ поселянъ, появленіе солнца на чистомъ небѣ и его играніе предвѣщаетъ хорошее лѣто, благополучный урожай и счастливыя свадьбы. Старушки, при появленіи солнца, умываются съ золота, серебра и краснаго яйца, въ надеждѣ разбогатѣть и помолодѣть. Старики тогда же расчесываютъ свои волосы съ причитаніемъ: сколько въ головѣ волосковъ, столько-бы было и внучатъ“.

Сахар. II, 7. 75—76.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Свѣтлое Воскресеніе ходятъ волочебники и поздравляютъ хозяевъ.

¹⁾ См. *оттскія пѣсни*, стр. 209.

Пѣсня волочебниковъ ¹⁾.

1.

Стояла рыня тонка, высока,
Христось воскресъ на весь свѣтъ! ²⁾
Тонка, высока, широмъ широка;
У той рыни два столика,
Два столика дубовые,
Дубовые, тесовые.
На тыхъ столикахъ
Все скатерти,
Все скатерти, все бранныя,
Все бранныя, нашиванныя;
На тыхъ столахъ
Все святки, все праздничи:
Перво свято—Великъ Христовъ день,
Великъ Христовъ день съ краснымъ
яичкомъ;
Друго свято—Юрій-Егорій,—

¹⁾ Т. е. ходящихъ изъ деревни въ деревню крестьянъ-пѣсенниковъ, поздравляющихъ хозяевъ съ праздникомъ Святого Христова Воскресенія.

²⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха.

Во чистомъ полѣ стадокъ спасаетъ,
Стадокъ спасаетъ, домой гоняетъ;
Третье свято—святой Микола,—
Святой Микола около двора,
Около двора кануни вариць (варить),
Кануни вариць, коника гладзиць
(гладить);

Четвертое свято—Свято Вознесенье,
Свято Вознесенье съ синимъ цвѣтомъ;
Пятое свято — святыи Пяцерь

(Петръ),

Святыи Пяцерь съ бѣлымъ сырмъ;
Шестое свято—Илья пророкъ;
Илья пророкъ по межамъ ходзиць

(ходить),

По межамъ ходзиць, рожь зажи-
наиць (зажинаетъ),
Рожь зажинаиць, ярь наливаиць

(наливаетъ).

Ясенъ, красенъ макъ въ огородѣ,
Яснѣй, краснѣй на полѣ снопы,—
Все аржанне, все яровне.

Широкъ, высокъ на небѣ мѣсяцъ,—
Шире и выше на полѣ копы,
Все аржанныя, все яровныя.

Часты и густы на небѣ звѣзды,—
Чашѣй, гущѣй на полѣ бабки,
Все Ивана все Михеича.

За этимъ же, хозяйнушка,
Живи здорово, живи богато!

Дай тебѣ Богъ, сколько въ полѣ
дубковъ,

Столько тебѣ сынковъ;

Сколько въ полѣ ялушекъ.

Столько тебѣ дочушекъ.

Христось воскресъ на весь свѣтъ!

Шейнъ. I. 390—391.

(Торопецк. у. Псковск. губ.).

6) Встрѣча солнца.

„Подъ Петровъ день (въ Тульск. губ.)
поселяне всѣхъ возрастовъ собираются
на пригорки, раскидываютъ огонь и въ

ожиданіи солнца проводятъ ночь въ играхъ
и пѣсняхъ. Едва начинаетъ восходить
солнце, всѣ выпускаютъ радостные клики.
Старики наблюдаютъ, какъ солнышко
играетъ по небу: оно то покажется, то
спрячется; то взойдетъ вверхъ, то опу-
стится внизъ; то заблещетъ разными
цвѣтами—голубымъ, розовымъ и бѣлымъ,
то засияетъ такъ ясно, что ничьи глаза не
стерпятъ. Молодые поютъ пѣсню: „Ой,
Ладю! на курганѣ“.

Сахар. II, 7. 41—42.

в) Проводы (6-го авг.) ¹⁾.

„Поселяне наблюдаютъ въ этотъ день,
(6-го авг) заходженіе солнца. Выходя
вечеромъ на пригорки, они съ пѣснями
и плясками проводятъ время. Едва нач-
нетъ скрываться солнце на западъ они
поютъ:

Солнышко, солнышко, подожди!
Пріѣхали господа бояре
Изъ велика де Новгорода
На великъ день пировать,
Ужъ и вы ли, господа бояре,
Вы, бояре старые, новгородскіе!
Стройте пиръ большой
Для всего міра крещенаго,
Для всей братіи названой.
Строили господа бояре пиръ,
Строили бояре новгородскіе
Про весь крещеный міръ.
Вы сходитесь, люди добрые,
На великъ званый пиръ;
Есть про васъ медъ, вино,
Есть про васъ яства сахарныя.
А и вамъ, крещеный міръ,
Бьемъ челомъ и кланяемся.“

Сахар. II, 7. 48.

¹⁾ „Во всеѣ Великой Руси съ этого дня
начинаютъ ѣсть плоды и фрукты. Люди,
имѣвшіе сады, въ старину принашивали въ
храмы плоды для освященія. Здѣсь они,
изъ рукъ священника, раздавались всѣмъ
прихожанамъ“.

Сахар. II, 7. 47.

Б. Встрѣча и проводы весны.

(Весенніе хороводы).

1. Радуніцкая недѣля (раду- ніцкіе хороводы).

а) Красная горна (*Воскресенье на
Томинной нед.*).

Закликаніе весны.

„На Красную горку (поселяне Тульск. губ.) *закликають* весну съ хороводными пѣснями. При восхожденіи солнца выходятъ на холмъ или пригорокъ подъ предводительствомъ хороводницы. Обращаясь на востокъ, хороводница, проговоривъ молитву, входитъ въ кругъ съ круглымъ хлѣбцемъ въ одной рукѣ и съ краснымъ яйцомъ—въ другой и начинаетъ пѣсню:

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ и пр. ¹⁾

Сахар. II, 7. 81.

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостію:
Со льномъ высокімъ,
Съ корнею глубокимъ,
Съ хлѣбами обильными.

Сахар. I, 3. 260.

„Въ Калужской губ. поселяне *завиваютъ* весну также съ пѣснями. Соломенное чучело, укрѣпленное на длинномъ песту, ставится на горкѣ; кругомъ него

¹⁾ Продолженіе пѣсни—о красной дѣвѣцѣ и суженомъ—см. *хороводн. пѣсни* (А мы просо сѣяли; Заплетися, плетень и др.).

собираются женщины и мужчины. Послѣ пѣсень садятся вокругъ горки, угощаютъ другъ друга яичницею. Вечеромъ сожигаютъ чучело съ пѣснями и плясками“.

Сахар. II, 7. 81.

б) Вьюнецъ (*въ субботу на Святой нед. или въ Троицу Воскресенье*).

„Остатки сего обряда состоятъ въ хожденіи по улицѣ—съ *вьюнитствомъ* ¹⁾, въ пѣніи обрядныхъ пѣсень въ честь новобрачныхъ“.

Ой лелю, молодая, о лелю!
Ты вьюная, о лелю!
Ты по горницѣ приди, о лелю!
Покажи свое лицо, о лелю!
Да въ окошечко, о лелю!
Покажи намъ молодца, о лелю!
Своего-то вьюнца, о лелю!
Да пожалуй-ко яичко, о лелю!
Еще красненько, о лелю!
Что на красномъ блюдѣ, о лелю!
И при добрыхъ людяхъ, о лелю!

Сахар. I, 261; II, 81.

Молодые обязаны были надѣлать окликальчиковъ куличомъ, яйцами, угостить виномъ и брагой.

в) Радуніца (*въ понедѣльникъ, иногда и въ другіе дни, на Троицкой недѣлѣ*).

Окликаніе дождя.

„Прежде въ окликаніи дождя участвовали всѣ возрасты, теперь занимаются этимъ одни дѣти. При появленіи дождя или тучъ причитаютъ:

¹⁾ Молодыми людьми.

Дождикъ, дождикъ!
Снаряжайся на показъ.
Дождикъ, припусти, и пр.

Сахар. II, 7. 83.

(См. *Дтск. пѣсни*).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Орловск. губ.) на Радуничкой недѣлѣ совершается опаживаніе (См. выше).

„Въ степныхъ селеніяхъ женщины убиваютъ всю недѣлю свои избы и на ночь оставляютъ на столѣ кушанье для покойныхъ родителей. Онѣ твердо увѣрены, что ихъ покойные родители на Радуничкой недѣлѣ заглядываютъ въ избы къ своимъ роднымъ и наказываютъ тѣхъ, которые не готовятся къ этому“.

Иъ.

2) Семицкая, или русальная, недѣля (на седьмой недѣлѣ посылъ Пасхи).

Какъ у насъ въ году три праздника:
Первой праздникъ—Семицъ честной,
Другой праздникъ—Троицынъ день,
А третій праздникъ—Купальница.

Терещ. ч. VI, 154.

а) Семицъ (въ четвергъ на 7-й недѣлѣ).

Ты не радуйся,
Дубъ съ горькой осиной,
Ты радуйся, бѣлая береза!
Къ тебѣ дѣвки идуть,
Къ тебѣ красныя идуть
Съ пирогами, со яичницей,
Съ драконами.

Снегир. Р. пр. III, 118.

„Прежде въ Семицъ совершался обычай погребенія и поминашенія умершихъ въ убогихъ домахъ (божедомкахъ, скудельницахъ, куда сносили убитыхъ или скоропостижно умершихъ)... Всякій приходилъ въ убогій, или скудельничій, домъ, чтобы отыскать безъ вѣсти пропавшаго, и если его находилъ, то бралъ и погребалъ торжественно на особыхъ мѣстахъ, и обсаживать могилу деревьями, отъ чего сін мѣста превращались въ рощи...“

„Семицъ сдѣлался нынѣ веселымъ хороводнымъ гуляньемъ; но деревенскіе обитатели удержали нѣкоторые обряды древняго повѣрья. Семицъ почитается въ Россіи честнымъ Семикомъ, однимъ изъ лучшихъ праздниковъ; за нимъ считается Троицынъ день и наконецъ Купальница.

Въ Московской, Владимірской и Рязанской губ. сгибаютъ молодыя плакучія березы, вьютъ изъ нихъ вѣнки и кумятся (цѣлуются).

Покушимся, кума,

Покушимся,—

Чтобы намъ съ тобою не браниться,
Вѣчно дружиться.

„Потомъ дарятъ другъ друга желтыми яйцами. Въ Владимірск. губ. ходятъ еще дѣвушки поутру съ пирогомъ на яйцахъ собирать у сосѣдей деньги; вечеромъ составляютъ хороводы, пляшутъ, поютъ, ѣдятъ пирогъ и яичницу. У волжскихъ жителей дѣвцы пекутъ *козули*,—лепешки на яйцахъ, въ видѣ вѣнка. Съ козулями отправляются въ рошу, обматываютъ березки ленточками, разноцвѣтными бумажками и пестрыми шнурками.—Изъ сучьевъ березокъ свиваютъ вѣнокъ и во время заиванія поютъ:

Береза моя, березынька,
Береза моя бѣлая,
Береза моя кудрявая!
Стоишь ты, березынька,
Осередь долинушки;
На тебѣ, березынька,
[Листья бумажные.
Подъ тобой, березынька:] ¹⁾
Трава шелковая;
Влизъ тебя, березынька,
Красны дѣвушки
Семицъ поютъ;
Подъ тобою, березынька,
Красны дѣвушки

¹⁾ Эти два стиха изъ Снегир. Р. пр. III, стр. 105.

Вѣнокъ плетутъ.
 Что не бѣлая березынька
 Къ землѣ клонится;
 Не шелкова травонька
 Подъ ней разстиляется;
 Не бумажны листочки
 Отъ вѣтру раздуваются,—
 Подъ этой березынькой
 Съ красной дѣвицей
 Молодецъ разговариваетъ.

„По завиваніи кумятся (цѣлуются) чрезъ вѣнокъ, говори: „здравствуй, кумъ и кума!“¹⁾ Потомъ садятся подъ березкой и ѣдятъ козулю и яичницу.—Мужчины и дѣвушки открываютъ потомъ семикъ хороводомъ и, ходя вокругъ избранной березки, увитой лентами, поютъ:

Не дождикъ березку обмываетъ:—
 Здѣсь, въ рощѣ, дѣвокъ прибываетъ.

Скачите, пляшите, красны дѣвки,
 А вы, холостые, поглядите.
 Съ гулянья вамъ дѣвушекъ не взять!
 А взять ли, не взять ли съ доброй воли,

(По батюшкину повелѣнію,
 По матушкину благословенію,
 По невѣстину рукодѣлю.

„По окончаніи пѣсни ставятъ въ средину хоровода дѣвушку и мужчину, и всѣ продолжаютъ пѣть:

Ай во полѣ липынька стояла,
 Во полѣ кудрявая стояла;
 Подъ липою бѣлъ шатеръ,
 Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ,
 За тѣмъ столомъ дѣвица,
 За тѣмъ сидитъ красная,
 Шьетъ ширинку золотомъ,
 Нишетъ узду жемчугомъ.

¹⁾ „Здравствуй, кумъ и кума, березку завивши!“ Снегир. ib. 105.

Вѣхалъ мимо молодецъ:
 „Богъ на помощь, дѣвица!
 „Богъ на помощь, красная!
 „Ширинку шить золотомъ,
 „Низать узду жемчугомъ!“

Молодцы поютъ:

„Не мнѣ ли ширинка?
 „Не моему ли коню уздечка?“

Имъ отвѣчаютъ дѣвушки:

— Не по молодцѣ ширинка,
 Не по твоему конѣ уздечка! —

Терещ. VI, 150—160.

„Семицкіе вѣнки въ однихъ мѣстахъ сохраняются въ избахъ до Троицына дня, а въ другихъ бросаютъ ихъ въ воду съ гаданьемъ: потонетъ ли вѣнокъ, или нѣтъ; на одномъ ли мѣстѣ онъ остановится, или поплыветъ въ сторону; чей вѣнокъ плыветъ впереди и чей остается позади. Подруги бросаютъ свои вѣнки вмѣстѣ, а иногда и брать съ сестрой“.

Сахар. II, 7. 85.

б) Клепальный (русальный) день.

„Съ именемъ клепальной субботы въ понятіяхъ нашего народа соединяется старое вѣрованіе въ русалокъ“ (Сахаровъ).

„Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ; на берега выходятъ только поиграть. Съ Троицына дня до Петрова поста шатаются по землѣ; живутъ тогда въ лѣсахъ на деревьяхъ. Любимое ихъ дерево кленъ и дубъ. Качаются на зеленыхъ сучьяхъ и разматываютъ пряжу, которую уносятъ отъ поселянокъ, заснувшихъ безъ молитвы“ (Терещенко).

„На русальной недѣлѣ, во вторникъ, крестьяне поминаютъ удушенныхъ. Родня умершаго приносятъ на могилу покойника блины, вино и красное яйцо, которое разбиваютъ на могилѣ за упокой души удушенника; потомъ пьютъ вино и закусываютъ блинами, причемъ призываютъ русалку:

Русалка — царица,
Красная дѣвица,
Не загуби души,
Не дай удавиться,
А мы тебѣ кланяемся.

„Русалкѣ оставляютъ часть блиновъ и по-
томъ уже отправляются по домамъ (Терещ.).

Проводы русалокъ.

„Съ вечера поселяне (Тульск. губ.) на-
чинаютъ собираться на полянахъ и поютъ
пѣсни. Когда же наступитъ ночь, то они
бѣгаютъ по полянамъ съ помелами, ма-
шутъ ими по воздуху и кричатъ: „дого-
най! догоняй!“ Нѣкоторые изъ отчаян-
ныхъ, которыхъ въ деревняхъ очень не-
много, рассказываютъ за правду, что они
видѣли, какъ русалки отбѣгали отъ ихъ
селенія за лѣсъ съ плачемъ и воплемъ.
Послѣ сего на разсвѣтѣ купаются въ
рѣкѣ. Народъ нашъ твердо увѣренъ, что
на русальной недѣлѣ опасно купаться
въ рѣкѣ: тогда будто купаются тамъ ру-
сальки и всякаго неосторожнаго защека-
чиваютъ до смерти. Съ изгнаніемъ руса-
локъ эта опасность прекращается ¹⁾

„По берегамъ рѣки Оки, рассказы-
ваютъ поселяне, въ старину бывало осо-
бенное народное сборище для усмиренія
Водяного дѣдушки. Встревоженный и огор-
ченный появленіемъ русалокъ, онъ въ
полночь начиналъ подымать воду изъ
береговъ такъ высоко, какъ будто бы гора
выросла изъ воды. Суевѣрные посе-
ляне раскладывали по берегамъ огни и

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Воронежск.
губ.) для проводовъ русалокъ, устраивали на
лугу особенный шалашъ, убирали его цвѣ-
тами и вѣнками, въ серединѣ ставили соло-
менное чучело. Это чучело сначала наря-
жали въ женское платье, а потомъ въ муж-
ское. Въ шалашъ передъ нимъ ставили при-
восное чучело, вино и др. лакомства.
Вокругъ шалаша одни поселяне разыгры-
вали хороводы; иные въ кружкахъ пѣли
пѣсни, другіе вели борьбу... Поселяне уго-
щали другъ друга кушаньемъ, виномъ и
лакомствами. Въ заключеніе всего раздѣ-
вали чучело и бросали его со смѣхомъ въ
озеро“. Сахаровъ II, 7. 85.

пѣли пѣсни. Водяной, услышавъ народ-
ныя пѣсни, смирялся, и вода входила
опять въ свои берега. Тамъ же, гдѣ не
предпринимали такихъ мѣръ, всегда слу-
чались несчастія. Это горе постигало бо-
лѣе всѣхъ рыбаковъ“

Сахар. II, 7. 85. Терещ. VI. 129—134.

3. Троицынъ день (въ однихъ мѣстахъ въ воскресенье, въ дру- гихъ въ понедѣльникъ).

Въ Троицынъ день завиваютъ вѣнки
и водятъ хороводы. „Въ завиваніи вѣн-
ковъ, кромѣ дѣвицъ и молодыхъ жен-
щинъ, принимаютъ участіе пожилые обоихъ
половъ; вѣнки завиваютъ съ музыкою и
пѣніемъ, начиная отъ дома или селенія,
изъ котораго выходятъ въ рощу или въ
лѣсъ:

Мы пойдемъ, дѣвочки,
Во луга гулять,
Ай люли, люли, во луга гулять!
Во луга гулять,
Вѣнки завивать,
Ай люли, люли, вѣнки завивать!
Мы завьемъ вѣночки
На всѣ красны денечки,
Ай люли, люли, на красны денечки!

Благослови, Троица,
Богородица,
Намъ вѣнокъ сплести,
Ай люли, люли, намъ вѣнокъ спле-
сти!
Свекру-батюшкѣ,
Свекрови-матушкѣ,
Ай люли, люли, свекрови-матушкѣ!
Свекру-батюшкѣ — малиновый,
Свекрови-матушкѣ — калино-
вый,
Ай люли, люли, калиновый!

А мнѣ молодой
Съ гибкаго вѣтѣйка,
Ай люли, люли, съ гибкаго вѣтѣйка!

„Въ Троицынъ день пускають вѣнки
на воду и гадаютъ: дѣвушки и парни
о суженыхъ, а замужнія и пожилыя—
о смерти или о горѣ и радости въ жизни.
Когда вѣнокъ не коснется берега рѣки
и, не потонувъ, уплыветъ—тогда сбуди-
тся желаніе, въ противномъ случаѣ—
неудача или смерть. При пусканіи вѣн-
ковъ поютъ:

Да пойду-ль я тихомъ
Лужкомъ-бережкомъ,
Ай люли, люли, лужкомъ-бережкомъ!
Сломлю со сыра дуба вѣточку,
Брошу на быстру рѣченьку.
Ай люли, люли, на быстру рѣченьку!

При неудачѣ въ гаданіи поютъ:

Да грозна, грозна
Громовая туча!
Ай люли, люли, громовая туча!
Грознѣй того нѣтъ,—
Ко мнѣ свекоръ ѣдетъ.
Ай люли, люли, ко мнѣ свекоръ
ѣдетъ!
Ко мнѣ свекоръ ѣдетъ
Со лютой свекровью.
Ай люли, люли, со лютой свекровью!
Вы мостите мосты,—
Гнилыя колоды.
Ай люли, люли, гнилыя колоды!
Забивайте гвозди,—
Еловыя шишки.
Ай люли, люли, еловыя шишки!
Чтобы мостъ обломился,
Лютый свекоръ залился.
Ай да люли, люли, лютой свекоръ
залился!

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Пензенск.
губ.) дѣвицы „на обратномъ пути, под-
ходя къ селу или деревнѣ, поютъ:

Да іо, іо, семикъ да и Троица!
По этой по улицѣ
Разливъ разливается.
Да іо, іо, семикъ да и Троица!
Въ этомъ разливчикѣ
Утопъ добрый молодецъ (имя).
Да іо, іо, семикъ да и Троица!
Съ своихъ воронихъ конемъ.
Съ черкасскимъ сѣдельцемъ,
Да іо, іо, семикъ да и Троица!

„Подошедъ къ рѣкѣ, дѣвицы броса-
ють свои вѣнки въ воду и смотрять,—
не тонетъ ли который изъ нихъ. Чей
потонетъ, той и быть замужемъ. Прежде
нежели разойдутся по домамъ, опять
поютъ:

Раскумимся, кумушка,
Раскумимся, голубушка.
Да іо, іо, семикъ да и Троица!
Терещ. VI, 186—191.

4. Всесвятская недѣля.

а) Похороны Костромы (въ воскресеньѣ
или въ понедѣльникѣ).

„Похороны *Костромы* (въ Муромск. у.)
справляли молодцы и дѣвицы. Собра-
вшись въ назначенное мѣсто, они дѣлали
изъ соломы чучело. Въ однихъ мѣстахъ
убирали его въ какое-нибудь платье, въ
другихъ—только перевязывали веревками.
Чучело называли *Костромой* и стано-
вились всѣ предъ нимъ въ почтительномъ
видѣ. Старшія почетныхъ родителей дѣ-
вицы и молодцы брали Кострому на руки
и съ пѣснями относили на берегъ озера
или рѣки. Здѣсь всѣ сопровождавшіе
Кострому раздѣлялись на двѣ стороны.
Одна, охранявшая чучело, становилась въ
кружокъ; молодцы и дѣвицы кланялись
Костромѣ и произносили предъ нею раз-
ныя тѣловживенія. Другая сторона напа-
дала внезапно на первую для похищенія
Костромы. Обѣ стороны вступали въ борьбу.
Какъ скоро захватывали чучело, то тот-
часъ срывали съ него платье, перевязи,

солому топтали ногами и бросали въ воду со сѣхомъ. Первая сторона въ отчаяніи производила вой, другіе закрывались руками, какъ бы оплакивая погибель Костромы. Послѣ сего обѣ стороны соединились вмѣстѣ и съ веселыми пѣснями возвращались въ селенія“.

Сахар. II, 7. 90.

б) Ярило.

Такимъ же точно образомъ во многихъ мѣстахъ ¹⁾ совершаются похороны Ярилы. Въ иныхъ мѣстахъ (въ Воронежѣ) Ярилу изображалъ человекъ, выбранный для этого міромъ. „Одѣвали его въ разноцвѣтный кафтанъ, украшали лентами, колокольчиками, на голову надѣвали раскрашенный бумажный колпакъ съ ленточными кисточками... Онъ ходилъ по площади, плясалъ и пѣлъ пѣсни. Вокругъ него толпился народъ всѣхъ возрастовъ: одни пѣли, другіе плясали, третьи бились на кулачки“.

Сахар. II, 7. 91.

Ужъ какъ звали молодца,
Позывали удалца,
На игрище поглядѣть,
На Ярилу посмотрѣть.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Одѣвался молодецъ,
Убирался удалецъ,
Въ рудожелтъ кафтанъ,
Въ шапку мурмолку.
Ты, Дунай...

Шейнъ. I. 186.

в) Проводы весны.

Почти такъ же, какъ и похороны Костромы, а въ иныхъ мѣстахъ Ярилы, совершаются проводы весны. „Дѣлали (въ Саратовск. губ.) изъ соломы чучело, одѣвали его въ сарафанъ и кокошникъ съ ожерельями. Чучело носили по деревнѣ съ пѣснями, а послѣ раздѣвали и бросали въ воду“.

Сахар. II, 7. 93.

В. Купальница (23-го іюня) и Купало (24-го іюня).

Купальница.

„На Руси изстари велось париться въ сей (23-го іюня) день, утреннею порою, въ баняхъ, а днемъ купаться въ рѣкахъ или прудахъ. Поселяне Рязанской губ. этотъ день называютъ *лютые корни*. Смышленные старые люди, моясь въ банѣ, парились лютыми корнями. Въ степныхъ селеніяхъ вмѣсто соломы набрасывали въ печь жгучей крапивы и на ней паривались. Все это дѣлалось для исцѣленія болѣзней. По выходѣ изъ бани садились

¹⁾ Между проч. и въ г. Костромѣ, въ которой описанное выше игрище (похор. Костромы) неизвѣстно.

за столъ завтракать, гдѣ заранѣе ставилась *обѣдная каша*. Больныхъ, старыхъ и хворыхъ людей выносили въ баню на жгучей крапивѣ и паривали цѣлебными травами. Купанье въ рѣкахъ начиналось съ полдня и продолжалось до вечера“. Купанье и приготовленіе ячменя для обѣдной каши сопровождалось пѣснями и веселыми играми.

Купало.

Огонь (*живой, лѣсной, царь-огонь, лѣкарственный*) является необходимою принадлежностью игрища наканунѣ Іванова дня. „Вечеромъ 23-го іюня крестьяне (въ Тулѣ) выходятъ въ поле въ чистыхъ

бѣлыхъ рубашкахъ; составляютъ костры изъ хворосту, приносятъ съ собою дегтярныя баклаги. Старики садятся въ кружокъ и начинаютъ чрезъ треніе добывать огонь изъ двухъ старыхъ сухихъ деревь. Кругомъ ихъ всѣ стоятъ жъ глубокомъ молчаніи. Едва показался огонь, все ожило, заплѣло, завеселилось. Зажигаются костры и баклаги. Молодые поютъ и пляшутъ; старики сидятъ въ кружкахъ, бесѣдуютъ о старинѣ... Часто случалось видѣть, какъ подъ этимъ костромъ старушки-матери сжигали сорочки, взятая съ больныхъ дѣтей, съ полною увѣренностью, что отъ сего обряда прекратятся болѣзни. Нашъ народъ думаетъ, что перескакиваніе чрезъ огонь избавляетъ отъ чарованія. Въ купаніи утренней росой они полагаютъ очищеніе тѣла и избавленіе отъ болѣзней“. Игрисе обыкновенно сопровождается пирушкой, прыганьемъ

чрезъ огонь, пляской и пѣснями; великорусы „не поютъ пѣсенъ съ именемъ Купало, какъ это находимъ у малоруссовъ“.

Сахар. II. 7. 36—39.

„Ночь Купалы исполнена, по мѣтнію простолюдиновъ, чародѣйныхъ явленій. Рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣкъ бываетъ тогда подернута серебристымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и шумомъ своихъ вѣтвей разговариваютъ между собою. Утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папоротникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія; можетъ видѣть, какъ расходятся дубы и составляютъ свою бесѣду; можетъ слышать ихъ разговоры про богатыескіе свои (ихъ) подвиги. Кто сорветъ въ эту ночь *перелетъ-траву*, тотъ будетъ во всемъ счастливъ“.

Терещ. V. 79.

Г. Окликаніе Георгія (23-го апр.).

„Въ день св. Георгія выгоняютъ скотъ на траву вербою, оставленною отъ вербой недѣли. Рано утромъ служатъ молебны на студенцахъ, рѣкахъ или лугахъ отъ всего міра, и послѣ благословленія отъ священника провожаютъ всею деревнею скотину въ поле“.

Мы вокругъ поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали.

Егорій ты нашъ храбрый!
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго.

Сахар. II, 2. 23—26.

Д. Обѣтный (жертвенный) пирогъ при посѣвѣ (8-го мая).

„Въ степныхъ мѣстахъ съ этого дня начинаются ранніе посѣвы пшеницы... Зажиточные поселяне пекли на этотъ день обѣтные пироги и угощали ими бѣдныхъ сосѣдей и прохожихъ людей. Старики для встрѣчи прохожаго человѣка выхаживали

на большія дороги и перекрестки. Худая примѣта западала на сердце старика, когда онъ возвращался назадъ съ пирогомъ; съ отчаяніемъ встрѣчали его домоладцы. До обѣтнаго пирога никто не касался: его отдавали птицамъ на сѣдѣніе.

Е. Заклинаніе жнивѣ (5-го авг.).

(Жертвоприношеніе).

Домовитые хозяева „находятъ нужнымъ заклинанъ жнивы. Это, говорятъ они, будто нужно для того, чтобъ нечистая сила не поселилась на жнивахъ и не выжила съ пажитей скотъ. Для сего они раннею зарею выходятъ на жнивы съ масломъ коноплянымъ. Обращаясь на востокъ, говорятъ: „Мать-сыра земля! уйми ты всяку гадину нечистую изъ приворота, оборота и лихого дѣла“. Проговоривши, выливаютъ на землю масло. Потомъ, обращаясь на западъ, говорятъ: „мать-сыра земля! поглоти ты нечистую силу въ бездны кипучія, въ смолу горючую“. Послѣ сего выливаютъ масло на землю. Обращаясь на югъ, говорятъ: „мать-сыра земля! утоли ты всѣ вѣтры полуденные со ненастью, уйми пески сыпучіе со мятелью“. И здѣсь опять выливается масло. Обращаясь на сѣверъ ¹⁾, говорятъ: „мать-сыра земля! уйми ты вѣтры полуденные со тучами, удержи морозы со метелями“. Здѣсь бросаютъ скляницу на землю. Такое заклинаніе необходимо будто-бы должно исполнять всякое лѣто. Многіе изъ работъ не рѣшаются на такой подвигъ, несмотря на свое непреодолимое желаніе.

Сахар. II. 7. 47.

Живныя пѣсни.

1.

На лѣнь роса пала, (2)
На лѣнь студеная,
Ранымъ-рано!

¹⁾ У С. „на западъ“.

Кому роса теплая,
А мнѣ холодненькая.
На чужой сторонѣ,
Во чужово батьки (2)
Поздно спать ложатся,
Рано побужаютъ, (2)
Къ дѣлу принужаютъ, (2)
Ко тяжелой работѣ: (2)
Ко бѣлому каманю, (2)
Ко сырой пшеницы, (2)
Къ болотной водицы. (2)

Шейнъ, I. 399.

(Великолуцк. у. Псковск. губ.).

2.

Жали мы, жали,
Жали-пожинали—
Жнеи молодня,
Серпы золотые.
Два поля пожали,
Третье распахали—(2)
Жнеи молодня,
Серпы золотые.
Нива долговая, (2)
Постать широкая,
По мѣсицу жали,
Серпы поломали,
Въ краю не бывали, (2)
Людей не видали.

Ив. 400.

(Великолуцк. у. Псковск. губ.).

Ж. Коляда и Овсень.

Коляда (виноградье).

„Въ навечеріе Рождества Христова
въ селахъ и деревняхъ дѣвицы ¹⁾, со-
бравшись по нѣскольку вмѣстѣ, ходятъ
кучками по улицамъ отъ одного дома къ
другому и подъ окнами поютъ слѣдую-
щія пѣсни:

Приходила Коледа
Напередъ Рождества.

Виноградье красно зеленье мое! ²⁾
Напала пороша
Снѣгу бѣленькаго;
Какъ по этой по порошѣ
Гуси-лебеди летѣли,
Коледовщички,
Недоросточки,
Недоросточки.
Красны дѣвушки
Сочили (и) искали
Иванова ³⁾ двора.
И Ивановъ дворъ
Ни близко, ни далеко:
На семи верстахъ,
На восьми столбахъ;
Вокругъ этого двора
Тынъ серебряный стоитъ;
Вокругъ этого тына
Все шелковая трава;
На всякой тынинкѣ
По жемчужинкѣ.
Во этомъ во тыну
Стоять три терема,
Стоять три терема
Златоверхіи:
Во первомъ терему
Свѣтель мѣсяцъ,

Во второмъ терему
Красно солнышко,
Въ третьемъ терему
Части звѣздочки.
Свѣтель мѣсяцъ—
То хозяинъ въ дому,
Красно солнышко—
То хозяйошка,
Части звѣздочки—
Малы дѣточки.
Какъ самого господина
Дома нѣтути,
Дома нѣтути,
Не случилось,—
Въ Москву съѣхавши
Суды судить,
Суды судить,
Да ряды рядить.
Посудивши-порядивши,
Домой ѣдетъ онъ:
Онъ женѣ-то везетъ
Кунью шубу, кунью шапочку,
А своимъ-то сынамъ
По добру коню,
Своимъ доченькамъ
По злату вѣнку,
Своимъ служенькамъ
По сапоженькамъ.
Наша-то Коледа
Ни мала, не величка,—
Она въ двери не лѣзетъ
И въ окно намъ шлетъ.
Ни лонай, ни гибай,
Весь пирогъ подавай!

Виноградье красно зеленье мое! ¹⁾

Шейнъ, I. 365—367.

(Псковской губ.).

¹⁾ Во многихъ мѣстахъ мальчики и парни.
²⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ
каждыхъ двухъ стиховъ.

³⁾ Здѣсь упоминають имя хозяина, подъ
чьимъ окномъ поютъ.

¹⁾ „Въ Пенкурской и Вельской окрѣгахъ
съ 25-го декаб. цѣлую недѣлю ходятъ ребята
со *зяздою*, сдѣланною изъ бумаги, въ ар-
шинъ величиною, съ разными прикрасами,
и освѣщаемую свѣчами. Пришедши подъ

„Въ окрестностяхъ Москвы возять въ саяхъ наканунѣ Рождества Христова въ бѣлой рубашкѣ дѣвушку, которая называется колядою, и поютъ:

Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества
За рѣкою за быстрою.

Ой Коліодка, ой Коліодка!
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горять,
Огни горять великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя.
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни Коліодушки(ѣ).
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ —
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати.
— Ты, братецъ Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни! —
„Я радъ бы выпрыгнуть, —
Горючъ камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали.

Ой Коліодка, ой Коліодка!
Терещ. VII. 57—58.

Ой Коляда, Коляда,
Посконная борода!
Отпирай ворота,

окна дома, сперва поютъ они тропарь и кондакъ празднику, а потомъ *виноградъ*; между тѣмъ звѣзда безпрестанно круговращается. Пропѣвъ *виноградъ*, поздравляютъ хозяина и хозяйку съ праздникомъ, наконецъ восклицаютъ: *на славу Божию*, — этимъ они просятъ себя подачи. Тогда хозяинъ приказываетъ одному изъ славильщиковъ войти къ себѣ и даетъ ему денегъ. Такая звѣзда, хождение съ нею и пѣніе винограда вообще тамъ извѣстно подъ именемъ *коледы*“.
Снегир. Русск. простонар. праздн. II, стр. 54—55.

Выноси пирога!
Кто дастъ лепешки, —
Золоты окошки;
Кто дастъ каши, —
Золотыя чаши;
Кто дастъ свѣжины, —
Золотые чигуны (чугуны).

Варенцовъ, Сборн. п. 150.
(Самара).

Овсень.

Овсень (Авсень, Усень, Таусень, Баусень) въ среднихъ и нѣкоторыхъ поволжскихъ губ. ¹⁾ употребляется часто вмѣсто Коляды. „Въ этихъ мѣстахъ, по деревнямъ, начинаютъ кишки и желѣдки и варятъ свиные ноги, которые раздають посыпальщикамъ... ²⁾. Молодые женщины и дѣвицы (въ Рязанск. губ.) ходятъ подъ окна пѣть Овсень ввечеру Новаго года. Одна изъ нихъ носитъ за собою кошель, для поклажи подарковъ. Подъ окномъ или у дверей избы спрашиваютъ: „Прокликать ли Овсень?“ Получивъ согласіе, поютъ:

Овсень, овсень!
Ты ходилъ, ты гулялъ
По крутымъ горамъ,
По святымъ вечерамъ.
Овсень, овсень!
Ты леталъ, ты порхалъ
Къ Филимону на дворъ
Ко Прокофьевичу.
Овсень, овсень!
Ты сыскалъ, угадалъ
На широкомъ дворѣ
Полны ведра виномъ.
Овсень, овсень!
У хозяина дворъ

¹⁾ Рязанск., Владимірск., Симбирск., Нижегородск., Саратовской.

²⁾ Посыпальщики, ходя по домамъ, обсыпають овсомъ изъ лукошка или рукавицы. Зерно это собирають для весенняго посѣва.

Осушень, омоощень,

Чисто выметень.

Овсень, овсень!

По срединѣ Москвы

У хозяина дворъ

Воротами красенъ.

Овсень, овсень!

Воротами красенъ,

Верей ихъ пестры,

Всѣ обточенные.

Овсень, овсень!

У Прокофьяча дворъ

Весь тыномъ затыненъ,

Серебромъ обнесенъ.

Хозяинъ открываетъ окно и радушно
подастъ подачку. Если она щедрая, то
начинаютъ притопывать съ радостнымъ
свистомъ, прищелкивать и плясать подъ
гѣсны:

На дворѣ у Филимона

Три теремчика стоятъ:

Высокіе теремочки—

О двѣнадцать вѣнцахъ.

Филимонъ-сударь хорошъ,

Свѣтъ Прокофьевичъ пригожъ.

Овсень, овсень!

Свѣтъ Прокофьевичъ пригожъ.

Хозяинъ открываетъ въ другой разъ
окно и говоритъ ласково: „Милости про-
симъ въ избу. Мы рады Овсеню, гостю
жданому.—Не погнѣвайтесь только, чѣмъ
Богъ пошлетъ“. Они входятъ въ избу съ
мохвальными прищѣвами:

Первый теремъ—свѣтелъ мѣсяцъ,

Другой теремъ—красно солнце,

Третій теремъ—часты звѣзды.

Свѣтелъ мѣсяцъ—хозяинъ самъ,

Красно солнце—хозяюшка,

Часты звѣзды—ихъ дѣтушки.

Терещ. VII, 111--113.

Въ Саратовской губ. поютъ:

Летѣла пава,

Таусень! ¹⁾

Черезъ наши поля,

Роняла перья.

— Кому перья брати?—

„На что перья?“

Шапочку шити,

Перьями пушити.

„На что шапочку?“

— На базаръ ѣхати,

Топорикъ купить,

Дрова рубить,

Пиво варить,

Мосты мостить.—

„Кому мостами ѣздити?“

— Царю-государю.

Если вѣсто словъ *царю-государю*
говорять *молодцу-удальцу*, тогда приба-
вляють:

На чемъ ему ѣздити?

Таусень!

На сивенькой свинкѣ.

Таусень!

Чѣмъ погоняти?

Таусень!

Живымъ поросенкомъ.

Таусень!

По окончаніи таусень приговаривають:

Кишки да лепешки,

Свинья ножки,

Въ печи сидѣли,

На насъ глядѣли,

Въ кошель захотѣли.

Терещ. VII. 116—118.

¹⁾ „Таусень“ повторяется послѣ ка-
ждаго стиха.

3. Масляница.

(Проводы зимы).

Масляницу встрѣчаютъ (обыкновенно дѣти) различными причитаніями: „Зваль- называлъ честной Семикъ широкую Масляницу къ себѣ въ гости на дворъ:— „Пріѣзжай ко мнѣ во тесовой домъ душой потѣшиться, умомъ повеселиться, рѣчью насладиться“.—Выѣзжала честная Масляница, широкая боярыня, на семидесяти семи савяхъ козырныхъ, въ широкой лодочкѣ, во великъ городъ пировать, душой потѣшиться. Какъ навстрѣчу Масляницѣ выѣзжалъ честной Семикъ на салазочкахъ, въ однихъ портянкахъ, безъ лапотокъ“. Послѣ этой встрѣчи сбѣгаютъ съ горы и кричатъ: „Пріѣхала Масляница! пріѣхала Масляница!“

„Проводы честной Масляницы (въ губ. Симбирск., Саратовск., Пензенск.) состояли въ поѣздѣ по городу и селамъ. Для поѣзда сколачивали нѣсколько дровень и саней. Въ среднія дровни ставили большой столбъ, на него клали колесо, сажали мужика, опытнаго въ разныхъ забавахъ и причитаніяхъ. Въмѣсто лошадей запрягали разукрашенныхъ людей. Такой поѣздъ разѣзжалъ по всѣмъ улицамъ; впереди и вокругъ него пѣли, играли и плясали... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Нерехтѣ) на проводахъ *сожигаютъ* Масляницу. Вечеромъ, послѣ всѣхъ гуляній и забавъ, выходитъ молодой народъ, мужчины, женщины, дѣвицы и дѣти, изъ своихъ дворовъ съ соломой. При пѣніи пѣсень сожигается солома“ ¹⁾.

Сахар. II. 7. 73—74.

Масляничныя пѣсни.

1.

— За рѣкою, матушка,
Гусельки гудятъ,
За быстрою, сударыня,

¹⁾ Въ Ярославлѣ съ четверга (на Масляницѣ) начинаютъ колядовщики *пѣть коладу*“.

Сахар. II. 7. 73—74.

Звончатые.

— Пусти меня, матушка,
Гуслей послушать! —

„Пусти тебѣ, дитятко,—
Вѣкъ не видать!“

— Приду, приду, матушка,

На Великъ день,

Съ красненькимъ, матушка,

Со яичкомъ,

Съ молоденькимъ со зятчкомъ. —

„Милое дитятко!

Мнѣ тебѣ далече ждять!“

— А ты меня, матушка,

Кличъ закликай! —

„Дитя мое милое,

Голосу нѣтъ!“

— А ты, моя матушка,

Близко подойди! —

„Дитя мое милое,

Ножки не идутъ“.

— А ты, моя матушка.

Письмо напиши! —

„Дитя мое милое,

Писаря нѣтъ!“

Шейнъ. I. 406.

(Дмитровск. у. Орловск. губ.).

2.

Съ горы нагору *сплыви сыплютъ*, (2)

Люли, люли, снѣги сыплютъ,

Гоголекъ, гоголечекъ! ¹⁾

Меня молодую *домой кличутъ*: (2)

Будь, невѣстка, *домой*, (2)

Будь, лебедка, *домой*! (2)

¹⁾ Послѣ каждого стиха повторяется: „Люли, люли“, съ прибавленіемъ отмѣченныхъ послѣдн. словъ стиха и припѣва: „гоголекъ, гоголечекъ!“ То же и въ слѣдующей пѣснѣ.

У насъ дома нездоровье: (2)
Убился свекоръ съ полатей! (2)
Кабы знала молода, (2)
Подняла бы полатья (2)
Что повыше того, (2)
Чтобъ убился свекоръ (2)
Да побольше того. (2)

Шейнъ. I. 409.

(Великолуцк. у. Псковск. губ.).

3.

Наша масляница годовая, (2)
Ена гостига дорогая, (2)
Ена пѣшею къ намъ не ходитъ, (2)
Все на комоняхъ разтѣзжаетъ, (2)
Чтобы коники были вороные, (2)
Чтобы слуги были молодые. (2)

И. Заклинаніе мороза.

„Въ селеніяхъ Тульской губ. подъ Великимъ днем жители заклинали морозъ, губителя овса, льна и конопли. Поселянинъ беретъ ложку киселя и, просунувъ голову въ волоковое окно, говорить:

Морозъ, морозъ!
Приходи кисель ѣсть.
Морозъ, морозъ!
Не бей нашъ овесъ,

Ленъ да конопли
Въ землю вколоти!

Гл. 410.

(Великолуцк. у. Псковск. губ.).

„Окончивъ такіа слова, онъ оборачивается въ избу, гдѣ окачивается его водою старшая изъ женщинъ“.

Снегир. Р. пр. пр. I, 180—181.

Примѣчанія къ обрядовой поэзіи. Большая часть такъ называемыхъ *обрядовыхъ* пѣсенъ приурочена у насъ къ народному календарю. Но самое образованіе нынѣшняго состава народнаго календаря пока не совсѣмъ ясно. „Полагаютъ, что христіанскія вліянія проникали здѣсь еще до установленія христіанства путемъ еще мало изслѣдованныхъ отношеній южнаго, западнаго и русскаго славянства съ Византіею и романо-германскимъ міромъ, — какъ еще до перевода священнаго писанія была до извѣстной степени знакома христіанская терминологія. Историческія извѣстія застаютъ народную обрядовую поэзію уже въ этомъ кругѣ христіанскаго календаря и двоевѣрнаго обычая: съ теченіемъ времени въ приуроченіи и мотивахъ обрядовой поэзіи произошли, конечно, перемѣны и смѣшеніе, но въ общемъ этотъ обрядовый кругъ сохранился донинѣ. Вслѣдствіе общаго христіанскаго вліянія донинѣ наблюдается совпаденіе и сходство обрядовыхъ календарныхъ празднествъ, — общеевропейское или общехристіанское, въ общей также связи съ остатками древняго языческаго преданія. Въ нашемъ народномъ преданіи многія подробности совсѣмъ забылись: старыя слова, между прочимъ характерныя для самаго праздника, становились непонятны, обращаясь въ условную черту — пригвѣзъ, наконецъ — олицетвореніе; какъ напр.: Коляда, Купало, Овсень, Таусень, Лелю, Дунай и пр.

Между обрядовыми пѣснями, приуроченными къ народному календарю, замѣтимъ слѣдующія:

1) *Пѣсни святочные*, въ Коляду, святки, Васильевъ вечеръ. Названіе ко-

лады, которому нѣкогда желали дать русскую этимологию, происходитъ несомнѣнно отъ греко-римскихъ календъ. Названіе праздника перешло на пѣсни („кликать коледу“ въ грамотѣ 1649 г.), на исполнителей пѣсни, наконецъ—на подарки пѣвцамъ и поздравителямъ. Первые изслѣдователи предполагали въ колядныхъ пѣсняхъ особенную древность; позднѣе большую древность колядокъ предполагала миѣнская школа и также изслѣдованіе Потебни. Веселовскій, напротивъ, отмѣчаетъ обиліе мотивовъ христіанскихъ, т. е. болѣе позднихъ. На примѣрѣ романо-германскихъ сказаній онъ указывалъ, какъ церковное празднество и обрядъ дѣйствовали на народную фантазію, воспитанную старымъ преданіемъ, и становились сами источникомъ мифа и поэзіи.—Кромѣ колядокъ, поются пѣсни подблюдныя при святочныхъ гаданіяхъ; кромѣ личной судьбы совершаются гаданія о будущемъ урожаѣ и т. д.

2) *Масляница*, съ народнымъ весельемъ („широкая масляница“), играми, гуляньями, кулачными боями, упомянутыми еще въ правилѣ митр. Кирилла XIII в., имѣла свои пѣсни.

3) *Весна* представляла цѣлый рядъ обрядовыхъ празднествъ и пѣсенъ: на окликаніе или встрѣчу весны, на Великъ день, Красную горку, Радуніцу, Егорьевъ день. Встрѣча весны и весенніе обряды въ разныхъ мѣстахъ совершаются не всегда въ одно время, но вообще отъ марта до іюня; на Пасхѣ бываютъ опять пѣсни колядныя. Радуніца и „новый день“ (день мертвыхъ) на Ѳоминой недѣлѣ посвящены окликанію мертвыхъ, вѣроятно продолжающему древнюю тризну: поминки сопровождаются обыкновенно необузданнымъ весельемъ и пиршествомъ,—древніе обличители съ негодованіемъ отмѣчали, что вслѣдъ за плачемъ по умершимъ на жалыницахъ являлись скоморохи съ бѣсовскими играми. Далѣе, весна есть начало хороводовъ, которые приурочиваются къ большимъ весеннимъ (церковнымъ) праздникамъ, и хоропроводная игра сопровождается обильными пѣснями: пѣсни наборныя—призывъ къ хороводу; игровыя—самое исполненіе игрища; разборныя или разводныя—конецъ и разставанье.

4) Наступленіе *лѣта* ведетъ новые праздники, обряды и пѣсни: Русальная недѣля, Семикъ, Троицынъ день—опять поминаніе предковъ, игрища и пѣсни. Упомянутое о „русалияхъ“ восходитъ къ XI в., и названіе это есть опять всего вѣроятнѣе повтореніе греко-римскихъ „русалій“ (rosaria, rosalia), какъ давно объяснялъ Миклошичъ. Остается спорнымъ, какъ относится къ этому представленію о „русалкахъ“, подъ которыми разумѣли души умершихъ некрещеныхъ младенцевъ и утопленницъ. Наиболѣе распространеннымъ и популярнымъ лѣтнимъ праздникомъ былъ Ивановъ день, или Иванъ Купала: бурное веселье начиналось въ ночь на рождество Предтечи, и древнія поученія обличали сатанинскія игры, а также исканіе чаровниками волшебныхъ травъ и корней въ эту ночь, на „потвореніе“ людямъ съ приговоры сатанинскими. Къ купальной обрядности принадлежитъ зажиганіе костровъ, прыганье черезъ нихъ и перегонъ скота, заключеніе кумовства и побратимства; въ то же время совершаются съ извѣстными обрядами похороны олицетвореній празднествъ: Ярилы, Костромы и т. д.

5) Въ разрядъ календарной обрядовой поэзіи входятъ пѣсни, принадлежащія въ частности *земледѣльческому* быту и труду: собиранье хлѣба обставляется обрядами, опять иногда туманно напоминающими далекую древность (напр. завиваніе бороды Волосу); обряды сопровождаются пѣснями—толочными, жинными. Конецъ лѣта и осени имѣютъ свои праздники: варять пиво, брагу, происходятъ братчины и ссыпчины со своими пѣснями; начинаются посидѣлки, бесѣды, гдѣ собирается только молодежь, съ пѣньемъ пѣсенъ, играми, пляской и плясовыми пѣснями“.

(Лыгинъ. Ист. рус. лит., т. III).

У. ЗАГОВОРЫ.

а) На любовь.

На морѣ на Окіанѣ есть бѣлъ
горючъ камень Алатырь, никѣмъ
невѣдомой; подѣ тѣмъ камнемъ со-
крыта сила могуча, и силы нѣтъ
конца. Выпускаю я силу могучу
на (такую-то) красну дѣвицу; са-
жаю я силу могучу во всѣ составы,
полусоставы, во всѣ кости и полу-
кости, во всѣ жилы и полужилы,
въ ея очи ясны, въ ея щеки ру-
мяны, въ ея бѣлу грудь, въ ея ре-
тиво сердце, въ утробу, въ ея руки
и ноги. Будь ты, сила могуча, въ
(такой-то) красной дѣвицѣ неис-
ходно; а жги ты, сила могуча, ея
кровь горячую, ея сердце кипучее
на любовь къ (такому-то) молодцу.
А была-бы красна дѣвица (такая-то)
во всемъ послушна молодцу (такому-
то) по всю его жизнь. Ничѣмъ бы
красна дѣвица не могла отговорить-
ся—ни заговоромъ, ни приговоромъ,
и не могъ бы ни старъ человѣкъ, ни
младъ отговорить ее своимъ словомъ.
Слово мое крѣпко, какъ бѣлъ го-
рючъ камень Алтырь. Кто изъ моря
всю воду выпьетъ, кто изъ моря всю
траву выщипитъ, и тому мой заговоръ
не превозмочь, силу могучу не увлечь.

Сахар. I., 2. 31.

б) Отъ лютой бѣды.

Выхожу я во новы сѣни дубовыя,
на широкъ дворъ заборчатой, гляжу
я по всѣмъ по дорогамъ и пере-
путьямъ, вижу я отъ земли до неба
звѣзды ясныя. Вы, дороженьки и
перепутьицы(а), задержите моего
мужа (такого-то); вы, звѣзды ясныя,
затемните свой свѣтлояркой свѣтъ,
чтобы безъ вашего свѣтушки не было
ни ходу, ни проходу. Насылаю я
на свекра лютаго тоску со кручи-
ною, сонъ со дремотою, заботы со
безпамятью, — а былъ бы онъ и
глухъ и нѣмъ по мою лютую бѣду.
Насылаю я на свекровь зазойливую
печаль со бѣдою, сонъ со дремо-
тою, — а была бы она слѣпа и нѣма
по мою лютую бѣду.

1б. 32.

в) На остуду между мужемъ и женою.

(В)стану я, не благословясь, пойду,
не перекрестясь, не дверьми, не во-
ротами, а дымнымъ окномъ да под-
вальнымъ бревномъ, положу шапку
подъ пату, подѣ пату, не на сыру
землю, не на сыру землю, да въ
черной чоботъ; а въ томъ чоботу
побѣгу я въ темный лѣсъ на большо
озерищю; въ томъ озерѣ плыветъ

челнище; въ томъ челнищѣ плыветъ чортъ съ чертищей; швырну я съ подъ пята шапку въ чертища. Что ты, чертище, сидишь въ челнищѣ съ своей чертищей? Сидишь ты, чертище, прочь лицомъ отъ своей чертищи; поди ты, чертище, къ людямъ въ пепелищѣ (на пепелище?), посели, чертище, свою чертищу (такому-то) въ избищѣ; а въ той избищѣ, не какъ ты, чертище, со своей чертищей, живутъ людища мирно, любовно, другъ друга любить, чужихъ не не(на)видятъ. Ты, чертище, вели чертищѣ, чтобъ она, чертища, распустила волосища; какъ жила она съ тобой въ челнищѣ, такъ жилъ бы (такой-то) со своей женой въ избищѣ. Чтобъ онъ ее ненавидѣлъ. Не походя, не поступя, разлилась бы его ненависть по всему сердцу, а у ней по тѣлу неугожество, не могла бы ему ни въ чемъ угодить и опротивѣла бы ему своей красотой, омерзѣла бы ему всѣмъ тѣломъ. Какъ легко мнѣ будетъ отступить отъ тебя, какъ (такъ бы?) легко достать шапку изъ озерища; тебѣ, чертищу, хранить шапку въ озерищѣ отъ рыбы, отъ рыбака, отъ злого колдуна, чтобы не могли ее ни рыбы съѣсть, ни рыбака достать, ни злой колдунъ отколдовать на миръ и на ладъ. И вмѣсто рукописи кровной отдаю тебѣ я слюну.

Ив. 33 - 34.

г) Отъ ратныхъ орудій.

Летѣлъ орелъ изъ-за Хвалынскаго моря, разбросалъ кремни и кремницы по крутымъ берегамъ, кинулъ громову стрѣлу въ сыру землю.

И какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра, отъ громовой стрѣлы полымя, и какъ выходила грозная туча, и какъ проливалъ сильный дождь, чтобъ имъ покорилась и поклонилась селитра - порохъ смирнымъ-смирнехонько. Какъ дождь воды не пробилъ, такъ бы меня (такого-то) и моего коня искры и пули не пробивали, тѣло мое было бы крѣпче бѣлаго камня. И какъ отъ воды камни отпрядываютъ и пузыри вскакиваютъ, такъ бы отъ ратныхъ орудій прыдали мимо меня стрѣлы и порохъ-селитра. Слово мое крѣпко.

Ив. 23.

д) Заговоръ ратнаго человека, идущаго на войну.

Выхожу я во чисто поле, сажусь на зеленый лугъ; во зеленомъ лугу есть зелія могучія, а въ нихъ сила видима - невидимая. Срываю три былинки бѣлыя, черныя, красныя. Красную былинку метать буду за Окіанъ-море, на островъ на Буянъ, подъ мечъ - кладенецъ; черную былинку покачу подъ чернаго ворона, того ворона, что свилъ гнѣздо на семи дубахъ, а во гнѣздѣ лежить уздечка бранная съ коня богатырскаго; бѣлую былинку заткну за поясъ узорчатый, а въ поясѣ узорчатомъ завить-зашить колчанъ съ каленой стрѣлой, съ дѣдовской, татарской. Красная былинка притащитъ мнѣ мечъ-кладенецъ; черная былинка доставитъ уздечку бранную; бѣлая былинка откроетъ колчанъ съ каленой стрѣлой. Съ тѣмъ мечомъ отобью силу чужеземную, съ той уздечкою обрабаю коня яраго,

съ тѣмъ колчаномъ со каленой стрѣ-
лой разобью врага-супостата.

Заговариваю я ратнаго человѣка
(такого-то) на войну симъ загово-
ромъ. Мой заговоръ крѣпокъ, какъ
камень Алатырь.

Пб. 25—26.

е) То же.

На морѣ на Окянѣ, на островѣ
на Буянѣ, сидитъ добрый молодецъ
во неволѣ заточенъ. Къ тебѣ я при-
хожу, добрый молодецъ, съ поко-
рищемъ. Выдаютъ меня родные
братья во княжую рать одинокаго,
неженатаго, а во княжей рати мнѣ
по добру не жити. Заговори меня
своимъ молодецкимъ словомъ. —
Радъ бы стоять во полѣ за тебя, горь-
каго сиротину, да крѣпка моя не-
воля, да горька моя истома. Заго-
вариваю я тебя, раба (такого-то),
идти на войну во всемъ по тому, какъ
заповѣдывалъ мнѣ родной отецъ. А
будешь ты ратнымъ человѣкомъ,
ино будь сбереженъ—отъ топора,
отъ бердыша, отъ пищали, отъ та-
тарскія пики, отъ краснаго булата,
отъ борца-единоборца, отъ бойца
врага-супостата, отъ всей поганой
татарской силы, отъ казанской рати,
отъ литовскихъ богатырей, отъ чер-
ныхъ Божіихъ людей...

Пб. 30.

ж) Приговоръ на судей.

Есть подъ восточной страной,
стоитъ столъ—престолъ Господень,
Его Господа Бога престолъ силъ
небесныхъ, и не могутъ худо зрѣти
и смотрѣти очесми своими цари и
царицы, князи и княгини, бояра и

боярнии, попы и дѣяконы, судіи и
подьячіе, стрѣлцы, солдаты, всѣ ми-
ряна, крестьяна православные. И
также судіи на меня раба Божія
нирека не могли бы худо зрѣти,
очей и бровей своихъ повыздынуть
и лихима словама говорити и мол-
вити, и рукъ своихъ поднати и съ
крутости сердца разгорѣтся и вла-
гости (?) дѣла не произвести. Не-
бомъ и землею, именемъ Господнимъ
во вѣки, аминь!

Рыбн. IV. 253.

з) Кровь заговаривать.

Господи Исусе Христе. Во имя
Отца, Сына и Святого Духа!

Есть великій Окянъ - море; въ
томъ великомъ Окянѣ-морѣ есть
калена изба; въ той каленой избѣ
сидятъ три сестры, самому Хри(сту)
дочери. Большая сестра сидитъ у
порогу на золотомъ стулѣ, беретъ
иглу булатну, вдѣваетъ нить шол-
кову, зашиваетъ рану кровавую у
раба Божія нирека. Не было бы
не раны, не крови, не ломоты, не
болѣзни, не опухоли. Будь слово
мое крѣпко.

Рыбн. IV. 259.

и) Отъ зубной скорби.

Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряные
рожки, золотыя твои ножки. Сойди
ты, мѣсяцъ, сними мою зубную
скорбь, унеси боль подъ облака.
Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а
твоя сила могуча. Мнѣ скорби не
перенести, а твоей силѣ перенести.
Вотъ зубъ, вотъ два, вотъ три,—
возьми мою скорбь! Мѣсяцъ, ты мѣ-
сяцъ, сокрой отъ меня зубную скорбь.

Сахар. I, 2. 22.

1) Заговоръ охотника на утокъ, гусей, тетеревей.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на зеленой осоки, сидитъ птица, всѣмъ птицамъ старшая и большая, а держать она грамоту неписанную, и велитъ она всѣмъ птицамъ слетатися на (такія-то) озера и болота, и велитъ всѣмъ птицамъ сидѣть отъ утра до вечера, отъ утренней до вечерней зари, отъ ночи до полуночи. Заговариваю я, рабъ (такой-то), утокъ, гусей, тетеревей, всякую птицу вѣдомую и невѣдомую, сидѣть несходно по мой приходъ, по мое крѣпкое слово во вѣки ненарушимо.

Іѣ. 31.

ж) Отъ бѣшеной собаки.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ домъ, а въ томъ домѣ сидитъ старица, а держитъ она жало. Ты, старица, возьми свое жало и приди къ рабу (такому-то),

внѣ изъ раба (такого-то) жало смертное. Заговариваю раны болючія на рукахъ, на ногахъ, на головѣ, во лбу и въ затылкѣ, на бровяхъ и подбородкѣ. Будьте во вѣки вѣковъ на собакъ черной, сѣрой, красной, сѣдой, рыжей, бѣлой, сидите и во вѣки не сходите.

Іѣ. 31.

з) Отъ тоски.

Господи Исусе Христе. Во имя Отца, Сына и Святого Духа!

Вода — водица, рѣка — царица, зоря — зорица! Соймите тоску-кручину за синее море въ морскую пучину, гдѣ люди не ходятъ и на коняхъ не ѣздятъ. Какъ въ морской пучины сѣръ камень не (вс)таваетъ, такъ бы у раба Божія ии-река тоска-кручина къ ретивому сердцу не приступала и не приваливалась, отшатилась бы и отвалилась....

Рыбн. IV. 254.

VI. ПОСЛОВИЦЫ *).

1. Миѣическія.

Изъ пустого дупла—либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана (Вул.) ¹⁾.

Родила тетка, жилъ въ лѣсѣ, молился пнямъ (Ів.).

Вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли (Ів.).

Горы да овраги—чертово житѣе (Id.).

Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ бродить (Ів.) ²⁾.

Изъ омуた въ адъ какъ рукой подать (Ів.).

¹⁾ Изъ пустой избы и пр. Снегир.

²⁾ Вольно чорту въ своемъ болотѣ орать. Даль.

Моленой баранъ отлучился, инѣ гулящей прилучился (Ів.).

Обреченная скотинка ужъ не животинка (Ів.) ¹⁾.

Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ.

Пошелъ чортъ по тучу, анѣ изъ нея-то и стрѣльнуло.

Который Богъ вымочить, тотъ и высушить.

Богъ не Макешъ (Мокошь, языческое божество), чѣмъ нибудь да потѣшнить.

Умѣючи и вѣдѣму бьютъ (наотмашъ).

¹⁾ Общанная (также оброчная) скотина не животина Сн.

*) Пословицы выражаютъ или безусловное нравственное требованіе, которому необходимо слѣдуетъ подчинить свои дѣйствія для осуществленія идеала нравственной жизни,—таковы пословицы о *правдѣ* въ отношеніяхъ человека къ окружающему міру,—о правдѣ въ семьѣ, обществѣ, государствѣ; или онѣ являются выраженіемъ фактического, дѣйствительнаго, отношенія къ этой правдѣ, утверждаютъ, какъ *приходится*, а не какъ *следовало бы* поступать,—таковы всѣ пословицы о *кривдѣ*, отмѣчающія поступки и дѣйствія, идущіе въ разрѣзъ съ общепризнанной правдой. Такъ „своя земля и въ горсти мила“, говоритъ народъ и не забываетъ отмѣтить, какъ фактъ, частное явленіе—равнодушіе къ родинѣ, узкій и ограниченный эгоизмъ, выразившійся въ пословицѣ „хоть въ Ордѣ, только бы въ добрѣ“. Правда пословицъ относится къ кривдѣ, какъ общее къ частному, какъ идея къ исторически возникшему факту. *Кривда* пословицъ въ народной словесности имѣетъ такое же значеніе, какое басня въ литературѣ. „У кого воровство, а у насъ то и ремесло“, говоритъ пословица, и то же самое высказываетъ Крыловъ въ баснѣ „Лисица и Сурокъ“.

А вору дай хоть миллионъ,
Онъ воровать не перестанетъ.

„Нѣкоторые педагоги осуждали послѣдніе два стиха, которые будто бы придаютъ какой-то роковой характеръ воровству и очень легко могутъ заронить ложную мысль о несправимости пороковъ вообще. Забавная черта нравственно-педагогическаго пуризма! Крыловъ въ своихъ басняхъ выражалъ наличныя, передъ его глазами происходившія явленія общественной жизни нашей, а не то, что ему или другимъ было бы желательно видѣть“. (Галаховъ, Ист. Р. Сл., II, 327—328). На каждую изъ пословицъ о кривдѣ легко указать нѣсколько общезвѣстныхъ, съ дѣтства нами изучаемыхъ басенъ.

На межахъ да на распутьяхъ не-
чистая сила.

2. Историческія.

Хоть въ Ордѣ, да въ добрѣ (толь-
ко бы въ добрѣ).

Въ боярскій дворъ ворота широки,
да вонъ узки (о кабалѣ).

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день
(о переходѣ крестьянъ).

Были были (была былъ) и бояре
волкомъ выли (отъ стрѣльцовъ,
отъ опричниковъ).

Летитъ гусь на Святую Русь (На-
полеонъ).

Наступилъ на Землю Русскую, да
оступился (1812). Отогрѣлся въ
Москвѣ, да замерзъ на Берези-
нѣ (1812).

По милости боярской—самъ себѣ
Пожарской.

Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ
(Александръ Невскій).

И Мамай правды не съѣлъ.

Ослопъ—не Господь, а дубина не
судьбина (о судебныхъ поедин-
кахъ). (Сн.).

Правда у Петра Павла (гдѣ въ
Москвѣ былъ застѣнокъ).

Правда къ Петру и Павлу ушла,
а кривда по землѣ пошла.

На Волгѣ жить—ворами слыть (о
разбойникахъ волжскихъ). (Бул.).

Семеро пойдутъ—Сибирь возьмутъ
(объ уральскихъ. Ib.).

3. Бытовые.

А. Семейныя отношенія.

а) Дѣти и родители.—Воспитаніе.

Дѣти—благодать Божья.

Одинъ сынъ—не сынъ, два сына—
полсына, три сына—сынъ.

Первый сынъ Богу, второй—царю,
третій—себѣ на пропитаніе.

Безъ дѣтей тоскливо, съ дѣтьми—
водливо (вередливо).

Съ малыми дѣтьми горе, съ боль-
шими—вдвое.

Сынъ да дочь—красныя дѣтки.

Огонь—горячо, дитя—болячо.

Сына корми—себѣ пригодится; дочь
корми—людямъ снадобится.

Матушкинъ сынокъ, да батюшкинъ
горбокъ (и бадовень и упрямъ).

Дитя хоть криво, да отцу-матери
мило.

Свой бороноволкъ дороже чужого
работника.

Родилось чадушко—старѣ бабушки
(умничаютъ).

Даль Богъ сыночка, даль и ду-
бочка.

Родная мать и высоко замахивается,
да не больно бьетъ.

Не учили, когда поперекъ лавки
ложился; а во всю вытянулся,
такъ не научишь.

Не тотъ отецъ-мать, кто родилъ, а
тотъ, кто вспоилъ-вскормилъ да
добрѣ научилъ.

Отца-мать попряталъ, въ свою го-
лову завязалъ.

Въ сиротствѣ жить—слезы лить.

Не строй церкви, пристрой сироту.

Тогда сиротѣ и праздникъ, когда
бѣлую рубаху подадутъ.

Какое дерево, таковъ и клинъ;
каковъ батька, таковъ и сынъ.

Какое корень, таковъ и отпрыскъ.

Отецъ рыбаекъ и дѣти въ воду
смотреть.

Какое въ колыбелку, таковъ и въ
могилку.

Сколько ни мой гагару, все черна.
Знать ворону по полету.

Случается, что и вырождается.
 Бываетъ добрая овца и отъ без-
 путнаго отца.
 И отъ добраго отца родится бѣше-
 на овца.
 Заневѣстилась дочь, такъ росписи
 готовъ.
 Смиренье—дѣвичье ожерелье.
 Казаное — олово, неказаное — зо-
 лото.
 У доброй дѣвки ни ушей, ни глазъ.
 Не нарядъ дѣвку красить,—домо-
 стройство.
 Хорошая невѣста—худая жена.

б) Любовь—нелюбовь.

Любовь слѣпа.
 Любовь не пожаръ, а загорится—
 не потушишь.
 Не по хорошу милъ, а по милу хо-
 рошъ.
 Полюбится сова (сатана) лучше яс-
 наго сокола.
 Дѣвка парня извела, подъ свой но-
 ровъ подвела.
 Милый не злодѣй, а изсушилъ до
 костей.
 Насильно милъ не будешь.
 Крестомъ любви не свяжешь.
 Суженаго и на конѣ (на оглобляхъ,
 на кривыхъ) не объѣдешь.
 Милаго побои не долго болятъ.
 Приглядится милый—тошнѣй по-
 стылаго.

в) Женихъ — невѣста. — Женихъба. —
 Приданое.

Одна голова не бѣдна; а и бѣдна,
 да одна.
 Холѣстой легъ—свернулся, всталъ—
 встряхнулся.

Одна головня и въ полѣ гаснетъ,
 а двѣ дымятся (курятся).
 Одному и топиться итти скучно.
 Жениться—не лапоть надѣть.
 Жена не лапоть—съноги не сбросишь.
 Жену выбирай не глазами ушами,
 (по доброй славѣ).
 Красную жену не въ стѣнку врѣзать.
 Не кайся, рано вставши; а кайся,
 рано женившись.
 Не кайся, рано вставши, да молодъ
 женившись.
 Добрая женихъба—посхименение.
 Всякая невѣста для своего жениха
 родится.
 Невѣста родится, женихъ на коня
 (на конь) садится (на коня са-
 жали 3—7 лѣтъ).
 Замужъ выходи—въ оба гляди.
 Весела за столомъ, не повой (не
 повѣтъ бы) за столбомъ.
 Не найдешь паренька, выйдешь и
 за пенька.
 Мужъ не башмакъ, съ ноги не сбро-
 сишь.
 Безприданница—безотвѣтница.
 Женился богатый на сонливой: оба
 счастливы.

Не выбирай невѣсту, выбирай сваху!
 У свахи-неряхи и невѣсты неприяхи.
 Вѣрь приданому послѣ свадьбы!
 Въ потравѣ—не хлѣбъ, въ дол-
 гахъ (въ людяхъ)—не деньги,
 въ приданомъ—не животы.
 Сундукъ съ бѣльемъ, да невѣста
 съ бѣльмомъ (съ горбомъ).
 Два полотенца изъ дубоваго по-
 лѣнца (приданое).

г) Мужъ и жена—Семья; родня.

Одинъ женился — свѣтъ увидалъ;
другой женился—съ головою про-
палъ.

Женился, какъ на льду обломился.
Стужа да нужда, а лучше худого
мужа.

Хоть лыками спать, да мужъ.
Съ нимъ горе, а безъ него вдвое.
Умная жена, какъ нищему сума
(все сбережетъ).

Не надобенъ и кладъ, коли у мужа
съ женой ладъ.

Мужъ съ женой, что мука съ водой
(сболтать сболтаешь, а разболтать
не разболтаешь).

Вѣстѣ тѣсно, а розно — тошно.
Жена безъ грозы — хуже козы.
Люби жену, какъ душу,— тряси ее,
какъ грушу.

Учи жену безъ дѣтей, а дѣтей безъ
людей.

Чего жена не любитъ, того мужу
вѣкъ не ѣдать.

Мужъ пашетъ (плачетъ), а жена
пашетъ (скачетъ).

Лучше камень долбить, нежели злую
жену учить.

Желѣзо уваришь, а злой жены не
уговоришь.

Изъ дому жена, а изъ лѣсу змѣя
(т. е. выживаетъ).

Любовь да совѣтъ, такъ и нуждочки
(и горя) нѣтъ.

Вся семья вмѣстѣ, такъ и душа на
мѣстѣ.

Два брата — на медвѣдья, а два
свата (свойка) на кисель.

Свекоръ гроза, а свекровь вѣстѣ
глаза.

Богоданны сестрицы—крапива жгу-
чая.

Золовка хитра на уловки.

Всѣ въ семьѣ спать, а невѣстѣ
молоть велятъ.

Я не въ большую сноху, не упрямя
(говор. деверь).

Тестъ любить честь, зять любить
взять, а шуринъ глаза щурить.

Сыръ калача бѣлѣе, а мать мачехи
милѣе.

Изъ дому гонить мачеха, а изъ
лѣсу медвѣдь.

Дочернины дѣти милѣе своихъ.
У кого есть дѣдъ, у того и обѣдъ.

д) Домъ.—Хозяйство.

Своя хатка—родная матка.

Держись друга стараго, а дома но-
ваго.

Всякій домъ хозяиномъ держится.

Домъ красится хозяиномъ.

Безъ хозяина домъ—сирота.

Домъ вести — не бородой (не вожей)
трясти.

Два медвѣдья въ одной берлогѣ не
живутъ (не уживутся).

Запасливый лучше богатаго.

Домомъ не управилъ, такъ и во-
лостью (городомъ) не управить.

Щей горшокъ, да самъ большой.

Хозяинъ въ дому — что медвѣдь въ
бору (что какъ хочеть, такъ и
вороча'тъ).

Всякъ въ своемъ добръ воленъ.

Въ своей семьѣ самъ большой (всякъ
воленъ).

Не потакай своимъ, чтобы задать
страха чужимъ.

Б. Общественныя отношенія.

а) Сосѣдъ.

Не купи двора, купи сосѣда.

Безъ брата проживу, а безъ сосѣда
не проживу.

Сосѣда держись.

Съ сосѣдомъ дружись, а тынъ (а
заборъ)городи.

Межи да грани—ссоры да брани.

б) Миръ.—Народъ.

Гласъ народа—гласъ Божій.

Что міромъ положено, тому быть такъ.

Миръ за себя постоить.

Мира не перетянешь.

На миръ и суда нѣтъ. Миръ судить
одинъ Богъ.

Миръ зинетъ — камень треснетъ.

Коли всѣ міромъ воздохнуть, и до
царя слухи дойдутъ.

Міру въ окно не подать (т. е. не
просить, не принимаетъ подая-
нія).

Мірская шея толста (т.-е. много
снесетъ, сможетъ).

Миръ сразу не похоронишь.

Въ міру виноватаго нѣтъ.

Отъ міру прочь—не мірянинъ.

Съ волками жить — по-волчьи
вать.

Былъ бы запѣвала, а подголоски
найдутся.

Сто головъ—сто умовъ.

Мужикъ уменъ, да миръ дуракъ.

в) Родина.—Русь.—Царь.

За моремъ теплѣе, а у насъ свѣт-
лѣе (веселѣе).

Всякому мила своя сторона.

Своя земля и въ горсти мила.

И кости по родинѣ плачутъ (по
преданію, что въ нѣкоторыхъ
могилахъ слышенъ вой костей).

Всякъ куликъ свое болото хвалить.

Родиная сторона—мать, чужая—
мачеха.

На чужой сторонѣ и сокола зовутъ
вороною.

Гдѣ сосна выросла, тамъ она и красна.

На одномъ мѣстѣ и камень мохомъ
обростаеъ.

Дома сидѣтъ—ничего не высидѣтъ.

И куликъ чужу сторону знаетъ.

Ищи добра на сторонѣ, а домъ люби
по старинѣ.

Русскимъ Богомъ да русскимъ ца-
ремъ Святорусская Земля стоить.

Велика Святорусская Земля, а вездѣ
солнышко.

Русскій вародъ не боится креста,
а боится песта.

Русскій человекъ любитъ авось,
небось да какъ-нибудь.

Русскій терпѣливъ до зачина. Рус-
скій задѣра ждетъ.

До неба высоко, до царя далеко.

Царю застятъ, народъ напастятъ.

Царь безъ слугъ, какъ безъ рукъ.

Не вѣдаетъ царь, что дѣлаетъ псарь.

Не князь грѣшитъ, а думцы на-
водятъ.

Не бойся царскаго гоненія, бойся
царскаго гонителя.

В. Сословія.—Занятія.—Промыслъ.

а) Прятать; помѣщикъ, однодворецъ;
крестьянинъ ¹⁾.

Безъ попа—не приходъ.

Безъ попа, какъ безъ соли (Сн.)

Попа и въ рогожѣ знать.

Попъ сытъ отъ алтаря, а дьячекъ
отъ пономаря (Сн.)

Барская милость—Божья роса.

Пропали наши головы за боярами
голыми.

¹⁾ Почти всѣ пословицы этого отдѣла
имѣютъ уже историческое значеніе.

Дворянская кровь и въ Петровке
мерзнетъ (зябнетъ).

Хоть лыкомъ шить—да баринъ.
Хоть не стоитъ лыка, да ставъ за
велика.

Не будетъ лапотника, не станетъ
и бархатника.

Сколько дворовъ, столько господъ
(о мелкоѣстныхъ).

У всякаго крестьянина по семи
баринѡвъ.

Сколько рабовъ, столько враговъ.
Казенный крестьянинъ живетъ, какъ
Богъ велитъ, а барскій, какъ ба-
ринъ разсудитъ.

Вольному (казенному) просторнѣе,
барскому спокойнѣе (жить).

Барская хворь—мужицкое здоровье.
Мужикъ, что рогатина: какъ упрется,
такъ и стоитъ.

Мужикъ, что мѣшокъ: что положишь,
то и несетъ.

На мужикѣ кафтанъ хоть сѣръ, да
умъ у него нечортъ (волкъ) сѣѣлъ.

Не бей мужика дубьемъ, а бей ру-
blemъ (полтиной).

И мужикъ знаетъ, кто на него лаетъ.

б) Купецъ.—Торговля.

Родство—дѣло святое, а торговля—
дѣло иное.

Товаръ лицомъ продаютъ.

Намъ товару не хвалить, такъ и
не свалить.

Торгуй правдою, больше барыша
будетъ.

Обманомъ барыша не наторгуешь.
Безъ божбы не продать. Купецъ бо-
жится, а про себя отрекается.

Не солгать, такъ и не продать.
Барышъ съ накладомъ на одинъхъ
саняхъ ѣздить.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ.

в) Солдатъ.—Матросъ.

У царя колоколъ по всей Россіи
(рекрутскій наборъ).

Пошелъ на службу—терпи и нужду.
Сколько ни служить, а въ отставкѣ
быть.

За Богомъ молитва, а за царемъ
служба не пропадаетъ.

Солдатская голова, что подъ до-
ждичкомъ трава (Ся.).

Солдатъ, что багоръ: что зацѣпилъ
то и потащилъ. (Ся.).

г) Бурлакъ.

У бурлака—когда бѣлая рубаха,
тогда и праздникъ.

Бурлакъ, что сиротка: когда бѣлая
рубашка, тогда и праздникъ.

Дома бурлаки—бараны, а на плесу—
буяны.

д) Лихіе люди.

Это не покоръ, что за поясомъ то-
поръ: подумаютъ, что плотникъ,
а не воръ. (Б.).

У кого воровство, а у насъ то и
мастерство. (Б.).

Удуши, да въ глуши. (Б.).

Кому лопата, а намъ ломъ; кому
острогъ, а намъ домъ. (Б.).

На дворъ черезъ заборъ, а въ
тюрьму дверьми. (Б.).

Тѣмъ гостямъ тюрьма по костямъ (Б.).
Вору висѣлица неизмѣнный другъ.
(Б.).

4. Пословицы нравственныя, юридическія, религіозныя.

а) Судьба.—Счастье.

Отъ судьбы не уйдешь. Отъ бѣды
не уйти.

Чему быть, того не миновать.
Кому сгорѣть, тотъ не утонетъ.
Солдату умереть въ полѣ, матросу
въ морѣ.
Повадился кувшинъ по воду ходить,
тамъ ему и голову сложить.
Коли быть собакѣ битой, найдется
и палка.
Не суженый кусъ изо рта валится.
Бѣда не по лѣсу ходить, а по лю-
дямъ.
Гдѣ бѣда ни шаталась, а къ намъ
прикатилась.
У счастливаго умираетъ недругъ,
у несчастнаго другъ.
Поѣхали пировать, а пришлось горе
горевать.
Отъ волка бѣжалъ, да на медвѣдя
попалъ (напалъ).
Отъ сумн да отъ тюрьмы—никто
не отрекайся!
Хотѣлось постричься, а довелось
жениться (и наоборотъ).
Дуракъ спать, а счастье въ голо-
вахъ лежить.
Во снѣ счастье, наяву ненастье.
Бладъ да жена — на счастливаго.
Жеребій — Божій судъ.
Кому счастье служить, тотъ ни о
чемъ не тужить (Сн.).
Счастье не батракъ: за вихоръ не
притянешь.
Счастье дороже богатства.
Счастье съ несчастьемъ дворъ объ
дворъ живутъ.
Счастью не вовсе вѣрь. На счастье
не надѣйся!
Счастье везетъ дураку, а умному
Богъ далъ.
Счастье безъ ума — дырявая сума
(что найдешь, то и потеряешь).
Кабы зналъ, гдѣ упасть, такъ со-
ломки бъ подостлалъ.

б) Законъ, обычай.—Судъ.

Не долго той землѣ стоять, гдѣ
учнутъ уставы ломать.
Обычай старше (сильнѣе) закона.
Не нами установилось, не нами и
переставится.
Повальный обычай — что царскій
указъ.
Въ чужой монастырь со своимъ
уставомъ не ходятъ.
Что старѣе, то правѣе, а что мо-
ложе, то дороже (Сн.).
Судъ не на судъ, а на разсудъ.
Законъ преступить,—въ тьму посту-
пить (Сн.).
Нужда закона не знаетъ, а черезъ
шагаетъ.
Дураку законъ не писанъ.
Не бойся закона, бойся судьи (или
законника).
Законъ — дышло: куда захочешь,
туда и воротишь.
Законъ, какъ паутина: шмель про-
скочетъ, а муха увязнетъ (Сн.).
Что мнѣ законы, коли (были бы)
судьи знакомы.
Судья суди, да и за судьей гляди!
Идучи на судъ—не хвались!
Судья, что плотникъ: что захочетъ,
то и вырубить.
Изъ суда—что изъ пруда: сухъ не
выйдешь.
Въ судъ ногой—въ карманъ рукой.
Всякъ подьячій любить калачъ го-
рачій.
Земля любитъ навозъ, лошадь—
овесъ, а воевода (или судья)
принось.
Передъ Богомъ ставь свѣчку, пе-
редъ судьей—мѣшокъ!

в) Грамота.—Ученье.

Грамотѣ учиться—всегда (впередѣ) пригодится.

Кто грамотѣ гораздъ, тому не пропасть.

Не перомъ пишутъ—умомъ.

Безъ мѣки нѣтъ и науки.

Ученье—свѣтъ, неученье—тьма.

За ученаго (битаго) двухъ неученыхъ (небитыхъ) даютъ, да и то не берутъ.

Знайка дорожкой бѣжитъ, незнайка на печкѣ лежитъ.

Красна птица перьемъ, а человѣкъ ученьемъ.

г) Правда и кривда.

Правда чище яснаго солнца.

Дороги твои сдрокъ соболей, а на правду цѣны нѣтъ.

Безъ правды не житье, а вытье.

Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь (или: а правду-матку рѣжь).

Хлѣбъ-соль кушай, а правду слушай. На правду суда нѣтъ.

Правда — кусъ купленный, неправда — краденый.

Правда не рѣчища.

Правда рогатиной (или копыломъ) торчитъ.

Неправдою свѣтъ пройдеши, да назадъ не воротиться.

Неправда (или: грѣхъ), что дуга ветловая: концы въ водѣ, такъ середка наружу; середка въ водѣ — концы наружу.

Рать стоитъ до мира, ложь до правды.

Правда прямо идетъ, а съ нею не разминешься.

Правда со дна моря выносить.*

Прямой, что слѣпой: ломить зря.

Правда у Бога, кривда на землѣ.

Всякъ правду знаетъ, да не всякъ ее баеъ (говорить, высказываетъ).

Всякъ правду любитъ, а всякъ ее губить.

Правда по-міру ходить.

Правду говорить—себѣ досадить.

Не будь лжи, не стало бы и правды.

Умная (сладкая) ложь, лучше глупой (горькой) правды.

Правда прежде насъ померла.

Красно поле рожью, а рѣчь ложью (т. е. краснымъ словцомъ).

Живутъ люди неправдой — не ухвоятся.

Была правда, да въ лѣсъ ушла (или: да закуржавѣла).

г) Горе.

Не годы старять — горе.

Ржа желѣзо ѣсть (или: крушить), а печаль сердце.

Горе, что ногти (т. е. все растеть); счастье — кудри (т. е. скоро вянуть).

При порѣ — съ умомъ, безъ поры — съ сумой.

Горе спору: сбудеши, да не скоро.

Бѣда не дуда: поигравъ, не кинешь.

Горе лыкомъ подпоясано.

Не столько смертей, сколько скорбей.

Наши плачутъ, да и ваши не скачутъ.

И жидка слеза, да ѣдка.

Бѣда и богатаго мужика бездомить.

Горе горевать — не пиръ пировать.

Горе да бѣда — съ кѣмъ не была?

Во всякомъ худѣ не безъ добра.

Натерпишься горя — узнаешь какъ жить (или: научишься жить).

Придетъ бѣда — купишь ума.

Чужая бѣда не даетъ ума.
 Что мучить, то и учить.
 Горе не море: выпьешь до дна.
 Обживешься, такъ и въ аду ничего.
 И крута гора, да забывчива; и лиха
 бѣда, да сбывчива.
 Подумаешь—горе; а раздумаешь—
 власть Господня.

е) Жизнь.—Смерть.—Душа.—
 Богъ.—Грѣхъ.

Жизнь пережить—не поле перейти.
 Тяжелъ крестъ, да надо несть.
 Жизнь даетъ одинъ только Богъ,
 а отнимаетъ всякая гадина.
 Кого Богъ накажетъ, тотъ самъ
 помретъ; а другого любя прибе-
 ретъ.
 Бойся Бога: смерть у порога.
 Охъ, да охъ, поколѣ терпитъ Богъ.
 Дай Богъ умереть, да дай Богъ
 покаяться!
 Каково житье, таково и на томъ
 свѣтѣ вытье.
 Каково житье, таково и смерть.
 Изъ-за гроба нѣтъ голоса.
 Мертвыхъ на погостъ хоть и въ
 великій постъ.
 Смерть—душѣ просторъ.
 Жить—Богу служить.
 Другъ объ другѣ, а Богъ обо всѣхъ.
 Дастъ Богъ день, дастъ Богъ и
 пишу.

Богъ души не вынетъ—сама душа
 не выйдетъ.
 Человѣкъ (или: кто) съ лихостію,
 а Богъ съ милостію.
 Суда Божьяго околицей не объ-
 ѣдешь.
 Безъ Бога—ни до порога.
 Сѣй—разсѣвай, да на небо взирай;
 Первый звонъ — чертямъ разгонъ.
 другой звонъ — перекрестись; тре-
 тій звонъ — оболокись (одѣнься,
 иди въ церковь!)
 Одно трости: Господи прости!
 Не стоитъ городъ безъ святого, се-
 ление безъ праведника.
 Богу молись, а къ берегу гребись!
 На Бога надѣйся, а самъ не плошай.
 Знаютъ и чудотворцы, что мы не
 богомольцы.
 Люди темные: не знаемъ, въ чемъ
 грѣхъ, въ чемъ спасенье.
 Грѣхъ сладокъ, человѣкъ падокъ.
 Грѣхъ сладко, а человѣкъ падко (Сн.).
 Силенъ бѣсъ: и горами качаетъ.
 Бѣсъ качаетъ горами, не только
 нами.
 Богово дорого, бѣсово дешево.
 Чортъ безсиленъ, да батракъ его
 силенъ (т. е. человѣкъ) ¹⁾.

¹⁾ Пословицы, отмѣченные буквою В.
 заимствованы изъ Ист. Очерк. Буслаева.
 (т. I, стр. 78 и сл.); отмѣченные Сн.—изъ
 Русскихъ пословицъ Снѣгирева; остальные
 вняты изъ Пословицъ русскаго нар. Дала.

VII. ЗАГАДКИ.

А. Природа и ея явленія.

1. Земля.

Меня бьютъ, колотятъ, ворочаютъ,
рѣжутъ,—я все терплю и всѣмъ
добромъ плачу. Сад. Заг. 225.

2. Небо.

Синенька шубенка покрыла весь
міръ. Сад. Заг. 225.

3. Солнце.

Сито вито, кругловато, — кто ни
взглянетъ, тотъ заплачетъ. Ів.

Не стукнетъ, не брякнетъ, ко вся-
кому подойдетъ. Ів.

Буряя корова черезъ прясло глядитъ.
Ів.

По зарѣ зарянкой катится шаръ
вертлянскій; никому его ни обойти,
ни объѣхать. Ів. 226.

4. Солнечный лучъ.

Изъ окна въ окно золото веретено.
Ів.

Мету, мету—не вымету; пора при-
детъ—самъ(о) уйдетъ. Ів. 227.

5. Мѣсяцъ.

Бѣлоголова корова въ подворотню
смотритъ. Ів. 228.

За бабиной избушкой виситъ хлѣба
краюшка; собаки лаютъ, а до-
стать не могутъ. Ів. 229.

Идетъ лѣсомъ—не треснетъ; идетъ
плесомъ—не плеснетъ. Ів. 229.

Камень—пламень.

6. Звѣзды.

Выгляну въ окошко: стоитъ рѣны
лукошко. Ів. 321.

Написана грамотка по синему бар-
хату, и не прочесть этой гра-
мотки ни попамъ, ни дьякамъ,
ни умнымъ мужикамъ. Ів. 231.

7. Небо, звѣзды, мѣсяцъ.

Поле не мѣряно, овцы не считаны,
пастухъ рогатый. Ів. 233.

Постелю рогожку, посыплю горошку,
посреди—хлѣба краюшку. Ів. 233.

8. День и ночь,—и солнце.

Бѣлый волъ всѣхъ поднятъ, черная
корова всѣхъ поборола. Ів. 234.

Пол-дуба сырого, пол-дуба сухого,
а на маковкѣ цвѣтъ во весь
вольный свѣтъ. Ib. 234.

9. *День.*

Къ вечеру умираетъ, къ утру оживаетъ.
Ib. 235.

10. *Ночь.*

Махнула птица крыломъ, покрыла
(закрыла) весь свѣтъ однимъ перомъ.
Ib.

11. *Вѣтеръ.*

Сивый жеребецъ на все царство
ржетъ. Ib. 237.

Летитъ тарханъ по всѣмъ торгамъ;
безъ полъ кафтанъ, безъ пуговицъ.
Выше лѣса, тоньше колоса. Ib.

12. *Громъ. Гроза (громъ и молнія).*

Конь бѣжитъ,—земля дрожитъ.
Ib. 242.

Туръ ходитъ по горамъ, турица-то
по доламъ, туръ свиснетъ, турица-то
мигнетъ. Ib. 241.

Летитъ огневая стрѣла, никто ее
не понимаетъ: ни царь, ни царица,
ни красная дѣвица. Ib. 242.

13. *Дождь. Радуга.*

До неба достанетъ, а отъ земли не
видать. Ib. 239.
Крашеное коромысло черезъ рѣку
свисло.

14. *Вьюга. Снѣгъ.*

Около села лошадка весела.
Ib. 244.

Летитъ — молчитъ, лежитъ — молчитъ,
когда умретъ, тогда зареветъ.

На дворъ — горой, а въ избѣ — водой.
Ib. 244.

15. *Морозъ.*

Безъ клина, безъ топора мостъ
моститъ. Ib. 245.

Старикъ у воротъ тепло уволокъ,
самъ не бѣжитъ и стоять не велитъ.
Ib. 246.

Б. *Человѣкъ. — Пища. — Одежда.*

16. *Младенецъ у груди, — съ зыбкѣ.*

Пришелъ Кащей безъ вѣсти, ѣлъ
барана безъ кости; Кащей сытъ
и баранъ цѣлъ. Ib. 113.

Стоитъ градъ ни на водѣ, ни на
землѣ; въ томъ градѣ — воевода
нѣмъ. Ib. 113.

17. *Младенецъ, середовой, старикъ.*

Три года — яйцо: тридцать лѣтъ —
медвѣдь; шестьдесятъ лѣтъ — курица.

18. *Человѣкъ.*

Стоять вилы, на вилахъ — кузовъ,
на кузовѣ — махало, на махалѣ —
зѣвало, на зѣвалѣ — сморгало, на
сморгалѣ — глядѣла, на глядѣ-
лахъ — роща. Ib. 215.

19. *Голова.*

Шелковъ клубъ, семь дыръ вокругъ.
Ib. 216.

20. *Глаза.*

Братъ съ братомъ черезъ дорожку
живутъ, одинъ другого не ви-
дятъ.
Ib. 220.

Долгія вожжи: черезъ сине море
хватятъ, черезъ буйну голову не
хватятъ.
Ib. 221.

21. *Носъ.*

Рядомъ два колодца, а между ними
одна перегородка.
Ib. 220.

22. *Ухо.*

Плосконька досочка, по краямъ—
обшивочка, а въ середкѣ — ды-
рочка.
Ib. 223.

23. *Зубы.*

Полонъ хлѣвецъ бѣлыхъ овецъ.
Ib. 216.

Около прорубки сидятъ бѣлыя го-
лубки.
Ib. 217.

23. *Языкъ.*

Лежитъ колода въ болотѣ, — не мок-
нетъ, не гніетъ и отъ берега не
плыветъ.
Ib. 218.

Въ темномъ подпольѣ мокрый те-
ленокъ лежитъ.
Ib. 219.

25. *Опара.*

Выше дерева растеть.
Ib. 57.

26. *Хлѣбы въ печи. Хлѣбъ и
лопата.*

Выпашу чисто поле, нагоню чер-
ныхъ овецъ.
Ib. 58.

Полонъ хлѣвецъ безхвостыхъ овецъ;
одна была съ хвостомъ и та ушла.
Ib. 58.

27. *Каравай.*

Летѣла сова изъ Краснаго Села,
сѣла сова на четыре кола.
Ib. 59.

28. *Соль.*

Въ водѣ родится, а воды боится.
Ib. 60.

29. *Щи.*

Дорогой капиталъ всѣ души напи-
таль.
Ib. 61.

30. *Каша.*

Въ городѣ Торжкѣ продаютъ бабу
въ горшке.
Ib. 61.

31. *Лопша.*

Сидитъ на ложкѣ, свѣсивъ ножки.
Ib. 62.

32. *Блины (пирогѣ).*

Берега желѣзны, вода дорога, рыба
безъ костей.
Ib. 63.

33. *Масло.*

Желтенька собачка въ конурѣ ле-
жить.
Ib. 65.

34. *Яйцо.*

Полна бочка вина; ни клепекъ, ни
дна. Ib. 66.

35. *Стаканъ съ виномъ.*

Стоить море на пяти столбахъ.
Царь-то говорить: „потѣха моя!“
а царица говорить: „погибель
моя!“ Ib. 66.

36. *Чай.*

Возьметъ черно, нальетъ красно;
панъ кричить: „сладко!“ мужикъ
кричить: „гадко!“ Ib. 67.

37. *Сахарная голова.*

Синій мундиръ, бѣла подкладка, въ
серединѣ сладко. Ib. 67.

38. *Рубашка.*

День-деньской скачетъ, пляшетъ и
на покой идетъ со мной. Ib. 78.

38. *Шапка.*

Сижу верхомъ, не вѣдаю на комъ.
Ib. 79.

40. *Лапти.*

Голова есть — мозгу нѣтъ; уши
есть — слуха нѣтъ; спина есть —
брюха нѣтъ. Ib. 79.

41. *Сапоги.*

Двѣ дороги пришло, — въ обѣи по-
шелъ. Ib. 80.

Б. *Домъ и хозяйство. — Домашнія
животныя.*

42. *Топоръ.*

Лицомъ къ стѣнѣ, а спиной къ избѣ.
Ib. 1.
На дворѣ кланяется, а придетъ до-
мой — растянется. Ib. 1.

43. *Долото.*

Вѣжить боровокъ разбитый лобокъ.
Ib. 2.

44. *Пила.*

Скоро ѣсть, мелко жуетъ, сама не
глотаетъ, другой сытъ бываетъ.
Ib. 2.

45. *Бревно и мозгъ.*

Сто гостей, сто постель, у всѣхъ
по войлочку. Ib. 3.

46. *Матница. Накатъ на матицу.*

Мать въ избѣ, рукава — на дворѣ.
Ib. 5.

Сорокъ братанъ на одномъ столовеѣ
спять.

47. *Полъ и потолокъ.*

Братъ съ сестрой видится, а не
сходится. Ib. 6.

48. *Окна.*

Много сосѣдей рядомъ вѣкъ живутъ,
а никогда не видятся. Ib. 7.

49. *Оконное стекло.*

Въ избѣ мерзнетъ, а на дворѣ не
мерзнетъ. Ib. 8.

50. *Дверь.*

Не шагаетъ, а ходитъ. Гб. 8.
По сѣнямъ ходитъ, а въ избу ней-
детъ. Гб. 8.

51. *Замокъ.*

Не ѣстъ, не даетъ, въ домъ не
пускаетъ. Гб. 11.

52. *Жилая изба.*

Дубъ дировать, въ дубу ядра го-
ворять. Гб. 13.

53. *Печь.*

Лѣтомъ спитъ, зимой ѣстъ; тѣло
тепло, а крови нѣтъ. Гб. 14.

54. *Сѣтецъ.*

Стоитъ Чурило, замазано рыло.
Гб. 22.

Стоитъ старецъ, крошитъ тюрю въ
ставецъ. Гб. 22.

55. *Горящая лучина.*

Красный кочетокъ по нашествѣ бѣ-
житъ. Гб. 23.

56. *Сѣтча.*

Самъ голый, рубаха въ пазухѣ.
Гб. 24.

57. *Икона.*

Спиной къ стѣнѣ, а лицомъ къ избѣ.
Гб. 26.

58. *Столъ.*

Четыре брата однимъ кушакомъ
подпоясаны, подъ одной шляпой
стоятъ. Гб. 26.

59. *Стулъ.*

Съ ногами безъ рукъ; съ боками
безъ реберъ; съ сидѣньемъ безъ
живота; со спиной безъ головы.
Гб. 27.

60. *Постель.*

Четыре ноги, да не звѣрь; есть
перья, да не птица. Гб. 28.

61. *Рукомойка и полотенце.*

Встану рано, подойду къ барану,
къ широкой бородѣ, къ пустой
(толстой) головѣ. Гб. 29.

62. *Кочерга.*

Черный конь прыгаетъ въ огонь.
Гб. 35.

63. *Ухватъ.*

Рогать, да не быкъ; хватаетъ, да
не сытъ; людямъ отдаетъ, а самъ
на отдыхъ идетъ. Гб. 37.

64. *Горшокъ.*

Молодъ былъ — отца-мать кормилъ,
старъ сталъ — пеленаться сталъ.
Гб. 38.

65. *Ковшъ.*

Рыба въ морѣ, хвостъ на заборѣ.
Гб. 48.

66. *Ведро.*

Два братца пошли въ воду купаться.
Ib. 51.

67. *Чашка и ложки. Ножъ.*

Цѣло корыто лебедей намыто.
Ib. 52.
Поѣвши, конь въ ясли палъ.
Ib.

69. *Сани, телѣга, лошадь.*

Одинъ говоритъ: какъ зиму зимо-
вать? другой говоритъ: какъ лѣто
лѣтовать? а третій говоритъ: мнѣ
и зиму и лѣто перемѣны нѣту.
Ib. 115.

70. *Рыдванъ съ дышлою.*

Ѣдетъ орда, оглобля одна, а дуги
ни одной.
Ib. 118.

71. *Дуга.*

Станетъ—выше лошади; ляжетъ—
ниже курицы.
Ib. 118.

72. *Лошадь.*

Не пахарь, не столяръ, не кузнецъ,
не плотникъ, а первый въ селѣ
работникъ.
Ib. 103.

73. *Корова.*

Четыре ходаста, два бодаста, седь-
мой хлестунъ.
Ib. 104.

74. *Свинья.*

Ничего не болитъ, а все стонетъ.
Ib. 107.

75. *Овца.*

По горамъ, по горамъ, ходитъ шуба
да кафтанъ
Ib. 109.

76. *Собака.*

Въ избѣ—пирогомъ, а на дворѣ—
калачомъ.
Ib. 110.

77. *Кошка.*

Бѣжитъ Орина изъ овина; въ заду
—тычина.
Ib. 111.

78. *Курица.*

Семьдесятъ одеждъ—и все безъ за-
стежъ.
Ib. 112.

79. *Птухъ.*

Два раза родится, ни одна не
крестится—чортъ его боится.
Ib. 113.

Г. Семья.

80. *Семья и женихъ.*

Въ нашемъ житѣ—хорошій ростокъ.
Ib. 260.

81. *Невѣста.*

Голубка куплю, стану горе горевать:
голубка некуда дѣвать.
Ib. 260.

82. *Зять.*

Одно дитя роженое, другое—суже-
ное.
Ib. 260.

83. *Ссора мужа съ женой.*

Помутилася вода съ пескомъ.
Ib. 261.
Дымъ съ чадомъ сошелся.
Ib. 261.

Д. Село.—Обитатели.

84. *Церковь.—Колокольная.*

Тень-тень-потетень, выше города
плетень.
Ib. 122.
Плеть плетена, вверхъ ведена во
сто угловъ, въ тысячу рублей.
Ib. 122.
Стоитъ бнѣкъ на горахъ о семи го-
ловахъ; ребра стучать, бока го-
ворять.
Ib. 123.

85. *Колоколъ и звонъ.*

За уши повѣсятъ, за языкъ дер-
нутъ; станетъ говорить—такъ за
версту слышно.
Ib. 124.
Ржетъ жеребецъ на перегородѣ,
слышно его голосъ въ Новгородѣ.
Ib. 125.
Сидитъ пѣтухъ на столбѣ, хвостъ
по полу, а голосъ по небу.
Ib. 125.

86. *Церковь, прихожане, свѣчи,
дѣтми.*

На горѣ горынской стоитъ дубъ со-
рочинской; прилетали птицы,
брали по спицѣ, вляли по яблоку.
Ib. 129.

87. *Кузня.*

Зайду я въ топотушку, загляну въ
работушку: стоитъ пузырь съ по-
бракующей.
Ib. 130.

88. *Мельница.*

Стучить, бренчить, сто коней бѣ-
жить; что есть въ околodкѣ, весь
хлѣбъ поѣсть.
Ib. 130.

89. *Жернова.*

Два борова дерутся, промежъ ихъ
пѣна валить.
Ib. 130.

90. *Баня.*

Въ осиновомъ колѣѣ воютъ волки—
и въ пять, и въ шесть, и въ
двадцать есть.
Ib. 130.

91. *Кабакъ.*

На полѣ полищѣ стоитъ зеленище;
въ томъ зеленищѣ: сусло, масло,
легость, болѣсть и смерть неда-
леко.
Ib. 129.

92. *Околица и поле.*

Криво да мимо, куда побѣжало?—
Зелено—лукаво, тебя стеречи!
Ib. 139.

93. *Знахарь.*

По рублю ступаетъ, рубль поды-
маетъ; на полтину глядитъ, сто
рублей говоритъ.
Ib. 139.

94. *Пазарь.*

Временемъ разсѣваю, временемъ со-
бираю, самъ снѣтъ бываю и дру-
гихъ кормлю.
Ib. 146.

95. *Мужики и бабы.*

Семь топоровъ въ подлавицѣ смирно
лежатъ, двѣ пралки рогами врозь.
Ib. 299.

96. *Рыбакъ.*

По мосту идетъ—ничего не найдетъ,
а какъ въ воду ступилъ, всего
накупилъ. Ib. 199.

97. *Рыбаки, рыба, вода, неводъ.*

Домъ шумить, хозяева молчать,
пришли люди, хозяевъ забрали,
домъ въ окошки ушелъ. Ib. 199.

 Е. Земледѣльческія орудія и работы.

98. *Соха.*

Лѣтомъ обумши, зимой разумши.
Ib. 140.

Баба-яга—вилами нога, весь міръ
кормить—сама голодна. Ib. 140.

99. *Борона.*

Сито вито о четыре угла. Ib. 141.
О ста ногахъ, о семи хребтахъ.
Ib. 141.

100. *Серпъ.*

Маленькій, горбатенькій, все поле
обрышетъ, домой прибѣжитъ—
цѣлый годъ пролежитъ. Ib. 141.

101. *Коса.*

Травы поѣмъ—зубы притуплю; песку
хвачу—опять навозюрю. Ib. 142.

102. *Цѣпъ.*

Голый одѣтыхъ убиваетъ, а самъ
всегда раздѣтъ бываетъ. Ib. 142.

103. *Пашутъ.*

Черная корова все поле перепорола.
Ib. 145.

104. *Сѣютъ.*

Чашечка медку закопана въ ледку
до новаго годку! Ib. 146.

105. *Косятъ.—Стогъ.*

Рыбина бѣлужина хвостомъ виль-
нула: лѣса спали, горы стали.
Ib. 146.

Щука ныряетъ, трава прилегаетъ.
Ib. 147.

Летѣлъ *тень* на Петровъ день;
сѣлъ *тень* на пенъ, сталъ куко-
вать, къ сырой землѣ припадать.
Ib. 148.

Шли плотнички безтопорнички, сру-
били горницу безоконницу.
Ib. 155.

106. *Жнутъ. Бабка сноповъ.
Одонецъ и снопы.*

Сутулъ, горбатъ, все поле пере-
шелъ, всѣ суслоны перечелъ.
Ib. 148.

Девять братьевъ—подъ одной шап-
кой. Ib. 149.

Всѣ бояре подпоясаны, воеводы—
распоясаны.

107. *Молотятъ. Токъ.*

Летѣли птицы съ длинными носа-
ми, пѣли пѣсни: „таты-латы!
таты-латы!“ Ib. 152.

Лысый дѣдъ на небо глядитъ.
Ib. 154.

Ж. Вѣра. Праздники.—Понятія о жизни и смерти, душѣ и пр.—Обряды.—Грамота.—Загадки библейскаго происхожденія.

108. *Богъ и мѣсто.*

Что всего древнѣе на свѣтѣ и что
всего пространнѣе? Ib. 257.

109. *Душа.*

Ты—во мнѣ, а я—въ тебѣ.
Ib. 255.

110. *Нечистый.*

Безъ рукъ, безъ ногъ, безъ языка,
никто его не видитъ, ничего не
говоритъ, но каждаго страшитъ.
Ib. 257.

111. *Будни, воскресенье, пасха.*

Триста орловъ, пятьдесятъ соколовъ,
дерево сухое, верхъ — золотой.
Ib. 257.

112. *Великій постъ и пасха.*

Намощенъ мостъ на семь верстъ,
по конецъ моста — красная гора.
Ib. 258.

113. *Три поста.*

Летѣли три ворона, кричали въ
три голоса, — одинъ кричитъ:
„Я Петръ!“ другой кричитъ: „Я
Филиппъ!“ третій кричитъ: „Я
самъ великъ!“

114. *Купель.*

Озеро кругленько, берега узеньки;
кто въ немъ искупается — къ
царскимъ слугамъ причисляется.
Ib. 260.

115. *Крестины.*

На морѣ моринскомъ, на озерѣ озе-
ринскомъ два орла орловались,
однимъ яйцомъ подѣлялись.
Ib. 259.

116. *Жизнь и смерть.*

Кто бѣжитъ и кто гонитъ,—два
борца борются? Ib. 251.

117. *Смерть.*

На горѣ горынской стоитъ дубъ са-
рацинской; никто его не обой-
детъ: ни царь, ни царица, ни
красна дѣвица. Ib. 251.

118. *Вѣкъ, гробъ, смерть, люди.*

Стоитъ дерево среди свѣта, на немъ
птица немилостивая: она цвѣты
срываетъ, въ яму бросаетъ, яма
полна не бываетъ и цвѣтовъ не
убываетъ. Ib. 253.

119. *Гробъ.*

Сработанъ кафтанъ не на себя, ку-
пленъ не про себя, а кѣмъ изно-
шенъ, тѣмъ не виданъ.
Ib. 262.

120. *Похороны.*

Идутъ лѣсомъ, поютъ куролесомъ,
несутъ деревянный пирогъ съ
мясомъ. Ib. 261.

121. *Могила.*

Заѣдешь въ ухабъ, не выѣдешь ни-
какъ. Ib. 263.

122. *Бумага.*

Объ уголь не разобьешь, а объ воду
разобьешь. Ib. 215.

123. *Перо.*

Срѣжу голову, выну сердечко, дамъ
пить, станетъ говорить. Ib. 266.

124. *Письмо.*

- а) Сѣмя сѣро, руками сѣютъ, ртомъ
сымаютъ. Ib. 266.
б) За моремъ дубъ горить, оттуда
—искоря. Ib. 267.

125. *Книга.*

Не кусть, а листочками; не рубаш-
ка, а сшита; не человѣкъ, а раз-
сказываетъ. Ib. 265.

126. *Адамъ и Ева.*

- а) Не родился, а умеръ. Ib. 269.
б) Невѣстой не была, а замужъ
вышла. Ib. 269.

127. *Ковчегъ, голубь, вѣтка, Ной.*

На вольномъ свѣтѣ стоялъ вольный
городъ; къ этому городу нѣтъ
ни пути, ни дороги, а отъ этого
города идутъ пути и дороги. Въ
этомъ городѣ цѣлый міръ тол-
пится, а за ограду ступить бо-
ится; идетъ къ нему посолъ нѣмъ,
несетъ грамоту неписану, даетъ
читать царю неученому, — царь въ
руки взялъ и все прочиталъ.

Ib. 271.

128. *Лотова жена.*

Кто умеръ, да не истлѣлъ? Ib. 270.

129. *Море, жезлъ, Моисей,
Фараонъ.*

Замокъ водяной, ключъ дѣвяной,
заяцъ убѣжалъ, ловець утонулъ.
Ib. 270.

130. *Иона.*

Плыветъ гробъ по морю, а въ немъ
мертвецъ „иже херувимы“ поеть.
Ib. 271.

131. *Иля пророкъ.*

Кто родился, да не умеръ? Ib. 271.

132. *Лазарь.*

Одинъ разъ родился, а дважды по-
меръ. Ib. 272.

133. *Тѣло Христа.*

Подали двумъ старцамъ милостыню
краше царства небеснаго.
Ib. 272.

134. *Четыре Евангелиста.*

Четыре орла одно яйцо снесли, и
весь міръ питается. Ib. 273.

Stanford University Libraries

3 6105 124 447 157

PG
3110
V6

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

APR 17 1981

